

Продана
Самая дорогая ювелирная вещь
в истории человечества
1937

МЕРИ
КАММИНГС
КОЛЬЦО

Мери КАММИНГС
КОЛЬЦО
Mary CUMMINGS

Часть первая

Глава 1

Неширокую асфальтовую дорожку, проходившую вокруг парка, все называли просто кольцом. Длина ее была чуть больше мили, что очень устраивало тех, кто каждое утро делает пробежку. Можно было не задумываться о счете: одно кольцо — одна миля, два кольца — две... и так далее.

Как и на любой транспортной магистрали, здесь существовали свои правила и свой час пик. Примерно в шесть утра, когда только начинало светать, на дорожку выходили первые любители бега. За ними — собачники, стремившиеся побыстрее добраться до одного из входов в парк и отпустить своих любимцев с поводка. Часам к восьми бегунов становилось меньше, зато приходил черед студентов колледжа, находившегося за парком. Некоторые из них неслись по дорожке на скейтборде или роликовых коньках, распугивая редких, еще попадавшихся на пути любителей пробежки.

Часам к одиннадцати на кольце мало кого уже можно было встретить — а потом, к обеду, все повторялось в обратном порядке...

К сожалению, у городских властей несколько лет не доходили руки до того, чтобы отремонтировать изрядно потрескавшийся асфальт. Поэтому неудивительно, что колесо инвалидной коляски, попав в выбоину, резко вильнуло и соскользнуло с дорожки. Человек, сидевший в ней, замер в неудобной позе, откинувшись влево и изо всех сил пытаясь сохранить равновесие. Коляска застыла накренившись; сотовый телефон был закреплен справа, и любая попытка дотянуться до него привела бы к падению.

От злости и ощущения беспомощности на глаза наворачивались слезы. Что делать? Сидеть вот так и ждать, пока Бен, удивившись, что его так долго нет, решит пойти посмотреть, что же стряслось?

Можно, конечно, пренебречь всем, дотянуться до телефона — и

неизбежно упасть, и валяться потом в мокрой траве, как перевернутая черепаха, вызывая жалость случайных прохожих... черт бы их побрал! Или позвать на помощь кого-то из этих вот случайных прохожих. Или попытаться все-таки выпутаться своими силами. Если сильнее отклониться влево... От этого движения коляска дернулась как живая, начала медленно и неумолимо крениться — он замер, не дыша, тщетно пытаясь восстановить равновесие, и неожиданно услышал сзади шаги.

Ну вот... уже и добрые самаритяне на подходе. Теперь можно попросить помощи — авось не откажут несчастному калеке! А потом нужно будет улыбаться и благодарить... Эта мысль вызвала приступ невыносимой, застилающей глаза багровой пеленой ярости.

Просить не потребовалось — человек, подбежавший сзади, с одного взгляда оценил обстановку. Толчок... женский голос: «Осторожно!» — и коляска, выровнявшись и прокатившись пару метров, остановилась на безопасном месте.

— Сейчас, тут сбоку стопор... Вот и все! — раздался тот же голос.

Справа вынырнула легкая фигурка, встала перед ним, отряхивая руки.

И они замерли на мгновение, впервые увидев друг друга. Первое, что она подумала: «Какой красивый мужик!» А через секунду, вспомнив про коляску: «Как жалко...» И смутилась — она ожидала увидеть человека намного старше, а этому было едва за тридцать.

Волевое лицо с чуть впалыми щеками и выступающим подбородком, темные волнистые волосы и потрясающие сине-бирюзовые глаза. Никогда в жизни она не видела ничего подобного...

Но почему-то эти глаза смотрели с недовольным выражением, еще больше смутив ее.

Если бы ему предложили придумать ей имя, он назвал бы ее Джой — радость. Казалось, она вся переполнена радостью жизни, и от этого ей трудно устоять на месте. Длинные ноги нетерпеливо переступали, готовясь нести их обладательницу дальше, но, судя по дружелюбной, чуть смущенной улыбке, она ждала от него каких-то слов.

А говорить ничего не хотелось — хотелось просто разглядывать ее.

Волосы небрежно растрепанной пепельной шапочкой обрамляли узкое лицо с выступившими на верхней губе бисеринками пота. Тонкая и легкая, она все же не производила впечатления хрупкости или subtilности — скорее напоминала молоденькую скаковую лошадку с отливающей золотистым блеском шкурой и переливающимися под ней мышцами.

— Это вода? — спросила девушка, кивнув на бутылку, торчащую сбоку коляски.

От затянувшегося молчания становилось уже не по себе, а убегать, не сказав ни слова, казалось как-то неудобно.

— А? Да, конечно... Как я сразу не подумал! — Достав бутылку, он протянул ей. — Вот, пожалуйста!

— Плесни мне немного на руки! — попросила она, нагнулась и вытянула вперед ладони.

Торопясь, и сам удивляясь, почему так торопится, он отвинтил пробку и вылил на подставленные руки рассыпавшуюся веселыми брызгами струю.

— Куда, куда?! Хватит! — рассмеялась девушка, отряхнула руки и снова потянулась к бутылке. — Можно?

Запрокинув голову и почти не касаясь губами края бутылки, девушка сделала несколько глотков, после чего, оттянув ворот майки, плеснула немного воды и туда — на миг зажмурилась от удовольствия, встряхнула головой и вернула бутылку.

— Спасибо!

Сделала шаг назад, улыбнулась, махнула рукой и, повернувшись к нему спиной, побежала дальше по дорожке.

Весь вечер он думал о ней, восстанавливая в памяти малейшую подробность — как она запрокинула голову... улыбнулась... и под промокнутой майкой явно не было лифчика. Одернул себя: к чему все это?! Ему-то!

И снова вспоминал дружелюбные глаза, кажется, светло-карие? Да, точно, светло-карие! И как она пила, а по шее скатилось несколько капель воды. И ямочку на щеке, когда она улыбнулась...

На следующий день он поехал на кольцо сам — без обычного, ставшего уже почти традицией получасового препирательства: стоит или не стоит это делать; не стал привычно ссылаться на намечающийся дождь и срочную работу.

Обязательную ему мило решил на сей раз проехать против часовой стрелки — в конце концов, он же не обязан подчиняться неписаным правилам, принятым любителями пробежки! Да и приближающихся бегунов так будет лучше видно...

Дождь и правда вскоре пошел — холодный, мелкий и противный, заставивший его довольно скоро развернуться и уехать домой. В такую погоду болтаться по улице мог только законченный фанатик.

Он снова увидел ее только через три дня и, издали заметив

приближающуюся фигурку в светлой майке, сразу, еще не видя лица, понял, что это она.

Похоже, девушка тоже вспомнила его — во всяком случае, кивнула и махнула рукой. И в тот момент, когда их глаза встретились, он быстро достал из кармана коляски специально приготовленную бутылочку минералки и с улыбкой помахал ею в воздухе.

Ну вот, сейчас все должно решиться... Если она отмахнется и проскочит мимо, второй попытки он делать не станет. Хотя и эта была, наверное, ни к чему...

Но девушка без колебаний свернула к нему и приостановилась.

— Привет!

— Привет...

— Как дела?

— Нормально.

— Хочешь пить? — Он протянул минералку.

— Пожалуй...

Она сделала несколько глотков и вернула ему бутылку.

— Спасибо. Сегодня жарко.

Было не так уж жарко, но она разогрелась от бега. Щеки разругались, а ноги, как и в прошлый раз, нетерпеливо переступали на месте.

— Ник.

— Что? — Она непонимающе взглянула на него.

— Это меня так зовут. Ник Райан.

— А-а... — улыбнулась она и кивнула. — Нэнси.

Протянула руку — небольшую, но неожиданно сильную и жесткую. Пожала — коротко, почти по-мужски.

— Это имя тебе не подходит...

— Почему? — удивилась девушка.

— Когда я слышу «Нэнси», то всегда представляю себе что-то такое. — Он очертил ладонями в воздухе нечто круглое. — И с кудряшками.

— Тем не менее меня зовут именно так, — рассмеялась она, — и кудряшек у меня нет, — слегка взъерошила и без того растрепанные волосы.

Секундная пауза, пока он искал, что бы еще сказать, — и момент был упущен. Девушка отступила на шаг.

— Ну ладно, я пойду... — Прозвучало это так, словно она спрашивала у него разрешения. Ему оставалось только кивнуть.

Она отступила еще на шаг, улыбнулась, и через секунду ее уже не было

рядом.

Ник не стал оборачиваться ей вслед, хотя... пожалуй, хотелось... Усмехнулся, подумав, что в былые времена он на такую... простенькую дважды и не взглянул бы. Тогда ему нравились хрупкие маленькие стервочки, которых было приятно сначала довести каким-то пустяком до истерики, а потом тут же получше утешить.

А сейчас... зачем это все?!

— Привет!

— Привет...

— Почему тебя вчера не было?..

— Проспала. Так снаружи мрачно и слякотно было — не хотелось из-под одеяла выбираться...

— А ты в дождь не бегаешь?

— Когда как. Вообще-то надо, но не всегда удается себя на улицу выпихнуть...

— Привет!

— Привет...

— Ты что, простудился?

— Да ну... Так!.. Хочешь кофе глотнуть? У меня термос с собой...

— Давай!

Они ни о чем не договаривались, но встречались теперь почти каждый день. Так получилось...

Короткий разговор, три-четыре фразы, иногда пара глотков воды или стаканчик с кофе. Один раз — печенинка. Как-то он предложил ей сэндвич — Нэнси отказалась, сказав, что на полный желудок тяжело бежать.

— А тебе еще далеко?

— Больше половины.

Так он узнал, что она живет за парком — наверное, в одном из двух многоквартирных домов рядом с колледжем.

— Привет!

— Привет...

— Завтра я, наверное, не приду...

— Чего так?

— К зубному надо. Ужасно не хочется...

— Привет!

— Привет...

Глава 2

Когда Нэнси пропала, он не сразу забеспокоился. И раньше бывало, что она исчезала на пару дней — особенно в плохую погоду — а потом, смеясь, говорила, что так и не сумела выпихнуть себя под дождь.

Но погода стояла более или менее приличная, даже солнце порой проглядывало...

Прошло два дня... три... неделя. А девушка все не появлялась...

Неприятнее всего было думать, что она сменила время пробежек или вовсе перестала бегать из-за него, что ей стало почему-то неприятно встречаться с ним... Хотя непохоже... он же не позволял себе ничего особенного и ничем не мог ее обидеть.

А может, она заболела... или еще что-то случилось?

Он никогда и ни о чем ее не спрашивал. А почему, собственно? Не хотел, чтобы о чем-либо спрашивала она? А в результате он даже не знает ее фамилии.

И возможно, так никогда и не узнает, что произошло...

Прошло десять дней. Ник наконец понял, как все это глупо, и перестал часами торчать на кольце, уговаривая себя, что надо еще немного подождать — и вдалеке мелькнет знакомая фигурка.

Он сам знал, что характер у него не из лучших, — как знал и то, что в последние дни совсем сорвался с тормозов. Придирался ко всем по пустякам: ни с того ни с сего заявил миссис Фоллет, что она вечно все недосаливает (в результате получил на завтрак пересоленный омлет), а Бену рывкнул, что стрельба, раздающаяся из дурацкого ящика, мешает ему работать, правда, тот давно привык к его выходкам, и даже не подумал убавить звук.

Мешает работать... Из окна кабинета хорошо просматривался небольшой участок дорожки — вот туда Ник непрестанно и смотрел, вместо того чтобы заниматься делом...

Глупо... Она же не обязана появляться на кольце каждый день. Решила больше не бегать, и все. А может, ногу подвернула? Или простудилась — и лежит сейчас одна с температурой?..

А почему обязательно одна? Может, и не одна... может, она вообще замужем! У нее своя семья, свои проблемы, своя жизнь — какое ей дело до него и до его беспокойства?!

На самом деле их отношения и отношениями-то, строго говоря, назвать нельзя — так, несколько фраз на бегу...

Когда она появилась, Ник не поверил своим глазам. Подумал, что обознался, начал всматриваться, но девушка уже исчезла из поля зрения.

Выбираться сейчас на дорожку, чтобы проверить, действительно ли это Нэнси, было уже поздно: обычно она пробегала всего милю. Он убеждал себя в этом, одновременно разворачиваясь к телефону. Нажал кнопку и заорал на весь дом:

— Бен, иди сюда!

Услышав, что Ник прямо сейчас, немедленно, хочет поехать погулять, Бен пробормотал сквозь зубы: «Семь пятниц на неделе». Ник и сам знал, что ведет себя глупо — даже если это Нэнси, то второй раз сегодня она здесь уже не появится. Придется ждать до завтра и, скорее всего, только для того, чтобы убедиться, что ошибся...

На кольце было пусто. Ник решил, если уж выбрался, проехать обязательную милю — не возвращаться же сразу домой выслушивать новые комментарии Бена! Чувствует себя, видите ли, незаменимым и разболтался окончательно!

Нэнси он увидел издалека и не стал больше убеждать себя, что это не она и что он ведет себя глупо, — просто смотрел, как она приближается. Заметив его, девушка побежала быстрее.

Добежала, остановилась, выдохнула:

— Привет! — и рука ее, словно так и полагалось, скользнула в подставленные им ладони.

Вместо нейтрального: «Привет, как дела, давно тебя не видел...» — Ник от охватившего его чувства радости неожиданно для себя выпалил то, что вертелось на языке:

— Куда ты делась?! Я уж не знал, что и думать!

— Работы было много. Я даже хотела тебя предупредить, что эти дни меня не будет, но твоего телефона нет в справочнике... — Заметив, что он все еще держит ее за руку, она смущенно отняла ее.

— Хочешь, я дам тебе?

— Давай... только мне записать не на чем.

— У меня найдется. — Ник торопливо достал ручку и блокнот.

Записывая номер, он незаметно посматривал на нее. Выглядела Нэнси и вправду усталой: слегка бледное лицо, темные круги под глазами, словно она уже несколько дней не высыпалась. Но то ощущение радости жизни во всей ее фигуре, которое еще при первой встрече так поразило его, осталось прежним.

— Вот, возьми. — Он протянул ей листок.

— Спасибо. — И, заметив, что Ник не убирает блокнот, словно

сомневаясь, она спросила: — Ты... хочешь мой?

— Да, если можно.

Она продиктовала номер.

— Ну записывай: Нэнси Тревер.

— Ты одна живешь или с кем-то? — Девушка удивленно взглянула, и Ник быстро пояснил: — Я просто не хочу нарваться на какого-нибудь ревнивого любовника, которому тебе придется потом объяснять, кто это звонит.

— Да нет, не беспокойся, с последним ревнивым любовником я распрощалась еще месяца четыре назад.

— Что так?

Нэнси слегка поморщилась, и он тут же постарался загладить собственную бестактность:

— Извини, я не подумал... тебе, наверное, неприятно об этом говорить...

— Да нет, просто ноги болят, стоять тяжело. Я эти дни совсем не бегала, а тут на вторую милю решилась... и, похоже, слегка перебрала. — Она нагнулась, помяла икру и снова поморщилась.

— Как же ты сейчас побежишь дальше?

— А я пешком, через парк пойду.

— Завтра появишься?

— Не знаю... наверное... Звони, если что... — И, после короткой паузы:

— Ну, я пошла?

— Счастливо...

Он провожал Нэнси глазами, пока она не свернула в парк, жалея, что не задал ей еще один вопрос, и понимая, что на самом деле никогда в жизни не сможет задать его. Почему она «решилась» на вторую милю? Уж не потому ли, что не встретила его на первой? Хотя, пожалуй, думать так было бы чересчур самонадеянно...

Чувство реальности вернулось к нему только вечером, после того как Бен, ловко и привычно проделав все так называемые гигиенические процедуры, уложил его спать.

Ник обычно засыпал не сразу — лежал в темноте, прокручивая в памяти события дня и прикидывая, что необходимо сделать завтра. Рядом с кроватью всегда лежал блокнот, и порой, когда в голову приходили какие-то интересные мысли, он включал свет и записывал их.

Но сегодня записывать было нечего. Он лежал и вспоминал, как Нэнси увидела его, и обрадовалась, и побежала к нему. И руку — прохладную и чуть дрожащую. Такую... живую... И она помнила о нем, и даже хотела его

предупредить... Неважно, что не предупредила, — главное, что хотела. И завтра, если она не придет, можно будет ей позвонить...

Отрезвление наступило внезапно: еще секунду назад он улыбался, вспоминая, как она, смущенно и неловко переступая с ноги на ногу, осторожно убрала свою руку, — и вдруг застыл, словно покрывшись снаружи и изнутри коркой льда. Что это за всплеск адреналина, черт возьми?! Он что, с ума сошел? Забыл, кто он и что он? Нормальная, здоровая женщина — и жалкий обрубок, которого и мужчиной-то назвать нельзя! А он уже напридумывал невесть что... целый роман себе вообразил!

Всю ночь он почти не спал. Утром, увидев его застывшее и перекошенное лицо, Бен, но своему обыкновению, буркнул что-то про тигра с зубной болью — в ответ на это Ник выдал ему на всю катушку, рявкнув:

— Хочешь сказать что-то — говори вслух! Не устраиваю — убирайся! Кто еще тебе такую зарплату платить будет и терпеть все твои выходки?!

Выходки и приступы дурного настроения на самом деле вынужден был терпеть Бен. Ник прекрасно понимал это, в глубине души ему было совестно — и от этого он злился еще больше.

Звонок раздался в половине одиннадцатого, когда Ник уже собирался ехать на кольцо.

Еще не взяв трубку, он понял, что это Нэнси...

— Ник?

— Привет!

— Привет...

— Как дела?

— Ник, я сегодня не приду...

— Что так? — спросил он, стараясь не подать виду, как тоскливо сразу стало.

— Нога все еще побаливает, — начала объяснять она, — и дождь собирается... — и неожиданно рассмеялась: — Ладно, если честно, я просто проспала. Я только сейчас проснулась — и сразу решила позвонить, чтобы ты не ждал...

— Ну ладно... нет так нет. Спасибо, что предупредила...

Наступила короткая пауза, потом Нэнси сказала неуверенно:

— Ну, пока?.. — словно стояла рядом.

Нику показалось, что ей так же не хочется класть трубку, как и ему. Словно не сказано еще что-то очень важное...

— А что у тебя сегодня на завтрак? — Первое, что пришло в голову, спросил он — просто чтобы поговорить еще немного.

— Не знаю... посмотрю, что-нибудь наверняка завалялось в холодильнике. Я второй день выходная и вчера даже за покупками поленилась выйти.

— А у меня яблочный пирог есть... Я к тому, что... хочешь, приходи — позавтракаем вместе!

Даже если бы его сейчас пригрозили убить, Ник не смог бы ответить на вопрос, откуда выскочил вдруг этот пирог?! Никакого пирога в доме не было...

Из трубки после короткой паузы раздалось неуверенное:

— Что... прямо сейчас?

— Ну да!

Сердце его лихорадочно колотилось, в голове пронеслось: «Не надо было этого делать!» Сейчас она откажется, и им обоим будет неудобно...

— Я не знаю... У меня мороженое, кажется, есть. Как ты считаешь, оно к пирогу пойдет? — В голосе Нэнси по-прежнему звучало сомнение, но на отказ эти слова не были похожи.

«О господи, где взять пирог?!» — мелькнуло в голове, и, пока она не успела передумать, Ник сказал:

— Сейчас я тебе объясню, как до меня добраться. Это совсем недалеко...

Глава 3

С пирогом ему повезло: миссис Фоллет, которую он поймал почти в дверях, сообщила, что яблок в доме нет, зато в морозилке есть вишневый пирог — полуфабрикат, который будет готов за полчаса. Ник с радостью согласился на замену — он боялся, что сейчас придется звонить в какой-нибудь ресторан, а потом нервничать — успеют или не успеют привезти?!

В ответ на заявление Ника, что сейчас к нему придут и он сам откроет дверь (иными словами — не высовывайся!), Бен повел себя несколько эксцентрично: пригнулся, посмотрел из окна кабинета и выдал странную реплику:

— Отсюда же ни фи́га не видно!

Нику было сейчас не до того, чтобы выяснять, что он имеет в виду... Через час дождь лил уже вовсю, и, когда внезапно зазвонил телефон, у Ника все оборвалось внутри: сейчас она скажет, что не придет... Но звонок,

слава богу, был по работе.

Сердце колотилось, во рту было сухо, и он в десятый раз прикидывал, все ли сделал правильно. Переоделся... а может, лучше менее официально, без галстука и крахмальной рубашки?! Побрился еще раз — непонятно зачем, ведь он уже брился с утра. Съел мятную конфетку — вот это уже совсем глупость, с ним никто не собирается целоваться!

И вообще, чего так переживать из-за случайного визита едва знакомой девушки?!

Дождь зарядил всерьез именно в тот момент, когда Нэнси находилась на середине парка, а зонтик от резкого порыва ветра, как назло, вывернулся наизнанку. Проведя пару минут в тщетной борьбе с ним, она поняла, что это бесполезно, и, сунув его в урну, понеслась бегом. К тому времени, когда она нашла нужный дом, вода уже текла с нее ручьем.

Стоило ей подойти к калитке, как та, щелкнув, приоткрылась. Нэнси понимала, что выглядит как мокрая курица, но отступать было поздно — не поворачивать же обратно! Глядя под ноги — дождь заливал глаза, — она побежала по дорожке к дому и, лишь почувствовав, что сверху больше не льет и откуда-то пахнуло теплом, приостановилась и подняла голову.

Сверху был навес, впереди открытая дверь, а за ней Ник, смотревший на нее во все глаза. Как она выглядит, Нэнси поняла по вырвавшемуся у него короткому возгласу:

— О господи! — Впрочем, он тут же сделал рукой приглашающий жест: — Заходи скорее!

Она зашла и остановилась у двери — вокруг ног тут же образовалась небольшая лужица. Попыталась пошутить:

— Как мокрая курица, да?

— Хуже... — рассмеялся Ник. — Как утопленница! Пошли! — Взял ее за руку и потянул за собой.

Руки так застыли, что вначале Нэнси даже не ощутила тепла — только прикосновение. Вдруг вспомнила и остановилась, плохо слушающимися пальцами вытаскивая из сумки пакет.

— Это мороженое. Положи в морозилку, а то растает.

Он улыбнулся:

— Да, вот только этого тебе сейчас и не хватает! — Забрал мороженое, довел ее до какой-то двери: — Там висит халат. Переоденься, а я тебе сейчас тапки принесу.

Уже закрыв дверь, Нэнси услышала:

— Развесь все мокрое на решетке, я сейчас включу. — Через несколько секунд из напольного кондиционера с шумом подул теплый воздух.

К этому времени она наконец вытерла лицо и смогла оглядеться. Увидев такую роскошь, как теплая подушка, подошла и встала над ней, просушивая полотенцем волосы и продолжая осматриваться.

Ванная была огромная и какая-то очень мужская. Никаких декоративных элементов, на низкой полке вдоль ванны — совсем немного флаконов. Кафель цвета слоновой кости, светло-золотистые ручки кранов и еще какие-то странные, во всю длину ванны, металлические поручни того же золотистого цвета.

Только теперь Нэнси вдруг поняла, почему на полу нет коврика и зачем раковина и все остальное закреплено так низко — чтобы все это можно было достать, сидя в коляске... И покраснела: как-то у нее до сих пор не укладывалось до конца в голове, что Ник не может ходить. И испугалась: не дай бог, забудет и ляпнет при нем что-нибудь не то...

Голос из-за двери прервал ее мысли:

— Тапки у двери!

Она заторопилась, быстро стащила с себя все мокрое и разложила на решетке, поставила туда же промокшие насквозь туфли.

Услышав щелчок задвижки, он крикнул:

— Я здесь, налево по коридору! — И через несколько секунд она появилась в гостиной.

Ник весело рассмеялся: в волочащемся по полу халате, с торчащими из-под него задниками огромных тапок она напомнила ему Маленького Мука из сказки — только чалмы не хватает! Однако он тут же заставил себя принять серьезный вид: вряд ли хоть одна женщина восприняла бы подобное сравнение адекватно.

Вид у нее был уже менее замерзший. Она остановилась, оглядываясь. Ник специально подгадал, чтобы именно в этот момент зажегся огонь в большом, на полстены, камине.

— Проходи, садись, грейся, — кивнул он на кресло, — а я сейчас завтрак принесу. Тебе чай или кофе?

— Кофе.

Он уже направлялся в сторону кухни, когда Нэнси спросила вслед:

— Может, тебе помочь?

Эти слова, напомнившие Нику, кто он, мгновенно пронзили его резкой болью.

— Обойдусь! — Вырвалось у него прежде, чем он сообразил, что в этом вопросе нет ничего особенного и что то же самое Нэнси, пожалуй, могла сказать и будь он абсолютно здоров — женщины часто считают своим долгом предлагать мужчине помощь на кухне.

Он затормозил и развернулся: девушка стояла, недоуменно сдвинув брови.

— Пойдем. Правда поможешь... — Он постарался сказать это как можно тепже, сделав вид, что ничего не произошло. — Пойдем!..

Морщинка между бровями разгладилась, и Нэнси с улыбкой шагнула вперед.

Все происходившее казалось ему чудом. Еще два дня назад Ник не знал, увидит ли ее когда-нибудь снова, а сейчас она сидела напротив, совсем близко, и ела пирог...

Он понимал, что завтрак скоро закончится и может наступить неловкая пауза, после которой Нэнси взглянет на часы и скажет, что ей пора. И очень не хотел, чтобы это произошло. Было так славно сидеть и разговаривать с ней... неважно о чем.

— Хочешь ликера? — неуверенно спросил он.

С одной стороны — спиртное — утром... еще решит, чего доброго, что он пьяница! С другой — к кофе вроде подходит... да и повод еще немножко посидеть.

— Да, наверное, можно... — согласилась она.

Весь этот дом был сделан «под него», и пультом Ник пользовался почти автоматически. Но для Нэнси подобные фокусы явно были в новинку, и, когда от почти незаметного движения руки полка на стене напротив камина с музыкальным звоном повернулась, уступив место зеркальному мини-бару, в глазах ее он увидел живой интерес.

— Здорово! Я такое только в кино видела... А как ты это сделал?

Он с удовольствием продемонстрировал, как с помощью пульта можно задернуть занавески, плавно притушить люстру, включить стереосистему и открыть экран большого плоского телевизора.

— Я тебе все покажу. Ты ведь еще не торопишься?

— Нет, мне только в воскресенье на работу, — качнула головой Нэнси.

— А кем ты работаешь?

— Бест-боем.

Ответ был столь неожиданным, что Ник, направлявшийся к бару, с удивлением обернулся.

— Вот уж на мальчика ты явно не похожа!

— Да нет, — рассмеялась она, — это должность так называется. На самом деле — помощник главного бутафора на съемках.

— А-а, да, я в кино в титрах видел, — вспомнил Ник. — Никогда только не знал, что же это значит...

— Обычно бывает два бест-боя — один у главного электрика и второй

— у бутафора. Только я не в кино, я в телесериале.

— А в каком?

— «Лестница». Это дневной сериал для домохозяек — каждый день по сорок минут, кроме выходных. Обычно сегодня снимаем — и на завтра уже все смотрят. Просто наша звезда, Мэрион Креннер, решила поехать отдохнуть, поэтому мы две недели снимали по полторы серии в день, вперед как бы, чтобы на всю эту неделю хватило, и теперь вся бригада до воскресенья свободна.

— А в воскресенье?

— Она уже приедет, и на понедельник будем снимать.

— И снова каждый день?

— Да, с двух до десяти вечера.

— Не боишься так поздно домой возвращаться?

— А что делать? — пожав плечами, усмехнулась она. Приняла рюмку с ликером, пригубила и улыбнулась. — М-м... «Шамбор»... Давно не пробовала...

Ника поразило, что с первого глотка она узнала ликер, которого он лично вообще никогда не пробовал — выписал по каталогу на всякий случай, бутылка понравилась. А стоила эта бутылочка больше ста долларов. Интересно...

— Ничего, еще полгода — и все, — с мечтательной улыбкой сказала Нэнси, сделав крохотный глоток ликера.

У него мелькнула мысль, что ее губы благоухают сейчас пьянящим ароматом свежей малины. Протянуть руку... дотронуться до плеча... притянуть к себе...

Рука слегка дрогнула, но Ник заставил себя опомниться, уцепившись за последнюю фразу.

— Что — все? Летом сериал закончится?

— Да нет... он закончится раньше, в феврале. Потом еще на несколько месяцев куда-нибудь пристроюсь, а летом брошу все и уеду учиться.

— Куда?

— В Европу. В Италию или во Францию — я до сих пор еще не решила...

— А кем ты хочешь стать?

— Режиссером. Хочу снимать свои фильмы.

— А у нас этому не учат?

— Учат. Но мне хочется пожить в Европе, поездить, посмотреть... Спасибо. — Она поставила на стол пустую рюмку.

— Еще?

— Нет, спасибо...

На мгновение в комнате наступило молчание — та самая неловкая пауза. И затем последовали слова, которых Ник так боялся:

— Как думаешь, моя одежда просохла?

— Ты уже хочешь уходить? — Он надеялся, что в его голосе не слишком явно выразилось разочарование.

— Ну... я у тебя и так отняла слишком много времени...

— Не страшно... — Ник сумел взять себя в руки и улыбнуться: — И потом, ты еще не посмотрела дом... и дождь на улице...

Глава 4

Ушла она довольно скоро — стоило дождю ненадолго приутихнуть, Нэнси тут же заторопилась, сказала:

— Ну, я, наверное, пойду? — И на его огорченное: «Ты так дом и не посмотрела...» — улыбнулась: — В следующий раз...

Ни к чему не обязывающее — но все-таки обещание... Уже за калиткой Нэнси обернулась, помахала рукой и заторопилась, поглядывая на хмурящееся небо. Ник смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду, потом вернулся в гостиную и плеснул в ее рюмку немножко «Шамбора» — просто попробовать. Пригубил, закрыл глаза... Действительно, малиной пахнет...

С небес на землю его вернул голос Бена:

— А она ничего...

— Да, — кивнул он, не открывая глаз. — Но ты же знаешь...

— Знаю. Ну и что?

— Ну и что?! — Ник резко вскинул голову — от ощущения радости, которое он всеми силами пытался продлить, не осталось и следа. И тут же сник — Бен-то чем виноват? Усмехнулся: — Ладно... пошли...

Массаж... гигиенические процедуры... тихий час — все как обычно. И снова:

— Привет!

— Привет...

— Ну, как вчера добралась? Не вымокла снова?

— Да нет, слава богу, успела добежать...

Прошло несколько дней, прежде чем он решился напомнить ей об обещанном (ну, почти обещанном) «следующем разе».

— Нет, сегодня не могу, — замотала головой Нэнси и, прежде чем он

успел спросить еще что-то, добавила: — И завтра тоже. Завтра у меня вообще весь день занят — подруга переезжает, просила помочь, так что я с утра к ней поеду.

— А в субботу?..

Если и тут найдется причина — это будет уже похоже на вежливый, но окончательный отказ...

— Пока не знаю. С утра на кольцо увидимся — тогда скажу точно.

В субботу с утра зарядил такой дождь, что ни о какой пробежке явно не могло быть и речи. Поэтому он решил позвонить сам и напомнить о приглашении.

К его удивлению, к телефону подошел мужчина. Ник попросил позвать мисс Тревер (решив, на всякий случай, поименовать ее официально), и через несколько секунд он услышал ее голос:

— Алло?

— Это Ник. Я некстати?

— Нет, ну что ты, я буду очень рада тебя видеть!

— Это для меня сказано или для того типа?

— Ну разумеется!

— Неприятности?

А даже если и так — он-то что может сделать?!

— Нет-нет, он уже уходит...

— А если серьезно, так как насчет сегодняшнего вечера?

— Да, конечно!

— Это на самом деле или для него?

— На самом деле. — В ее голосе послышался смех. — И я тебя тоже очень люблю!

— Часов в пять — устраивает?

— Да-да. Целую! Жду!

Появилась Нэнси в полшестого. Выглядела она непривычно. Он уже видел ее всякой: в спортивных брюках и майке, или в куртке; вымокшую до нитки; утопающую в его халате до пят, но такой элегантной — еще ни разу.

На ней были свободные темно-зеленые брюки, туфли на высоком каблуке и короткое светлое пальто с разрезами — весьма модное и, насколько Ник мог судить, не из дешевых. На плече висела сумочка на длинном ремешке, из ворота выглядывал яркий шарфик. И держалась она с небрежным шиком женщины, привыкшей к подобным вещам и умеющей их носить...

Все это он успел заметить за то короткое время, пока Нэнси шла от

калитки до дома. Шагнула в дом, прикрыла дверь и почти привычно уже скользнула рукой в подставленные ладони.

— Привет!

От нее пахло чем-то свежим, похожим на только что скошенную траву.

— А где же «целую»? — шутливо-разочарованно протянул Ник.

Она улыбнулась, без малейшего колебания нагнулась и дотронулась губами до его щеки.

— Вот, пожалуйста!

Отступила на шаг, ища глазами, куда бы повесить пальто, и вздрогнула, когда перед ней, словно сама собой, отъехала в сторону дверца стенного шкафа.

Камин в гостиной уже горел.

— Устраивайся! — Ник кивнул на кресло и все-таки не удержался, чтобы не поинтересоваться: — Ну так что же все это значит?

Нэнси сразу поняла, о чем он спрашивает, и неожиданно рассмеялась:

— То, что ты мне сэкономил как минимум тридцатку!

— Каким образом?

— Помнишь, я тебе говорила, что четыре месяца назад разбежалась со своим парнем?

Ник кивнул.

— Ну так вот, он периодически появляется, нудно клянется в вечной любви и просится обратно. В конце концов довольствуется полсотней долларов и исчезает до следующего раза. А сегодня ты позвонил очень кстати: я тут же сказала ему, что у меня новый бойфренд, страшно ревнивый. Так что, если он не хочет лететь кубарем с лестницы, пусть соглашается на двадцатку и уматывает поскорее! Ну он поверил и ушел!

— Но двадцатку взял?

— Разумеется! — снова рассмеялась она.

— И чем же перед тобой провинился бедняга, что ты не хочешь принимать его вечную любовь? — То, как легко она рассказывала об этом, настроило Ника на шутливый лад.

Нэнси поморщилась, как и в прошлый раз, но ответила:

— Я пришла домой пораньше... Дальше ясно, да? — и продолжила, смеясь, но уже не так весело и беззаботно, как до того: — Сцена получилась дурацкая — он меня увидел, начал отпихивать девицу, заорал: «Нэнси, ты все неправильно поняла!» А она... голая... ничего не соображает, за него цепляется... Интересно, а как это еще можно было понять?!

Смех оборвался так же внезапно, как и начался. Нэнси вздохнула и

пожала плечами.

— Извини... за подробности. Глупо, правда?

— Да уж... А теперь он приходит клянчить у тебя деньги?

— Он все еще пытается убедить меня, что каждому человеку положен в жизни второй шанс. А деньги это так, между делом. — Нэнси невесело махнула рукой. — Ладно, давай о чем-нибудь другом поговорим. А то ты меня все спрашиваешь — а я про тебя ничего не знаю.

То, что теперь определяло почти всю его жизнь, было видно невооруженным глазом, но Нику не хотелось говорить об этом.

— У меня своя фирма... инвестиции, в основном связанные с горными разработками, — так вышло, что я в этом немного разбираюсь...

Нэнси понимала, что зря рассказала ему эту дурацкую историю, и ей было слегка не по себе. Впрочем, рядом с Ником она все время чувствовала себя немножко неловко, как и обычно в обществе привлекательных мужчин. Она долго не могла вспомнить, кого он ей напоминает, и только потом поняла, что он очень похож на Рея Милланда, только жестче и как бы... более нервный, что ли.

Когда он улыбался или протягивал ей руку, у нее внутри все вздрагивало. Она прекрасно знала эти симптомы и с легким ужасом понимала, что стремительно влюбляется — глупо, по-детски, почти как школьница, но остановить себя уже не могла...

— ...Офис компании на Манхэттене — а я работаю здесь...

Кабинет поразил ее, как и все в этом доме, который она потихоньку, про себя назвала «домом будущего», — он был похож на кабину космического корабля. Огромные плазменные экраны, непохожие на обычные компьютеры, — на одном все время мелькали какие-то цифры; полукруглый блестящий стол с несколькими клавиатурами — и еще какие-то приспособления с мигающими цветными огоньками.

— Ну, как тебе? — поинтересовался Ник.

— Обалдеть! — честно ответила она. — Фантастика!

— Вот тут я и зарабатываю деньги! — Глаза его весело блеснули — сейчас он был похож на мальчишку, хвастающегося новым велосипедом.

— И получается? — спросила Нэнси, подхватив его шуточный тон.

— Еще бы!

— Наверное, ты ужасно умный?

— Я ужасно умный! — с серьезным видом подтвердил он, не выдержал и захохотал. Продолжая смеяться, взял ее руку и зажал между ладонями, легонько поглаживая. — А сейчас я тебе покажу нечто совсем-совсем другое. Не такое... современное. Пошли! — И нетерпеливо потянул ее за

собой.

Нэнси почти бежала, еле поспевая за ним. Дома у него была другая коляска — не та, ручная, благодаря которой они познакомились, а электрическая, бесшумная и с маленькими колесиками — она так стремительно двигалась, поворачивалась и застывала на месте, словно была частью его тела. Нэнси в прошлый раз не поняла, как Ник управляет ею, и только теперь заметила блестящие шары на концах подлокотников, к которым он слегка прикасался кончиками пальцев.

Короткий коридор, поворот, и он затормозил перед очередной дверью. Пробежал пальцами по пульта — дверь распахнулась, и вспыхнул свет.

— Прошу!

Это была библиотека с невысокими — до верхнего ряда можно достать рукой — стеллажами. Книги, стоявшие на них, даже на расстоянии выглядели солидными, научными. Но внимание Нэнси привлекло другое — то, что было над книгами.

На фоне темных деревянных панелей, покрывавших стены, сверкали и переливались... замороженная, она даже не сразу нашла нужное слово — камни. Точнее, предметы, сделанные из камня.

Белый медведь или, скорее, желтоватый, четко выделяющийся на фоне подставки из льдисто-белого камня. И яркий попугай с распростертыми крыльями и распахнутым клювом. И мозаика — воющие волки при свете луны, и часы, и ваза с серебряной окантовкой...

Нэнси не сразу почувствовала, что ее рука свободна.

— Походи, посмотри, если хочешь.

Она обернулась.

— Это... тоже ты?!

Ник кивнул и, видя, что она продолжает смотреть на него, пояснил:

— Я вообще-то по образованию геолог. И всегда любил камни, даже в детстве коллекцию собирал. А последние несколько лет начал делать такие штуки. У меня здесь, в доме, мастерская есть, я тебе потом покажу.

Нэнси присела на корточки — ей было неудобно смотреть на него сверху вниз. Для удобства оперлась о подлокотник его кресла, не сразу поняла, что вместо подлокотника ее локоть упирается ему в колени — и испуганно дернулась, с трудом удержав равновесие.

— ...Я разные техники пробовал, видишь — и по слоновой кости резьба есть, и мозаика, — продолжал Ник, — а что удачно получилось — здесь поставил... — И в этот момент заметил ее резкое движение. Лицо его как-то сразу отвердело, он запнулся и тихо сказал: — Н-не бойся. — Быстро и нервно потряс головой и похлопал ее по локтю. — Ты не сделаешь мне

больно — я там... ничего не чувствую.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Ты никогда не спрашивала меня, как это, — кивнул он вниз, на ноги, — получилось.

Нэнси неловко и, наверное, некстати улыбнулась.

— Я не люблю страшных историй.

— Да тут и рассказывать особо не о чем, просто автомобильная катастрофа...

Они набились в машину ввосьмером — на заднем сиденье была сплошная мешанина из рук и ног. Все изрядно выпили, и всем было море по колено.

Ник сидел сзади, а на коленях у него устроилась девушка Билли — он даже не помнит теперь, как ее звали, но тогда, в давке, сунул ей руку под юбку, и через минуту девчонка уже стонала ему в ухо: «Еще! Еще...»

Он быстро прикинул, что до места миль пятнадцать — все вокруг галдят и ерзают, и если по-быстрому...

Удара Ник не почувствовал. Очнулся он в реанимации, через три дня.

Билли умер на месте, не приходя в сознание. Та девчонка прожила еще немного, потом ей отключили аппаратуру — врачи сказали, что кома необратима. Из всей компании остались в живых только трое.

Смешнее всего, что не Билли, севший за руль пьяным, был виноват в аварии. Отказали тормоза у несущегося по поперечной дороге трейлера, который смял их «форд» в лепешку.

— ...Грузовик сорвался с тормозов, и... в общем, потом фирма выплатила компенсацию. — Ник вздохнул. — Ладно, пойдем лучше я тебе покажу мастерскую.

Первое, что бросилось ей в глаза в мастерской, это еще один компьютер с большим плоским экраном.

— Тут я делаю модели, — показал на него Ник, — все рассчитываю, подбираю материал, а потом уже начинаю работать вон там, — махнул пультом на длинный стол, над которым тут же загорелся свет.

Он провел ее вдоль длинной полки, где лежали куски и плитки разноцветного камня, небрежно бросая:

— Это агат с Сицилии, а это рисунчатая яшма — тут, если удачно отрезать, иногда целые картины появляются. А, вот, кстати!

Повернул камень — на отполированном месте размером с ладонь виднелся фантастический пейзаж, похожий на заросли красных деревьев под зеленым небом.

— И ты уже знаешь, что ты с этим сделаешь? — Нэнси осторожно обвела пальцем одно из деревьев.

Ник покачал головой.

— Я не знаю, сумею ли когда-нибудь это все использовать, просто мне нравится, что они у меня есть. Я тебе говорил, я вообще люблю камни.

— А это что? — показала Нэнси на большой деревянный ящик, наполненный серыми пыльными шарами размером с арбуз, похожими на комья застывшего бетона.

— Это жеоды, мне из Аризоны недавно прислали. — В ответ на ее вопросительный взгляд Ник пояснил: — Ну... это вроде пузырей из камня. Там внутри могут быть кристаллы или агаты — или ничего, как получится.

Нэнси снова посмотрела на серые шары — ей страшно захотелось узнать, что в них! И тут Ник, очевидно уловив вопрошающий взгляд девушки, хлопнул ее по руке и с улыбкой кивнул на ящик:

— Выбирай... распилим один, посмотрим, как тебе повезет!

Жеода оказалась отменной, как по заказу: зеленая порода, затем слой светло-серого агата с ровными темными полосками, а внутри — льдистый кварц, плавно переходящий в аметистовую щетку с крупными, чуть ли не в фалангу пальца, розовато-лиловыми кристаллами.

При виде такого великолепия Нэнси расплылась в счастливой улыбке.

Ник сделал небрежный вид — мол, и не такое видали! Но потом не выдержал и рассмеялся — уж очень восторженные у нее были глаза! Взял половинку жеоды, взвесил на руке.

— Я тебе из этого куса ночник могу сделать... Хочешь?

Судя по всему, от столь щедрого предложения она просто онемела. Молча закивала и лишь через несколько секунд спросила:

— Ночник? А как?

— Пойдем, у меня в спальне такой стоит, посмотришь!

У двери спальни он на секунду затормозил, подумав, что подобное приглашение может быть истолковано неверно. Или это только у него мысли все время сворачивают не в ту сторону? Скорее всего, она его как мужчину и не воспринимает... И правильно делает.

Внутри стало пусто и холодно. Захотелось, чтобы Нэнси сейчас же исчезла, ушла обратно, в свой мир нормальных здоровых людей, и оставила его в покое!

«Ладно, пригласил — терпи! — подумал он. — Тем более что впереди еще ужин... Кроме того, если она уйдет... когда она уйдет, ты снова будешь, как последний идиот, места себе не находить и ждать новой встречи!»

Нэнси заметила эту короткую паузу и взглянула на пульт — наверное, подумала, что с первого раза не сработал...

Ночник на тумбочке у кровати был тоже из жеоды — белая полупрозрачная порода и коричневые кристаллы, красиво отблескивающие золотистыми бликами. Ник щелкнул выключателем, и ночник послушно начал переливаться медленными волнами янтарного света.

— Вот... а твой будет розовым светиться.

Нэнси сидела на кровати, совсем близко, и как замороженная смотрела на мерцающий свет. Оставалось только протянуть руку и обнять за плечи, и притянуть к себе, и дотронуться губами до шеи... и впитаться в нее, и ощутить под рукой атласную, льнущую к пальцам кожу, и...

Он отъехал немного назад, щелкнул пультом — загорелся верхний свет.

— Я сначала сделал неудачно — не сообразил, что на эти кристаллы вся пыль собирается и никакой тряпкой ее там не достать. А теперь мыть можно, он герметичный и внутрь, в патрон, вода не попадает. Видишь, даже о таких мелочах думать приходится...

— А кто у тебя убирает? — неожиданно спросила Нэнси.

Вот уж типично женский вопрос, похожий на завуалированную попытку выяснить, есть ли у него жена или что-то в этом роде...

— Пару раз в неделю приходит какая-то женщина. Я ее редко вижу, стараюсь в это время в кабинете отсидеться, терпеть не могу даже запаха уборки...

«Врешь, голубчик! Ты терпеть не можешь, что кто-то видит тебя таким! Все эти незаметные сочувственные взгляды...» Чтобы заглушить эту мысль, Ник добавил, сам не зная зачем:

— В кабинет я никого постороннего не пускаю, там Бен иногда порядок наводит, когда уж совсем все пылью зарастает. А еду готовит миссис Фоллет — утром приходит и на весь день готовит, потом только разогреть остается.

— А кто такой Бен?

— Это мой... В общем, он живет здесь, в доме, и мне помогает, массаж делает и... Есть вещи, с которыми я не могу справиться сам... Например, одеться, и помыться, и лечь в постель... и многое другое из того, что нормальные люди делают каждый день, почти не задумываясь об этом.

Ну почему нельзя хоть на один день выбросить все это из головы?! Ведь он так ждал ее! И так хорошо все начиналось, и Нэнси ни о чем не спрашивала — он сам начал вспоминать то, о чем не нужно было ни говорить, ни думать. А теперь несет какую-то ненужную чепуху.

— Ладно, пойдем, я тебе еще бассейн покажу.

— У тебя есть бассейн?

— А как же! С подогревом и стеклянной крышей! Хочешь, приходи поплавать!

Естественно, с крышей, ведь плавание — это часть ежедневной общеукрепляющей терапии, а погода не всегда... Черт, опять!

Он помазал ей бассейн, даже включил над ним и под водой свет и объяснил:

— Тут лампы специальные, вроде ультрафиолетовых — под ними зимой загорать можно. А летом крыша вообще убирается...

Осмотр дома был закончен там же, где и начал, — в гостиной у камина. Настроение у Ника к этому времени лучше не стало, но он все-таки попытался шутливо заметить:

— Вот так я и живу... сам себе хозяин...

И тут Нэнси посмотрела на него и спросила — легко и весело:

— А почему ты не заведешь себе никого?

Глава 5

Нэнси не поняла, что произошло и почему на Ника так подействовал ее вопрос. Он резко обернулся, сузившиеся глаза сверкнули бешенством, лицо стало жестким и чужим — настолько неожиданно, что она отшатнулась.

— Какую-нибудь суку, которая будет наставлять мне рога, тратить мои деньги и ждать моей смерти?! Нет уж, обойдусь!

Еще в библиотеке она почувствовала, что что-то не так и, наверное, лучше будет под благовидным предлогом извиниться и уйти — только не знала, что придумать, чтобы ее уход не выглядел совсем уж невежливо. И вот...

— Можно и кобеля... Вообще-то я имела в виду собаку. — Она неловко улыбнулась, пытаясь хоть как-то разрядить обстановку. — Если бы у меня был свой дом, я непременно завела бы собаку!

— Собаку? — переспросил Ник, закрыл глаза и неожиданно засмеялся — странно, одной половиной рта. — Да... действительно... собаку...

Он уже понимал, что показал себя полнейшим идиотом... психом, который ни с того ни с сего кидается на людей за совершенно невинное замечание. Сейчас Нэнси встанет и уйдет... и будет абсолютно права.

Ник взял ее руку и зажал между ладонями.

— Извини... — поднес ее руку к губам, быстро поцеловал, прижал на

миг к щеке и отпустил. — Я знаю, у меня ужасный характер... Бен недавно назвал меня «тигром с зубной болью». Извини...

Ник сам даже не понимал толком, чего ему больше сейчас хочется: чтобы Нэнси осталась или чтобы ушла. Чтобы ушла и больше никогда не приходила...

— А у меня тоже характер... дурной, — неожиданно услышал он. — Многие говорят, что у меня нет чувства юмора и я обижаюсь на самые безобидные шутки. Я действительно не люблю, когда меня разыгрывают, поддразнивают, и все такое... — Нэнси виновато пожала плечами.

Он не сразу сообразил, что ему протягивают руку помощи. Понял и улыбнулся... заставил себя улыбнуться.

— Не думаю, чтобы это было таким уж ужасным недостатком...

Заявление Ника, что к нему должны прийти и, соответственно, нужно накрыть стол на двоих, миссис Фоллет восприняла как указание приготовить «романтический ужин» и развернулась во всю ширь.

Чего стоили крохотные разноцветные канапе! И бокалы, и фужеры, и салаты, и копченый лосось на большом блюде, обложенный какими-то непонятными кругляшами. И вазочка со сладко пахнущими цветами, и пара серебряных подсвечников, заботливо снаряженных свечками...

Откуда она вообще знает, какого пола его предполагаемый визитер? Не иначе как сплетничала с Беном у него за спиной. Ну и правда, с кем еще Бену разговаривать?

Мысль о еде возникла очень кстати — в тот момент, когда Ник лихорадочно прикидывал, что еще сказать, чтобы как-то сгладить последствия своей нелепой вспышки. Он не знал, как вернуть ту веселую легкую непринужденность, с которой Нэнси всегда вела себя с ним.

Внешне все выглядело нормально — они одновременно сделали вид, что ничего не произошло, и заговорили о чем-то другом. Ник рассказал, как довольно долго не мог привыкнуть к пульту и, пытаясь задернуть шторы, вместо этого включал телевизор или гасил свет; Нэнси — пару смешных историй про съемки. Но в ее поведении Ник чувствовал легкую настороженность — и маленькая морщинка между бровями, чуть слева, все не исчезала.

За его предложение: «Как насчет ужина? Там миссис Фоллет, кажется, что-то приготовила — пойдем, посмотрим?» — Нэнси ухватилась с облегчением — возможно, тоже не знала, о чем еще говорить...

Всю обнаруженную на кухне икебану она восприняла как должное.

— Как ты думаешь, это — едят? — показал он на кругляши, окаймляющие лосося.

— Да, это такие рулетки из масла и овощей, — кивнула она, ухватила один из них прямо рукой и, отправив в рот, подтвердила: — Вкусно! —

Затем протянула Нику: — Попробуй? — и смутилась, когда, придерживав ее за руку, он потянулся к ней и взял рулетик прямо губами.

То ли из-за получившейся усилиями миссис Фоллет уютно-романтической обстановки, то ли просто потому, что прошло достаточно времени, — но где-то к середине ужина Ник почувствовал, что напряженность, возникшая между ними, постепенно тает — и вместе с ней разглаживается морщинка на лбу у Нэнси...

Ночью он долго не спал — лежал в темноте, глядя на мерцающий ночник, и вспоминал, снова и снова возвращаясь в памяти к той нелепой, грубой вспышке, которой он отреагировал на ее шутливое замечание про собаку... всего лишь про собаку...

Хотя... вроде бы потом все удалось сгладить и конец вечера прошел вполне нормально. Они пили вино, и разговаривали, и смеялись, и свечки мерцали, и еда была вкусной... Так, может, зря он придает такое значение пустякам?

Но засевшее глубоко внутри чувство тревоги никак не давало заснуть...

Уже на следующее утро Ник понял, что, похоже, худшие из его опасений сбылись — на дорожке Нэнси не появилась. Он напрасно прождал минут двадцать, потом позвонил по мобильнику — к телефону никто не подошел.

Она позвонила сама — еще минут через двадцать, — и Ник с первой же секунды почувствовал в ее голосе какую-то напряженность. Казалось, Нэнси говорит через силу, стараясь побыстрее свернуть разговор:

— Привет...

— Привет! Ты...

— Извини, Ник, я сегодня не приду.

— Да, я уже понял... Что-нибудь случилось?

Ну пусть она скажет, что простудилась, или подвернула ногу, или еще что-нибудь такое!

— Нет... Пока не знаю...

— Я могу чем-то помочь?

— Нет... Извини, мне надо идти...

Он еще успел спросить:

— А завтра?..

— Не знаю... Наверное, нет... Я позвоню. До свидания. — И повесила трубку.

Назавтра Нэнси снова не появилась на кольце — и не позвонила.

Все это было очень похоже если не на разрыв, то на что-то близкое к нему. Наверное, она спокойно, на трезвую голову, обдумала все и пришла к

выводу, что продолжать отношения с калекой — да еще с таким психопатом, который кидается на людей по пустякам, — не стоит. Что ж — этого следовало ожидать... Ник все-таки попытался набрать ее номер, но там никто не подошел, и даже автоответчик не был включен. Ну, может, оно и к лучшему...

Весь день он работал — даже не пошел на тихий час, поцапавшись из-за этого с Беном, который — совершенно справедливо! — талдычил о режиме и необходимости менять позу, чтобы ноги не затекали. Ничего, один раз можно...

Почему-то именно тогда, когда у него было самое скверное настроение, с работой все получалось лучше некуда. Появлялись удачные идеи, нужные мысли сами ложились на бумагу, решения оказывались верными... Ник уже не в первый раз замечал это.

Звонок раздался поздно вечером, часов в одиннадцать.

— Ник? Извини, я не позвонила сегодня... ты, наверное, ждал?

На этот раз она не сказала даже «привет!». Ну и что ответить? Что не ждал — выйдет грубо, что ждал — будет выглядеть как попрек...

— Да, вообще-то, ждал.

— Извини, у нас началась предрождественская гонка, потом всех распустят на каникулы, а эту неделю мы работаем с утра до вечера. Я и сейчас с работы звоню.

Вроде вполне понятное объяснение — только голос какой-то не тот...

— А в каникулы ты что делаешь? — спросил Ник, и, прежде чем она успела ответить, объяснил: — Это я к тому, что твой ночник скоро будет готов. И если у тебя нет лучшей компании на Рождество, я был бы рад тебя пригласить... или в какой-то другой день...

— Нет, не выйдет, — (собственно, ничего другого он и не ждал!), — я должна съездить домой... Хотя, честно говоря, я бы с большим удовольствием пришла к тебе... — Добавила Нэнси, и сказанное перевернуло с ног на голову все те конструкции, которые Ник так тщательно выстраивал последние дни.

Потом она сказала, что позвонит, когда приедет, поделала счастливого Рождества и попрощалась.

И Ник остался в недоумении и с бьющимся сердцем.

Значит... выходит, она не пряталась от него и не имела в виду полный разрыв?! Да уж... разрыв... было бы что разрывать! Они и виделись-то по-настоящему всего два раза — и оба раза он ухитрился не по делу огрызнуться на нее.

Ник уже не пытался спрашивать себя: «Зачем и кому это надо?» Само

присутствие этой девушки доставляло радость — даже просто воспоминание о ней. И тревогу, и сомнения, и беспокойство — и все-таки радость.

Он понимал, что для Нэнси их отношения наверняка значат куда меньше, чем для него... и что все это только до лета, а потом она уедет учиться. Но лето сейчас казалось чем-то далеким и нереальным.

А в памяти снова и снова вставала фраза, сказанная невеселым голосом: «Я бы с большим удовольствием пришла к тебе...»

По его прикидкам, Нэнси должна была приехать в первых числах января — если, конечно, она действительно уехала домой на рождественские каникулы. Похоже на то — по телефону у нее никто не отвечал. Да и зачем ей было врать?!

Ночник для нее Ник закончил за два дня — получилось и вправду неплохо. Потом, разойдясь, прикинул на экране, что бы такое интересное сотворить из яшмы — той самой, где красные деревья под зеленым небом. И, поддавшись сентиментальному порыву (а на самом деле просто захотелось еще немного поработать в мастерской), сделал маленькую вазочку из родонита с серебряным ободком — рождественский подарок для миссис Фоллет.

Вообще-то, каждый год на Рождество миссис Фоллет, как и Бен, получала от него традиционный чек на двести долларов (ей, как женщине, полагался еще букет цветов). Но в последние дни она начала готовить для него всякие деликатесы вроде воздушных пирожных, паштета из печени и крабовых котлет по-мэрилендски — и Нику тоже захотелось сделать ей что-то приятное. Кулинарное усердие миссис Фоллет не осталось незамеченным, хотя Ник и удивлялся: чего это она так разошлась?

Бен со свойственной ему бесцеремонностью разболтался и, чувствуя себя незаменимым, просветил хозяина:

— А она мне раньше все время жаловалась, что тебе готовить неинтересно — что дали, то и съел, хоть каждый день одно и то же. Только бурчишь, что недосолено — да и то, под настроение, абы сказать... А тут ты ей этот ужин на двоих заказал — дал, значит, возможность себя проявить, — а потом похвалил как следует. Вот она и старается теперь, — ухмыльнулся Бен и нравоучительно добавил: — Женщин хвалить нужно!

Он еще будет учить его, как обращаться с женщинами!

Глава 6

Вазочка произвела неизгладимое впечатление — Ник и не ожидал подобного эффекта. Миссис Фоллет бормотала что-то бессвязное, жала ему руку. Заметив, что от избытка чувств она готова разрыдаться, он отступил на заранее подготовленные позиции:

— Ну все. Я пошел работать!

Слава богу, в доме уже все усвоили, что, когда он работает, в кабинет заходить категорически запрещено!

В эти дни он не выезжал на кольцо — точнее, съездил один раз и больше не стал. Это было какое-то мучение — он прекрасно знал, что Нэнси там быть не может, но всю дорогу машинально пытался отыскать ее глазами.

Она позвонила в канун Рождества, рано утром. Сидя за компьютером, Ник деловито отозвался:

— Райан, — и услышал:

— Привет...

Он не ждал, и даже не сразу узнал ее. Сердце сделало пару лишних ударов, прежде чем он произнес:

— Нэнси... Здравствуй!

— Я уже приехала...

— Давно?

— Ночью... Ник, ты... приглашал меня на Рождество... или...

— Да, конечно! — почти закричал он, прежде чем она успела договорить. — Приходи! Конечно приходи!

— Во сколько?

— Не знаю... — От неожиданности Ник растерялся, но все, спохватившись, предложил: — В шесть?

— Хорошо, в шесть. До встречи.

Он с удовольствием поговорил бы еще, все равно о чем — но Нэнси уже повесила трубку.

Через минуту, выкатившись в гостиную, Ник застал Бена в обычной позе — перед телевизором, откуда неслась оглушительная стрельба и вой сирен, и чуть ли не заорал, перекрикивая шум:

— Сегодня же праздник — так какого черта в доме нет елки?!

Пришла Нэнси в начале седьмого — к этому времени все было готово к ее визиту.

В центре гостиной возвышалась елка, украшенная старинными игрушками, которые достались Нику еще от матери. Он заставил Бена перерыть два чулана и, не обращая внимания на бурчание: «Все, как всегда, в последний момент»; «Семь пятниц на неделе» и — совсем уж

хамское: «Загорелся в попе лед!» — найти нужную коробку.

Насчет ужина Ник не беспокоился, еще с прошлого раза уверовав в способности миссис Фоллет. Правда, на всякий случай после ее ухода он отправился на кухню и удостоверился: на сей раз гвоздем пиршества должна была стать фаршированная индейка, а около каждого прибора полагалось поставить маленький букетик из остролиста, перевитый елочной мишурой.

Кроме того, над камином был прицеплен венок из омелы — это сделал Бен по собственной инициативе — явно с намеком! Сам Бен, воспользовавшись ситуацией, тут же отпросился на рождественскую вечеринку к сестре, пообещав вернуться к полуночи (тоже мне Золушка в ботинках 45-го размера!).

С шести часов Ник сидел и высматривал из окна кабинета знакомую фигурку — по его мнению, Нэнси должна была появиться со стороны парка. Но неожиданно к дому подъехало такси, и она высадилась из него с каким-то огромным свертком.

Он щелкнул тумблером калитки и понесся к двери, подумав, что надо бы поставить над калиткой камеру — это удобнее, чем смотреть в окно. Успел вовремя — дверь эффектно распахнулась именно в тот момент, когда цоканье каблучков замерло у входа. И первой мыслью было: «Что-то случилось!»

Нэнси с улыбкой шагнула внутрь, наклонилась и поцеловала его в щеку... точнее, чуть выше, около глаза — и даже не сразу отодвинулась, задержавшись еще на какую-то долю секунды. От нее пахло морозом и свежестью, на воротнике пальто сверкали капельки от растаявших снежинок, и она по-прежнему улыбалась, а в голове у Ника набатом снова и снова звучало: «Что-то случилось!..»

— Вот... это тебе... с праздником... — достала она из-за спины сверток.

Ник раскрыл — и растерянно замер, потом медленно вытащил подарок. Это была игрушечная собака...

Большая, пушистая, черно-белая, с глупой улыбающейся добродушной мордой, болтающимися ушами, высунутым языком и биркой на ошейнике: «Меня зовут Роки»...

— Помнишь, мы с тобой говорили про собаку, и вот... — попыталась объяснить Нэнси. — Я подумала... Глупо, да? — И неловко улыбнулась.

Он молча замотал головой. Слов не было... точнее, были, но Ник никогда не сказал бы их вслух. Ему давно никто не дарил подарков... Ему давно никто не дарил таких ненужных, непрактичных, неподходящих, нелепых, милых, добрых и смешных подарков, которые были бы куплены

от души... и именно ему.

На миг уткнулся носом в собаку... подумал, что выглядит по-дурацки, и тут же — что уже забыл, как пахнут новые игрушки. Нашел руку Нэнси и прижался лицом к ней... а на самом деле хотелось обнять и прижать ее к себе всю... просто прижать — живую и теплую... Но рука была холодной.

«Что-то случилось!..»

Он легонько поцеловал запястье и отпустил. Сказал:

— Спасибо... Это не глупо. Пойдем в гостиную греться, — и первый направился туда, пытаясь на ходу понять, почему снова и снова в голове возникает эта мысль.

Собаку Ник посадил на диване, перед елкой — вышло даже забавно. Поправил завернувшееся ухо, потрепал по голове.

— Вот так... Домашние собаки, насколько я знаю, всегда сидят на диванах. — Улыбнулся, надеясь, что Нэнси поддержит шутку и странное чувство тревоги растает само собой.

— А у тебя собака была? — спросила она. — У мамы была астма... аллергия на животных, на шерсть. А у тебя?

— Нет. То есть была... очень недолго...

И в этот миг Ник понял, что не давало ему покоя.

Исчезло то ощущение радости жизни, которое всегда казалось ему неотъемлемой частью Нэнси...

Словно от нее осталась только пустая оболочка, кукла, похожая внешне — но лишенная того, что было ее сутью. И улыбка другая — вымученная, как бы сквозь слезы... и голос — вроде нормальный, но чуть быстрее и выше обычного.

Что-то случилось — теперь это стало так ясно, словно было написано у нее на лбу. «Нэнси, что с тобой?!» — едва не сорвалось у него с ходу. Но тут же Ник понял, что она наверняка сочтет подобный вопрос бестактным и все равно не ответит, и, смешавшись, предложил ей выпить.

Нэнси согласилась, словно только этого и ждала. Сделала пару глотков «Манхэттена» и улыбнулась — почти весело и непринужденно. Именно «почти».

— Может... может, пойдем в мастерскую? Там... ночник, я хочу показать, как получилось... — неуверенно предложил Ник, не зная, что еще сказать.

— Пойдем... — И все та же «почти» улыбка...

Он никогда не делал женских украшений — а тут сделал. Небольшую подвеску — кристалл аметиста в тоненькой, затейливо сплетенной серебряной сетке с вырисовывающейся, если приглядеться, буквой «Н».

О том, что Нэнси может прийти на Рождество, Ник тогда даже не думал, но теперь получилось кстати.

— Вот... это тебе... с праздником... — повторил он ее слова, протягивая подвеску. — Это кусочек от той самой жеоды.

В улыбке Нэнси вдруг появилось что-то щемяще-беззащитное, но живое, настоящее. Она дотронулась... взяла... посмотрела на свет.

— Если хочешь, можешь надеть. Вот, есть цепочка.

Ник обрадовался, что догадался еще с утра заказать эту самую цепочку и настоять, чтобы привезли сегодня же — и вдруг загадал: если она сейчас наденет украшение, то все будет хорошо. Не задумался, что будет хорошо, просто — будет хорошо — и все...

Нэнси аккуратно продела цепочку в ушко подвески, поднесла к шее, закинув руки назад. Сегодня на ней был бледно-голубой пушистый свитер — должно подойти...

Внезапно он опомнился — а что, собственно, может быть хорошо? Увидел, что она так и не надела цепочку, а снова поднесла к глазам, разглядывая застежку, и сказал:

— Тут замок немного сложный. Давай покажу... Вот — тут нажать надо...

Нэнси присела на корточки, совсем близко, внимательно глядя, как он открывает и закрывает крохотный замочек.

— Давай я тебе сам застегну... для первого раза.

Ни слова не говоря, она повернулась, наклонив голову и одной рукой отводя с шеи волосы.

На шее, чуть справа, у нее оказалась небольшая родинка и волосы росли вниз мыском, завиваясь пушистыми прядками. Ник не торопясь застегнул цепочку — и все-таки не удержался, погладил ее по шее кончиками пальцев.

— Вот так.

Нэнси, все еще сидя на корточках, подняла голову и встретилась с ним глазами. И он не выдержал:

— Нэнси, что с тобой случилось?

Она резко замотала головой, одним движением выпрямилась и оказалась в двух шагах от него. Но не стала удивляться вопросу или говорить «Все в порядке».

Взглянула вниз, на висящий на груди кулон.

— Красиво получилось... Спасибо.

Ник кивнул, продолжая в упор глядеть на нее. Медленно, словно через силу, она сказала:

— Наверное, это была не лучшая идея — напрашиваться сегодня к тебе в гости. Только настроение под праздник порчу.

Значит, он не ошибся...

— Ты не напрашивалась... Я очень хотел, чтобы ты пришла.

Если бы он мог сейчас подойти... обнять ее, прижать к себе — а не смотреть снизу вверх, не в силах вырваться из этого кресла!

— Что случилось? Может, я могу чем-то тебе помочь?

Нэнси зажмурилась и почти судорожно затрясла головой.

— Нет, нет... Давай лучше праздновать... и поговорим о чем-нибудь хорошем... и... не надо. У тебя всегда так хорошо... тепло и празднично — а теперь вот...

— Давай пойдем в гостиную...

Черт возьми, в этой мастерской ей даже сесть некуда! Глупо как!

В гостиной оказалось не лучше. Модное кожаное кресло с высокой спинкой и широкими загибающимися подлокотниками отгородило от него Нэнси так же надежно, как если бы она сидела в клетке. Если бы не эти подлокотники, можно было бы обнять ее за плечи.

Впрочем, обставляя когда-то гостиную, он об этом не думал...

— Так что у тебя случилось? Может, я все-таки могу как-то помочь?

Спереди и чуть сбоку — это был единственное положение, при котором коляска не наезжала ей на ноги, а дурацкие подлокотники не мешали Нику держать ее за руку. Ладно, хотя бы за руку...

— Ник... я хотела тебе сказать... возможно, мы больше не увидимся вот так. — Нэнси повела свободной рукой, словно заключая их обоих в круг. — Я, наверное, скоро уеду.

— Куда? — Внутри словно что-то оборвалось. — Ты же собиралась только летом?

— Нет... — Она прикусила губу и помотала головой. — Нет, с учебой я... пролетела, все. Ничего не выйдет. Это... другое. Мне просто... просто нужно уехать отсюда.

— Почему, что случилось?! У тебя какие-то неприятности? На работе? Или... — Нику вдруг показалось, что он понял, в чем дело. — Ты... беременна?

Нэнси вздрогнула и посмотрела на него дикими глазами.

— Ты что? Этого только не хватало!

— Ну...

Она невесело рассмеялась.

— Ну почему вы, мужчины, всегда только об одном способны думать?! — Смех оборвался так же резко, как начался.

«"Вы, мужчины"... Ну хоть на этом спасибо!» — мельком подумал он.

— Нет, все значительно проще... Или сложнее?.. Я хочу уехать куда-нибудь подальше, где меня не сможет найти моя мать.

— А что не так с твоей матерью? Она что... — Ник запнулся, не зная, как помягче спросить, чтобы не обидеть: «наркоманка?», «преступница?», «сумасшедшая?».

— Нет, — слабо усмехнулась Нэнси, догадавшись, о чем он думает. — С ней все в порядке. И... она очень красивая...

Глава 7

Она была очень красивой — вот в чем дело.

Очаровательная малышка... очаровательная девочка — победительница конкурса «Маленькая мисс Америка», спонсированного фирмой «Нестле». Очаровательная девочка-подросток... правда, к тому времени ей было уже не до конкурсов.

В одиннадцать лет она начала сниматься в сентиментальном телесериале в роли маленькой девочки, которая отчаянно борется за то, чтобы находящиеся на грани развода папа и мама снова полюбили друг друга. Эта роль сразу принесла ей головокружительный успех. Потом были еще фильмы, еще сериалы...

Обаяние девочки, а потом юной девушки, которое она щедро изливала с экрана, сделало ее любимицей публики — и каково же было всеобщее удивление, когда, снявшись в очередном фильме, который еще до выхода на экран заранее был объявлен шедевром, Алисия Хэнсфорд вдруг заявила, что отныне она хочет целиком посвятить себя семье и ее единственной ролью будет роль жены и матери.

Публика была в шоке: в глазах всех Алисия до сих пор оставалась девочкой-подростком. На самом деле к тому времени, как закончились съемки, ей исполнилось девятнадцать лет, хотя играла она пятнадцатилетнюю девочку, и она была беременна от популярного писателя Алекса Тревера — автора того самого бестселлера, но которому и был поставлен фильм.

Состоялась настоящая голливудская свадьба — с огромным количеством гостей, цветов, прессы и шампанского.

Все восхищались молодой актрисой, которая ради любви пожертвовала популярностью и головокружительной карьерой. Правда, нашлись злые языки, утверждавшие, что это был самый лучший ход, на который хватило

ее соображения — для ролей подростков Алисия стала уже старовата, а «взрослые» роли, для которых требовалась хоть какая-то искра таланта и умение играть не только саму себя, были ей не по зубам. Но что поделать — злопыхателей везде хватает...

Молодая чета поселилась в Хьюстоне, где Алисия очень быстро стала душой общества. Роль очаровательной юной жены — а потом и молодой матери с милой крошкой дочуркой — подходила ей как нельзя лучше.

В Техасе до сих пор держатся за старые традиции: богатым мужьям положено баловать своих жен и покровительствовать им, а женам — с благодарностью принимать это покровительство и... не обременять себя карьерой или какой-то серьезной работой.

Алисия с удовольствием участвовала во всех светских и благотворительных мероприятиях, занималась шейпингом и аэробикой, писала в местную газету небольшие статейки о том, как ухаживать за волосами или улучшить цвет лица, и со вкусом и фантазией устраивала чаепития, ужины и приемы — от небольших, для узкого круга друзей, до весьма помпезных и торжественных — например, по поводу выхода в свет очередного бестселлера мужа или получения им очередной литературной премии.

Ее любили, ею восхищались, перед нею преклонялись — все, начиная от мужа, друзей, соседей, поклонников и кончая мальчиками с бензозаправки, управлявшими ее машину. Да и как можно было не любить такую милую, очаровательную и обаятельную женщину?! Этому способствовал и ее легкий, веселый и незлобивый нрав, и искрометное чувство юмора, и искреннее внимание ко всем, кто окружал ее.

К сожалению, дочь не унаследовала очарования матери — худенькая и высокая, она была скорее похожа на отца. Ни фиалковых глаз, ни золотистых волос, ни природной грации в каждом движении — обычная девочка, и только. Да и материнское чувство юмора ей было чуждо.

Стоило Алисии начать беззлобно и добродушно подтрунивать над еще совсем маленькой дочкой, как девочка принималась кричать и плакать — даже колотила от злости кулачками по полу. Став постарше, она, конечно, научилась сдерживать себя, но недовольство явственно проступало у нее на лице.

Но мать не обижалась — на то она и мать! Лишь говорила:

— Опять наду-улась! У, ты, мой хомячок! Ну когда ты наконец повзрослешь и поймешь, что я тебя безумно люблю! — и смеялась своим обаятельным серебристым смехом...

С раннего детства Нэнси знала, что больше всех на свете папа любит маму. Но это было естественно — как же иначе?! Она и сама любила маму не меньше. А то, что мама иногда шутила так, что хотелось плакать, и называла ее при людях «моя маленькая глупышка»...

Нэнси попыталась поговорить с ней об этом — но стало только хуже. Теперь говорилось так:

— Моя маленькая глупышечка... ах, простите, я забыла, что наша Нэнси серьезная девочка и не любит, когда ее так называют. Ну, может, хоть один, последний разочек... — И все окружающие смотрели на нее и смеялись, и Нэнси хотелось провалиться сквозь землю от ощущения собственной ущербности, от того, что она, наверное, не такая, как все, — раз не может посмеяться вместе с ними.

Когда ее детская восторженная любовь к матери постепенно умерла? Может быть, лет в шестнадцать — когда Нэнси постепенно начала понимать, что ее мама, такая красивая и обаятельная, неосознанно и не желая никому зла, отбирает у дочери все, что той хоть немножко дорого?..

Когда Нэнси было двенадцать лет, отец подарил ей щенка — очаровательную двухмесячную колли. Нэнси назвала ее Рози.

Она мечтала о собаке всю жизнь, но ей обычно говорили, что, может быть, потом... когда она станет старше. И вот теперь у нее была собака!

Они с Рози не расставались — ходили вместе гулять, играли, Нэнси даже выпросила, чтобы щенок ночевал в ее комнате — разумеется, на подстилке. Но ночью, когда все засыпали, она тихонько втаскивала пушистое теплое тельце под одеяло и шепотом разговаривала с собачкой — Рассказывала, что было сегодня в школе, и о своих мечтах. и о том, как «он» посмотрел на нее... Счастье длилось всего два месяца. Однажды, придя домой из школы, Нэнси увидела, что Рози нигде нет. Она бросилась к маме — та ответила, что собачка убежала: выскочила за дверь и понеслась неизвестно куда.

Нэнси бегала по улицам до вечера, кричала, звала, спрашивала прохожих, показывала фотографии — и на следующий день... и на следующий... Заходила в полицейский участок — может, кто-нибудь нашел? А может, Рози сломала лапку и сейчас умирает, одна, в каком-нибудь подвале или колодце?!

Мама даже слегка рассердилась: ну как можно так переживать из-за какой-то собачонки?! Отец молчал и хмурился, а Нэнси все продолжала плакать по ночам и цепенеть при виде колли — а вдруг это Рози?!

Лишь когда ей было шестнадцать лет, она узнала, что собаку увез отец

— обратно в питомник, по просьбе матери, которую раздражало, что Нэнси уделяет Розе слишком много внимания. Да и кто будет присматривать за собакой, когда через несколько месяцев девочка уедет в закрытую школу?

Свою бабушку Нэнси почти не помнила — та умерла, когда девочке было лет пять, завещав ей фамильную драгоценность — старинный браслет с бриллиантами и изумрудами. Естественно, маленькому ребенку браслет ни к чему — Нэнси должна была его получить в тот день, когда ей исполнится шестнадцать лет.

Она и получила... на минуту. Отец торжественно вручил ей бархатную коробочку — мама тут же радостно захлопала в ладоши и воскликнула:

— Какая прелесть! Как он тебе пойдет! Только куда ты его будешь носить? Не в школу же? Давай, пусть он пока немножко поживет у меня — а потом, когда тебе понадобится, я отдам! Ну пожа-алуйста! — и, видя, что Нэнси не торопится отдавать браслет, пошутила: — У нас в семье никогда не было жадных девочек! Может, тебя в больнице подменили? — Даже чуть огорчилась...

Нэнси рассказала уже о браслете всем подругам, и обещала показать — теперь получится, что она лгунья! — И просто хотела, чтобы он был у нее, чтобы его можно было рассматривать и трогать... и, может быть, иногда надевать...

Но папа смотрел так, словно ждал от нее чего-то — и немного осуждающе: разве можно огорчать маму?!

— Да мама, конечно, возьми... — вот и все, что Нэнси удалось выдать из себя прежде, чем, сунув матери браслет, она убежала в свою комнату.

— Ну что ты, не надо! Если ты так переживаешь из-за этого, то не надо! И не нравится вовсе мне этот браслет! Возьми, возьми! — примчалась вслед за ней со смехом мать.

И Нэнси, прекрасно понимая, чего от нее все ждут, начала уговаривать маму взять браслет и та в конце концов согласилась...

Кем она будет, Нэнси знала с детства — режиссером. Читая книгу, она всегда мысленно прикидывала, как поставила бы фильм по ней, и даже обдумывала, кто из актеров мог бы сыграть ту или иную роль, а когда смотрела фильмы — вспоминала потом тот или иной эпизод и думала, как бы она сделала его.

Отец знал об этой мечте дочери и поддерживал ее — даже, посмеиваясь, говорил, что подождет с продажей права на экранизацию своих книг: кто сможет снять фильмы по ним лучше, чем его родная дочь?! Мама не понимала и даже порой сердилась: что это за глупости?! Един-

ственная карьера женщины — это ее семья, все остальное — лишь прикрытие для неудачниц и уродин!

Но Нэнси твердо решила: сразу после школы она поступит в колледж, за два года получит степень бакалавра искусств — и уедет учиться в Европу, ведь именно там учились ее кумиры, фильмы которых она могла смотреть десятки раз, снова и снова восхищаясь их мастерством! А заодно посмотрит мир, выучит итальянский язык, погуляет по Парижу и Риму, и многое, многое другое...

Ей было семнадцать лет, когда у отца случился инсульт. К счастью, он сохранил разум и начал мало-помалу разговаривать, шевелить руками, потом пользоваться инвалидной коляской. Но ноги, увы, не работали, хотя врачи предсказывали постепенное улучшение и через несколько лет — практически полную реабилитацию.

Лишенный возможности ездить куда-то, встречаться с людьми, Алекс Тревер чувствовал себя заброшенным и одиноким — и был рад обществу дочери. Они гуляли вместе, Нэнси часами сидела в кабинете отца и слушала, как он рассказывает о своей будущей книге или просто о чем-нибудь интересном. Было ясно, что, пока он не встанет на ноги, ей придется пожить дома, да и с колледжем лучше повременить. Ну что ж — год-два можно и подождать.

А пока...

Его звали Эрик Джонатан Фаррел Третий.

Нэнси увидела его на одном из приемов. Высокий, элегантный, со светлыми вьющимися волосами и в безупречно сидящем белом смокинге, он показался ей сказочным принцем. Когда же этот принц подошел и заговорил с ней — от волнения она чуть не потеряла сознание.

Ему было двадцать пять лет. Он только что закончил университет и вернулся в Хьюстон, чтобы работать в фирме своего отца — старинного, еще со школы, приятеля отца Нэнси. Их семьи были дружны — неудивительно, что и молодые люди быстро сблизились.

Он стал ее первым мужчиной, ее возлюбленным — человеком, с которым Нэнси мечтала прожить всю жизнь.

Но даже ему она не рассказала о том, что с некоторых пор мучило ее...

У матери всегда было много поклонников. Она посмеивалась над этим, в шутку спрашивала отца: «Смотри, мне опять прислали цветы! Надеюсь, ты не ревнуешь?» — и сама же первая заливалась смехом.

Только Нэнси знала, что отношения матери с некоторыми из них уже вышли за рамки невинного флирта. Узнала случайно: выглянула как-то из

окна — и оцепенела, не поверив собственным глазам... и стал наконец ясен смысл услышанного ненароком за пару дней до того телефонного разговора.

Отцу она, конечно, ничего не сказала. Матери же говорить что-либо было бесполезно — та просто рассмеялась бы ей в лицо: «Моя маленькая глупышечка, ты опять что-то себе навоображала!»

Вскоре Нэнси было достаточно взглянуть на мать, чтобы понять, когда та возвращается с очередного свидания — в эти минуты какая-то особенно красивая и сияющая. А порой все происходило прямо в доме — как в случае с приехавшим к отцу на несколько дней представителем издательства...

Она лишь молила Бога, чтобы отец ничего не заметил и не понял — это могло просто убить его!

Когда Эрик сделал ей предложение, Нэнси была счастлива. Впрочем, с тех пор, как они начали встречаться, все понимали, что к этому идет дело. Они прекрасно подходили друг другу и по возрасту, и, если так можно выразиться, по «знатности».

Конечно, Нэнси было всего девятнадцать, и она по-прежнему не хотела отказываться от своей мечты, но Эрик... сейчас для нее ничего не было важнее. И кроме того, пожениться можно и через пару лет, когда она закончит колледж, а пока уже считается женихом и невестой.

Что будет потом и как она сможет продолжать учебу после замужества, Нэнси не задумывалась — как-нибудь да получится! Она будет приезжать домой каждый месяц... даже чаще, или Эрик приедет к ней — неужели для него в Париже не найдется работы?!

Как ни странно, мать поддержала Нэнси в том, что выходить замуж лучше после колледжа. Возможно, ее приводила в ужас мысль, что в ближайшее время она может стать бабушкой?! Или она считала, что диплом колледжа придаст дочери дополнительный светский лоск и умение поддерживать интеллектуальную беседу?

Как бы то ни было, она с радостью ухватилась за идею помолвки и вознамерилась сделать из этого грандиозное шоу. Ведь в последнее время из-за болезни мужа ей нечасто удавалось устраивать приемы — а тут такой повод!

Было предусмотрено и торжественное убранство дома и сада, и шикарное меню, и вина, и платья для невесты и ее матери, и фейерверк, и букеты у каждого прибора, и популярный ансамбль... Словом, все, чтобы гости остались довольны.

Гости должны были начать собираться к пяти. В полдень, примерив платье, Нэнси вдруг подумала, что к нему очень подошел бы тот самый браслет, который до сих пор «жил» у матери.

Не долго думая, она сбежала на второй этаж, без стука влетела в мамин будуар — и увидела... Это зрелище Нэнси запомнила на всю жизнь, до мельчайших подробностей.

Мать в полурасстегнутой блузке сидела в кресле, а мужчина, стоя на коленях, целовал ее грудь. Руки мужчины были у нее под юбкой; она постанывала, откинувшись назад и запрокинув голову.

Этим мужчиной был Эрик...

— Когда ты, наконец, научишься стучать?! — вскинулась мать, еще толком не осознав, что произошло.

Эрик понял куда быстрее — отскочил от кресла и беспомощно, приоткрыв рот, уставился на Нэнси. С красным потным лицом, трясущимися, прижатыми к груди руками и хорошо заметной эрекцией, он вдруг показался ей смешным, нелепым и... очень противным.

— Извини, мама, — ответила она, шагнула назад и закрыла за собой дверь.

Добежав до своей комнаты, Нэнси сорвала с себя ненавистное платье, которое, казалось, жгло ее, как пропитанное ядом, и рухнула на кровать.

Сначала она плакала, потом — просто лежала в каком-то оцепенении. Осторожный стук в дверь раздался примерно через час.

— Нэнси, открой... Открой, пожалуйста, это я!..

Она подумала: «Почему так долго? Или они все-таки решили закончить начатое?» — надела халат, открыла дверь и впустила Эрика.

— Прости, пожалуйста! — с порога начал он и попытался обнять ее. Нэнси ударила его по руке, и он недоуменно отступил, потирая ушибленное место. — То, что там произошло... не имеет ничего общего с нашими отношениями...

— наших отношений больше нет, — оборвала его Нэнси. — И помолвки тоже не будет. Пойди скажи об этом своей... моей... матери — пусть побыстрее все отменит, а то гости скоро начнут собираться.

— Но как же ты не понимаешь — это случайность... простая случайность... я люблю тебя. Она ничего для меня не значит — это просто... случайно...

— Уходи! — перебила она его и, видя, что Эрик не двигается с места, закричала: — Уходи! Убирайся! Убирайся! — замахнулась... Он вылетел за дверь, и Нэнси, защелкнув задвижку, снова залилась слезами.

Снова к ней постучали еще через полчаса — на сей раз это был отец. Правда, сквозь дверь она хорошо разобрала голос матери:

— Наша маленькая глупышечка навоображала себе невесть что! Поговори с ней, может, она хоть тебя послушает! — И его резкий, но неразборчивый ответ.

Нэнси открыла дверь и снова легла на кровать, не зная, как сможет рассказать отцу о том, что произошло. Но говорить начал отец:

— Нэнси... — дотронулся до ее волос. — Нэнси, ты можешь мне не объяснять, я... я примерно представляю себе, что случилось. — Она подняла голову — отец сидел в своей коляске, какой-то сразу постаревший, и говорил запинаясь, словно бы через силу. — Ты добрая девочка, и... я знаю, что ты все время пыталась скрыть от меня... все это. Но... я, в общем-то, догадывался. Понимаешь, твоей матери очень важно чувствовать себя любимой и желанной. А я в последнее время не могу дать ей этого. Так что... ну, в общем, я люблю ее и хочу, чтобы она была счастлива...

— А я?

— Ты... ты не понимаешь... Она как бабочка — сама не ведает, что творит. Она же не хочет никому ничего плохого! Мне всегда было страшно умереть и оставить ее одну, она такая... беспомощная!..

— А я? — повторила Нэнси.

— ...Я прошу тебя, Нэнси, не отменяй помолвку! — продолжал отец, словно не слыша ее вопроса. — Я не хочу, чтобы пошли разговоры... сплетни — люди и так уже шушукаются.

В первый момент Нэнси не поверила своим ушам — как же так, он что, не видит, что это невозможно?! Но в следующий миг поняла — для него сейчас ничего не имеет значения... ничего, кроме Алисии. И она, Нэнси, тоже не имеет значения...

Внутри поднялась злая волна, заставившая ее спросить:

— И кроме того, удобно будет иметь прямо в доме кого-то, с кем она сможет чувствовать себя... любимой и желанной? Моего жениха... или мужа?

— Ты не имеешь права говорить так о своей матери! — Вспылил отец — и тут же сник. — Нэнси... я прошу тебя — ради меня. Ты сможешь разорвать эту помолвку хоть завтра, под каким-нибудь благовидным предлогом — но сегодня должна... обязана сделать вид, что все в порядке... чтобы никто ничего не мог сказать...

— Я завтра уеду, — медленно сказала Нэнси.

— Завтра — все, что хочешь. Но сегодня — пожалуйста, я прошу тебя...

— Хорошо...

Помолвка прошла точно так, как было задумано. Все восхищались Алисией, сумевшей организовать такой великолепный праздник; фотографы сделали пару снимков для раздела светской хроники.

То, что новоиспеченная невеста выглядела немного скованной и мало улыбалась, Алисия объясняла просто:

— Моя маленькая глупышечка поцапалась из-за какого-то пустяка с Эриком. Она еще такой, в сущности, ребенок! Ну ничего, милые бранятся — только тешатся!

Утром Нэнси зашла в кабинет к отцу, чтобы напомнить, что вечером уедет, — и была встречена упреками:

— Я надеялся, что ты хоть к утру одумаешься и оставишь эту свою идиотскую затею! Как мы объясним людям, почему ты уехала сразу после помолвки?

— Но мы же с тобой договорились?!

— Вчера ты была не в себе, и я готов был пообещать тебе все, что угодно, лишь бы ты не опозорила всех нас какой-нибудь глупой выходкой!

— Я?! Я опозорила?! — взорвалась Нэнси.

— Да, ты! Я ожидал от тебя большей ответственности и не думал, что ты меня так подведешь!

На крик прибежала мать — как раз в тот момент, когда Нэнси, не выдержав, крикнула:

— Ты хочешь, чтобы я осталась и объяснила всем, что рву помолвку, потому что застала своего жениха лапающим мою мамочку? Ты этого хочешь? И еще, может, рассказать, как ей это нравилось?

Алисия охнула, прижала руки к щекам и посмотрела на нее с ужасом, а отец заорал в ответ:

— Как ты смеешь так оскорблять свою мать, негодяйка! Хочешь уезжать — уезжай, но живи как хочешь! Я не обязан тебя содержать!

Вечером Нэнси уехала.

Ей было все равно, куда ехать, и она выбрала Нью-Джерси — там жили две ее школьные подруги. На первых порах Нэнси остановилась у одной из них и начала рассылать свои документы в различные колледжи, надеясь, что сможет получить где-то стипендию.

Ей везде отказывали. И не потому, что результаты тестов были плохими — наоборот! Но стипендии предназначались для выходцев из бедных семей, которые не могли сами оплатить учебу, а не для таких, как Нэнси. Кому какое дело, что ежемесячные поступления денег на счет прекратились — отец выполнил свою угрозу.

Он иногда звонил ей, разговаривал вполне по-дружески, но когда она заикнулась про деньги — отказал категорически, сказав: «Я тебя предупреждал!» Звонила и мать — как ни в чем не бывало. Расспрашивала, что носят «там, у вас на Востоке[1]», передавала приветы от многочисленных знакомых и советовала не огорчать отца и поскорее возвращаться домой.

Известие о втором инсульте отца и о том, что тот при смерти, пришло как раз тогда, когда Нэнси, поняв, что с учебой в этом году ничего не выйдет, устроилась работать на местную киностудию «ассистентом бутафора» — а фактически девочкой на побегушках и прислугой за все.

В живых она отца уже не застала...

Мать в черном траурном платье выглядела особенно утонченной и беспомощной. Она принимала многочисленных соболезующих друзей, изящно рыдала в платочек и устроила прием по случаю похорон.

А Нэнси удивлялась — почему она ничего особенного не чувствует? Словно отец умер куда раньше, в тот день, когда умерла ее любовь к Эрику...

На похоронах Эрик стоял рядом с ней и даже попытался взять под руку. Нэнси отдернулась и смерила его возмущенным взглядом.

Уже дома мать объяснила:

— Ну... ты понимаешь, в глазах окружающих он по-прежнему твой жених. Мы с папой решили никому не рассказывать про твою нелепую выходку и говорили, что ты просто уехала учиться. Он так надеялся, что ты рано или поздно одумаешься и вернешься!

Отец не только надеялся — он сделал для этого все!

Когда вскрыли завещание, выяснилось, что дом он завещал жене и дочери — поровну, пополам. Все остальное состояние он оставил «любимой жене Алисии» — кроме трастового фонда, который Нэнси могла получить в двадцать пять лет, когда она, как значилось в завещании, «повзрослет и научится с большей ответственностью относиться к близким людям и семейным ценностям». Пока же она могла рассчитывать лишь на сравнительно небольшое содержание, которое должно было ей выплачиваться в случае, если она будет жить дома, с матерью.

— Вот видишь, как хорошо! — обрадовалась мать. — Теперь мы снова будем жить вместе!

— Завтра я уеду, — ответила Нэнси. — С работы отпустили всего на неделю, да и то с трудом.

— Господи, ну неужели ты до сих пор не можешь мне простить... я уж не помню, из-за чего ты на меня тогда так взъелась?! — с раздражением и

обидой сказала мать. — Ну хочешь, я попрошу у тебя прощения?! Могу даже на коленях — хочешь? — И тут же со смехом встала на колени и пропела: — Про-сти-и-и! — и еще что-то подходящее к случаю, из оперетты — словно начисто забыла, что ее мужа похоронили только позавчера.

Нэнси стало невыносимо противно.

Первые месяцы в чужом незнакомом городе дались Нэнси не просто. Дома она привыкла модно одеваться, пользоваться дорогой косметикой и не задумываясь тратить деньги на какие-то безделушки и развлечения — теперь все это было ей не по карману.

Но жизнь постепенно наладилась. На работе ее повысили: взяли на новый сериал уже бест-боем, старшим помощником главного бутафора. Конечно, «я — бест-бой» звучало смешно, но зато платили побольше. Она закончила заочное отделение колледжа и получила степень бакалавра искусств — как и мечтала.

Постепенно жгучее чувство неприязни к матери как-то притупилось — а может, Нэнси просто действительно повзрослела. Через пару лет, на Рождество, она приехала в Хьюстон — и с тех пор приезжала регулярно, раз-два в год.

Несмотря ни на что, у нее по-прежнему оставалось чувство, что она приезжает домой. Этот дом, с его картинами и дорогими безделушками, с отцовским кабинетом, с комнатами, в которых прошли ее детство и юность, с огромной кухней, на которой Нэнси привыкла завтракать, до сих пор оставался ее единственным домом. Ведь не считать же домом съемную квартиру в Нью-Джерси с шумными соседями и темной, вечно неубранной лестницей?!

Ну и, чего греха таить, хотелось хоть немного пожить, ни о чем не заботясь. Мать охотно ездила с ней по магазинам и по салонам красоты, покупала ей модные тряпки и дорогое белье. Этих запасов потом хватало на целый год.

Нэнси продолжала жить своей мечтой — когда ей исполнится двадцать пять лет, она получит деньги и уедет учиться. Даже решила не покупать другую машину, когда окончательно вышла из строя ее развалюха. Зачем? Ведь оставшиеся несколько месяцев не страшно поездить и на автобусе.

Когда незадолго до Рождества Нэнси обнаружила на автоответчике сообщение матери: «Нэнси, перезвони мне скорее, я очень жду!» — и через час: «Ну куда ты делась?! Перезвони обязательно!» — ей почему-то стало не по себе.

Она перезвонила. Мать стала допытываться, приедет ли Нэнси в этом году на Рождество, а получив ответ: «Не знаю» — воскликнула: «Нет, но ты обязательно должна приехать — это вопрос жизни и смерти!»

Лишь приехав, Нэнси узнала, что для матери стало «вопросом жизни и смерти» — та была разорена, и едва ли сама смогла бы толком ответить на вопрос, как это получилось.

Часть денег, и немалая, ушла на неудачную попытку вернуться в Голливуд. Фильм, в котором Алисия Хэнсфорд играла главную роль (и одним из продюсеров которого являлась), вместо ожидаемой прибыли и успеха принес одни убытки. Нет, критики даже не ругали его — просто... не заметили.

Ну а кроме того — она просто не привыкла ни в чем себе отказывать и жила на широкую ногу. Приемы, праздники, круизы, подарки друзьям, наряды и украшения, которые надевались один раз, а потом забывались, подтяжки в модной клинике в Европе — всего понемножку...

Но страшнее всего были даже не долги, в которые влезла мать, беспечно продолжая тратить деньги направо и налево. Оказывается, был заложен дом — и полученные деньги тоже истрачены. Даже не будучи юристом, Нэнси знала, что дом, половина которого принадлежала ей, никто не мог заложить без ее ведома. Как же так?

— Ах, я в этом не разбираюсь, тебе стоит поговорить с Тедди Палмером, он все лучше объяснит! — ответила мать.

Вот этот самый «Тедди Палмер» — вице-директор банка — и показал Нэнси банковские документы, заявив:

— Все было сделано на законном основании! Вот ваша подпись!

— Но я ничего не подписывала! — возразила Нэнси. — Это не моя подпись! Я же и в банке у вас уже сто лет не была!

Он долго отнекивался и вилял, но потом признал, что «наша дорогая Алисия» взяла документы, сказав, что «ее милая дочурка» приехала отдохнуть на уик-энд и нехорошо заставляя ее тратить время на посещение банка, — а на следующий день принесла их уже подписанными.

— Неужели вы собираетесь обвинить свою родную мать в подлоге? — ужаснулся мистер Палмер, когда Нэнси повторила, что ничего не подписывала. — Идти в полицию, писать заявление... Да вам никто не поверит — и в первую очередь я! Будут экспертизы, суд, вы истратите массу денег на адвоката...

Он давил, угрожал, уговаривал, напоминал о добром имени отца, объяснял, что доказать что-либо будет исключительно трудно и что в любом случае банк должен как-то возместить затраченные деньги. А потому, если Нэнси не хочет, чтобы дом со всем его содержимым продали с аукциона, у нее есть только один выход — расплатиться с банком теми деньгами, которые оставил ей отец...

Глава 8

— Вот и все... Я и сама знаю, что по натуре я не борец. — Нэнси неловко пожала плечами.

— Ты что — отдала им деньги? — с ужасом переспросил Ник.

— Подписала какие-то документы, пообещала, что отдам... когда получу — мне двадцать пять будет только в апреле.

— Тебя же кинули! — вырвалось у него. — Ты что, не понимаешь, что не должна была ничего подписывать?! Нужно обратиться к адвокату, в суд, в конце концов! Этот Палмер потому так и давил на тебя, что был по уши в дерьме и хотел побыстрее прикрыть собственные грехи!

— Дело уже сделано, Ник. А теперь хочу только уехать... как можно быстрее... Давай... поговорим о чем-нибудь другом, я не хочу плакать... — она нервно мотнула головой, — пожалуйста...

— Куда ты хочешь уехать? Зачем?

— Ты не понимаешь... этим дело не кончится. Ей скоро снова деньги потребуются. А мне их больше взять неоткуда... Представляешь... — Нэнси нервно рассмеялась, и глаза у нее стали совершенно безумные, — я пришла домой — а она там... Обрадовалась, сказала, что знала, что я все улажу, — даже спела, из «Моей прекрасной леди»: «Если повезет чуть-чуть, если повезет чуть-чуть — дети смогут содержать отца!» И смеялась... я уже не могла слышать этот ее смех! Она предложила поехать в ресторан, отпраздновать. А под конец заявила: «Ну, я уверена, ты всегда что-нибудь придумаешь! Вот, например, я в газете читала, что можно родить ребенка для кого-нибудь — это называется "суррогатная мать". И за это хорошо платят!» По ее мнению, я должна вынашивать чужого ребенка, чтобы она

могла красиво жить! Нет, я хочу уехать куда-то, где она меня не найдет... где никто меня не найдет...

— И что потом?

— Буду заново строить свою жизнь. И чтобы она больше не смогла ее разрушить. Тогда, в банке, мне было невыносимо представить себе, что дом продадут... и по нему будут ходить посторонние люди, рассматривать, покупать вещи, которые всегда там стояли, и картины, и письменный стол отца... А сейчас я понимаю, что этого не избежать, — только не хочу, чтобы это при мне было... Я уеду — и пусть все будет без меня, как будто этого и нет, понимаешь?

— Ты считаешь, она снова попытается заложить дом?

— А где ей еще взять деньги?! Она получает кое-что от издательства — книги отца часто переиздают, — но ей же этого мало!

— Этот Палмер — он что, идиот? Неужели ты думаешь, что он и второй раз согласится принять документы с фальшивой подписью?!

— Ты ее не видел, поэтому так говоришь... — Нэнси неожиданно усмехнулась. — Появись она тут, ты бы тоже потащился за ней, как телок на веревочке.

— Я бы не потащился! — огрызнулся Ник.

— Ты не понимаешь... В ней есть что-то такое, что действует на мужчин... я не могу тебе объяснить, просто знаю. Она даже штрафа за превышение скорости ни разу в жизни не заплатила, представляешь?!

— Но...

— Ник, сегодня Рождество, праздник... Я не хочу больше думать об этом — не хочу, понимаешь? Не хочу думать ни о чем плохом... Спасибо, что выслушал меня, но... хватит об этом!

— Ладно. — Он кивнул, улыбнулся и похлопал ее по руке. — Ты сегодня обедала?

— Нет. Я весь день проспала — а потом поехала за подарком. — Она взглянула на черно-белого Роки, развалившегося на диване, и тоже слабо улыбнулась: — Смешной, правда?

То болезненное напряжение, которое он почувствовал в Нэнси, стоило ей войти в дверь, немного спало — наверное, ей действительно надо было выговориться. За ужином она вела себя почти нормально — ела, разговаривала, улыбалась, шутила — посторонний человек, возможно, ничего бы и не заметил...

В душе Ника кипели, смешиваясь и споря друг с другом, два чувства: жалости и злости. Ну как человек может поступать так... по-дурацки, беззубо и неумело?! Почему она не послала их всех подальше, не пошла к

адвокату — а теперь вот сидит и улыбается этой вымученной улыбкой, от которой хочется волком выть...

И еще одно чувство, острое и болезненное, как у человека, приговоренного к смертной казни. Ощущение, что время утекает, как песчинки в песочных часах, и его остается все меньше и меньше. Вот сейчас Нэнси доест... может быть, поговорит еще немножко — и уйдет. Из его дома... и из его жизни.

— Когда ты уезжаешь? — не выдержав, спросил он.

— Мне через пять дней на работу, — ответила она, откладывая вилку. — Выйду — подам заявление. Наверное, попросят еще пару недель отработать. — Пожала плечами и виновато улыбнулась. — Может, успею еще разок к тебе зайти... если пригласишь. Сегодня-то я для тебя не очень хорошим собеседником оказалась — вместо праздника о своих проблемах плакаться начала...

Ник отмахнулся.

— Брось... все нормально. Ты лучше расскажи, куда ты поедешь.

— В Калифорнию. Там есть один парень, он сможет мне помочь с работой.

— Думаешь, поможет?

— Без вариантов. И с работой, и с деньгами на первое время — если понадобится. Он меня уже звал недавно, говорил, что сможет подыскать работу, где я раза в два больше получать буду, а я тогда отказалась, подумала — доработаю уж тут, всего ничего осталось...

— Твой приятель? — Ника кольнуло неизвестно откуда взявшееся острое чувство ревности.

— Мы с ним жили когда-то вместе... довольно долго, больше года. А потом он уехал в Голливуд и быстро пошел в гору.

— А ты не поехала?

— Ник, ты не понял... мы и сошлись-то потому, что у него в квартире спальня освободилась — а я жилье поближе к работе искала. Правда, — Нэнси рассмеялась и коротко смущенно взглянула на него, — уже через неделю эти... отдельные спальни стали чистой формальностью.

Его поразила улыбка, появившаяся на ее лице, — теплая, живая — первая настоящая улыбка за этот вечер. Он знал, что не должен спрашивать, что может разрушить выстроившийся между ними мостик доверия, — и все же спросил:

— Ты любила его?

— Нет... — на миг Нэнси задумалась, — наверное, нет. Мне всегда казалось, что если любишь — значит, хочешь родить от этого человека

детей и прожить вместе с ним всю жизнь. А тут... мы оба знали, что у каждого из нас есть определенная цель и рано или поздно придется расстаться. — Если бы мне подвернулся шанс поехать учиться — я бы поехала. Ему предложили кинопробу — и поехал он. Но нам было хорошо вместе. Он всегда умел как-то рассмешить...и заставлял меня дышать паром над вареной картошкой, чтобы горло не болело, — а потом мы эту картошку ели, с кетчупом. И купил мне теплые сапоги на меху... Я до сих пор не могу привыкнуть к вашему климату — каждую зиму то уши, то горло.

«Не-ет, этот парень крепко тебя зацепил, — подумал Ник, — если ты эту картошку с кетчупом вспоминаешь как нечто самое дорогое в жизни».

Ему стало не по себе — на секунду возникло ощущение, что он стоит на пороге чужой спальни и подглядывает. И — все то же страшное чувство: скоро, вот-вот, она встанет и уйдет. Уйдет к другому мужчине...

Ну и пусть, ну и пусть уходит! Кто она ему?! И какое ему дело, в конце концов, до чужой жизни, до этой женщины, которая, скорее всего, будет рада возможности воссоединиться со старым возлюбленным, раз одна мысль о нем вызывает у нее такую улыбку... Ну и пусть...

— Пойдем, я тебе хоть ночник покажу, — сказал он. (Надо все-таки дотерпеть этот визит как положено, и пусть убирается к своему калифорнийскому красавчику, наверняка светловолосому, загорелому и... здоровому. Здоровому, черт возьми!)

Наверное, Нэнси уловила резкие ноты в его голосе — а может, просто удивилась, что он так круто сменил тему. Взглянула на него непонимающе, и между бровями снова наметилась морщинка.

Получилось и правда красиво. Ник притушил свет, и в темноте мастерской ночник заиграл розоватыми сполохами.

Нэнси присела на корточки, оперлась локтем о подлокотник коляски и склонила голову, пристроив ее на собственной руке. Почувствовала руку на плече и не шевельнулась — было хорошо сидеть вот так и смотреть на переливающиеся огни... смотреть и смотреть... смотреть и смотреть... как будто ничего вокруг больше нет.

— Нэнси... мне очень не хочется, чтобы ты уезжала... — услышала она, подумала: «Ну неужели хоть ненадолго нельзя обо всем забыть?!» — и все-таки отозвалась:

— Мне тоже не хочется. У меня выхода другого нет.

— Выход есть всегда.

— Возможно... — Волшебство момента было разрушено. Она вздохнула и попыталась объяснить: — Наверное, я не так воспитана. У вас,

на Востоке, женщины другие. А я всю жизнь росла с тем ощущением, что серьезные проблемы — это удел мужчин... а теперь, вот видишь, не справляюсь.

— Да, но ты можешь выйти замуж и переложить все эти проблемы на плечи мужа.

— Угу... женихи прямо в очередь выстроились!

— Ну... ты можешь выйти замуж за меня...

Только сказав, он понял, что сейчас сказал. Почувствовал замершее под рукой плечо Нэнси и нажал на кнопку, включая свет.

Она смотрела на него даже не с удивлением, а как человек, который ослышался или с которым вдруг заговорили на непонятном ему языке.

Ник и сам не понимал, как могло у него выскочить такое, зачем — ведь она же все равно не согласится, только зря выставлять себя шутком! Авантюра... идиотизм... неужели он до такой степени ополоумел, что начисто потерял чувство реальности?!

Он решительно вздохнул и добавил:

— Уж я-то твои финансовые проблемы точно смогу решить.

Нэнси медленно встала, продолжая все так же изумленно, непонимающе глядеть на него. Сказала:

— Ник, я...

— Дай мне договорить, — отмахнулся Ник, постепенно приходя если не в бешенство, то в состояние, близкое к нему, — и вообще — я не хочу, чтобы ты отвечала мне сейчас. Ответишь завтра. И... сядь, ради бога, куда-нибудь, — пошарил глазами, — хоть на ящик! Я не могу, когда ты на меня так... сверху смотришь.

Она послушно потянула к себе ящик с жеодами, выдвинула его и села, неудобно примостившись на самом краешке.

— Тебе придется пойти только на один компромисс. Ты хочешь учиться — пожалуйста, но учиться придется где-то поблизости. Если тебе понадобится — или просто захочется съездить в Европу или еще куда-нибудь, с этим проблем не будет, но жить ты должна будешь здесь, со мной. (Зачем он тратит время и говорит все это — она же все равно откажется?!) Здесь... в доме все сделано под меня, и в других местах я себя чувствую некомфортно.

Ему показалось, что Нэнси слегка шевельнулась, будто собираясь сказать что-то, и он резко оборвал ее:

— Подожди, не перебивай! Я должен сказать тебе еще одну вещь. — Мельком подумал, что можно было бы обойтись и без этого унижения — она же и так откажется, зачем ей знать?! — и все-таки сказал: — Я хочу,

чтобы ты знала еще одно. Наш брак... — Голос внезапно сел, Ник сглотнул и повторил громче: — Наш брак никогда не сможет стать браком... в полном смысле этого слова. У меня не работают не только ноги, но и все, что... ниже пояса. — Увидел ее испуганно расширившиеся глаза — значит, дошло — и продолжил, каждым словом будто давая самому себе пощечину — за ту глупость, которую он сделал... и которую продолжал делать: — Я понимаю, что ты молодая женщина, но... если у тебя кто-то будет, я не хочу об этом знать — не хочу, понимаешь? Постарайся соблюдать определенный декорум — а я тоже не буду допытываться. Я говорю об этом один раз — и больше говорить не хочу... никогда...

Больше Нику говорить и правда было нечего — он и так сказал достаточно, чтобы сама мысль о согласии стала для нее невозможной. Поэтому он замолчал и уставился на Нэнси, удивляясь — почему она еще здесь? Пусть скорее уходит и перестанет смотреть на него так непонимающе. И главное — пусть молчит!

— Но тогда... зачем тебе это? — спросила она.

Ник мог сказать правду — что не хочет, не может потерять ее, не может сам, добровольно отпустить к другому мужчине. И жениться на ней — это единственное, что пришло ему в голову, даже не в голову — само вырвалось, он не хотел... Но выглядеть в глазах Нэнси еще более жалким, чем он сейчас наверняка выглядит, не хотелось даже если они видятся в последний раз.

Усмехнулся:

— Ты тогда спросила, почему я живу один. Я с тех пор много думал об этом, и вот...

— Я говорила о собаке...

— Ну... с собаками я никогда дела не имел. И потом — я просто не хочу, чтобы ты уезжала.

Вот это уже была правда — по крайней мере, часть ее.

— Ник, но...

Он перебил ее, не дав договорить:

— Хватит... не надо сейчас ничего. Оставь мне хоть какую-то иллюзию того, что ты подумала перед тем, как отказаться. И... уйди, пожалуйста...

Конечно, нельзя так выгонять гостью — но видеть ее было сейчас невыносимо. Да и о чем им теперь говорить? Как ни в чем не бывало вести светскую беседу?!

Нэнси встала и, не сводя с него глаз, испуганно, бочком шагнула к двери. И — страшная мысль: все, это уже действительно конец, больше он ее никогда не увидит... никогда...

Не думая, не рассуждая, сам не понимая, что делает, Ник схватил ее за руку и рванул к себе. Мгновение — и Нэнси уже лежала у него на коленях в нелепой позе, и он целовал ее куда попало, зажав и не давая шевельнуться.

От нее пахло женщиной... и все той же травой, название которой он никак не мог вспомнить, — и еще чем-то, что, как спиртное, ударило в голову. На миг показалось, что все хорошо, и все забылось, осталась только нежная кожа, и запах, и губы, которые Ник в конце концов нашел и впился в них, безжалостно расплющивая и сминая...

Нахлынуло — и отхлынуло. Он медленно отпустил ее, лишь теперь осознав, что Нэнси не сопротивлялась и не пыталась оттолкнуть его — но и не ответила на его поцелуи. Просто лежала, как большая кукла, только глаза были живыми и по-прежнему испуганными и непонимающими.

Почувствовав, что свободна, она шевельнулась и неловко, неуверенно попыталась встать. Чуть не упала, но потом выпрямилась и сделала шаг назад. Взгляд ее метнулся к двери.

— Иди, — мотнул в ту сторону головой Ник. Увидев, что она не двигается с места, а продолжает смотреть на него, яростно крикнул: — Не жди, я не собираюсь перед тобой извиняться — я слишком давно этого хотел! Иди, ну иди же!

На губе у нее выступила капелька крови...

Все так же не сводя с него глаз, Нэнси сделала шаг... Другой — добралась до двери, в последний раз взглянула — и скрылась за поворотом.

Он прислушивался. Шаги... все дальше и дальше. Остановились... слабый шум... и — хлопнула входная дверь... Все... Некоторое время Ник сидел, тупо глядя перед собой. Внутри все мелко дрожало, а в ноздрях по-прежнему стоял ее запах... и руки пахли ею. Внезапно его начало трясти. Потом прошло.

Она так и не взяла ночник...

Бен, естественно, опоздал — когда он появился, было уже полпервого. Зашел через свою квартиру, потоптался на всякий случай в коридоре и появился в гостиной.

Сначала он обратил внимание на собаку, ухмыльнулся: — Экая зверюга! — и лишь потом на Ника, который к тому моменту безрезультатно, почти не опьянев, прикончил бутылку виски.

От самого Бена тоже попахивало — не слишком сильно, но ощутимо. Настроение у него было превосходное.

Проходя мимо неубранного стола, он ухватил с блюда кусок индейки,

мгновенно проглотил и закатил глаза в знак полного восторга. Поинтересовался:

— Ну, как отпраздновали? — и, увидев, что Ник вместо ответа отвернулся и уставился в камин: — Что-то не так?

— Отстань! Еще ты тут будешь! — замотав головой, огрызнулся Ник. Осекся, закрыл глаза, вздохнул и тихо сказал: — Извини...

— Ты чего? — оторопело произнес Бен. — Ты же в жизни не извиняешься?!

На следующий день, рано утром, Нэнси позвонила и сказала, что она согласна.

Глава 9

Ник не сразу осознал, застыл, прижав к уху трубку...

— Что-то не так? — неуверенно спросила она. — Или я тебя неправильно...

— Да нет, все в порядке, — пришел он в себя. — Приходи, обсудим все технические вопросы — как и что. А заодно позавтракаем — миссис Фоллет страшно обиделась, что мы вчера не съели какой-то ее мудреный десерт.

Нэнси казалось, что жизнь ее, прежде спокойная и размеренная, понеслась вперед так стремительно, что не было времени даже толком обдумать происходящее. Это напоминало вырезанные и смонтированные вместе короткие эпизоды из какого-то фильма — нечто вроде «краткого содержания предыдущих серий».

Вот она завтракает у Ника, и он говорит, что хочет пожениться прямо послезавтра, еще до конца рождественских каникул — и она кивает (и она кивает!!!).

Потом он спрашивает:

— Ты хочешь пригласить кого-то на свадьбу?

И Нэнси тут же вспоминает приемы, устраиваемые мамой... Наверное, Алисия будет очень недовольна, когда узнает, что дочь вышла замуж, при этом лишив ее возможности устроить «семейное торжество» на двести человек.

— Не знаю... С работы приглашать нужно либо всех, либо никого — а то остальные обидятся... и многие поразъехались на каникулы. Так что, наверное, нет. Только Робби. А ты?

— Кроме Бена, никого, — отвечает он, и она думает, что ничего о нем не знает — ни кто его родители, ни даже сколько ему лет. За последние годы я как-то потерял связь со всеми друзьями. — И украдкой бросает взгляд на свои ноги. Нэнси уже научилась улавливать эти короткие взгляды.

А вот она звонит Робби, говорит, что послезавтра выходит замуж, и приглашает ее на свадьбу. Робби кричит в трубку:

«Ты с ума сошла?!» — и на следующий день с утра приезжает к ней под предлогом «помочь собраться» (хотя собирать-то особо нечего), а на самом деле узнать все подробности.

И Нэнси рассказывает ей о Нике, говорит, что они знакомы уже три месяца (кому какое дело, что они всего лишь встречались на несколько минут на беговой дорожке) — а теперь вот он сделал ей предложение. И вспоминает это предложение... и то, что он не сказал ни слова о любви, ни даже о том, что она нравится ему, — только целовал так, словно хотел выпить из нее душу, и глаза у него были совершенно сумасшедшие.

А Робби говорит, что она, Нэнси, авантюристка — разве можно вот так, сразу, выходить замуж за человека, которого едва знаешь?! (Смешно — Робби, которая после школы сразу уехала одна в Нью-Йорк, сменила десять мест работы, пока не осела в риэлторской конторе, уже успела выйти замуж и развестись — и вдруг считает ее авантюристкой!)

Начинает расспрашивать: «Ну, и как он?!» Нэнси понимает, что она имеет в виду, и отвечает, что с этим у него все о'кей. Ни к чему людям знать... Нику бы это не понравилось.

Потом Робби кричит: «Слушай, давай устроим девичник, чтобы было как положено!» — и они заказывают пиццу, и мороженое, и бутылку вина — и весь вечер веселятся, а под конец уже с хохотом катаются по кровати, вспоминая школьные вечеринки и как за Нэнси ухаживал этот придурок Джад Веллер, считавший себя похожим на Элвиса Пресли.

Но тут звонит Ник и спрашивает, во сколько утром прислать машину (завтра она переезжает к нему, завтра уже свадьба!), — и Нэнси вдруг понимает, что на самом деле ему просто хочется поговорить с ней. А подвыпившая Робби хихикает и в конце концов орет во весь голос: «Бросай трубку, завтра наговоритесь!» — приходится объяснять Нику, кто здесь вопит и что они делают — и он смеется...

А потом Нэнси лежит полночи без сна и думает, вспоминает... И в первый раз задумывается: правильно ли поступает? Только задуматься не очень получается — в голову лезут всякие посторонние мысли. И внутри все дрожит — не от страха, а как бы... в предвкушении, и хочется, чтобы

быстрее наступало утро, когда еще что-то будет.

Она решает не говорить матери о том, что вышла замуж, — просто оставить сообщение, что уезжает и звонить в ближайшее время не будет. А куда уезжает — неважно.

И вдруг, вспышкой — странная мысль: у Ника глаза похожи на ночник, который он сделал. Тоже — будто за цветным кристаллом горит и переливается огонек. С этой мыслью Нэнси и засыпает...

А утром, естественно, просыпает — и вскакивает от стука в дверь. Появляется Бен, и Нэнси страшно неудобно — она еще в халате, но он, будто так и положено, спрашивает: «Тебе заварить кофе?» — и идет на кухню, но застревает возле коробки с видеокассетами.

И когда она выходит из ванной, он все еще сидит на корточках и перебирает кассеты, вытащив половину наружу. И только что не облизывается. Оказывается, ему тоже нравятся старые вестерны.

Она спрашивает: «А что любит смотреть Ник?» — чтобы хоть что-то про него знать. Но Бен пожимает плечами и говорит: «Ничего. Он редко что-то смотрит, кроме биржевых сводок и новостей».

А потом он стаскивает вниз коробки и чемоданы — и они едут к Нику... точнее, домой, — мысленно поправляет себя Нэнси. Ведь теперь это будет и ее дом! Ей становится вдруг не по себе, но Бен ничего не замечает и продолжает спрашивать что-то о фильмах. Она машинально отвечает — и думает: «А Ник бы заметил...»

Ей хочется его скорее увидеть — может быть, при нем пропадет неожиданно возникшее чувство неловкости и нереальности всего происходящего? Но его нет... они входят в дом — а его нет...

Нэнси озирается, и Бен, поняв этот взгляд, объясняет: «Ник работает. Он обычно уже с шести на ногах... ну то есть... сама понимаешь. Он не любит, когда к нему в кабинет суются — подожди, скоро сам вылезет».

А ее новая спальня большая, светлая — и какая-то ужасно пустая. Голые стены, кровать с резной спинкой и бледно-розовым гобеленовым покрывалом, рядом тумбочка, и на ней — единственное яркое пятно во всей комнате — ночник! Нэнси тут же включает его — пусть светится, веселее будет.

Бен приносит остальные коробки, говорит: «Все, располагайся! Если что нужно — я в гостиной», — почему-то ухмыляется — и уходит.

И она начинает «располагаться»...

Все утро Ник то и дело поглядывал в окно, дожидаясь возвращения Бена. Точнее, приезда Нэнси.

С того момента, как она сказала: «Я согласна», он, сам того не желая,

пребывал в весьма растрепанных чувствах. Почему она согласилась? Что оказалось для нее важнее всего? Деньги? Возможность учиться? Что ж — это именно то, что он ей обещал...

Но что будет дальше? Как будут складываться и к чему придут их отношения, основанные, с ее стороны, на чисто прагматическом интересе, а с его — на остром, животном, атавистическом желании любой ценой забрать ее (вот эту, именно эту, веселую, живую и пахнущую травой) себе?

Когда Нэнси в то утро пришла обсуждать «технические вопросы», Ник сразу почувствовал, что она оживает.

И улыбка уже не выглядела вымученной, и глаза смотрели повеселее — словно опустошенный сосуд постепенно, капля за каплей, начал наполняться прежней радостной энергией.

Хуже было другое: то ли из-за того, что он рассказал ей, то ли потому, что (и это наиболее вероятно!) она боялась повторения вчерашней выходки, когда он набросился на нее, словно дикарь, — но, казалось, Нэнси начала стесняться его. Даже не поцеловала при встрече — только протянула руку и, стоило ему пожать ее, тут же отдернулась.

Ник сделал вид, что ничего не заметил, и повел ее завтракать. С ходу предложил пожениться послезавтра (самому себе не признаваясь, что движим все тем же первобытным желанием: «Скорее! Ее — сюда, себе!»). С облегчением воспринял то, что Нэнси не вознамерилась устроить пышное торжество и пригласить целую орду гостей, которые бы смотрели на них и жалели ее (или его?..).

Отвел ее на кухню и представил миссис Фоллет:

— Вот это моя будущая жена! Теперь вам будет с кем обсуждать мое меню! — добавил он с легким злорадством (то, что Ник наотрез отказывался тратить время на процедуру под названием «обсуждение недельного меню», служило, по сведениям Бена, поводом для определенного недовольства).

Миссис Фоллет явно смутилась.

В тот день все в доме — включая и Ника — чувствовали себя немного не в своей тарелке. Все, кроме Бена, который с первой минуты знакомства, словно так и полагалось, начал называть Нэнси по имени.

Ник про себя решил, что это уж слишком! Ему самому, конечно, было бы глупо пытаться «сохранить дистанцию» с человеком, который последние шесть лет ворочает его тело, вставляет ему катетер и — пардон! — моет задницу. Но Нэнси-то — другое дело, и фамильярничать с ней Бену было вовсе не обязательно.

Постепенно убедившись, что он ведет себя вполне «цивилизованно»,

Нэнси перестала дичиться и просидела у него полдня, болтая о том о сем. Под конец она уже не пыталась убрать прочно оккупированную им руку, а на прощание поцеловала — правда, в щеку, но все равно...

Задумавшись, Ник не сразу понял, что из гостиной доносятся знакомые звуки выстрелов. Выскочив в гостиную, он обнаружил Бена, развалившегося в кресле и с блаженным видом уставившегося в телевизор, откуда доносились какие-то по-особому подвывающие выстрелы и — вместо привычной полицейской сирены — цокот копыт. Увидев Ника, Бен щелкнул пультом и доложил:

— Привез. Видеотека у нее шикарная — сплошные вестерны! Я один уже позаимствовал, — кивнул в сторону экрана.

Как будто его об этом спрашивали!

В спальню Нэнси Ник вкатился с налета, привычно открыв дверь пультом, и, лишь оказавшись внутри, подумал, что, наверное, стоило постучать.

Она стояла у окна и обернулась — и обрадовалась. И он рассмеялся, сам не зная чему — просто потому, что на Нэнси был розовый спортивный костюм, полосатые яркие гольфы и тапочки-«собачки» с висячими ушами и глазами-пуговицами.

— Ты чего? — удивилась Нэнси. Бросила на себя взгляд и, кажется, немного смутилась. — Я люблю так одеваться... Так веселее!

— Мне ужасно нравятся твои тапки.

Подъехал вплотную, получил свой (полагающийся жениху!) поцелуй и поцеловал в ответ — в первый раз, не считая его дикарской эскапады. Губы оказались прохладными и нежными — больше ничего он распробовать не успел.

Ему стало весело, и показалось неважным все, о чем он думал, — главное, что Нэнси здесь, вот такая, теплая и домашняя... и будет теперь здесь...

— Ну как? Все в порядке? Устраиваешься?

— Мне, наверное, понадобится кое-какая мебель... А то сидеть негде, и кассеты ставить... и зеркала нет...

— А ты садись ко мне на колени, — предложил он, улыбаясь.

Во время мгновенной паузы, когда Нэнси удивленно уставилась на него, внутри стало холодно. Зря он это сделал — если она сейчас откажется, обоим будет неловко...

Он уже хотел сказать, что пошутил, но тут Нэнси шагнула к нему и действительно уселась на колени.

Почти инстинктивно Ник обнял ее, прижался лбом к ее виску, а в

голове уже вертелось: «Зачем вести себя так глупо, разыгрывая влюбленную парочку, — ведь она знает... и знает, что я знаю, что она знает...». Ему стало вдруг невыносимо стыдно. Он показался самому себе похожим на восьмидесятилетнего старика, который уже ничего не может и приглашает девочек по вызову, просто чтобы потрогать их и посмотреть, как они перед ним раздеваются. (Интересно, почему он этого никогда не делал?!)

Возможно, они с Нэнси смогут стать друзьями... если он сам не выкинет какую-нибудь глупость, после которой она начнет испытывать к нему неприязнь или отвращение... И не дай бог, она решит, что обязана терпеть его прикосновения и поцелуи — в обмен на то, что он может дать ей. Может быть, ей и сейчас не слишком приятно сидеть у него на коленях... на его мертвых коленях... все равно что на еще не остывшем трупе.

— Ник... — Нэнси повернула голову, и теплое, пахнущее кофе дыхание щекало ему губы, словно приглашая. — Ты чего?

— Ничего. — Он целомудренно поцеловал ее в щечку. — Ты завтракала? — (Может, и правда получится стать друзьями?) — Мировой судья придет в семь. — (Хоть какое-то преимущество его положения — не надо тащиться в мэрию...)

Глава 10

Нэнси всегда думала, что свою свадьбу она запомнит на всю жизнь — каждую деталь, каждую подробность... и, может быть, когда-нибудь, расскажет своей дочке, как это было. Но то ли от волнения, то ли потому, что все произошло очень быстро, запомнить не удалось почти ничего.

Только один короткий эпизод — когда они ждали мирового судью, Робби, чуть ли не подпрыгивая от волнения, вдруг вдохновенно затараторила старый детский стишок:

Что-то старое, родное, что-то новое такое...

Дойдя до слов «лучезарно-голубое», она повернулась к Нэнси и оглядела ее:

— Чтобы было «чужое», я тебе дам свой платочек, а новое что-нибудь ты надела? А-а, платье? Ну хорошо...

А где у тебя «лучезарно-голубое»?! Хоть какую-нибудь ленточку надо

повязать!

— Ну перестань, что за глупости! — попыталась отбиться Нэнси. Ей было неудобно — Ник смотрел на них во все глаза, а Бен уже откровенно ухмылялся, особенно после бестактного вопроса Робби:

— Или у тебя внизу что-то голубое есть?!

— Ну какое это имеет значение?!

— Как — какое имеет значение?! Ты что, не понимаешь?! — Робби обернулась. — Ник, ну хоть вы ей скажите — это же примета! Так положено!

Ник сначала мгновенно разозлился — Нэнси это сразу почувствовала, — а потом вдруг махнул рукой и рассмеялся:

— Ладно... будет вам сейчас «лучезарно-голубое»!

Выехал из комнаты — и почти сразу же вернулся.

— Вот... это достаточно голубое? — На ладони у него лежал камень размером с крупную виноградину — ярко-голубой, чуть ли не светящийся.

— Ой, а что это?! — вытаращилась Робби.

— Это голубой топаз. Из Южной Америки, — пояснил Ник, обращаясь к Нэнси. — Я тебе потом из него что-нибудь сделаю — например, серьги, его можно пополам распилить. Держи!

Нэнси осторожно взяла — топаз оказался тяжелым, маслянистым на ощупь и теплым от его руки. Подумала, что ни в коем случае не даст портить и пилить этот камушек, похожий на голубую звездочку.

— Ой, как здорово! Его можно завернуть в мой платочек и запихнуть тебе... — Тут Робби вспомнила, что в комнате мужчины, и поволокла Нэнси за рукав в коридор, где жарко зашептала: — Слушай, он же классный мужик! Мы тебе сейчас это в лифчик засунем — снаружи ничего не видно будет! Где бы мне такого найти?!

А потом все снова понеслось стремглав — пришел мировой судья и начал церемонию, и Нэнси машинально повторяла и подтверждала, а сама думала, что Ник сегодня весь день был какой-то странный, вроде бы отгородившийся от нее — даже когда они встречались на дорожке, он казался ей ближе — и, когда дошло до слов: «Объявляю вас мужем и женой!», она почувствовала облегчение оттого, что все уже кончилось. Кажется, мировой судья несколько удивился, что на свадьбе так мало народу. Не его дело — устраивать из этого представление для малознакомых людей Ник не собирался.

С него хватило и подруги Нэнси. Особа, правда, безвредная, даже забавная... и не стала бросать на него исподтишка сочувственных взглядов — но чересчур активная, все время мельтешит, болтает и чего-то шепотом

хочет от Нэнси (ему так и не удалось расслышать, чего именно). На такой бы он не женился — заговорит до смерти!

Зато Нэнси выглядела счастливой невестой — взволнованная, улыбающаяся, в белом платье и с подаренной им аметистовой подвеской на шее. Когда мировой судья закончил церемонию, она нагнулась к новоиспеченному мужу (он, Ник, «новоиспеченный муж»! Еще год назад такое сказали бы — не поверил!), на миг прижалась щекой к его волосам — и лишь потом пригнулась еще ниже, чтобы ему было удобнее поцеловать ее.

Дело успешно продвигалось к концу — торжественный ужин был уже закончен, соответствующее количество бокалов шампанского выпито, Бен принес кофе, и Робби, смекнув, что танцев сегодня не будет, начала поглядывать на часы. Потом сделала Нэнси отчаянный знак глазами — наверное, думала, что никто не заметит.

— Я сейчас! — Нэнси вытерла салфеткой губы и вместе с подругой устремилась к выходу.

Ник прислушался — они зачем-то побежали на кухню.

— Я, наверное, сейчас тоже к себе пойду... — неожиданно сказал Бен.

— Что? — удивился Ник.

— Ну... неудобно. Вы же только поженились, наверное, вдвоем хотите побыть... Позвонишь, когда надо будет.

Ник присмотрелся: Бен явно не шутил — наоборот, выглядел смущенным. Вот уж на него не похоже!

— Брось... Ты же знаешь — у нее своя спальня, у меня своя... и все такое.

— Все равно неудобно.

Раздались шаги, и в гостиную впорхнула Нэнси.

— Робби уже уходит, — сообщила она.

Когда, проведив Робби (и получив повторную порцию поздравлений, пожеланий, напутствий и так даже — очевидно, та сочла своим долгом компенсировать нехватку гостей), они с Нэнси вернулись в гостиную, Бена там не было.

Стол с кофейником и пустыми бокалами, мерцающая огоньками елка, букет кремовых роз на каминной полке — и они двое.

— Ну вот... — сказал Ник, не зная, что еще сказать. Нэнси стояла совсем близко и, кажется, была так же слегка растеряна, как и он — свадьба кончилась, а что дальше?

Он прижался лбом к ее плечу, вдохнул знакомый запах и замер, боясь спугнуть странное ощущение умиротворения. Почувствовал, как Нэнси

гладит его по голове, ерошит волосы — обхватил ее обеими руками, теснее притягивая к себе.

Его желания — откуда они брались, ненужные, бесплодные? Наверное, врач сказал бы, что дело в гормонах, которые по-прежнему продолжали вырабатываться. Вот и сейчас — хотелось обнять ее... целовать, гладить, расстегнуть крохотные пуговицы сзади на платье, попробовать на вкус ее кожу, ее губы...

— Нэнси... — Он поднял голову и взглянул в ее теплые дружелюбные глаза, не зная, что сказать: «спасибо»? Или «прости»?

Вместо этого он предложил:

— Там шампанское осталось. Давай выпьем, — чуть усмехнулся, — за нас с тобой. — Устала?

— Нет...

Нэнси взяла из его рук бокал и выжидательно посмотрела.

— Ну... за нас?

Она кивнула, бокалы, столкнувшись, зазвенели, и холодная кисловатая жидкость пролилась в горло.

— А о чем ты там с Робби шепталась? Что она от тебя хотела?

На самом деле Нику хотелось спросить: «А что она про меня говорила?» — но вопрос этот был дурацким, бестактным и напрашивался на неприятный ответ.

— Она попросила с собой кусок торта... — смутилась Нэнси — и хихикнула при виде удивления, промелькнувшего на его лице. — Под подушку собирается положить!

Ник не сразу понял — но потом до него дошло... Старая примета — если на ночь под подушку положить кусок свадебного торта — во сне увидишь своего будущего мужа!

— Она что — так верит в приметы?

— Угу, — подтвердила Нэнси, шаря глазами по столу. — И в гороскопы, и в гадание. — Выбрала пирожное, откусила и закончила: — Она мне вчера вечером гадала!

— Ну, и что нагадала?

— Массу всего, — охотно, со смехом, начала рассказывать она, — трюфовую даму-разлучницу, и дальнюю дорогу, и радостную встречу, и новый дом, и троих детей...

«Вот трое детей — это для нас самое актуальное...» — подумал Ник, а вслух сказал:

— Я рано встаю обычно, так что завтра позавтракай без меня. А я к обеду освобожусь — тогда все дела сделаем и мебель тебе закажем.

Подумай пока, что еще надо...

— А на дорожку ты со мной не пойдешь?

— Завтра нет... работы много. Ладно, поздно, наверное уже... Пойдем, я тебя до спальни провожу.

Показалось ему — или она была слегка разочарована?

И снова, как всегда: «гигиенические процедуры» (черт бы их побрал, самое противное и унизительное), мытье, массаж... Все как обычно, лишь в какой-то момент Бен, разминая безжизненные мышцы Ника, без энтузиазма в голосе спросил:

— Может, мне теперь стоит ужинать у себя? Ну... хотя бы первое время...

По утрам Бен, подняв его и усадив в коляску, приносил завтрак, после чего возвращался к себе досыпать, а вот ужинали обычно вместе.

— Еще не хватало! — отозвался Ник. — Чего ты вдруг?

— Ну, я подумал...

— Да брось ты!

Удовлетворившись ответом, Бен быстро закончил массаж, уложил Ника в кровать, сказал привычное:

— Ладно, если что — позвони, а я пошел. — И, громко зевнув, отправился восвояси.

Ник не сомневался, что, едва добравшись до койки, Бен рухнет на нее и захрапит.

Самому ему спать совершенно не хотелось. Лежа на спине, он перебирал в памяти все, что случилось за день. Приезд Нэнси... и какая она была смешная в этих тапочках с ушами... Все-таки хорошо, что теперь она здесь, близко! Нужно будет сразу после праздников разобраться с ее делами... и зря он не сказал, как ей идет это платье...

Когда раздался тихий стук в дверь, Ник подумал, что ослышался, но стук повторился, и он торопливо отозвался.

— Можно? — спросила Нэнси, входя.

Она была все в тех же забавных тапках, смотревшихся совершенно по-дурацки в сочетании с кружевным пеньюаром, сквозь который просвечивала ночная рубашка тепло-розового оттенка. «Похоже на розовый кварц», — машинально подумал Ник.

Подошла, присела на край кровати — вид у нее был смущенный.

— Ну чего? — улыбнулся он, дотягиваясь до ее руки.

— Ник, я тут подумала... Сегодня все-таки наша брачная ночь, и то, что мы каждый в своей комнате, — это как-то не по-людски получается... подожди, не надо, — тряхнула она головой, думая, что Ник хочет что-то

сказать — но он и не собирался. — Я помню, что... что ты тогда говорил — но ведь просто поспать вместе мы можем?!. Или... это плохая идея? Мне уйти лучше?

Он помотал головой — слова не шли на язык, только сердце билось все быстрее и быстрее, да во рту стало сухо. Откинул одеяло и, когда Нэнси уже шевельнулась, собираясь улечься рядом, попросил:

— Только... сними с себя все лишнее.

— А что — лишнее? — Она окинула себя взглядом и вопросительно посмотрела на него.

— Все, — сказал Ник, почувствовал, что голос сел и не слышится, хотел улыбнуться — не получилось. — Все, — повторил он громче.

— Погаси свет... — чуть слышно попросила Нэнси, вставая.

— Я оставлю ночник...

В отблесках золотистого света можно было различить немного — остальное дорисовывало воображение. Ее пальцы пробежали по пуговкам, расстегивая их... Пеньюар... за ним рубашка...

И вдруг вспомнилось, как они сидели здесь когда-то — кажется, уже давным-давно. И так же мерцал ночник, и Ник мечтал протянуть руку, обнять, дотронуться губами — и злился на самого себя за ненужные мысли.

Теперь он мог протянуть руку...

Нэнси не ожидала, что он набросится на нее... что он набросится на нее так. Мгновение — и она оказалась придавлена тяжелым мускулистым телом. Его губы нашли ее рот и жадно впились в него, и язык начал нетерпеливо раздвигать ей зубы, а руки — казалось, их было не две, а десять — заметались по всему ее телу, сжимая и лаская его.

И Нэнси всем своим существом потянулась ему навстречу, потому что это было то, чего она, сама не признаваясь себе, хотела с самого начала.

Внутри нее что-то бешено, до боли, запульсировало. Она инстинктивно обхватила обеими ногами бедро Ника, чтобы теснее прижаться к нему. Мелькнула мысль: «Он же там ничего не чувствует!..» — и затем: «Но я-то — чувствую!!!»

Она действительно чувствовала, все острее и острее, прикосновения его рук и губ, и жар, и тяжесть, и бедро Ника, об которое терлась самая чувствительная часть ее тела, — и, когда он неожиданно подхватил ее под ягодицы и потянул вверх, обиженно застонала. Но оказывается, он просто хотел добраться до ее груди, и добрался, и прижался лицом, и тоже застонал.

Его губы влажным горячим кольцом обхватили ее сосок, сжали, а рука

скользнула туда, где раньше было бедро, — и стало совсем хорошо. Невыносимо хорошо. Потрясающе хорошо.

Нэнси замерла, боясь спугнуть то прекрасное, ни с чем не сравнимое ощущение, которое расцвело внутри, — и, когда оно наконец пришло, закричала, приветствуя его...

Она лежала на животе, уткнувшись лбом в его плечо, и тяжело дышала. Ник чувствовал под рукой покрытую испариной кожу. Ему и самому никак не удавалось успокоить дыхание, словно в комнате не хватало кислорода.

Раньше он никогда не задумывался, какие чувства будет испытывать, не в силах получить удовлетворение — но в силах дать его, не испытывая плотского желания — но испытывая другое, которое даже не знал, как назвать. Теперь Ник мог сказать: несмотря ни на что, он чувствовал себя мужчиной. Хотя бы потому, что женщина, которая пришла в его постель, не уйдет разочарованной.

И, наклонив голову, чтобы дотронуться губами до влажных растрепавшихся волос, он задал извечный вопрос, который мужчины уже сотни лет задают своим подругам, заранее зная ответ и все-таки желая получить его. Вопрос, на который он теперь имел право:

— Тебе было хорошо?

Нэнси медленно кивнула и вдруг тихонько рассмеялась.

— Ты украл мое слово... — Она повернулась, подсунула руку ему под шею и обняла другой. — Я подумала: «Как хорошо», и ты вдруг спрашиваешь то же самое.

Погладила его по лицу — от запястья пахло духами... Как в одной книжке для женщин, которую Ник как-то из любопытства пролистал: «Положено наносить духи на запястья, за ушами и между грудей...» Подтянув Нэнси поближе, он зарылся лицом ей в волосы, вдохнул — и правда, а ухо оказалось маленьким и теплым.

Ник забыл уже, каким оно может быть на вкус, и попробовал... и вспомнил... Теперь ладонь его неспешно, по-хозяйски, легла ей на грудь, и пальцы начали описывать сужающиеся круги, очерчивая сосок.

Он хотел перепробовать все, дотронуться, поцеловать, обласкать каждую частицу Нэнси, каждое местечко, до которого мог дотянуться...

Ведь, черт побери, сегодня действительно была его брачная ночь!

Глава 11

Проснулся Ник в шесть, от звона будильника. Он знал, что

одновременно зазвенел будильник и у Бена — и минут через десять тот притащится, позевывая, чтобы начать утренний ритуал.

Ночью он несколько раз просыпался, чтобы убедиться, что сон — это там, а Нэнси здесь, наяву. Чувствовал рядом ее тепло, слышал дыхание (как непривычно!..) и снова засыпал...

Но теперь пора было вставать — на десять часов он назначил интернет-совещание с авторами пакета документов, которые еще из-за свадебных хлопот даже не успел толком проглядеть. А ведь сразу после Нового года он должен, разобравшись во всем досконально, принять решение, которое может обойтись ему в кругленькую сумму...

Ник зажег свет и повернул голову. Нэнси лежала спиной к нему, укрытая до подбородка одеялом. Он ухватился за поручень над головой и подтянулся поближе, дотронувшись губами до уха.

— Нэ-энси! Котенок, пора вставать!

Она застонала, приоткрыла глаза, сонно улыбнулась, потом решительно повернулась к нему, обвила его шею руками и снова зажмурилась.

На вполне понятном Нику языке это означало: «Я не возражаю еще немножко поспать. Вот так, с тобой, в тепле и уюте».

Осторожно перегнувшись через нее, он дотянулся до телефона, подтащил его к себе и нажал кнопку.

— Бен! — Наверняка тот удивится, почему шепотом.

— Чего, я иду уже! — раздался из трубки недовольный сонный голос.

— Ты... это, не приходи пока. Минут через пятнадцать... двадцать — я позвоню.

— Тебе что — плохо? — встревожился Бен — за последний год Ник не встал вовремя только один раз, да и то был тогда крепко простужен.

— Мне хорошо. — (И даже очень...) — Я позвоню.

Положил трубку и обнял Нэнси, прижавшись щекой к теплым волосам. Ну может же человек раз в жизни сделать себе такой подарок! Еще несколько минут... всего несколько минут...

Ник вспомнил вдруг свои вчерашние мысли... Нет, вот чего-чего, а отвращения к нему Нэнси явно не испытывала. Даже наоборот...

Глаза начали слипаться. Нет, пора вставать!

Погладил ее по голове, поерошил волосы.

— Нэнси, просыпайся! Давай-давай!

Она открыла глаза и уставилась на него.

— Мне вставать пора! А ты иди к себе и поспи еще...

Нэнси обиженно сдвинула брови, явно не желая вылезать из-под теплого одеяла.

Ник бы охотно оставил ее досыпать тут, но уж больно не хотелось, чтобы она ненароком увидела, как Бен ворочает его, перетаскивает на коляску и везет мыться, да и... все остальное тоже. После этой ночи... особенно после этой ночи не хотелось выглядеть перед ней беспомощным.

— Встава-ай! — И чтобы не показаться ей жестоким и бесчувственным тираном, он нежно ее поцеловал. — Сейчас Бен придет!

Она вздохнула и зашевелилась. Ник махнул пультом, открывая стенной шкаф.

— Надень мой халат — в коридоре дует!

«А кроме того, там может болтаться Бен, а я не хочу, чтобы он лицезрел тебя в этих интимных кружавчиках!» — добавил про себя.

Нэнси вылезла из-под одеяла, села и оглянулась. Ник с любовью смотрел на нее, пользуясь моментом. Руки сами тянулись погладить ее, но он не был уверен, что это не будет воспринято ею как приглашение вернуться обратно (и действительно не станет таким приглашением — отпустить ее очень не хотелось...).

Она встала, подошла к шкафу и выбрала синий теплый халат, надела его, туго подпоясавшись (жаль — Ник был бы не против посмотреть и «вид спереди»), — вернулась, присела на постель и наклонила набок голову.

— Ну, я пойду?... — Точь в точь как когда-то, на дорожке...

— Иди... — Взял ее за руку, потянул к себе — поцеловать напоследок — и отпустил. — Иди...

Нэнси сонно рассмеялась и, подобрав на ходу розовые «интимные кружавчики», пошла к выходу. У двери обернулась, улыбнулась — через секунду ее уже не было в комнате.

Перед тем как позвонить Бену, Ник еще немного полежал, глядя в потолок и улыбаясь, потом вспомнил про совещание, вздохнул — подушка все еще хранила запах ее волос... — и нажал кнопку.

Судя по всему, Бену хватило пары секунд, чтобы понять причину нестандартного поведения своего работодателя. От комментариев и вопросов он, слава богу, воздержался и даже не слишком удивился. Сказал только:

— Если ты и завтра собираешься... попозже встать, так, может, мне не ставить будильник? Позвонишь, когда надо, и все... чего я буду зазря вскакивать?!

Ник охотно согласился.

С утра Ник пытался настроить себя на рабочий лад и ни на что не отвлекаться, однако получалось плохо. Нет, он читал, что-то высчитывал и делал пометки в блокноте — и все время невольно прислушивался. Но за дверью было тихо, а из гостиной не доносилась привычная стрельба. Заканчивая совещание и глядя на маячившие на экране лица, Ник вдруг подумал: интересно, а что думают о нем эти люди, большинство из которых он за три с лишним года совместной работы «вживую» так никогда и не видел.

Кажется, они удивились, когда впервые за все эти годы Ник поздравил их с праздниками и пожелал хорошо отдохнуть.

Выкатившись в коридор, он обнаружил, что в гостиной никого нет, услышал веселые голоса, смех — и поехал на звук.

Как выяснилось, все его домочадцы были на кухне. Нэнси, сидя за столом и размахивая вилкой, рассказывала что-то настолько интересное, что миссис Фоллет, кажется, забыла про зажатый в руке пластмассовый шприц, из которого свешивалась масляная закорючка, и уставилась на нее во все глаза. Бен же, присев на край стола с чашкой в руке, скептически ухмылялся.

При виде этой ухмылки Нэнси возмутилась:

— Да ну, я правду говорю! — и тут расплылась в улыбке, заметив Ника. — Привет!

Миссис Фоллет тут же спохватилась и, не дав закорючке вывалиться окончательно, повернулась к блюду с ростбифом, для которого предназначалось масло.

Ник подъехал вплотную к жене, приобнял ее и поцеловал в щеку, зарывшись носом в пахнущие улицей и свежестью волосы.

— Привет.

— Хочешь омлет по-испански? Тут еще немного осталось, — кивнула Нэнси на стоящую в центре стола сковородку с чем-то пестрым. — Миссис Фоллет очень вкусно сделала!

Он на миг обозлился — а почему его никто не позвал есть испанский омлет?! — тут же вспомнил, что сам категорически запретил заходить к нему в кабинет во время работы, и вдруг подумал: «А чего я, собственно, злюсь?! Ведь все так хорошо!..»

Мысль промелькнула в голове Ника за считанные секунды. К его носу тем временем подплыл бутерброд — половинка булочки с куском омлета.

— На, попробуй! — И он послушно откусил, лишь потом взяв из руки Нэнси остатки.

Показалось ему или во взгляде миссис Фоллет действительно

мелькнуло нечто похожее на умиление?!

— Нэнс, так я пороюсь у тебя в кассетах? — спросил Бен, сползая со стола. (Уже «Нэнс»! Дожили!)

— Угу, — кивнула Нэнси, отхлебнула кофе и повернулась к Нику. — Тебе налить?

— Дай один глоток из своей чашки — мне хватит. — Отпил, кивнул. — Закончишь есть — зайди ко мне в кабинет.

Уже выезжая из кухни, Ник вспомнил нравоучение Бена: «Женщин хвалить нужно!» и обернулся.

— Спасибо, миссис Фоллет, ужин вчера был исключительно вкусный! Особенно этот... торт. И омлет сегодня был превосходный.

— Может, вы хотите кусочек торта? Там еще осталось! — обрадованно встрепенулась миссис Фоллет. — А на ужин сегодня палтус в винном соусе будет! А завтра на завтрак — французские блинчики с сыром, мы с Нэнси уже договорились!

(Почему ему никогда до сих пор не готовили палтуса в винном соусе и французские блинчики? Что, нужно обязательно жениться, чтобы такое получить? И почему «Нэнси», а не «миссис Райан»?!)

— От торта я, пожалуй, не откажусь. Нэнси, прихвати мне кусок, когда пойдешь в кабинет.

(А все-таки неплохо быть женатым!)

Из предложенного ему «кусочка торта» выросло целое действие. Не прошло и пяти минут, как Нэнси вошла в кабинет, толкая перед собой сервировочный столик, на котором возвышался кофейник, стоял торт, а кроме того, чашки, блюдца, тарелочки, вилочки, лопаточка, сахарница, молочник и бумажные салфетки в ажурной фарфоровой вазочке.

Но главное было не это, а то, что, бросив столик, она подошла к Нику сзади, обняла его, скрестив руки на груди, уткнулась носом в макушку и сказала прямо туда:

— Я с тобой кофе с тортом поью. Ты не против?

Он перехватил ее за локоть и усадил себе на колени — благо больше в кабинете сидеть было не на чем.

— Я — не против. Посиди со мной так немного, а потом принесешь с кухни табуретку. Ты хоть поспала?

— Да, я только в десятом часу встала.

— Бегала сегодня?

— Обязательно.

Ник не знал, о чем еще говорить — все показалось вдруг каким-то странным. За день до Рождества он сидел в этом самом кабинете и думал,

что раньше начала января не увидит Нэнси — да и увидит ли вообще?.. А теперь, спустя всего пять дней, они уже женаты, она сидит у него на коленях и он задает ей «домашние» вопросы — как она спала и бегала ли сегодня на кольцо...

— А ты так и не выспался...

— Ничего, у меня днем тихий час будет. — Притянул Нэнси поближе и, вдыхая теплый запах ее волос, прикоснулся губами к щеке. — Придешь?

— Ты же не выспался... — По тону было непохоже, что она намерена отказаться.

Нетерпеливо замотав головой, Ник повторил:

— Придешь?

— Приду... если пригласишь.

— Считаю, что уже пригласил! — рассмеялся он.

— Ник, а сколько тебе лет? — неожиданно спросила Нэнси.

— Тридцать три. А что?

— Я думала, ты старше. Ты выглядишь старше. А когда смеешься — сразу моложе становишься. — Она слегка смутилась. — Ну и... я же про тебя совсем ничего не знаю.

— А что про меня знать? Родился, учился... когда это, — он поморщился и кивнул вниз, — случилось, мне всего двадцать шесть было. Вот и все.

Действительно, «вот и все». Настроение ушло...

— Ладно... Тащи табуретку, давай кофе пить, а потом делами займемся.

За то время, что Нэнси ходила за табуреткой, Ник постарался взять себя в руки. Повторил себе несколько раз, что пора начать воспринимать то, чем он стал, как факт... как данность — и перестать идти вразнос каждый раз, когда задают элементарный вопрос. Тем более что спрашивала-то она совсем о другом... Это у него самого все мысли направлены в одну сторону.

И вообще, как ни глупо, но он действительно чем-то стал напоминать брюзгливого и склочного старика...

Поэтому, когда Нэнси появилась в кабинете, он дотянулся до нее, поймав на ходу, и с улыбкой подтащил к себе.

— Ну, так что ты про меня хочешь знать? Только предупреждаю — биография у меня скучная и неинтересная: родился, учился, работал... теперь вот женился. (И увидел, как медленно тает морщинка между бровей...) Или лучше сейчас все дела сделаем, а потом пойдем поплаваем в бассейне, позагораем — вот тогда и поговорим об этом.

В делах Нэнси не разбиралась совершенно — даже больше чем не

разбиралась. Ник подсунул ей пачку документов — она подмахнула их не глядя, заставив его возмутиться:

— Женщина, ты хоть читаешь, что подписываешь?

— Но это же ты дал!

— Ну и что?! — Вспомнил, что глупо учить ее не доверять самому себе, и усмехнулся: — Ладно, когда я даю, то... в общем, можно. — Все-таки счел нужным разъяснить: — Ты сейчас подписала доверенность — чтобы я мог разобраться с твоими делами. И послебрачное соглашение — там написано, что если мы разведемся, то каждый останется при своем, не считая подарков. То есть ты не будешь претендовать на мой бизнес и мое имущество — а я на твоё наследство и заработки.

Нэнси поморщилась и пожала плечами.

— На мое наследство я сама уже не претендую... лишь бы она оставила меня в покое.

— Я же сказал — я разберусь в этой истории и думаю, что сумею справиться с проблемой так, чтобы твоё осталось твоим. Когда ты должна была получить деньги?

— Когда мне исполнится двадцать пять. Двадцать седьмого апреля.

— Дай мне данные банка и адвоката, составившего завещание, — вообще все, что у тебя есть.

Слова «все, что у тебя есть» были поняты буквально — Нэнси ушла к себе в спальню и вернулась с большой конфетной коробкой. Объяснила:

— Я все принесла. Может, тебе еще что-то понадобится...

Коробка была доверху забита бумагами — сверху валялись счета, открытки, просто какие-то цветные бумажки и фотографии. Сбоку торчал уголок чековой книжки. При виде такой вопиющей безалаберности Ник на миг онемел, Нэнси же, пару секунд покопавшись в коробке, безошибочно вытащила снизу тоненькую пластиковую папочку.

— Вот. Это копия завещания отца. — Покопалась еще и вытянула фотографию. — А это я в школе!

На фотографии несколько девчонок в разноцветных купальниках расположились на каком-то бревне, приняв, по их мнению, живописные позы. Нэнси можно было узнать безошибочно — она практически не изменилась. Лишь выдающегося бюста, хорошо заметного на фотографии, у теперешней Нэнси не наблюдалось.

Уловив удивленный взгляд Ника, она захихикала:

— Это поролон. Мы тогда в купальник такие поролоновые вкладыши запихивали — издали не разберешь.

Ник фыркнул. Нет, с этой женщиной не поработаешь! И без того в

голову посторонние мысли лезут и вспоминается солоноватый вкус ее кожи — а тут ему еще всякие дурацкие фотографии показывают. Ладно, с этим он разберется потом, без нее...

— Это твоя? — вытащил он из груди бумаг чековую книжку.

— Да.

Сунул книжку в сканер — скопировать данные счета.

Глава 12

Спуститься в бассейн Ник мог и сам, прием был уже отработан: подъехать вплотную к бортику, попав между двумя поручнями, опереться на них руками — что-что, а руки у него были сильные! — оттолкнуться и плюхнуться в воду лицом вниз, поднимая тучу брызг. Получалось даже что-то отдаленно похожее на прыжок — по крайней мере, беспомощным при этом он не выглядел, а потом, в воде, проблем вообще не было — рук вполне хватало не только на то, чтобы держаться на поверхности, но и на то, чтобы более-менее плавать.

Поэтому, дождавшись, пока Нэнси появится в дверях, он бросился в воду и к тому времени, как она испуганно подлетела к краю бассейна — подумала небось, что убили! — успел ухватиться за идущий по периметру бассейна поручень и встретил ее улыбкой.

— Полежай скорей сюда! Вода теплая — класс!

С удовлетворением отметил, что она слезла неуверенно, чисто по-женски: попробовала воду ногой, опасливо отдернула ее, едва коснувшись поверхности, — а потом полезла вниз по лесенке, цепляясь за перила. Не меньшее удовольствие вызвало и лицезрение ее фигуры, затянутой в консервативно-простой синий купальник. Худенькая, стройная, длинноногая — и при этом гладенькая и упругая, с переливающимися под кожей мышцами. Именно такой Ник и представлял ее себе когда-то, после первой встречи.

Нэнси скользнула к нему, оттолкнувшись от борта и взбив воду ногами. Их руки встретились, потом столкнулись и тела. Ник не стал упускать возможности и обнял ее, притягивая к себе.

— Нэнси... котенок.

Так он назвал ее в первый раз ночью, непонятно откуда выкопав это слово, — и ей понравилось...

Она обняла его за шею, подняла лицо — и Ник повторил, шепотом:

— Котенок...

Поцеловал — нежно, долго, насколько хватило дыхания. И еще раз, и еще...

Он жалел о невозможном — и не жалел, потому что то, что происходило сейчас, тоже было чудом, о каком он и не мечтал. Когда он ненадолго отрывался от Нэнси, глаза ее приоткрывались... господи, как давно он не видел ни в чьих глазах такого света, как давно, целую жизнь, не чувствовал себя желанным.

Он старался не отпустить поручень, в который вцепился мертвой хваткой, понимая, что тогда они оба пойдут ко дну, — но еще одной руки отчаянно не хватало.

Нетерпеливо оставив ее губы, Ник добрался до нежного теплого местечка за ухом и стал целовать там — там она любила, это он уже знал.

— Бен... может увидеть... — пробормотала она, не делая, впрочем, попытки отстраниться.

— Наплевать... — (В самом деле, это же его дом и его жена!) — И он не увидит — мы за бортиком.

— Давай немножко поплаваем и пойдем в спальню.

— Давай... — (шепотом, между поцелуями.)

— Тогдапусти меня...

— Не могу... Отпусти ты первая.

— Не могу...

Потом им удалось расцепиться и они поплавали — совсем недолго, то и дело сталкиваясь, словно притягиваемые друг к другу магнитом, делали вид, что это случайно, — и снова оказывались вместе.

— Слушай, может, хватит уже? — спросил Ник во время одного из таких столкновений. — Ну, плавать?..

— Наверное, хватит...

— Тогда вылезай и иди к себе... я тебе позвоню минут через пятнадцать.

Слава богу, Нэнси не стала спрашивать: «Почему?» — ему не хотелось ничего объяснять про обычную полуденную процедуру, включающую катетер. И не хотелось, чтобы она видела, как Бен вытаскивает его из бассейна и усаживает на коляску — пусть с помощью специального подъемника, но все равно...

Неважно, неважно, неважно, почему она согласилась выйти за него замуж! Неважно — и все! Ведь не по деловым же соображениям она пришла к нему ночью — сама пришла! — и лежала рядом, и обнимала его, и тянулась к нему! И сейчас — тоже... Значит, есть еще что-то — пусть немного, но есть...

Бен словно нарочно тянул время — двигался еле-еле, то и дело отвлекался на болтовню, а потом вдруг заявил:

— Может, стоит тебе сегодня дополнительный массажик сделать?

Ответную тираду Ника едва ли можно было повторить в приличном обществе.

— Ну, слава богу! — ухмыльнулся Бен. — А то ты второй день такой тихонький да благостный — прямо не узнать!

— Уж такой я обычно монстр! — буркнул Ник. Ругаться ему не хотелось, но оставлять подобные реплики без внимания тоже нельзя было.

Бен не ответил, продолжая ухмыляться, и, лишь уложив Ника в постель, поинтересовался:

— Мне через пару часов прийти — или ты сам позвонишь?

— Позвоню.

Нэнси прибежала, едва он позвал, — в халате, с распушившимися, тщательно высушенными феном волосами — так и хотелось запустить в них руку. Уже не стесняясь, забралась с ногами на кровать и уселась, весело глядя на него сверху.

И ему тоже стало весело и как-то очень легко на душе — не осталось ни малейшего ощущения неловкости. Даже коляска, стоявшая в углу, уже не казалась уродливым монстром — ну стоит и стоит себе — и не было неприятно, что Нэнси может увидеть ее...

— Ну что? — спросила она, наклонив набок голову.

— А вот что! — Одним рывком он повалил ее на кровать, развернув спиной к себе, и прижался, нашаривая впереди пуговицы. Она забилась, пытаясь повернуться к нему, и Ник притиснул ее сильнее, зарывшись лицом в волосы на затылке.

— Лежи так... я сам хочу...

Приподнял ее, стаскивая с плеч халат и нетерпеливо целуя освободившиеся места, — и только потом развернул к себе. Его рукам, способным без труда поднять двести фунтов, она показалась маленькой и легкой, как кукла.

— Ну что? — спросил теперь уже он, глядя в оказавшиеся совсем близко веселые светло-карие глаза, почувствовал легкий запах мяты — и рассмеялся, внезапно вспомнив дурацкую мятную конфетку, которую съел в то утро, когда впервые ждал Нэнси в своем доме.

— Ты очень красивый, — неожиданно сказала она. — А когда улыбаешься — особенно. — Осторожно провела пальцами по его брови, скользнула по щеке.

— Я знаю... — Получилось нахально и самонадеянно, хотя Ник и

правда это знал. Когда-то у него не было отбоя от девушек и привлекательная внешность помогла ему раздвинуть немало ножек. — Мама часто смеялась и говорила, что по каталогу самого красивого выбирала, — объяснил он усмехнувшись.

Он понимал, что, наверное, нужно сказать ей тоже что-то в этом роде, какой-то комплимент, — но слова прозвучали бы неискренне. Нэнси не была красивой, не была некрасивой — и эти, и любые другие определения казались тут неуместными. Она была — его, вот и все.

Поэтому вместо слов Ник нагнулся к ней и принялся целовать ее, не принося к ее губам всерьез, а лишь очерчивая их контур нежными прикосновениями.

Только очертить этот контур было трудно, потому что губы эти то приоткрывались, заманивая и соблазняя, то пытались ответить на его поцелуи. Руки Нэнси легли ему на плечи, скользнули по спине и ушли ниже... словно на другую сторону луны, туда, где он больше не мог их чувствовать.

«Другая сторона луны...» Короткий укол боли — и Ник заставил себя отбросить эту ненужную мучительную мысль. И прижался наконец к ее рту, подчинившись отчаянному, неистовому — непонятному и бесплодному желанию вобрать Нэнси в себя — всю, целиком.

Едва ощутимая дрожь прошла по ее телу — но он услышал. Услышал — и отозвался легким касанием пальцев, словно невзначай пробежавших по ее груди и животу, скользнул языком ей в ухо, обласкав нежную раковину.

Нэнси напряглась, дыхание ее стало чаще.

Руки Ника перестали быть нежными и осторожными — они мяли, ласкали, сжимали и теребили шелковистую кожу, безошибочно находя те, запомнившиеся с ночи, места, прикосновения к которым заставляли ее вздрагивать и судорожно втягивать в себя воздух.

Не хватало дыхания, и казалось, что он сейчас вместе с Нэнси переживает те остро-сладостные ощущения, которые охватили ее тело, — и теплую волну, прокатившуюся по бедрам, и жар, и неподвластные ее воле короткие толчки внутри, словно там, пытаясь вырваться наружу, билось что-то живое.

— Давай! — Губы его впились в заветное местечко за ухом. — Давай! — Он рывком повернул к себе ее лицо, чтобы видеть.

Судорога, пробежавшая по телу Нэнси, была только началом. В следующую секунду оно взметнулось вверх, напряженное, выгнутое. Лицо с зажмуренными глазами и распахнутым в беззвучном крике ртом

запрокинулось.

Бедра ее конвульсивно дернулись, сжались, из горла вырвался хриплый стон — и она рухнула рядом, все еще вздрагивая и тяжело дыша.

Но этого было мало... мало...

Ник не мог сдвинуться вниз — поэтому, подхватив под мышки, толкнул вверх самую Нэнси. Вжался лицом ей в грудь, жадно втянув в себя сосок, прикусил — и она снова застонала. Руки ее, вынырнув из Зазеркалья, вновь оказались у него на плечах и нетерпеливо забегали по ним.

На миг он оторвался от нее, чтобы приказать... потребовать... взмолиться:

— Еще... Еще!

Он чувствовал, как желание вновь нарастает в ней, как под его губами неистово колотится сердце, как Нэнси извивается, подчиняясь движениям его чутких умелых пальцев. И вот наконец — острые коготки, внезапно вцепившиеся ему в плечи, тихий вскрик, судорожные сокращения мышц под руками... потом слабее... слабее... — потом тяжелое дыхание и в последний раз пробежавшая по ее телу случайная запоздалая дрожь...

Что иногда нужно человеку для счастья? Видеть, совсем близко, закрытые глаза, и брови, приподнятые «домиком», и странное выражение лица — словно лежащая рядом женщина прислушивается к чему-то, не слышному никому, кроме нее, и боится упустить хоть ноту, хоть звук...

Много это или мало? Для кого-то — пустяк, а для кого-то...

Глаза медленно приоткрылись — и вновь зажмурились. Нэнси подвинулась ближе и прижалась лбом к его плечу. Отстранилась, потерлась лицом о подушку и снова прижалась.

— Я вся мокрая... — пробормотала она.

— Я тоже, — «утешил» Ник, зарываясь пальцами в густые, пахнущие травой пепельные волосы и притягивая ее к себе.

Она кивнула, но через несколько секунд поморщилась, почувствовав, что он набрасывает на нее одеяло.

— Н-нет, я пойду сначала ополоснусь. — Пошевелилась, медленно села и обернулась. — Ты и правда тоже мокрый... — И, улыбнувшись так, что, казалось, все вокруг заискрилось радостью, спросила: — Хочешь, я принесу полотенце и тебя оботру?

В первый момент Ник не поверил собственным ушам. Зачем она — сейчас? Именно сейчас, когда все было так хорошо? Да еще с такой улыбкой?.. Что, решила поухаживать за калеккой?

На губах у него уже было резкое: «Обойдусь!» — и вдруг, глядя в ее

теплые веселые глаза, он понял, что Нэнси ничего не имеет в виду. Что то же самое она могла бы предложить и совершенно здоровому человеку, которому просто лень вставать и идти в ванную. И со смехом принесла бы полотенце и начала бы его обтирать — и еще неизвестно, чем бы кончилось это обтирание — возможно, тем же, с чего началось...

Широко улыбнувшись, он кивнул:

— Хорошая идея! Давай, тащи!

Вода в ванной плескалась долго — ему казалось, что бесконечно, — и с каждой секундой Ник все острее понимал, что сейчас, только что, он чуть не испортил все то, что складывалось между ними.

Он надеялся, что растерянность, промелькнувшая в глазах Нэнси, ему только почудилась. Надеялся — и не верил в это.

Ему надо научиться жить с людьми... точнее — жить с ней. И помнить, что Нэнси — его жена. И если она принимает его таким, какой он есть, — то и он должен принимать себя таким, а не искать в каждом слове намек.

Когда Нэнси вышла из ванной с полотенцем, он уже ждал ее, распластавшись на спине.

Вообще-то в постели Ник не чувствовал себя беспомощным, мог и сидеть, держась за поручень, и ворочаться с боку на бок (с помощью все тех же поручней) — но выглядело это несколько неуклюже, так что он решил предстать перед ней «готовым к обработке».

Когда прохладное полотенце прикоснулось к его лицу, он блаженно зажмурился, вытянул шею, подставляясь, и закинул руки за голову.

Лицо, шею... сначала мокрым, а потом сухим краешком. Подмышки... Плечи...

Движения полотенца замедлились, и Ник открыл глаза. Нэнси сидела рядом, привалившись к нему бедром, и смотрела, пытливо и удивленно, словно впервые разглядела его как следует.

— Что, волосатый, как обезьяна? — с коротким смешком спросил он.

Волос у него и правда хватало — и грудь, и предплечья были покрыты густой курчавой черной порослью. Правда, когда-то женщинам это нравилось (так они говорили...).

Нэнси покачала головой.

— Красивый... — сказала она очень серьезно — даже печально. Погладила пальцами по плечу с выпуклыми налитыми мышцами (не зря он наматывал мили в ручной коляске и потел на тренажере).

Потом, словно спохватившись, начала обтирать его ниже, добралась до живота и вновь остановилась. Смущенно подняла глаза.

— Ник, а я... может быть, могу что-то для тебя сделать? Ну...

Он сразу понял, о чем она, и покачал головой. Взял из рук полотенце, еще пару раз мазнул по лицу, по шее и отбросил в сторону.

— Ложись ко мне...

Неприятно — и все-таки придется объяснить...

Дождался, пока Нэнси легла рядом, взял ее руку и потянул — но не туда, куда она, наверное, ждала, — а выше, на живот под ребрами.

— Вот здесь я еще чувствую, — сдвинул руку немного вниз, — а здесь уже нет. Хоть ножом режь, хоть целуй — ничего. Но... спасибо.

Ненадолго в комнате наступила тишина, потом Нэнси нерешительно спросила:

— А никакую операцию, ничего сделать нельзя?

Ник знал, что рано или поздно она задаст этот вопрос — и он вынужден будет ответить...

— Такие операции иногда делают. В Швейцарии и в Германии. Но методика только-только вышла из стадии эксперимента, поэтому там заранее дают подписать документ, что я знаю о возможных последствиях и не буду иметь претензий. Понимаешь, есть вероятность неудачи — и тогда все, полный паралич. И я боюсь... Я боюсь. Пока у меня работают руки, я все-таки относительно самостоятелен... Ты не представляешь себе, что такое быть парализованным, жить, целиком завися от других. Когда невозможно сделать то, о чем люди и не задумываются, самые простые вещи — почесать нос... поесть, зубы самому почистить...

Странно, но ему не было тяжело все это говорить. Нэнси лежала тихо-тихо, и ее присутствие ощущалось лишь по теплу на плече и по легкому дыханию, щекотавшему шею. Можно было представить, что он разговаривает вслух сам с собой.

— Может быть, когда-нибудь, когда методика будет лучше отработана, через несколько лет... но я пока не хочу зря надеяться. Давай больше не будем об этом говорить. — Он покосился на Нэнси — она смотрела на него не отрываясь, внимательно и печально. — Давай не будем...

Она видела и поручни вдоль изголовья, и то, как он плавал сегодня, не шевеля ногами, но представить себе его жизнь, почувствовать ее как бы изнутри не получалось.

Ей порой казалось, что все это понарошку, что он вдруг встанет и пойдет — да еще посмеется: «Ты что, и вправду поверила?!» Энергичный, жесткий, веселый, сердитый, деловой, с мгновенными сменами и переходами настроения — «закрытый» и очень немногие из своих чувств выпускающий на поверхность, — он был непривычен и не вписывался ни в какие рамки. И это — ее муж...

Он лежал неподвижно, но не спал. Обнимал ее за спину большой теплой рукой, думал о чем-то своем и заговорил неожиданно, словно продолжая уже давно начатый рассказ:

— Моя мама очень любила цветы. Она вообще все живое любила, но на животных, на шерсть у нее была аллергия, а на цветы нет. У нас дома всегда было много цветов — и на окнах, и большие кусты в горшках. Она их мыла, подкармливала, поливала... даже разговаривала с ними. У нее прямо под руками все распускалось. Я, когда еще маленький был, помню, каждую зиму — почему-то именно зимой — у нее в спальне начинал цвести жасмин, и она меня рано утром будила, и мы нюхали этот первый цветок...

Нэнси боялась шевельнуться и спугнуть его — никогда раньше Ник не рассказывал о себе или о своей семье и в любой момент мог снова замолчать.

— ...Мама всю жизнь проработала в банке, в сорок лет стала вице-директором, возглавила отдел инвестиций — и всю жизнь не любила свою работу. Мечтала заниматься чем-то другим — путешествовать, писать книги... и так и не решилась. Мне все ее знакомые тоже прочили карьеру в банке, а она смеялась и говорила: «Это же так скучно — сидеть на одном месте! У меня не вышло — так хоть ты поезди и мир посмотри!» Хотя и деловые способности, и чутье, и умение прогнозировать у меня есть — в этом я в нее пошел. И пригодились... теперь...

Как и всегда при упоминании о своей инвалидности, Ник заговорил суше и жестче, но все-таки не замолчал, а после короткой паузы продолжил:

— У меня никогда не было отца. Когда маме было сорок три, она... воспользовалась услугами банка спермы. Так что был только донор. Манекенщик — вот и все, что я о нем знаю. Понимаешь, она... мама хотела, чтобы ребенок красивый получился — боялась, что девочка родится... похожая на нее. Она-то сама не очень красивая была и высокого роста, поэтому ей в личной жизни не везло. — В голосе его прозвучала такая нежность, с какой он никогда и ни о ком раньше не говорил. — А родился я... Она меня очень любила и очень хотела, чтобы у меня в жизни все удалось. Мне лет десять было, когда я решил, что стану геологом, и начал в дом камни таскать, — так она специально в каникулы ездила со мной в Аризону, в Нью-Мексико, в Колорадо — даже на Аляску. И мы там лазали по горам и собирали коллекцию минералов... то есть я лазал, а она внизу, по тропинке шла. А когда мне было пятнадцать, у нее случился первый инфаркт... и больше мы уже не ездили...

Ник надолго замолчал. Нэнси хотела попросить, чтобы он рассказал еще что-нибудь о своем детстве, — когда он вдруг добавил две фразы, от которых у нее сжалось сердце:

— Мама умерла, когда мне было двадцать пять... за год до этого, — повел подбородком, показывая на ноги. — Может, это и кошунственно звучит, но я иногда думаю, что все к лучшему — ей было бы мучительно видеть меня таким...

Глава 13

На работе все ахали и удивлялись, что Нэнси так внезапно вышла замуж. Подозрительно поглядывали на ее живот, словно ожидали, что увидят там внезапно образовавшуюся семимесячную беременность, — и, с уважением, — на кольцо. Кольцо и правда было шикарное — белое золото и семь ровненьких квадратных бриллиантов.

И большущий торт, сделанный миссис Фоллет — с безе и свежей клубникой, — тоже съели без остатка, но при этом высказывались в том смысле, что Нэнси «замотала» свадьбу. Она бы охотно устроила вечеринку — конечно, не такой пышный прием, как обожала ее мать, а что-нибудь попроще и повеселее, — но не знала, как отнесется к подобной идее Ник. Наверное, не захочет... как-то не по себе даже спрашивать об этом — он сам говорил, что почти не видится с людьми. Она никому не сказала, что Ник не может ходить, — сказала только, что у него пока есть проблемы с ногами после автокатастрофы. Ведь если все узнают, что неизвестно, сможет ли он когда-нибудь встать на ноги, то начнут удивляться... недоумевать. Как не поняла вначале Робби — правда, потом сама признала, что Ник «классный мужик».

Нэнси и сама порой спрашивала себя: почему она сразу, не раздумывая, приняла предложение Ника — и приняла с ощущением, что поступает правильно? Потому, что, входя в его дом, чувствовала, что ей там рады? И не хотелось уходить, и было интересно и тепло, и охватывало ощущение праздника, которое потом можно было унести с собой?.. И вдруг получилось, что можно не уходить, а жить в этом доме!

Или все же из-за самого Ника? Ника, который называл ее «котенком» (это было приятно), но ни разу даже не сказал, что она ему нравится... ну хоть немножко... и, похоже, не ждал и от нее подобных слов.

Ника, который целовал ее, и обнимал, и тянулся к ней, улыбался, когда она входила в комнату... а потом вдруг — прямо на глазах — мрачнел. А

потом — снова улыбался...

Она чувствовала — уж это женщина может почувствовать! — как он старается лишней раз притронуться, прижаться — и как радуется, когда она сама, первая прикасается к нему. И ласкал ее... руками, и ртом, и по-всякому — так, что сердце заходило. Ведь с женщиной, которая совсем не нравится, наверное, так себя не ведут?

Наверное, со временем все наладится, и Ник перестанет так отчаянно стесняться ее... вплоть до того, что разозлился, когда она машинально нагнулась и подняла авторучку, которую он уронил. Он ничего не говорит, но по глазам все видно...

Нэнси все еще думала об этом, когда ехала домой. Машинально вышла на остановке у своего прежнего дома, и только тут вспомнила, что нужно было сойти парой остановок раньше. А теперь придется идти по кольцу (темно и страшно!) или через парк (покороче, посветлее, но тоже страшно...). Хорошо бы найти какого-нибудь собачника и пристроиться к нему — но, как назло, вокруг никого не было...

Уже через четверть часа после того, как Нэнси, впервые за неделю, ушла на работу, Ник почувствовал, что ему как-то пусто и не по себе.

Хотя он и работал, как всегда, но знал, что она поблизости, в доме, что в любой момент можно выйти и увидеть ее, и ночью она будет спать рядом, — и от этого на душе становилось тепло.

Невзирая на тоскливое неприятное чувство, Ник честно проработал положенное время — до пяти, и лишь после этого выехал в гостиную. Телевизор вопреки обыкновению был выключен, а Бен коротал время с бутылкой бурбона.

При появлении Ника он только повернул голову, но не сказал ничего похожего на: «Ну вот, наконец-то! Опять сегодня бассейн пропустил, между прочим!» Тоже странно и нехарактерно...

Не зная, что сказать (при стандартном развитии событий можно было бы отругнуться), Ник выехал на середину комнаты — и тут Бен наконец прорезался:

— Слушай, ты ей говорил, что я сидел?

— Нет... — с легким удивлением отозвался Ник — он и сам об этом не знал.

Он вспомнил, как лет шесть назад, когда они с Беном только познакомились, кто-то вроде бы говорил, что тот работает в больнице по программе реабилитации заключенных. Но тогда он об этом не задумывался — ему было не до того. Только-только начала возвращаться чувствительность в руках, и человека, занимавшегося с ним

физиотерапией, Ник воспринимал как персонального инквизитора, Бен же при этом отпускал издевательские реплики вроде: «Можешь, можешь! Не валяй дурака, хватит лениться и себя жалеть!» или «Даже обезьяну можно научить ложкой есть — попробуй, может, и ты справишься?!»

Иногда Нику казалось, что он и руками-то начал шевелить так быстро исключительно со злости, — но, когда ему впервые удалось ухватить с тумбочки эту злосчастную ложку и запустить ею в мучителя (попал!), они отпраздновали это проташенной тайком (тем же Беном, в заднем кармане) бутылочкой виски.

Выписываясь из больницы, Ник предложил Бену работать непосредственно на него — и в ту пору не задумывался, почему тот так легко согласился и почему здоровый тридцатипятилетний мужик не имеет ни семьи, ни жилья, ни детей, ни даже подружки...

Интересно, а за что его? Но не спрашивать же!..

— Не надо, чтобы она знала! — неожиданно выпалил Бен.

— Ты чего? Я и сам-то об этом только сейчас вспомнил, когда ты сказал... У тебя с ней какие-то проблемы, что ли?

Не дай бог... Бен был единственным человеком, который знал про него все и с которым Ник чувствовал себя совершенно свободно. В свое время он даже немного опасался, как Бен воспримет вторжение в их мужское сообщество Нэнси.

Но, как тогда показалось, воспринял вполне нормально — и даже без особого удивления. Заявил: «С самого начала все ясно было!»

А теперь вот, похоже, начинается...

Но Бен замотал головой.

— Да нет, хорошая девочка. Просто, если узнает, мне перед ней неудобно будет — все равно что обманул... — поморщившись, сказал он, после чего круто сменил тему: — Слушай, не дело это, что она поздно вечером на подземке ездит, — и, при виде полного непонимания, выразившегося на лице Ника, туманно пояснил: — Там всякое бывает. Мало ли что...

— А с чего ты взял, что она на подземке ездит?

— А на чем же еще?

— Не знаю... На такси...

Ник об этом действительно не задумывался. Нэнси говорила, что ее машина окончательно сломалась еще в августе, но он не связал это с тем, на чем она теперь ездит на работу.

— И пальто у нее холодное, — добавил Бен, воодушевленный отсутствием со стороны Ника реплики вроде «Не твое дело!». — Не по

нашей погоде.

— Ну да, она же с Юга и к нашему климату непривычная! — отозвался Ник. — А в чем она сегодня на работу пошла?

(В час дня Нэнси забежала к нему в кабинет, чмокнула в щеку и сказала, что уходит на работу, — больше он ее не видел.)

— Так в пальто и пошла! И без шапки! Что-то такое, — покрутил пальцем над головой Бен, — модно-вязаное на ушах, а вся макушка открыта. Кстати, надо бы ей ключи сделать.

— Вот и сделай! Что, обо всем мне самому беспокоиться надо? — машинально огрызнулся Ник, поглощенный свежей идеей. — Слушай, а может, ей шубку купить?

— Женщины вообще-то такое любят, — после короткого раздумья согласился Бен. — Если не эти... чокнутые на экологии, которые считают, что нельзя мех носить и мясо есть.

— Мясо она ест.

Бен кивнул и вернулся к первоначальной теме:

— А с подземкой все-таки не дело. Я там часто всякую шпану вижу, но ко мне особо не пристанут, а тут молоденькая, хорошенькая...

Проскочить через парк удалось нормально — правда, пару раз вдалеке мерещились шаги, но по дороге так никто и не встретился. А ведь всякое бывает — Нэнси сама разговаривала с девушкой, у подруги которой в этом самом парке поздно вечером отобрали сумочку (и слава богу, что только сумочку отобрали!).

Добравшись до выхода, она почувствовала себя почти что дома и пошла еще быстрее. Холод уже пробирал до костей, замерзла спина и грудь. Грудь всегда мерзла почему-то сильнее всего — не ноги в тонких колготках, они как раз холода особо не чувствовали — а именно грудь, которая на холоде тут же начинала ныть.

«Если завтра так же холодно будет, нужно куртку надеть!» — с этой мыслью Нэнси свернула в боковую улицу — и неожиданно почувствовала себя счастливой. Сразу стало теплее, перестал задувать под юбку ветер — а впереди горел фонарь над калиткой и радостно, словно поторапливая ее: «Иди скорей сюда!», светились окна.

И стало неважно, сказал или не сказал Ник, что она ему нравится, — зато он ждал ее и даже включил фонарь, и сейчас, когда она придет, обрадуется! И в доме тепло, и не нужно сейчас будет, преодолевая усталость, «соображать» что-нибудь на ужин, зная, что никому нет дела,

поужинает она вообще или нет.

Последние метры Нэнси почти бежала. Стоило протянуть руку к калитке, как та щелкнула и приотворилась — а за ней виднелся прямоугольник открытой двери и Ник, к которому она понеслась по обледенелой дорожке. Добежала и нырнула в распахнутые навстречу руки.

Ник схватил ее, плюхнул себе на колени и обнял — сначала на секунду все тело прохватило холодом от пропитанного морозным воздухом пальто, а потом стало тесно и тепло.

— Сумасшедший, ты же простудишься! Холодно на улице! — сказала она в оказавшееся поблизости ухо, поцеловала туда и рассмеялась, просто так, от радости.

Он нетерпеливо замотал головой, начал копать в пуговицах ее пальто — весьма кстати, ведь ее собственные пальцы замерзли до того, что не сгибались, — а сзади уже не дуло, и в коридоре было тепло, и издалека, с кухни, доносились запахи и звуки. И Нэнси задохнулась от охватившего ее острого счастливого чувства: она дома!

Еще часов в десять, когда Нэнси только-только закончила работу, Ник стал поглядывать на часы. Интересно, сколько времени у нее занимает дорога? Минут сорок?

Часов в одиннадцать, вспомнив мрачные сентенции Бена относительно «шпаны в подземке», он забеспокоился уже всерьез, и, увидев в конце улицы знакомый силуэт, с облегчением устремился к двери.

Нэнси влетела в дом, будто за ней кто-то гнался, — сияющая, разгневившаяся — и сразу, сама собой, оказалась в его руках. От нее вкусно пахло морозом, свежестью и снегом, она смеялась и бормотала над ухом что-то про холод, и сама была холодная и упругая, как клубничина из холодильника. И ему страшно захотелось вытряхнуть ее побыстрее из холодной шкурки и потащить в комнату — показывать сюрприз! Зря он, что ли, весь вечер старался?!

Начал расстегивать пальто, потом дотянулся и расстегнул сапоги, потом — снова пальто. Смеясь, она путалась под руками, пыталась помочь и только мешала ему холодными пальцами.

— Ты чего без перчаток?

— А я их все время в подземке забываю! — последовал радостный ответ. — Сижу до последней минуты, а потом вскакиваю и к выходу бегу — а они на коленях лежат. Ну и... В эту зиму — уже три пары! — сказала Нэнси чуть ли не с гордостью.

— Не езд больше в подземке! — Он прижался лбом к ее виску и покрутил головой. — Бери машину — в гараже же стоит! Или поезжай в такси, если хочешь...

Нэнси покивала, соглашаясь. Встала, вылезла из пальто, повесила его в шкаф — и Ник тут же потянул ее обратно к себе на колени.

— Пойдем в комнату!.. Давай я тебя отвезу!

Она хихикнула и с довольным видом уселась поудобнее.

Вот уж чего Ник никогда не предполагал — это что его коляска послужит транспортным средством! Но проехали они «с ветерком» — на повороте Нэнси даже пискнула и вцепилась в его плечо, боясь вывалиться.

Подъезжая к двери ее спальни, Ник нажал на пульт. Дверь распахнулась, они с разгону ворвались внутрь — и плавно затормозили.

— Вот, — величественно махнул он рукой, — это все тебе!

Кровать была завалена свертками и пакетами в ярких надписях, рядом с ней стояли два небольших приземистых креслица с нарядной обивкой, а между ними — резной индийский столик из орехового дерева. На столике красовалась круглая серебристая ваза с букетом тигровых лилий, а в углу к стене был припилен проспект из мебельного магазина с изображением итальянского трельяжа с кривоногой табуреточкой перед ним.

— Трельяж просто привезти не успели! — пояснил Ник. Он долго не мог решить: вынуть шубку из упаковки и положить сверху, чтобы сразу заметно было, — или пусть увидит сначала всю картину, а потом сама копается в свертках.

А началось все именно с его идеи купить Нэнси эту самую шубку...

Для начала он отправился к ней в спальню проверить — а носит ли она меха? Вдруг действительно, как выразился Бен, «чокнутая на экологии»?!

Подумал, что неудобно рыться в чужом гардеробе, но потом, вспомнив, что он — муж, уже с чувством правоты осмотрел шкаф, обнаружил там жакет с меховой отделкой и пришел к выводу, что все в порядке.

Тут в спальню сунулся Бен и, словно невзначай, заметил, кивнув на коробку в углу:

— Ей видеокассеты поставить некуда.

Ник сразу вспомнил, что Нэнси хотела еще зеркало и что-то, на чем можно сидеть...

Дальнейшие его действия Бен прокомментировал короткой фразой: «Эту бы энергию — да в мирных целях!»

За час Ник: договорился с мебельным магазином, что Бен сейчас приедет и возьмет проспекты и образцы обивки кресел; договорился с модным и разрекламировавшим себя в Интернете бутиком, что Бен заедет

за их продавцом, который привезет пару-тройку шубок — выбрать и пощупать (у них имелась и своя машина, но она до завтра была занята); заказал через Интернет в цветочном магазине столик, вазу и цветы. Договорился, что привезут к восьми вечера (а привезли только в девять — ввали, что сломалась машина!).

Через полчаса Бен позвонил из бутика — Ник забыл сказать, какой нужен размер! Пришлось с телефоном в руке поехать и проверить. После чего он из чистого любопытства залез в «деловую коробку» Нэнси и принялся разглядывать фотографии и прочие «сувениры», а потом в шкапулку — решил посмотреть, какие она любит украшения. Опомнился он, только когда в коридоре послышались шаги Бена, смутившись, вылетел из спальни (из спальни собственной жены!).

Продавец из бутика оказался явным педиком, он не без интереса поглядывал на Ника — даже, кажется, строил ему глазки. Шубок он привез штук шесть — было из чего выбрать. В конце концов Ник остановился на платиновой норке, с условием, что если Нэнси не понравится, то можно будет обменять.

Потом он купил для комплекта симпатичную шапочку — тоже из норки, а потом продавец предложил «еще кое-что — прихватил на всякий случай» — всякие свитера, костюмы, блузки, платья, туфли и белье.

Следующий час превратился в оргию покупок. Никогда в жизни Ник не занимался подобной чепухой — и вдруг выяснилось, что это весьма увлекательное занятие! И кроме того, очень хотелось, чтобы у его жены было все самое лучшее, самое модное и красивое — и чтобы она обрадовалась.

Продавец демонстрировал вынутый из упаковки товар, объяснял, что это такое: «костюм от Версаче, блузка в комплекте» или «итальянские туфли ручной работы из кожи питона» (а что, в Италии водятся питоны?). Ник либо отвергал предложенное, либо кивал, либо — в сомнительных случаях — переглядывался с Беном, сидевшим на диване в компании собаки Роки. Судя по ухмылке, тот воспринимал все это представление как бесплатный цирк.

Куча отобранных вещей постепенно росла, пока внезапно продавец с виноватым видом не объявил, что его запасы исчерпаны.

После этого Бен поехал отвозить обратно продавца, а заодно в мебельный магазин, за креслами. Ник же тем временем перетащил все купленное для Нэнси в ее спальню и расположил на кровати в живописном беспорядке...

Словом, все работы были закончены только часам к девяти. К этому

времени Ник чувствовал себя так, будто проехал по кольцу мили три, да и Бен, развалившийся в кресле в гостиной, выглядел утомленным. Они в полном согласии опрокинули по стаканчику — и стали дожидаться Нэнси.

— Это что — ты мне все купил? — растерянно переспросила Нэнси и шагнула к кровати.

— Ну да... и еще трельяж завтра привезут, — повторил он, — ты же хотела зеркало. Если что-то не понравится — можно будет обменять...

Она обернулась так стремительно, что Ник вздрогнул. На лице ее дрожала странная улыбка — словно Нэнси сама не знала, рассмеется она через секунду или заплачет.

Бросилась к нему, оперлась на плечи и прильнула сверху к волосам щекой, вжимаясь все плотнее и тряся головой. Потом притянула его к себе — еще ближе.

— Ну чего ты? — Ник обхватил ладонями тонкую талию.

— Не знаю... Не знаю, чего я...

Поцеловала мокро в висок. А может, мокро — потому что плачет? Ник поднял голову. Нет, не плакала — только смотрела как-то... жалобно, что ли (пойди пойми этих женщин!).

— Посмотри, что там на кровати лежит... — И не удержался: — Там для тебя шубка.

Ведь с шубки же все и началось!..

Глава 14

Семейная жизнь... За пару недель Ник так привык к ней, что казалось странным: еще совсем недавно ничего этого не было. Не было теплого уютного дыхания рядом, не было вот этих слов: «Котенок, пора вставать!» и с закрытыми глазами сонного лица, которое с игриво-капризным стоном поворачивалось к нему и зарывалось носом ему в шею.

Нэнси спала с ним почти каждую ночь — лишь изредка жаловалась: «Голова болит!» и оставалась у себя.

Днем они виделись мало — только за завтраком и несколько минут потом, когда она забежала в кабинет сказать, что уходит на работу. Пару раз она предложила пойти вместе на кольцо, но Ник отказался. При мысли о том, что посторонние люди увидят их вместе: ее — здоровую, веселую и энергичную, готовую в любой момент сорваться с места и понестись куда-то, — и его в коляске, ему становилось... нет, не стыдно — просто как-то не по себе.

Больше в подземке Нэнси не ездила — вняла голосу рассудка (в лице Бена и самого Ника). Брала микроавтобус или вызывала такси. Ник уже твердо решил, что ей надо иметь свою машину — останавливала мелочь: с расширением гаража лучше было подождать до весны.

Пока же в гараже места хватало только для двух автомобилей: микроавтобуса, на котором обычно ездил Бен, и сделанного на заказ «мерседеса»-седана с ручным управлением. Ник обзавелся им четыре года назад, после чего понял, что это было, в общем-то, и ни к чему: зачем нужна машина, если человек сам не может из нее выйти? По кольцу, что ли, кататься? А с Беном ездить — так пусть он и ведет, тем более микроавтобус оборудован специальным пандусом и крепежом под кресло.

Вот и стоял «мерседес» все эти годы заброшенный и неиспользуемый — а теперь вдруг пригодился. Ник стал пару раз в неделю, а то и чаще по вечерам заезжать за Нэнси на работу. Ехал — и чувствовал, что в потоке машин он — один из многих, такой же, как все, и едет по делу — это было приятное и непривычное чувство. Обычно он доезжал до автомобильной стоянки за зданием телестудии, останавливался и звонил Нэнси на сотовый: «Я уже здесь!» И они начинали разговаривать, и разговаривали, пока она спускалась вниз, и обходила дом, и появлялась — тоненький, подсвеченный сзади темный силуэт между двумя рядами машин. Не прерывая разговора, Ник сигналил ей, подмигивая фарами, и медленно ехал навстречу. Нэнси говорила в трубку: «Да, вижу, вижу!» А потом садилась на переднее сиденье и целовала его, снимала перчатки — и только тут вспоминала и выключала сотовый. И они ехали домой...

Как-то Ник вспомнил и проверил, за что же все-таки сидел Бен. И не поверил собственным глазам, хотя написано было черным по белому: «Убийство второй степени». Приговор — семь лет, отсидел четыре года и три месяца, освобожден условно-досрочно — за год до того, как они познакомились.

Конечно, можно было бы узнать подробности дела — попросить адвоката или просто поднять старые газеты, но Ник решил не делать этого. Зачем? Его вполне устраивало общество Бена, устраивали их отношения, и ни к чему лезть в душу и в прошлое другого человека. Хотя вопрос «Что же там все-таки произошло?» нет-нет да и мелькал у него в голове. Уж очень это не вязалось с Беном — с тем самым Беном, которого, казалось, нельзя было ничем удивить и который за все годы их знакомства ни разу не вышел из себя.

Почти каждый вечер Ник проводил теперь час-другой в мастерской. Он начал делать чашу причудливой формы из черного мрамора, с сидящими на ней бабочками из рисунчатой яшмы и агата. Кроме того, делал и еще одну вещь, но в основном тогда, когда, Нэнси была на работе.

Потому что, когда Нэнси была дома, как-то само собой получалось, что стоило ему отправиться в мастерскую, как вскоре там же появлялась и она со словами: «Я посмотрю немножко, ладно?» и усаживалась. Они сразу же начинали весело болтать о чем-нибудь, работать Нику это не мешало, и даже приятно было видеть радость в ее лице, от того, как хорошо и красиво у него получается.

Он заказал у поставщика еще несколько бразильских голубых топазов. Раз уж Нэнси не хочет пилить тот камень, который он ей подарил на свадьбу, — ладно, пусть будет центральным в каком-нибудь ожерелье. Несколько раз Ник за компанию посмотрел те самые фильмы, от которых Нэнси с Беном были в восторге. Пришел к выводу, что все эти вестерны и боевики предназначены для подростков (неужели и ему когда-то нравилось такое?!), но не стал высказывать свое мнение — в семейной жизни порой приходится идти на компромиссы.

Он практически перестал ругаться с Беном (очевидно, это и называется «облагораживающее женское влияние») — заводиться из-за пустяков казалось неудобным перед Нэнси. А может, просто настроение было не то...

А настроение было странное — время словно замерло в каком-то светлом мареве. Как сказано у Гёте: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Вот это ощущение «остановившегося мгновения» и владело Ником: не хотелось, чтобы что-то происходило, не хотелось думать о будущем — и вообще ничего не хотелось, только чтобы завтра все было так же, как сегодня. Ничего, кроме неосуществимых желаний, о которых он старался не вспоминать...

Между делом он сказал Нэнси, что перевел ей на счет деньги и

собирается переводить регулярно, и удивился, когда она, сдвинув брови, с запинкой сказала:

— Ник, ну зачем?.. Ты же и так много всего для меня делаешь, даришь мне... и я же зарабатываю...

Зарабатывает она... Шубка и все остальное, что он купил в тот день, стоили едва ли не больше, чем ее заработок за полгода!

— Ты моя жена! Я хочу, чтобы у тебя было все самое лучшее и чтобы ты могла себе купить все, что понравится!

Нэнси пожала плечами и не стала спорить, но морщинка еще некоторое время маячила между бровями.

Вот и пойми этих женщин — он-то думал, что она обрадуется!..

Почти всегда Ник мог определить, когда его жену что-то беспокоит, — по той самой морщинке. И как-то, в самом начале марта, стоило ей прийти с работы, он сразу обратил внимание на этот несомненный признак. Но спрашивать, демонстрируя свою проницательность, не стал — решил немного подождать.

Объяснила она сама, ночью, как всегда появившись в спальне вскоре после ухода Бена. Села на кровать и, вместо того чтобы снять быстренько халат и нырнуть под гостеприимно откинутое одеяло, задумчиво сказала:

— Ты знаешь, я хотела тебя спросить... Наш сериал заканчивается...

— И ты становишься безработной? — рассмеялся Ник.

— Да нет, меня берут, я уже договорилась, — махнула рукой Нэнси. — Там же, на студии — ассистентом режиссера. Четыре дня в неделю, но по деньгам получится столько же.

— Если сорвется, не переживай, проживем! — продолжая смеяться, посоветовал он и добавил: — Если у меня нет яхты и виллы в Майами — это еще не значит, что я бедный...

— Да нет, я не про это... Мы просто хотим устроить вечеринку по случаю окончания — и... и я хотела спросить — может быть, можно здесь?

— Где это — здесь? — в первый момент не понял Ник.

— Ну... здесь, у тебя, — смутилась Нэнси.

Первым желанием было отказать. Полный дом незнакомых людей, которые будут смотреть на него и шушукаться между собой... шум, разговоры... любопытные взгляды... он на секунду представил себе это все — и сразу стало тошно. Ну как она сама не понимает?!

Хотя что она должна понимать? Она же смотрит на все с точки зрения нормального здорового человека... И наверняка ей хочется и похвастаться нарядами, и показать, какой у нее дом, и вообще — повеселиться...

— Не у меня... у нас. — Взял ее руку, поцеловал и повторил: — У нас...

Когда это будет?

— В следующую субботу... А ты правда не против?

Что Ник не был «за» — это уж точно, но согласился — терпи, а врать не хотелось, поэтому вместо ответа он спросил:

— А народу много будет?

— Человек пятнадцать... ну, еще мужья и жены. — И, неправильно поняв его взгляд (он-то рассчитывал на человек восемь — десять), она пояснила: — Это же не вся съемочная бригада будет — только мы, так сказать «мелкая сошка».

— Ну... прикинь там, что нужно купить и сделать, и скажи Бену.

— Да почти ничего не нужно! Все привезут с собой — кто что. Только лед понадобится и... сейчас тепло, так, наверное, мы на лужайке гриль поставим и будем там все жарить? И еще я миссис Фоллет попрошу торт с беже сделать, в прошлый раз всем очень понравилось. Как ты считаешь?

Господи, да какое ему дело?! Как будто он собирается там присутствовать! Нет уж, обойдутся прекрасно и без него! Лишь бы в кабинет и в мастерскую не совались!

Следующие несколько дней прошли «под знаком» вечеринки. Нэнси с Беном рылись зачем-то в чулане, бегали по десять раз в день на лужайку за дом, прикидывали вслух, хватит ли кабеля (интересно, зачем?!), и Ник видел из окна, как Бен убирал граблями сухие листья и жухлую траву.

Место и правда словно просилось для вечеринки: лужайка была защищена с трех сторон от ветра, на нее имелся выход и с кухни, и из гостиной, и через бассейн; половина ее была покрыта мраморной плиткой — как раз для танцев, — а половина — травой. Да и погода стояла на удивление теплая, прямо весенняя.

У самого же Ника, чем ближе подступало это мероприятие, тем паршивее становилось настроение. Он до сих пор не сказал Нэнси, что принимать участие в вечеринке не будет, — собирался сообщить в последний момент и не знал, как это сделать, чтобы она не обиделась. «Впрочем, — мелькала у него порой трезвая и невеселая мысль, — скорее всего, она вздохнет с облегчением: не придется стыдиться мужа-калеки...»

В четверг вечером Нэнси вернулась домой позже обычного — в двенадцатом часу. Ник уже начал было беспокоиться и собирался позвонить ей на сотовый, когда услышал, как лязгнули ворота гаража, и поехал к двери. Через минуту она вбежала в дом, веселая, возбужденная, как всегда сунулась к нему поцеловать — и Ник сразу, безошибочно почувствовал легкий запах спиртного. И впервые отозвались вдруг болью собственные слова: «...я не буду допытываться...»

Внезапно Нэнси отступила на шаг, взгляделась в его лицо — и, прежде чем он успел понять ее намерения, нагнулась и ткнулась наморщенным носом в его нос. Потерлась носом, как эскимос, и лишь после этого спросила, улыбаясь, но чуть удивленно:

— Ник, ты чего?!

— Ты поздно... (Если не скажет, в чем дело, — он не будет спрашивать... ни в коем случае не будет!..)

— Поздравь меня — мы закончили! Я думала, всего минут на пятнадцать задержусь — Мэрион Креннер, звезда наша, с барского плеча всем ящик шампанского французского кинула! И мы незаметно заболтались...

Он обхватил ее и потянул к себе — вдохнуть теплый свежий запах, омыться веселой легкой энергией... Пусть будет так... Наверное, так и было... Наверняка так и было...

Сказал он ей лишь в последний день — перед дневным отдыхом. Это тоже стало «семейной традицией» — в те дни, когда Нэнси не работала, она проводила это время с ним.

Еще с вечера Нэнси волновалась, глядя на безоблачное небо: «А вдруг пойдет снег?!» (хотя теплая погода должна была, согласно прогнозам, продержаться еще неделю); звонила кому-то: «А салат?.. Картофельный салат!» — а утром умчалась в парикмахерскую и, вернувшись, отказалась от бассейна — «прическа размокнет!». Но в спальню она все-таки пришла.

В одно движение стащила халатик и блаженно вытянулась рядом, сразу скользнув ладонями Нику под мышки — на спину.

— Мур-р! — Покрутила шеей, почувствовав на ней его пальцы. — Забегалась!

Ник осторожно, стараясь не помять эту самую «прическу», почти ничем не отличающуюся от ее обычной небрежно-растрепанной шапочки, потеревил пушистые, пахнущие какими-то парикмахерскими ухищрениями волосы.

— Во сколько у вас там все начнется?

— Часов в пять-шесть.

— Все готово?

Нэнси встрепенулась и встревоженно поглядела на него, словно заново перебирая в памяти, а действительно, все ли готово?!

— Да, вроде все. — Это прозвучало несколько неуверенно...

— А что ты собираешься надеть?

— Не знаю... — заулыбалась она. — Ты мне столько всего подарил! — Поцеловала в щеку, ладошка погладила по спине и ускользнула ниже — в

«Зазеркалье». «Определять границу» Нэнси так и не научилась...

— Надень бежевое платье! — посоветовал Ник.

— Это какое?

— Такое, — он покрутил рукой в воздухе, — с рукавами!

Как ни странно, невнятное объяснение было понято сразу, и последовало любопытное:

— А что?

Не отвечая, Ник попытался перегнуться через нее и дотянуться до тумбочки. Не вышло — только навалился сверху, вызвав довольное хихиканье:

— Ты тяжелый!

— Ладно, достань сама — там, в тумбочке, в верхнем ящике. — (Эх, опять не подумал о коробочке! В полиэтиленовом пакетике будет выглядеть несолидно...)

Достала она безошибочно, но Ник сразу выхватил пакетик из рук — он сам покажет! — и высыпал содержимое на подушку между ними. Расправил пальцем комплект: ожерелье и пару широких, больше полудюйма, браслетов из лазурита. Вообще-то Ник планировал это к ее дню рождения, но раз уж так вышло...

— Это тебе. По случаю окончания вашего сериала.

— Ух ты-ы! Шика-арный! — Она осторожно приподняла браслет на ладони, словно взвешивая, покрутила, погладила камень пальцем.

Ник раньше никогда не имел дела с золотом. Да и вообще до знакомства с Нэнси не делал женских украшений. Но получилось действительно неплохо: выгнутые, плотно прилегающие к руке каменные звенья в ажурной оправе и ожерелье из похожих звеньев, с овальной большой подвеской посередине. В центре подвески, прямо в камень, был врезан золотой стилизованный бычок (как ни смешно, самое сложное — Ник перебрал чуть ли не сотню вариантов, пока не остановился на этом).

— Это афганский лазурит, — начал объяснять он. — Видишь золотистые прожилочки?! Считается, что непрозрачные камни лучше гладко обдeldывать — а я огранил... и вроде неплохо получилось. Оправа из серебра, но позолоченная. — (Знала бы она, как он намучился с этим золочением!) — А бык — это потому, что ты по зодиаку Телец. Надень... прямо сейчас!

Нэнси без колебаний выскользнула из-под одеяла, села, поджав под себя ноги, и надела ожерелье. Выпрямилась, вскинув голову.

— Ну как?

Обнаженная женщина в драгоценностях... прямо хоть картину пиши...

Но смотрелась она действительно великолепно — на тронутой загаром коже золото, казалось, засияло еще ярче, подчеркивая темный блеск камня. И лицо было восторженное, с сияющей улыбкой.

— На вечеринку свою наденешь?

Нэнси затрясла головой в знак согласия.

— Браслеты примерь тоже!

Она нацепила браслеты, посмотрела, покрутив рукой, — и неожиданно со смехом ринулась вниз, прямо на Ника. Придавила сверху и стала целовать. Подвеска ожерелья холодным камешком легла ему на грудь и мгновенно потеплела, зажата между их телами.

Ник, смеясь, обхватил ее и прижал к себе. Она поизвивалась, устраиваясь поудобнее, — и наконец устроилась, нависнув сверху и опершись локтями по обе стороны его головы.

— Ну что — угодил?

Нэнси кивнула и погладила его по вискам большими пальцами.

— Только... Нэнси... — (Ну вот, сейчас огорчится... или, наоборот, скажет: «Ну, как хочешь!» — и вздохнет с облегчением.) — Наверное, я не пойду на эту твою вечеринку. Побуду у себя в кабинете, поработаю...

— Ты что?! — Брови Нэнси поднялись «домиком», глаза широко раскрылись. Она недоуменно выпрямилась лежа, как поднявшая голову ящерка. — Ник, ты что?!

— Ну... у меня работы много. — (Объяснение, не выдерживающее никакой критики: обычно часам к шести Ник уже заканчивал работать.) — И потом, я там никого не знаю...

— Но ты же мой муж?! И... и...

Глаза обиженные, растерянные... все еще непонимающие.

— Ну не обижайся, котенок! Я с самого начала не знал, как... — (Как сказать ей, что вовсе не намерен туда идти) — В общем, ты же видишь, я мало общаюсь с посторонними людьми, а тут еще работа срочная навалилась... — Он погладил ее по щеке, попытался пальцем приподнять уголок рта. — Ну улыбнись, пожалуйста!

Не обращая внимания на его слова, Нэнси медленно сползла с его коленей и села рядом. Кажется, она и впрямь огорчилась не на шутку...

— Если бы я знала, что ты не хочешь, я бы ничего не стала устраивать!

— А я хочу, что бы ты повеселилась... и потанцевала...

— Я не хочу без тебя!

— Со мной потанцевать все равно не выйдет, — сумел улыбнуться Ник. Потянул ее обратно, и, подчиняясь движению его руки, Нэнси снова вытянулась рядом, не сводя с него жалобных глаз. — Ну не кисни ты так!

Я... я, может быть, освобожусь и появлюсь тогда... попозже. Но ты в любом случае не думай обо мне и веселись как следует!

— Ну и что, что ты не можешь танцевать!.. Я все равно... Ну и что...

Для нее это — «ну и что»!..

— Я же сказал — я постараюсь. — Ни к чему не обязывающее обещание... — Постараюсь...

Глава 15

Часов в шесть Ник услышал музыку — бухающую, громкую — казалось, содрогается весь дом. Как назло, захотелось есть.

Звонок Бену успехом не увенчался — там никто не взял трубку. Как Ник сильно подозревал, Бен, забросив все свои обязанности, «слился в экстазе» с веселящейся толпой гостей, и ждать его было бесполезно.

Нэнси тоже не появлялась. Конечно, он сам сказал, что будет очень занят, — но все равно, могла бы догадаться и зайти! Правда, похоже, она на него крепко обиделась — когда он попытался ее приласкать, задергала плечами, заявила: «Не надо!» — и лежала отвернувшись и сердито посапывая. Хорошо хоть вообще не ушла!

С каждой минутой есть хотелось все сильнее. Ник представил себе незамысловатые яства, обычно предлагаемые на подобных вечеринках, — стейки и шкворчащие жиром колбаски. Выглядели они так соблазнительно, что рот наполнился слюной, а под ложечкой засосало.

Он осторожно приоткрыл дверь. В коридоре никого не было, но откуда-то слабо потянуло дымным запахом жарящегося на углях мяса. Ну так и есть! Стейки жарят!

Выход оставался один — отправиться на кухню, чтобы пошарить в холодильнике в поисках съестного. И это в собственном доме!

Добраться до кухни незамеченным не удалось. Стоило Нику завернуть за угол, как он нос к носу столкнулся с молоденькой девчонкой в обтягивающих брючках и коротенькой полосатой фуфаечке, открывающей чуть ли не полживота. В руках у нее был поднос.

При виде его девушка пискнула и шарахнулась в сторону, чуть не опрокинув содержимое подноса. Испуганное выражение ее размалеванной мордочки вызвало у Ника короткую вспышку ярости. Что, им уже детей пугать можно?! Он не кусается и не заразный, в конце концов!

В следующую секунду лицо девушки прояснилось, и она затараторила:

— Ой, а вы муж Нэнси, да? Да, она говорила, что у вас проблемы с

ногами. А все там, на лужайке! И Нэнси там! — ткнула рукой в противоположную сторону, словно Ник мог забыть, где именно у него расположена лужайка.

После короткого испуганно-сочувствующего взгляда, именно такого, какой он ненавидел, девушка старалась с ним больше не встречаться глазами. У Ника возникло сильнейшее искушение укрыться снова в кабинете, и черт с ней, с едой, — потерпит!

Он уже собирался извиниться и развернуться в сторону кабинета, но тут девушка, не прерывая монолога, сунула ему прямо в руки свою ношу:

— Будьте любезны, прихватите это туда с собой, сэр! — Очевидно, у нее не было ни тени сомнения, что Ник сейчас направится именно «туда». — А то меня просили еще духовку включить, а я забыла! — Поднос качался перед самым носом, и Ник понимал, что, отказавшись его взять, будет выглядеть полным идиотом.

Вот влип так влип! Он перехватил одной рукой поднос, и девушка, освободившись от груза, устремилась в сторону кухни, бросив на ходу через плечо:

— И скажите, пожалуйста, Бену, что я не нашла еще горчицу!

Ник остался в коридоре с подносом в руках. Добро бы на нем хоть было что-то съедобное! Так нет же: груда вилок, бумажные салфетки, пара солонков, перечница, полупустая баночка с горчицей и — словно в насмешку — упаковка зубочисток!

Делать нечего — придется пойти на компромисс: заехать на минутку, отдать поднос, сказать про горчицу, а заодно попросить Бена принести ему в кабинет чего-нибудь поесть.

По мере приближения к лужайке звуки музыки становились громче, слышались какие-то возгласы и смех. Добравшись до бассейна, Ник увидел еще одну из участниц вечеринки. Это была женщина лет тридцати в синем платье. Она сидела на краю бассейна, опустив босые ноги в воду и поднимая ими волны, в которые с интересом вглядывалась.

Еще издали Ник почувствовал слабый сладковатый запах марихуаны. Возможно, этим и объяснялось то, что его появление вызвало у женщины лишь легкий проблеск интереса.

— У меня туфля туда нырнула! — сообщила она, стоило Нику приблизиться. — Вы не знаете, там глубоко?

— Футов пять.

Подъехав и встав в опасной близости от края, Ник взглянул вниз и щелкнул пультом, включая под водой свет.

— Ой! — радостно взвизгнула женщина и захлопала в ладоши. — Вон

она! Вон она лежит! Как здорово!

В глубине бассейна действительно виднелась одинокая женская туфля.

Если бы дамочка была в себе, Ник посоветовал бы ей воспользоваться чем-нибудь вроде грабель или швабры, но, судя по ее реакции на включившийся свет и слегка растрепанному узлу темных волос, она не ограничилась одним «косячком». Еще шлепнется в воду, чего доброго!

— Ладно, я скажу Бену, — кивнул он и, чтобы развлечь ее, притушил верхний свет и включил под водой мигающую разноцветную подсветку. Наградой ему был восторженный визг и новые аплодисменты.

Уже отъехав, он услышал вслед запоздалое:

— А вы кто?

— Муж Нэнси, — бросил он через плечо.

— А-а-а...

Широкие двери, ведущие на лужайку, были нараспашку. Ник выехал и остановился, оглядываясь. Горели прожекторы, грохотала музыка, и на плазменном экране, притащенном из гостиной (так вот зачем им был нужен кабель!), мелькали кадры какого-то видеоклипа.

Народ толпился в основном около накрытых клетчатými скатертями столов, уставленных всякой всячиной, и гриля, от которого, теперь уже отчетливо, пахло вкусным дымком. Тут и там стояли белые пластиковые столики и стулья.

Больше Ник рассмотреть ничего не успел — чуть не выбив у него из рук поднос, налетел знакомо пахнувший свежескошенной травой вихрь.

— Ты-ы! Пришел все-таки! — Ликование в голосе Нэнси было неподдельным, не улыбнуться в ответ оказалось просто невозможно. И бежевое платье к браслетам и ожерелью действительно шло — Нику хватило одного взгляда, чтобы убедиться в этом.

— Вот... — протянул он ей свою ношу. — И нужно передать Бену, что еще горчицы она не нашла — такая девочка... голопузенькая. И еще одна гостя туфлю в бассейн кинула — как бы она сама туда же не сыграла...

Ник собирался добавить, что заскочил только на минутку, попросить чего-нибудь поесть и удалиться в относительную тишину кабинета, — но Нэнси, очевидно, и представить себе не могла, что он, только появившись, тут же намерен слинять.

Ловко перехватив одной рукой поднос, второй она потянула Ника за плечо:

— Пойдем, я тебя со всеми познакомлю! — и тут же повернулась в сторону: — Грег!

От толпы отделился мужчина — теперь сбегать было уже неудобно.

— Грег, это Ник, мой муж. Ник, это Грег.

— Я гаффер, — сообщил Грег, пожимая руку. (Судя по тому, как это слово было произнесено, фамилией оно не являлось. Наверное, что-то киношное.) Лет ему было около пятидесяти, и к его очкам и костюму не слишком подходил седеющий «конский хвост» на затылке.

— Я сейчас с туфлей и подносом разберусь и сразу вернусь, — с этими словами Нэнси метнулась в сторону основной толпы.

Грег остался стоять, глядя на Ника и явно не зная, что бы такое подходящее сказать. Наконец поинтересовался:

— А она на аккумуляторе?

— Что? — не понял Ник.

— Ну, коляска ваша?

— А-а... да.

— Классная штука! А руль где?

— Вот, — Ник покрутил шарик в поручне, заставив коляску дернуться взад-вперед, — это джойстик.

— Ну, класс! Я вообще люблю всякие механические штуки, но эта — супер! — с интересом заявил «гаффер».

Появившаяся уже без подноса Нэнси прервала «содержательную» беседу.

— Коктейль хочешь? — Не дожидаясь ответа, она протянула ему побрякивающий льдом стакан. — Грег, тебя там Алек домогается — у него что-то не идет!

Грег быстрыми шагами направился к кучкующимся около экрана людям.

— А что такое «гаффер»? — спросил Ник.

— Главный осветитель... и вообще за электрическую часть отвечает. Сейчас мы будем последнюю серию смотреть! Ты есть хочешь?

Он, собственно, за этим и пришел, но из-за обилия впечатлений ощущение пустоты под ложечкой несколько поутихло. Пока что ему было не так неприятно, как думалось вначале, — наверное, можно поесть и тут. Да и Нэнси ему так явно обрадовалась — ради этого, пожалуй, стоило остаться.

— А где Бен?

— Туфлю достает. — Привстала на цыпочки, присмотрелась. — А-а, нет, уже раздевается — так, похоже, не достать!

Ник махнул рукой, уверенный, что Бен справится. Подошла еще одна пара, Нэнси представила их:

— Бет. — («Шикарная блондинка в брючном костюме», — отметил

Ник.). — И... и...

— Ник! — пришла ей на помощь Бет.

— А это мой муж — он тоже Ник, — обрадовалась Нэнси.

Второй Ник сунулся пожать руку, а Бет посоветовала:

— Загадай желание! Между тезками!

После нескольких светски-незначущих реплик парочка удалилась в сторону гриля.

— Ну так что, пойдём есть? — спросила Нэнси.

— Давай! — Ник перехватил её руку и прижал тыльной стороной к щеке. Ему нравилось, что она всегда говорила «пойдем», словно он действительно мог идти...

— Ты сядешь за столик, а я принесу нам все на двоих — или сам хочешь выбрать?

Он представил себе на миг, как толкается с коляской в толпе алчущих и жаждущих, и решил, что это уж слишком.

— Ладно... принеси.

В целом все получилось куда лучше, чем можно было предполагать. С момента, когда Ник пристроился за столиком, он больше не двигался с места — а значит, коляской не отсвечивал и из толпы особо не выделялся.

Еда оказалась на редкость вкусной — он даже подумал, почему бы не завести в доме гриль и не ужинать иногда на свежем воздухе?!

Нэнси то и дело срывалась с места, убегала исполнять обязанности хозяйки дома и снова возвращалась к нему за столик. После одной из таких отлучек принесла целую тарелку маринованного перца и принялась потихоньку, по штучке, поедать его.

Откуда ни возьмись вдруг появился Бен, с мокрой растрепанной головой, в полурасстегнутой рубашке и подозрительно довольный. Уж не перепихнулся ли он с кем-то из веселящихся дамочек в темном уголке? Впрочем, имеет право, а темный уголок не надо долго искать — своя же собственная постель под боком!

Подошел к столику и заявил, пожимая плечами:

— А я в кабинет сунулся — смотрю, никого нет... — Обернулся к Нэнси: — Туфлю я ей достал, теперь она фен срочно требует — говорит, иначе подошва отклеится!

Нэнси в очередной раз сорвалась с места и умчалась в дом, а Бен, пользуясь случаем, примостился на освободившемся стуле и ухватил с ее тарелки перчик.

— Сейчас кино будут показывать. Последнюю серию этого сериала ихнего — с какими-то комментариями.

— Ты хоть одну серию смотрел? — поинтересовался Ник.

— В рекламе отрывки видел. — Бен быстро огляделся, понизил голос: — По-моему, чушь полнейшая. Про какую-то дуру с тремя детьми, которая два года с мужем разводится-разводится и в конце концов к нему же и возвращается!

Фильм оказался действительно идиотский: практически все сорок минут героиня объяснялась с мужем, выслушивая от него заведомую чушь: что он вовсе не спал со своей секретаршей, а просто «по-дружески» ей помогал — но, связанный обещанием хранить тайну, не имел права ничего сказать даже любимой жене! Якобы у сына секретарши, матери-одиночки, начались проблемы с наркотиками и подростку был нужен мужской совет — вот поэтому муж героини и заезжал к ней домой чуть ли не каждый вечер!

Лично Ник на месте героини фильма не поверил бы. Хватило одного взгляда на эту бледовитую секретаршу, чтобы понять правду. Но дура-героиня глотала вранье, не поперхнувшись, и мямлила: «Ах, дорогой, ну как я могла тебе не верить!» Словом, занудство.

Непонятной Нику оставалась только реакция окружающих: внезапно, в самые неподходящие моменты, раздавался чей-нибудь смешок — и через секунду все вокруг чуть ли не каталось по полу от хохота, словно смотрели не мелодраму, а какую-то дурацкую комедию!

— Что это они? — шепотом поинтересовался Ник после очередного взрыва смеха. Нэнси, увлеченная зрелищем, не расслышала, и он слегка потянул ее за руку.

Его призыв был понят неправильно. Продолжая хихикать, Нэнси без малейшего колебания перебралась к нему на колени и обняла за шею. В первый момент Ник опешил — полно же людей вокруг! — и лишь после секундного замешательства подставил руку, чтобы ей было удобно.

А что, собственно, не так?! Мало он сам на вечеринках втаскивал себе на колени приглянувшихся (и, как правило, не возражавших) девчонок?! Для Нэнси все эти люди — «свои», и если она не видит ничего особенного в том, чтобы при них сесть на колени к собственному мужу, то почему он сам должен дергаться по этому поводу?! Ведь на самом деле все хорошо...

Фильм закончился на трогательной семейной фотографии: муж, жена, трое детей и собака, все в обнимку. Тем не менее свет на лужайке оставался притушенным, а окружающие сидели с таким видом, словно ждали чего-то еще, и негромко переговаривались.

— А что дальше будет? — спросил Ник. Не дай бог, еще одна серия!

Нэнси засмеялась:

— Сейчас увидишь!

От нее вкусно и остренько пахло маринованным перцем.

Экран снова загорелся. В первый миг Ник подумал, что они решили по новой прокрутить ту же серию, но через секунду понял, что это и есть обещанные «комментарии», а заодно — почему все так смеялись, глядя на чистенькие прилизанные кадры сериала: он увидел воочию все неурядицы и сбои, случившиеся за время съемки последней серии.

Например: во время трогательного монолога героини на тему: «Ах, дорогой, я тебе так верила!», которому герой внимал с выражением озабоченности на лице (наверное, придумывал, как бы половчее соврать!), она вдруг прервала свою речь на самом патетическом месте, чтобы заявить: «Ну скажите кто-нибудь этому мудаку, что не хрен перед съемкой салями с чесноком жрать!»

Герой, заключив в объятия жену, заявил: «Я люблю только тебя, Делия!» (Жену звали Кристина, Делией именовали ту самую секретаршу.)

В конце фильма дети вбегают в дом, чтобы увидеть папу и маму, слившихся в объятиях, и радостно присоединиться к ним. Вместо этого старший из мальчиков ухитрился зацепиться ногой за подвернувшийся некстати провод, шлепнулся, выронив зажатый в руках арбуз, и на брюхе въехал по образовавшимся красным ошметкам прямо под ноги главным героям. Фраза, произнесенная при этом «мамой», едва ли годилась для детских ушей.

(Нэнси, хихикая, прокомментировала Нику на ухо: «Мне пришлось срочно за новым арбузом бежать!»)

Ну, и прочие мелочи вроде забытых и перепутанных реплик, вопля откуда-то из-за кадра: «На другую сторону целуйся, сколько раз тебе говорить! Стоп, все сначала!» — и нецензурных выражений по любому поводу нежной и утонченной героини.

Когда погас экран, у Ника уже все внутри болело от хохота.

— А почему, — не выдержал и снова фыркнул он, — почему надо «целоваться на другую сторону»?!

— Когда Стэн голову налево делал, то плечью своей Мэрион заслонял!

Вечеринка шла своим чередом. Гриль «зарядили» очередной порцией мяса, и над головой снова забухала музыка.

Люди подходили, здоровались, пожимали руки. Каждый считал нужным отпустить пару комплиментов в адрес дома. Все дружно делали вид, что не замечают инвалидной коляски, и вопросов не задавали — проявляли тактичность. А может, Нэнси заранее предупредила, чтобы не спрашивали... Сама она веселилась от души. То убегала куда-то, где, по ее

мнению, необходим был хозяйский глаз, то прибежала, пританцовывая на ходу, и присаживалась за столик. Легкая, радостная, пышущая энергией, она выглядела абсолютно счастливой.

Ник с удовольствием бы уже вернулся в кабинет, но боялся: не будет ли воспринят его уход как сигнал к окончанию мероприятия?! Не хотелось портить ей праздник...

Подошедший во время одной из отлучек Нэнси Бен оценил его состояние с одного взгляда.

— Что — маешься?

— Я бы давно в кабинет слинял, — признался Ник. — Просто не хочу, чтобы гости из-за меня расходиться начали, — пусть Нэнси как следует повеселится!

— А ты через кухню! — кивнул Бен на дверь. — А ей я скажу, что у тебя голова разболелась.

Нэнси появилась в кабинете минут через пять — влетела с испуганным видом.

— У тебя голова болит?! Мне Бен сказал...

— Ничего страшного...

На самом деле голова не болела — противно гудела, словно далеко, за стеной, нудно и монотонно сверлили дрелью.

Она подошла вплотную, озабоченно положила руку ему на лоб.

— Не волнуйся, это просто с непривычки. — Ник обнял ее и притянул поближе — не хотелось, чтобы она убирала со лба прохладную ладонь. — Я в последнее время мало общался с людьми «вживую» — в основном по компьютеру.

— Может... — начала Нэнси неуверенно.

— Нет. — Он сразу понял, что она собирается сказать. — Иди, повеселись, потанцуй... Со мной все в порядке. — Прижался щекой к ее груди, покрутил головой, «притираясь». — Все хорошо.

— Сейчас кофе будет с тортом. Тебе принести?

— Нет, кофе не надо. Чего-нибудь холодненького... — Поднял голову и улыбнулся. — Чаю со льдом... с лимоном — можешь?

— Принесу, — кивнула Нэнси, но не ушла — одной рукой прижала к себе его голову, а другой начала медленно и ласково ерошить и перебирать волосы.

— От тебя вкусно пахнет... — сообщил Ник, чтобы немножко продлить это блаженное состояние.

— Угу, — подтвердила она. — Это духи новые, сегодня на пробу купила.

— И платье тебе это идет...
— Угу...
— И вообще ты у меня хорошенькая очень...
— Угу...
— Иди к гостям... наверняка кто-нибудь тебя там уже ищет... —
(Отпускать ее не хотелось, но надо же было иметь совесть!)
— Угу...

Глава 16

В конце марта небо опять затянуло низкими серыми тучами. Целыми днями моросил холодный мелкий дождик, сменяющийся порой мокрым, почти мгновенно тающим снегом. По вечерам иногда становилось так холодно, что земля ненадолго покрывалась белым полупрозрачным покровом.

Работала Нэнси теперь четыре дня в неделю. На сей раз это был не сериал, а воскресная полторачасовая передача «Из жизни животных». Короткие видеосюжеты, отрывки из любительских фильмов, интервью с людьми, в домашних условиях содержащими интересных животных.

Заканчивала она не так поздно, как раньше, но Ник продолжал исправно заезжать за ней по вечерам.

Работа Нэнси страшно нравилась, и по дороге домой она рассказывала взахлеб все самое, по ее мнению, интересное. Выяснилось, например, что какой-то чудак в центре Нью-Йорка, в пентхаузе, держит три пары древесных кенгуру — и даже получил от них потомство! А канарейку можно научить говорить, как попугая, только тоненьким голоском. А тигр на ощупь жесткий, как ковер на полу, — совсем непохоже на живую шерсть!

— Ты представляешь — сегодня к нам в студию приносили говорящую кошку! — услышав такое, Ник скептически ухмыльнулся — благо голос Нэнси несся из динамика, ухмылки его она не видела и не могла туг же возмутиться: «Да ну, чего ты — я правду говорю!» — Только она чужих боялась и целых два часа ничего говорить не хотела, сидела в клетке, от всех отвернувшись, а хозяйка ее уговаривала: «Ну Ми-кочка, ну лапочка, ну скажи „мама“, ну пожалуйста!»

— Ну и как, сказала она в конце концов что-нибудь?

Вот-вот Нэнси должна была выйти из здания, обогнуть его и появиться у входа на стоянку.

— Да, под конец, когда Артур уже заявил: «Все, хватит! Ничего не выйдет!» и хозяйка чуть не плакала, — вот тут кошка вдруг так чисто-чисто произнесла: «Мама!» Ну, мы услышали, сбежались...

Ему показалось, что вдалеке между рядами машин мелькнула знакомая фигура. Да, точно, она!

— ...И эта Мики все сказала — так смешно, представляешь! И «мама», и «мясо», и «мне»!..

Он успел еще подумать, что можно по дороге заехать в пиццерию и купить большую пиццу-пепперони, бросил короткий взгляд на панель, собираясь завести мотор и двинуться навстречу, — и, когда голос Нэнси вдруг прервался, даже не сразу сообразил, что произошло... Еще секунду назад на фоне огней здания виднелся один силуэт — а сейчас их было уже два!

Только услышав несущийся из динамика крик, Ник понял, что Нэнси отбивается от какого-то мужчины, который рвет у нее из рук сумку, и они, раскачиваясь, кружатся на месте, точно в странном гротескном танце.

Прежде чем он до конца осознал происходящее, рука уже сама нажала на газ, и машина рванулась с места — туда, к ней!

Нападавший обернулся — в свете фар на миг мелькнуло бледное молодое лицо — и, увидев несущуюся на него машину, инстинктивно дернулся в сторону. Внезапно раздался страшный, раздирающий уши пронзительный вой, мужчина бешено замолотил руками, отшвырнул от себя Нэнси и метнулся в темный проем между машинами, оставив ее лежать на истоптанном снегу.

Ник видел, что летит прямо на нее, что затормозить уже не удастся, и отчаянным движением вывернул руль, одновременно нажимая на тормоз. Перед глазами мелькнуло что-то блестящее, раздался грохот, он почувствовал удар — и машину понесло юзом, раскручивая по мокрому асфальту.

Еще удар, скрежет... и вдруг все замерло — лишь в ушах продолжал звучать все тот же жуткий вой...

Прошло несколько секунд, прежде чем Ник отпустил судорожно зажатый в руках руль и медленно обернулся. По его лицу струился холодный пот.

Машина стояла неподвижно, развернувшись на сто восемьдесят градусов — так, что огни здания теперь оказались сзади, справа истошно заливался механическим тьяканьем какой-то джип. Вокруг не было видно ни души...

До предела открыв окно, он высунул голову и попытался разглядеть

хоть что-нибудь там, сзади, где лежала Нэнси. Из-за капота виднелось что-то маленькое, темное и неподвижное. Краешек сумки? Нога?

— Нэнси! — позвал Ник, еще больше высунув голову в окно. Это, маленькое и темное, не шелохнулось, и он закричал — громко, отчаянно, во весь голос: — Нэнси!!!

До нее — если это действительно Нэнси — было всего ярдов пять. С тем же успехом могло быть и пять миль...

Что бы с ней ни было, помочь ей он ничем не может... Ничем...

А может, она сейчас умирает?! Умирает под колесами, сбита и раздавленная им, в этой нелепой и беспомощной попытке защититься!

Мелькнула мысль — отстегнуть ремень, выкинуться в открытую дверь и подползти к ней. Потом — еще более нелепая: позвонить Бену...

Вспомнив про телефон, Ник лихорадочно набрал «911», крикнул:

— На мою жену напали! Скорее! Нужен врач! — и тут увидел в зеркальце приближающиеся синие огни...

Полицейская машина подъехала вплотную и резко затормозила. Из нее выскочили двое полицейских и бросились туда, назад, где виднелось маленькое и темное.

Прошло несколько секунд — самых страшных секунд в жизни Ника, — потом один из полицейских протиснулся к завывающему джипу. И стало тихо — так тихо, что зазвенело в ушах...

Полицейский шагнул в его сторону.

— Сэр, пожалуйста, выйдите из машины.

— Что... что с ней?!

— Пожалуйста, выйдите из машины, сэр!

Но Ник не слышал его — он неотрывно смотрел в зеркальце, где отражался второй полицейский. Тот медленно выпрямлялся, поддерживая Нэнси... Жива... На миг Ник закрыл глаза от облегчения, потом резко обернулся, чтобы удостовериться. Да, она уже стояла, одной рукой опираясь на капот, полицейский продолжал поддерживать ее под локоть.

— Выйдите из машины, сэр! — пробился в сознание громкий голос первого полицейского.

Ник наконец взглянул на него, хотел ответить, но горло перехватило, и сказать: «Я не могу!» оказалось невозможно. Они молча смотрели друг на друга, потом полицейский, молодой белобрысый парень, снова повторил, почему-то неуверенно:

— Сэр, выйдите из машины...

— Офицер!.. — Голос Нэнси был еле различим, но оба они услышали его.

Она попыталась сделать шаг вперед, пошатнулась и снова ухватилась за второго полицейского, но голос ее зазвучал четче:

— Офицер, вы что, не видите, что это машина с ручным управлением?! Мой муж... он не может ходить, оставьте его! Преступник убежал в ту сторону! — Нэнси повернулась, попыталась махнуть рукой — и снова пошатнулась.

Ник никогда не видел, чтобы человек так стремительно краснел, как это произошло с молодым полицейским. Бросив быстрый растерянный взгляд на руль и на ремень, плотно пристегивающий Ника к сиденью, он пробормотал:

— П-простите... простите, сэр...

На самого Ника, особенно ему в лицо, он старался не смотреть. Так часто делали нормальные здоровые люди, словно опасаясь, что прикосновение или даже простая встреча глазами с калекой может заразить их и сделать такими же жалкими и беспомощными.

Второй полицейский открыл заднюю дверь и помог Нэнси сесть на сиденье. Наклонился к ней и спросил:

— Как вы себя чувствуете, мэм? Может, стоит вызвать врача?

— Нет... он просто ударил меня... Ударил — и я упала.

— Вы можете рассказать, что произошло? Как он выглядел?

Короткие обрывки фраз: «Выскочил из-за машин... схватил сумку... молодой, высокий...» — едва проникали в сознание Ника. Все заглушали другие слова, никем не произнесенные, но, казалось, висевшие в воздухе: «Калека! Жалкий беспомощный калека!»

Розовый туман, в котором он пребывал в последнее время, наконец рассеялся, с беспощадной жестокостью обнажив простую истину: он — калека, не состоявшийся как муж и как мужчина, беспомощный и неспособный защитить любимую женщину.

Даже если бы ее насильовали или убивали в нескольких шагах от него, он бы мог только кричать и размахивать руками — больше ничего...

В зеркальце Ник видел, что Нэнси то и дело поглядывает на него — наверное, удивляется, почему он молчит, — и сжимал зубы, боясь, что вот-вот сорвется, закричит, завоет от дикой, животной ненависти к самому себе, и к ней и ко всему миру.

— ...Мой муж... он спас меня, — все-таки пробились в сознание слова Нэнси.

Спас? Он — спас? Он никого не может спасти и защитить — это она вынуждена была защищать его от полицейских...

— Засигналил, поехал в нашу сторону, этот мужчина обернулся, и я

успела выхватить баллончик и нажать...

Вот, значит, что это выло — баллончик с перцем, снабженный сиреной. Ник видел их в рекламе — «лучшее средство самообороны для женщин!» — но не знал, что и у Нэнси есть такой...

— Вы попали в него, мэм?

— Да... Он закричал, ударил меня и побежал. Я упала и... и все.

В зеркальце Ник увидел, как она поднесла к затылку, а потом, растерянно, к глазам руку, измазанную чем-то темным.

— У вас кровь, мэм... — сразу среагировал полицейский. — Наверное, лучше будет все-таки вызвать врача!

— Не надо! — бросил Ник полицейскому, нажал кнопку телефона и сказал отозвавшемуся почти сразу Бену: — Вызови доктора Данвуда. Пусть приедет немедленно. Нэнси... попала в аварию. Ушибы и, возможно, сотрясение мозга. — Не дожидаясь вопросов, отключился и спросил: — Мы можем ехать домой?

— Вы можете подтвердить слова вашей жены, сэр?

— Да... все так и было. Я не успевал затормозить, поэтому свернул, — кивнул Ник на видневшуюся впереди «тойоту» с разбитым багажником. Естественно, если будут претензии, я все оплачу. — Он достал из бумажника несколько визитных карточек и протянул полицейскому. — Ну все? Теперь мы можем ехать домой?

— Но вы должны проехать в участок и дать показания!

— Офицер! — медленно и спокойно начал Ник, хотя внутри у него все кипело. — Моя жена нуждается в немедленной помощи врача, а я... вы думаете, что, подъехав к участку, я так резко выздоровею, что смогу пройти внутрь и дать показания?!

— Да, сэр... — промямлил только сейчас сообразивший это полицейский.

— Мы с женой сейчас поедem домой. Мой телефон у вас есть. Если хотите — пришлите к нам кого-нибудь снять показания — я полагаю, человек в моем положении имеет право на некоторое... снисхождение. Или мы можем подъехать в участок завтра — когда у меня будет с собой инвалидная коляска.

— Хорошо, сэр. Вы можете ехать.

— Закрой дверь! — это были первые слова, с которыми он обратился к Нэнси. Услышал сзади хлопок и тронулся с места, заставив джип снова затявкать вслед.

Глава 17

В зеркальце то и дело мелькало бледное лицо Нэнси. Она наверняка не понимала, что с ним, но разговаривать с ней у Ника сейчас сил не было. Он гнал машину, торопясь как можно быстрее оказаться дома, чтобы закрыть за собой дверь и остаться одному. Внутри у него все дрожало от унижения и бешенства, а слова «беспомощный калека» продолжали звенеть в ушах.

Притормозив у светофора, он вдруг почувствовал легкое прикосновение к плечу.

— Ник, ты... — начала Нэнси неуверенно.

Ник не знал, что она собирается сказать — да это был и не важно. Резким движением плеча стряхнув ее руку, он поймал в зеркальце растерянный взгляд и рывкнул — даже не ей, все равно куда, в пространство, лишь бы выплеснуть накопившуюся злость:

— Да замолчи ты, наконец! Если ты такая беспомощная, что сама со своими делами справиться не можешь и из-за денег за калеку вышла, так изволь теперь молча терпеть! И нечего меня утешать, слышишь?!

Нэнси замолчала на полуслове, застыв с приоткрытым ртом. Глаза ее расширились, на лице проступила странная гримаса ужаса — словно она не верила, что это было сказано... что это сказал он. Ник испытал мгновенное злорадное удовлетворение — вот, получай! — и тут светофор переключился.

Когда он в следующий раз взглянул в зеркальце, там уже не было видно ни распахнутых испуганных глаз, ни вообще лица — только заляпанную грязью согнутую спину.

Дальше они ехали молча. Нэнси сидела на заднем сиденье, скрючившись и уткнувшись лицом в колени. Оттуда не доносилось ни звука.

Ник понимал, что должен, обязан сейчас остановить машину и обернуться. И дотронуться, и сказать хоть что-то — только что? Проявить заботу и спросить, как она себя чувствует после его воплей?!

На душе было невыносимо мерзко.

Стоило ему затормозить, как Нэнси выскочила из машины и, опустив голову и согнувшись, словно у нее болел живот, побежала к дому. На дорожке она чуть не столкнулась с вышедшим навстречу с коляской Беном. Тот удивленно обернулся ей вслед, перевел взгляд на Ника...

— Данвуд уже приехал? — спросил Ник, не желая сейчас никаких вопросов — никаких, ни от кого.

— С минуты на минуту будет. А...

— Не стой столбом! Мне что, самому надо... в эту чертову коляску лезть?!

Вместо ответа Бен молча подогнал коляску, подхватил его под мышки, пересадил на сиденье и нагнулся, чтобы пристегнуть ноги. Ремень на поясе Ник мог застегнуть и сам.

Глядя сверху на склоненную голову Бена с намечающейся плешкой. Ник ощутил вдруг острый приступ раскаяния. На душе стало еще противнее. При чем тут Бен, и при чем тут Нэнси, и при чем тут все, если он сам — психованный обрубок, который не в состоянии ужиться с людьми... И все делают ему скидку, и никто до сих пор не врезал... что стоило той же Нэнси в ответ на его хамство вlepить ему пощечину?! А она смолчала, вытерпела... потому что он калека!

— Когда Данвуд приедет, пусть осмотрит ее. Я не в состоянии сейчас выдерживать его болтовню, так что выслушай все сам. Если приедут из полиции — проведи их ко мне, к Нэнси не пускай. Я буду в кабинете.

Данвуда и правда не пришлось долго ждать. Вскоре Ник увидел в окно, как подъехала его машина, как он прошел к двери — услышал в коридоре его веселый говорок, — и наступила тишина.

Хотя доктор Данвуд был специалистом по травмам позвоночника, он прекрасно разбирался и в других болезнях, так что Ник последние лет пять считал его своим «семейным врачом» и вызывал даже в случае простуды. Впрочем, тот не возражал — он вообще был человеком мягким и отличался каким-то щенячьим дружелюбием. Только болтал много — добродушно и весело, так, что собеседнику ничего не оставалось делать, как слушать его рассказы о внуках, поздравления с прошедшими праздниками — и так даже. Сейчас Ник не был в состоянии общаться с ним — при одной мысли о том, что Данвуд примется поздравлять его с женитьбой и желать счастья, становилось не по себе.

Ник тупо смотрел в окно, прислушиваясь к еле слышным голосам. Наконец негромко хлопнула входная дверь, Ник увидел спешащего к машине Данвуда — и через минуту в кабинет без стука вошел Бен.

Выглядел он каким-то непривычно напряженным. Подойдя почти вплотную, остановился и, вместо того чтобы доложить результаты визита врача, угрюмо спросил:

— Это ты ей присадил?

— Что? — Ник даже не сразу понял, о чем он спрашивает...

— Ты ей фонарь под глаз поставил?

— Да ты что?! — ошеломленно вскинулся Ник. — Ты что?!

Метнулся к Бену, сжав кулаки, — как этот идиот посмел такое подумать? Промахнулся, ударился о стол — и сник. В горле стоял комок, как в детстве, когда хотелось зареветь, и говорить было невыносимо трудно:

— На нее напали на стоянке... мужик какой-то напал, а я... Все у меня на глазах, она кричит — а я в машине сижу Он бил ее у меня на глазах, понимаешь?! А я не мог... не мог ничего сделать... Жалкий... к-калека... Ничего не мог, ничего... — Ник ударил кулаком по столу. — Ничего не мог, понимаешь?! — И, пытаюсь взять себя в руки, спросил, не глядя на Бена: — Что с ней?

— Ушибы... глаз подбит, запястье растянуто, на затылке ссадина — но в целом такого серьезного ничего нет. Данвуд просил завтра утром подъехать — он хочет ее на томографе насчет сотрясения мозга проверить. И если начнется тошнота или рвота... или там сознание потеряет — сразу звонить велел.

— Свозишь ее завтра... И надо «мерседес» в ремонт отогнать.

— Она там плачет... — Слова упали тяжело, как камень.

Ник поднял голову. Бен смотрел на него в упор, словно спрашивая: «Почему ты не с ней?!»

— Я... накричал на нее... ну, не по делу... просто...

— Я-ясно, — протянул Бен и неприятно усмехнулся. — А когда ты по делу орешь-то?.. Она Данвуду сказала, что ты ее спас, — чуть помедлив, добавил он.

— Да уж... спас. Я ее чуть не задавил. Сам не знал, что делаю, — рванул в их сторону, а потом тормозить некогда было — еле успел свернуть и пару чужих машин стукнул. Ну вот... а потом сидел в машине, а она лежала там где-то, под колесами — и я даже не знал, живая ли... А потом еще полиция... чтоб их...

— Что им от тебя надо было?

— А чтоб я из машины вышел, — усмехнулся Ник.

— Весело...

От ужина Нэнси отказалась. Продолжая отсиживаться в кабинете, Ник то и дело посылал Бена послушать под дверь, предложить поесть и так даже. Ответы повторялись с унылой неизбежностью: «плачет», «ничего не хочет»... Потом: «Свет погасила...»

Он знал, что должен — давно должен был! — отправиться к ней и сказать что-нибудь вроде «не бери в голову...», или «не сердись», или хотя бы просто «извини...». Но в голове было пусто, как с перепоею, и только мелькали обрывки каких-то странных воображаемых воспоминаний — не о том, что было, а о том, как могло бы быть:

Вот Нэнси кладет руку ему на плечо и говорит: «Ник, ты...», а он, вместо того чтобы наброситься на нее, прижимает ее ладонь щекой и отвечает: «Потерпи, скоро уже будем дома!» Или еще раньше, увидев

кровь у нее на руке, он достает платок... салфетку... (ведь даже этого не сделал!) и спрашивает: «Тебе очень больно?..»

Господи, ну пусть бы на самом деле все так и было! Чтобы она не плакала сейчас одна в темной комнате...

— Ты спать вообще собираешься? — спросил, в очередной раз появившись в кабинете, Бен. — Второй час уже...

Говорил он угрюмо, глядя в сторону, — похоже, ему не по себе было от того, что находится в гуще семейного конфликта. А может, просто боялся нарваться на очередное хамство?

Ник молча развернулся и направился к двери. Услышал вслед: «Ужинать не будешь?» — и так же молча замотал головой.

И снова «гигиенические процедуры», ванна... и так даже. В середине массажа Бен по собственной инициативе выдал новую информацию:

— Там свет опять горит...

— Может, ее тошнит? — вскинулся Ник.

— Нет... в ванной света нет. Я специально зашел на кухню посмотреть.

В первый момент Ник не сообразил, при чем тут кухня, и лишь через несколько секунд вспомнил, что окно ванной Нэнси выходит на лужайку.

— Плачет?

— Нет... не слышно.

Ему хотелось, чтобы Бен поскорее убрался — почему-то казалось, что тогда она придет... как приходила каждую ночь, в последнее время даже без его звонка. Придет — и все снова станет на свои места.

Бен наконец ушел, и потянулись минуты — одна за другой. В доме все было тихо. Ник и сам понимал, что ждать чуда бессмысленно — один раз оно произошло, но теперь... — и все-таки не гасил свет.

Часы в гостиной пробили два... Наверное, Нэнси давно спит, и он зря лежит тут, прислушиваясь к каждому шороху...

Если бы он только мог вылезти сейчас из-под одеяла и сам пойти к ней! Сесть рядом, погладить по голове... Даже и разбудить, черт с ним! — лишь бы она не засыпала с этой обидой.

А может, она вовсе и не спит? Может, плачет?

Медленно и неуверенно Ник потянулся к телефону и нажал кнопку. Из трубки послышались тягучие гудки — один... другой... третий... Наверняка Нэнси понимает, кто это звонит, и не хочет брать трубку. Четвертый... а может, ей плохо? Может, она потеряла сознание?! Пятый...

Сердце болезненно сжалось. Если она не ответит на десять гудков — надо позвонить Бену, пусть сходит проверит! Шестой...

Щелчок в трубке раздался после восьмого гудка, когда Ник уже

потерял всякую надежду. Щелчок — и тишина — ни звука, ни дыхания.

И в эту ждущую тревожную тишину он сказал:

— Нэнси... ты приходи. Приходи, а?..

И снова — ни звука, ни дыхания. Пауза — щелчок — и короткие гудки.

Если она не придет, второй раз он звонить не будет. Значит — не хочет... И снова потянулись бесконечные минуты ожидания.

Шагов он не услышал. Просто бесшумно приоткрылась дверь, и Нэнси появилась на пороге. Сделала несколько шагов и молча остановилась.

Выглядела она жутко: заплывшее, распухшее от слез лицо с покрасневшими глазами-щелочками, отчетливо различимый синяк на левой скуле и болезненно сморщенный лоб. Туго подпоясанный халат с нелепо завернувшимся воротником... похоже, она этого даже не заметила.

Только сейчас Ник понял, почему не слышал ее шагов — она была босиком.

— Ты чего без тапок? Простудишься! — вырвалась у него, пожалуй, не лучшая фраза для начала разговора.

— Вы над этими тапками смеетесь. И ты... и Бен тоже ухмыляется. Я не люблю, когда надо мной смеются. — Голос Нэнси прозвучал хрипловато, тускло и безразлично.

Ничего он не смеялся! Ну, может, действительно улыбался порой... уж очень эти тапки, с ушками и пуговичными глазками, забавно выглядели! Впрочем, сейчас было неподходящее время для споров.

— Я тебя разбудил?

— Нет, я не спала.

— Голова болит?

— Да... Глаза болят, а голова будто вообще не своя.

В лицо ему она не смотрела — куда-то мимо.

— Сядь ко мне! Не стой на холодном полу, — спохватился Ник.

Молча, без возражений, Нэнси подошла и села — лишь напряглась, когда он потянулся, чтобы взять ее за руку. Лучше бы она отказалась... всплыла, с самого начала заявила: «Не приду!», или пришла бы и с порога наговорила ему резкостей. Все лучше, чем эта безразличная угрюмая покорность...

Даже рука была какая-то неживая и безразличная. Не холодная, не теплая, не пытающаяся отодвинуться — просто... рука. Ник подержался за нее — Нэнси по-прежнему смотрела в сторону:

— Ляг ко мне... пожалуйста.

До сих пор об этом не приходилось просить — все, что Нэнси давала ему, она давала сама — и, если бы она сейчас отказалась, он, наверное, не

посмел бы попросить снова.

Но она не отказалась — спросила только:

— Мне раздеться?

— Как хочешь...

Она сняла халат — под ним оказалась ночная рубашка. Не та, розовая, с соблазнительными кружавчиками, в которой Нэнси приходила в первую ночь, а простая, фланелевая. Ник и не знал, что у нее есть такая...

Не снимая рубашки, она легла рядом — не прильнула, просто легла на спину. Ник ухватился за поручень и повернулся на бок, чтобы быть к ней лицом, рука его, ища опоры, скользнула случайно по ее груди.

— Не надо этого! — отчаянно вскрикнула Нэнси. — Пожалуйста, ну не надо!

В голосе Нэнси звучали слезы, она взглянула на него воспаленными, лихорадочными, полными боли глазами. Потом вздохнула и снова покорно вытянулась рядом, закрыв глаза.

— Не буду, не буду! — испугался Ник — Ты только послушай меня... — Осторожно дотронулся кончиками пальцев до ее виска. — Я сегодня сказал... ну, то, что не должен был говорить. Ты... прости меня за это. Я тебе когда-то говорил, да ты и сама видела — у меня ужасный характер, я часто на людей не по делу кидаюсь... просто от нервов. Я постараюсь этого больше не делать — но... если снова что-то не то будет, ты постарайся это просто пропустить мимо ушей. И помни только то, что я скажу тебе сейчас: ближе, чем ты, у меня никого нет. Ты только это помни, а все остальное забудь...

Нэнси смотрела на него не отрываясь, больше не отгораживаясь безразличием — смотрела, будто ожидала еще чего-то. Но что еще можно было сказать?

Он повторил:

— Прости... — и замолк, глядя на нее.

За что он просил сейчас прощения? За свою сегодняшнюю выходку — или за то, что он вообще... такой? Этого Ник не знал и сам...

Прошло несколько секунд молчания, и он физически почувствовал, что, не сделав ни одного движения, Нэнси снова отгородилась от него. Глаза медленно прикрылись, как шторка, заслоняющая от него ее душу, и она слегка кивнула.

— Давай спать... — Осторожно, помня болезненное «не надо!», Ник погладил ее по щеке, по плечу. — Завтра проснемся — и будет новый день... и все будет хорошо.

Нэнси пожалала плечами и снова чуть заметно кивнула. Отвернулась,

легла на бок и больше не шевелилась — но, когда Ник прижался к ее спине и обнял сверху, не стала отстраняться, только вздохнула.

— Я думал, что сшиб тебя машиной, — сказал он ей в затылок. — И страшно испугался...

— Я тоже... И телефон потеряла — он где-то там в снегу остался.

— Это ничего...

Болели глаза и все вокруг — словно на них положили горячую повязку и она невыносимо пекла и давила. Хотелось встать и промыть их холодной водой, но Нэнси знала, что это не поможет. На самом деле ничего не поможет — так бывало всегда, когда она долго плакала.

Она чувствовала себя такой разбитой, что должна была вроде бы сразу заснуть — но сон не шел. Вместо этого к глазам то и дело снова подкатывали близкие слезы, и она изо всех сил сдерживалась, чтобы не всхлипнуть.

Ник заснул почти сразу — она почувствовала, как все его тело расслабилось и дыхание стало ровным и глубоким. И от звука этого привычного дыхания на душе становилось еще горше и еще сильнее хотелось плакать.

Он сказал, что не должен был так говорить... даже извинился. Извинился — за то, что сказал это вслух. И не сказал самого главного — что на самом деле все это неправда, и она с ним не из-за денег, и он сам это знает.

И так и не сказал — вообще, ни разу в жизни не сказал, что любит ее. Или хотя бы начинает любить, хоть немножечко... Или хотя бы — что она ему просто нравится...

Глава 18

Утром, когда, как обычно, зазвонил будильник, Ник прихлопнул его и снова вытянулся рядом с Нэнси, погружаясь в сон. Ему не хотелось сейчас отсылать ее от себя — один раз работа может и потерпеть!

Второй раз он проснулся от негромкого звонка телефона и быстро, пока тот не успел зазвонить снова, схватил трубку:

— Уже почти восемь... — доложил Бен, явно обеспокоенный, что Ник не подает признаков жизни. — Ты чего, заболел?

За окном и вправду было уже светло.

— Я Нэнси не хочу будить, — шепотом объяснил Ник.

— А, так она у тебя?! — обрадовался Бен.

— Да... спит еще.

— Точно спит?!

Обеспокоенность, прозвучавшая в голосе Бена, несколько удивила Ника. Он что, полагает, что здесь лежит задушенный в семейной стычке труп?!

— Спит...

— А то Данвуд вчера сказал, что после сотрясения бывает, что человек вроде как спит, а на самом деле без сознания...

Ник бросил на жену короткий взгляд и увидел, что глаза ее открыты.

— Нет, она смотрит!

— Как смотрит? — не понял Бен.

— Глазами... потом позвоню! — объяснил Ник и бросил трубку.

— Кто... смотрит глазами? — морща лоб, сонно поинтересовалась Нэнси.

— Ты...

Вокруг глаз у нее были темные круги — под левым больше. Смотрела она с болезненным прищуром.

— Голова болит? — Ник положил ладонь на припухшую щеку.

— Да... — начала Нэнси — и вдруг он почувствовал, как что-то в ней изменилось. Она не шевельнулась, не вздрогнула — только лицо неожиданно застыло. Вспомнила...

— Нэнси, пожалуйста... — быстро сказал он. — Мы вчера помирились — ладно?!

Еще несколько секунд лицо ее оставалось застывшим и отчужденным. Потом Нэнси расслабилась, кивнула и легонько дотронулась губами до щеки.

— Ладно...

Все было как прежде. Нэнси посидела дома три дня, а потом снова вышла на работу — со все еще заметным синяком под глазом. Рассказывала со смехом, что кто-то спросил, сочувствуя, — не муж ли ее побил?! Ник тоже смеялся, хотя в глубине души ему стало почему-то неуютно.

Полицейский — детектив в штатском — приехал на следующий день с утра и взял показания. На этом дело и кончилось. Поймать, естественно, никого не удалось.

Все было как прежде, но Нику казалось, что все-таки что-то изменилось. Что-то, что трудно даже объяснить словами. Казалось, в глазах Нэнси порой мелькает какое-то странное выражение, словно бы вопрос... или недоверие, и меньше в них стало радости — простой, может быть, немного наивной радости, которая раньше вспыхивала в ее глазах так часто.

Он больше не ездил встречать Нэнси — она или брала микроавтобус, или добиралась домой на такси.

Впрочем, вот-вот этот вопрос должен был стать неактуальным — подарок ей на день рождения, темно-зеленый «вольво», был уже заказан. Кроме того, Ник готовил еще один подарок — ожерелье в старинном стиле, где центральным камнем будет топаз, подаренный ей на свадьбу.

Все было как прежде...

Однажды в субботу вечером он заехал к Нэнси в спальню и увидел, что она разговаривает по телефону. Едва заметив его, она сказала: «Ладно, я тебе потом перезвоню» — и положила трубку.

— Что, Робби? — кивнул Ник на телефон.

— Нет, один друг. Что, уже ужинать пора?

Ни о каких своих друзьях, кроме Робби, Нэнси никогда раньше не упоминала, и Ник удивился — слегка.

Весь вечер она была какой-то задумчиво-радостной, даже не сразу отреагировала на брошенную ей реплику, и лишь потом спохватилась и переспросила.

Через несколько дней телефон зазвонил во время ужина. Ник, сняв трубку, услышал мужской голос, который попросил позвать Нэнси.

Она схватила трубку так, словно давно ждала этого звонка. Закричала:

— Ну что, Стини, что?! Подожди, я сейчас переведу разговор к себе, а то мы тут ужинаем! — и бросила Нику на ходу: — Пожалуйста, положи трубку, когда я там возьму! — и сорвалась с места.

Вернулась она лишь минут через двадцать, страшно довольная — это было видно сразу.

— Что, хорошие новости? — решил поинтересоваться Ник.

— Да, это один мой друг. Он подписал выгодный контракт и хотел похвастаться, — с этими словами Нэнси сунула в рот кусок остывшего бифштекса.

Нику показалось, что таким образом ему дают понять, что дальнейшие вопросы неуместны. Да и Бен заговорил о чем-то другом, возвращаться к вроде бы исчерпанной теме стало уже совсем неудобно.

«Я не буду допытываться!» — когда-то сказал он Нэнси.

«Я не буду допытываться...» — сказал он ей. И не мог, хотя знал, что, если спросит напрямую, она ответит... Наверное, ответит.

На следующее утро, он решил проверить по компьютеру звонки с их телефона за последний месяц. Чтобы успокоить совесть, несколько раз повторил самому себе, что смотрит просто так, «для порядка» — и вообще...

Что именно «вообще», Ник додумать не успел. В списке дат и номеров телефонов мелькнул незнакомый номер... номер с кодом Калифорнии. Еще один разговор — с тем же абонентом. И еще... Всего четыре разговора. Продолжительность каждого — от пятнадцати минут до получаса. Первый разговор состоялся на следующий вечер после инцидента на автомобильной стоянке, последний — позавчера...

Наверное, были и «входящие» разговоры — он не стал проверять. Выключил компьютер и уставился на темный неподвижный экран.

Он не знал, что это на него так подействует. Подумаешь — ну позвонила Нэнси пару раз в Калифорнию этому своему бывшему приятелю (бывшему любовнику) — ну и что?! Наверное, и тот тоже звонил — ну и что?! Они же «остались друзьями», Нэнси когда-то сама говорила об этом — и сейчас человек захотел похвастаться контрактом — ну и что?! Что это — криминал? Супружеская измена?

А думалось совсем о другом — и от этих мыслей внутри рождалась тупая и не находящая себе выхода боль. О здоровом загорелом блондинистом красавчике (почем-то он представлялся именно блондином), звонкам которого Нэнси радуется, с которым она разговаривает, смеется, шутит — и выходит потом из комнаты веселая и раздурманенная.

И о том, что, возможно, она уже пожалела о своем опрометчивом решении выйти замуж за человека, который, конечно, может справиться с ее денежными проблемами, но не может дать ей того, что необходимо каждой женщине: уверенность в том, что ее поддержат и защитят, возможность поехать куда-то вместе — хоть на пляж, хоть на вечеринку, — да и, наконец, просто нормальный полноценный секс.

И что, наверное, именно случай на автомобильной стоянке заставил ее снова задуматься об этом...

Через неделю Ник проверил: больше звонков в Калифорнию не было. И оттуда — тоже. К Нэнси он продолжал приглядываться — то она казалась ему все-таки какой-то задумчивой, а то — вполне нормальной. А может, у нее и раньше бывало такое задумчивое настроение — просто он не обращал внимания?

И еще одно — мелочь, конечно, но она купила себе новые тапки.

Обычные, кожаные. Ник больше никогда не видел у нее на ногах тапочек-«собачек»...

Глава 19

Это был обычный рабочий день... и необычный. Необычный — из-за настроения. Нэнси все время ловила себя на том, что улыбается — так, ничему... просто потому, что все хорошо.

И гости в студии были забавные — человек с парочкой говорящих попугаев какаду. И они не просто говорили, а очень здорово разговаривали между собой! Один попугай говорил: «Полай собачкой!», а второй тьякал, потом первый просил: «А теперь кошкой!» — и второй мяукал! А потом они пели — вместе, хором, а хозяин подыгрывал им на флейте.

Она представляла, как будет рассказывать это за ужином — и заранее смеялась. Но главным было совсем другое — то, что она собиралась рассказать Нику попозже — ночью. А может, сразу, как только он выйдет встречать ее и проводит в комнату?

И как начать? «Ник, я хочу сказать тебе одну вещь...» Или: «Ты знаешь, я тут разговаривала с одним человеком...» Или просто: «А что я тебе сейчас расскажу!»

Наверное, он обрадуется... Или рассердится, скажет, что она лезет не в свое дело и что он сам давно все знает и ничего не хочет?! Нет, такого быть не может, не надо даже думать об этом!

Всю дорогу Нэнси представляла себе — как это будет. Подъехала к дому, увидела светящиеся окна — и рассмеялась, до того вдруг стало хорошо на душе. Поставила машину, выскочила из боковой двери гаража и побежала по дорожке, весело подумав: «Ага, сегодня я первая!» Это была своего рода игра — Ник почти всегда открывал еще до того, как она успевала позвонить, каким-то непостижимым образом угадывая именно тот момент, когда ее рука тянулась к звонку.

Но в этот раз дверь не открылась.

Нэнси замерла в недоумении — он что, заработался?! — хотела позвонить второй раз — и тут услышала звук поворачивающегося ключа.

Открыл ей Бен. Нэнси растерянно обвела взглядом прихожую и уставилась на него, испуганно выдохнув:

— Ник?!

— С ним все в порядке, — быстро ответил Бен. — Не волнуйся, тут такое дело... приехала твоя мать.

До нее не сразу дошло сказанное: рассудок отказывался принимать это. Она хотела переспросить, но перед глазами забегали мелкие темные точки, а в ушах противно зазвенело. Кожу закололо, будто под одежду внезапно забралась целая стая комаров. Еще темнее...

— Ну ты чего... ты чего!!!

Растерянный голос Бена врезался в уши, и Нэнси медленно открыла глаза. Она стояла, прислонившись к стене. Бен придерживал ее за плечо и, встревоженно глядя на нее, повторял:

— Ты чего? Успокойся, Нэнс, ну что ты?!

Нэнси дернула плечом, освобождаясь от его руки, выпрямилась и сказала первое, что пришло в голову и показалось почему-то очень важным:

— Бен, забери мои кассеты... Я не хочу, чтобы их выбросили.

И на миг ей стало безумно жалко того невозвратимого ощущения радости, с которым она прожила этот день...

Ника раздражало все — и прежде всего чувство раздвоенности, которое владело им с того момента, как Алисия Хэнсфорд появилась на пороге.

С одной стороны, он с первого взгляда понял, что все, что рассказывала Нэнси о своей матери, — чистая правда. С другой — не смог противостоять обаянию этой очаровательной хрупкой женщины!

И дело было даже не в ее внешности, и не в шаловливых искорках, то и дело вспыхивающих в фиалковых глазах, и не в неосознанной сексуальности, являвшейся ее неотъемлемой частью. Хотя, даже при его немалом опыте, женщин, подобных этой, Ник не встречал. Но только теперь он до конца понял слова Нэнси: «В ней есть что-то такое, что действует на мужчин...»

Через пять минут после знакомства он поймал себя на том, что бормочет:

— Ну что вы, какой отель, о чем вы говорите?! Разумеется, вы остановитесь у нас, ни о чем другом не может быть и речи! — На мгновение разозлился — на кой черт?! — и тут же с картинным жестом приказал Бену отнести чемоданы миссис Тревер в гостевую спальню.

— Алисии, просто Алисии, — тут же перебила она, — мы же с вами теперь родственники!

Обращалась миссис Тревер с ним вполне по-родственному, с некоторой долей вполне простительного при ее внешности милого кокетства. Не задала ни одного вопроса по поводу его коляски и ничем не показала, что ее это как-то коробит. Ласково попеняла ему, что они с Нэнси «зажилили»

свадьбу — ей было неприятно узнать об этом совершенно случайно, от посторонних людей. Но тут же, рассмеявшись, сказала:

— Я даже не буду Нэнси ничего говорить — пусть не думает, что меня это задело! Моя милая глупышечка до сих пор не изжила в себе подростковый максимализм и постоянно дуется на меня непонятно за что — вот и решила сделать назло! Но вы, Ник, вы! Я и не думала, что такой человек, как вы, способен подыгрывать ее дурацким детским выходкам!

Она шутила — и первая смеялась своим же шуткам, рассказывала всякие забавные истории, персонажами которых была она сама и ее знакомые, расспрашивала его о том, чем он занимается, и внимательно слушала. Ник в свою очередь рассказал про то, как еще студентом, на каникулах, возвращался из Мексики, прихватив с собой «контрабанду» — несколько лишних бутылок текилы «с червяками», — и, когда его остановила полиция, жутко перетрусил. А потом выяснилось, что просто одного из полицейских нужно было срочно подбросить домой, а второй не мог оставить пост...

Примерно часа через полтора Ник почувствовал, что его организм мало-помалу начинает сигнализировать о перегрузке. Заломило виски, стало все труднее сосредоточиться, и изнутри начало подниматься глухое раздражение, которое можно было выразить одной фразой: «Конечно, она мила, и обаятельна, и интересно рассказывает... но хоть бы она ненадолго заткнулась!»

Намекнуть на это он, конечно, не мог, поэтому продолжал кивать и в нужные моменты подавать требуемые реплики.

Еще хуже стало после появления Нэнси. Ник понимал, что у нее с матерью свои счеты — и, судя по ее рассказам, вполне обоснованные, — но даже при этом можно было бы вести себя по-другому!

Вошла она уже заранее надутая и бледная. Холодно взглянула на бросившуюся к ней с поцелуями мать, выдавила из себя вымученную улыбку и с коротким «Здравствуй, мама!» уселась в кресло. Не подошла, не поцеловала, как положено, мужа — даже не взглянула в его сторону (ну он-то тут при чем?!).

Бен тоже внес свою лепту в происходящее, мрачно заявив:

— Я поем на кухне! За столом итак не повернуться.

А ведь когда приходила Робби, место для всех прекрасно находилось!

Как бы то ни было, Бен принес ужин, накрыл на стол и ушел. Ушел, оставив Ника одного справляться с двумя... бабами!

Начала Алисия с того, что обрушилась на Нэнси с попреками:

— Ты поступила просто гадко! Пообещала мне, что все уладишь, а

теперь у бедного Тедди из-за тебя неприятности на работе! Он говорит, что ты придралась к каким-то там формальностям и пожаловалась на него! Ты должна все немедленно исправить — подумай, ему же грозит увольнение!

— Миссис Тревер... — решил вмешаться Ник.

Он уже понял, что речь идет о кампании, развернутой им в рамках решения финансовых проблем Нэнси.

— Алисия, Ник, мы же договорились — просто Алисия! В конце концов, мы с вами почти ровесники!

Тоже мне ровесники! Выглядит она, конечно, моложе своих лет, но, кажется, забыла, что он женат на ее дочери, которой вот-вот стукнет двадцать пять!

— Хорошо... Алисия. Так вот, дела Нэнси теперь веду я, и жалобу эту подал я — она тут ни при чем.

— Да?! — Она сделала большие глаза, словно подозревая его во вранье.

— Да. И я предпочитаю перенести все деловые вопросы на завтра. Поговорим днем, в моем кабинете.

Уф-ф... Кажется, заткнулась... Увы, ненадолго.

У этой женщины была просто какая-то мания! Ей обязательно нужно было находиться в центре внимания — все время. И попробуй отвлекись на что-то другое! Стоило ему спросить у Нэнси, как дела на работе, как Алисия, не дав дочери ответить, тут же воскликнула:

— Моя маленькая глупышечка — и вдруг взрослая, и даже работает. Я просто поверить не могу! Кажется, еще вчера она была так смешно, по-детски влюблена в этого актера... как там его... ну, который педик. Всю комнату его фотографиями обклеила! А когда я сказала ей, кто он на самом деле, представляете — ее вырвало!

С одной стороны, Нику было жалко Нэнси, сидевшую с подавленным видом и чуть ли не вздрагивающую, когда Алисия в очередной раз называла ее «маленькой глупышечкой» или подтрунивала над ней. (Уж могла бы, зная характер дочери, понять, как ей это неприятно!)

С другой — хотелось встряхнуть ее, крикнуть ей в лицо: «Ну что ты сидишь надувшись?! Не нравится — так ответь, огрызнись — а не сиди тут с видом жертвы! Не хочешь, чтобы с тобой обращались как с подростком, — так и веди себя как взрослый человек!»

Только один раз Нэнси попыталась взять себя в руки — с судорожной, неестественной улыбкой, стараясь не глядеть на мать, начала рассказывать что-то про говорящих попугаев. Но не прошло и минуты, как Алисия с шаловливой гримаской маленькой девочки, скрывающей какую-то смешную тайну, поднесла руку к плечу и пару раз согнула крючком палец.

Замолчав на полуслове, Нэнси сжалась и уткнулась в свою тарелку.

Ник не понял, в чем дело. Наверное, Алисия прочитала это на его лице, потому и рассмеялась:

— Котинька, ну можно, я скажу Нику?! — И, не дожидаясь согласия Нэнси, начала весело объяснять: — Моя глупышечка до сих пор часто сутулится — и страшно обижается, когда я ей делаю замечание при людях. Так вот, я вместо этого ей просто показываю пальчиком — «горбик, горбик!», — снова сделала тот же жест, — это у нас такая семейная шутка! Правда, смешно?!

Судя по застывшему лицу Нэнси, той было вовсе не до смеха. Через несколько минут она положила вилку, сказала:

— Ник, извини, я пойду к себе. У меня очень болит голова, — встала и вышла.

Появившийся вскоре Бен забрал тарелки и принес кофе — все это молча, с непроницаемым лицом. Нику показалось, что во взгляде его мелькнуло осуждение (интересно, с какой стати?!).

Ему до смерти хотелось как можно быстрее отправить гостью спать — и остаться наконец одному. Но не тут-то было! Алисия, изящно отставив пальчик, выпила чашечку кофе, налила вторую, попросила немного коньяка, а потом снова завела бодягу о жалобе, поданной в банк, и о том, как ей теперь неудобно перед «бедным Тедди Палмером».

— Миссис Тревер, — решительно перебил ее Ник. Тут же поправился: — Алисия, я уже сказал — мы поговорим об этом завтра. А сейчас уже поздно, вы, наверное, устали с дороги. Да и у меня еще есть кое-какие дела.

Это подействовало — Алисия допила наконец кофе и удалилась. Вид у нее, правда, был несколько недовольный — ну да наплевать!

Следующим на очереди оказался Бен.

Обычно во время ванны, массажа и всего прочего они болтали о чем попало, но на этот раз он хранил зловещее молчание, да и вид у него был мрачный.

— А ты почему вместе со всеми не ужинал? — решил, на свое несчастье, поинтересоваться Ник. — И что значит «места нет» — всегда же хватало?

— А я не нанимался за столом со стервами сидеть! — отрезал Бен. — И я не дворецкий — чемоданы ее таскать!

Ну что он взъелся из-за такой мелочи?!

— А что же мне делать было? — из последних сил попытался воззвать к здравому смыслу Ник.

— А ничего! В дом всякую дрянь не зазывать!

— Но это же мать Нэнси!

— Ах ма-ать?! — Это слово в устах Бена почему-то прозвучало как оскорбление. — Так, значит, ты из-за этого перед ней перья распускал?! Нэнси вон только о ней услышала, и в обморок упала — а тебе наплевать?! Даже встретить ее не вышел — так залюбезничался.

— Это мое дело! — не выдержал наконец и рявкнул Ник. Ругаться, лежа на спине, было весьма неудобно.

— Твое — так меня не спрашивай. А за стол я с этой сукой не сяду и прислуживать ей не буду. Навидался я таких уже — блевать охота.

— Где это ты, интересно, таких навидался — в тюрьме?!

Лицо Бена мгновенно застыло — Ник и сам понимал, что это был удар ниже пояса. Но уж очень хотелось как-то врезать ему, чтобы перестал с хамски-снисходительным видом лезть не в свое дело.

Тем не менее Бен ответил — медленно и без выражения:

— Нет. Раньше.

Больше Бен не произнес ни слова. Лишь под конец, Уложив Ника в постель, в ответ на вопрос: «А она что — правда в обморок упала?» — бросил короткое «Да» и с тем вышел.

Глава 20

Может быть, если бы удалось заплакать, стало бы легче. Но плакать не получалось, словно все внутри высохло, и Нэнси лежала, тупо глядя в потолок.

С того момента, как она вошла в гостиную, жизнь стала похожей на невыносимый, кошмарный сон. Ник явно злился на нее — за что? За то, что она помешала им? А от бесконечных насмешек Алисии хотелось спрятаться куда-нибудь и сделаться маленькой-маленькой, чтобы ее никто не нашел!

Но самое ужасное, что выставляла Нэнси неловкой «маленькой глупышечкой» и залиvisto смеялась, показывая белое нежное горло, Алисия с одной-единственной целью — произвести впечатление на Ника. На Ника, на которого она, что называется, «положила глаз» — уж Нэнси-то свою мать знала! А он... теперь он имел возможность сравнивать... И это было страшнее всего: видеть, как он смотрит на нее, и глаза его становятся недовольными, почти презрительными — а потом переводит взгляд на Алисию — и улыбается.

В последнее время все вообще пошло как-то наперекосяк. Никак не

удавалось отделаться от мысли, что Ник жажет, что женился на ней. Да и правда, если подумать — зачем она ему?

Хотелось, чтобы он хоть раз спросил: «Что с тобой?», почему она реже стала заходить к нему в мастерскую. Но он не спрашивал... А ей снова и снова вспоминалось перекошенное злое лицо и знакомо-незнакомый голос, кричащий: «Да замолчи ты, наконец! Если ты такая беспомощная, что сама со своими делами справиться не можешь и из-за денег за калеку вышла...»

Но это неправда! Ей просто было хорошо с ним — вот и все! Да, она «беспомощная», не умеет бороться за себя — но замуж за него она вышла не из-за денег!..

И у них в жизни еще все может быть хорошо — нужно только, чтобы он понял это. Потом, попозже, когда все в доме утихнет, можно будет пойти к нему в спальню, и лечь рядом, уткнуться лицом в теплую волосатую грудь — все-таки Ник действительно жутко шерстяной, прямо как медведь! И он обнимет ее, как всегда...

Она не будет ему сегодня ничего рассказывать — потом, когда Алисия уедет! Просто — прижмется, просто почувствует на себе его теплые руки, просто... ну не рассердится же он, если она немножко поплачет?..

Как выяснилось, испытания этого бесконечного вечера с уходом Бена еще не кончились. Некоторое время Ник раздумывал, не позвонить ли Нэнси — поинтересоваться, как она себя чувствует (эх, не догадался спросить у Бена, горит ли у нее свет!).

Хотя она же сама сказала, что у нее болит голова, так что наверняка приняла таблетку, уже спит и десятые сны видит! А может, все-таки позвонить? Пусть придет, хоть и полусонная, ляжет и будет уютно посапывать рядом. Ну откажется — так откажется, попытка не пытка!

Когда по комнате пронесся слабый ветерок и дверь бесшумно приотворилась, Ник решил, что это ответ на его мысли, — но короткого взгляда на женщину, скользнувшую в комнату, хватило ему, чтобы понять, что он ошибся...

Более чем легкое одеяние Алисии с натяжкой можно было именовать пижамой. Розовые шелковые штанишки до середины бедра — и такая же розовая свободная кофточка без рукавов, с большим вырезом, отороченным кружевом. На губах у Алисии играла проказливая улыбка, одна рука была спрятана за спиной.

— Ник, я тут нашла у себя в чемодане бутылочку шампанского, — заговорщицким тоном начала она, подходя к кровати. Рука вынырнула из-за спины, продемонстрировав зажатую в ней «бутылочку» и пару бокалов. — И решила, что неплохо бы выпить с вами на брудершафт!

С этими словами, не дожидаясь приглашения, Алисия уселась на постель, поджав под себя босые ноги с покрашенными золотистым лаком ноготками и продолжая непринужденно болтать:

— ...А то когда я слышу ваше «миссис Тревер», то сразу чувствую себя такой старой-старой. Все друзья называют меня просто Алисия — ведь мы же друзья, правда?

— Э-э... да, — кивнул Ник, лихорадочно прикидывая, что делать. Так по-идиотски, чтобы не сказать хуже, он себя уже давно не чувствовал.

Она что, пришла его соблазнить или действительно просто шампанского выпить? Какого черта! С ума сошла, что ли?! Прельстилась его коляской? Или дело все в том ее Тедди Палмере? Как бы то ни было, надо от нее побыстрее избавляться.

— Алисия, вам, наверное, лучше уйти! Уже поздно...

Мельком Ник подумал, что большинство мужчин не стали бы торопить с уходом такую красотку в мало что скрывающем неглиже.

— Ну что вы, в самом деле, Ник! — рассмеялась она, протягивая ему бокал.

Он не сразу понял, почему Алисия вдруг резко обернулась, но ее недовольный взглас: «Ну когда ты уже научишься стучать!» — прозвучал в тот момент, когда он увидел Нэнси, стоявшую в дверях.

В полутьме не было видно лица — только неподвижную, замершую фигуру и вскинутую ко рту, словно в попытке защититься от удара, руку. В следующее мгновение Нэнси метнулась прочь из комнаты, и Ник услышал удаляющийся топот босых ног.

Алисия повернулась к нему — вид у нее был несколько растерянный.

— Ник...

— Уходи отсюда! — выдохнул Ник. — Слышишь, уходи! — заорал уже в полный голос.

Не заботясь о том, насколько неуклюже выглядит, он ухватился за поручень и судорожным рывком дернулся к телефону. Нажал кнопку и крикнул, едва слышав щелчок:

— Бен! Сюда, скорее!

Обернулся к Алисии, по-прежнему, словно в ступоре, сидевшей на постели, и рявкнул:

— Ты что, не поняла, что я сказал?! Вон отсюда!

На этот раз до нее дошло — не сводя с Ника испуганных глаз, она начала медленно сползать с кровати; в ее руке до сих пор была зажата злополучная бутылка. Выпрямилась и бочком, словно боялась повернуться к нему спиной, не сказав ни слова, зашпешила к выходу. В дверях, чуть не

столкнувшись с Беном, она испуганно ойкнула, шарахнулась в сторону и, проскочив мимо него, вылетела из комнаты.

— Помоги мне с коляской! Быстрее! — задыхаясь, с трудом выговорил Ник — слова душили его. — Не надо одеваться, так давай!

Пока Бен подгонял коляску и пристраивал в нее его непослушное тело, попытался объяснить:

— Она... эта... пришла... Шампанского ей!.. А тут Нэнси... и... — почувствовал, что уже «в седле», и рванулся вперед.

В спальню Нэнси он влетел без стука, открыв дверь своим пультом.

Он думал застать жену в слезах — но ошибся. Она сидела на кровати, опустив голову, при его появлении выпрямилась, и Ник увидел бледное лицо с сухими, горящими безумным блеском глазами.

— Нэнси, я... — начал он, подъезжая поближе.

— Я хочу, чтобы она немедленно уехала, — низким, хриплым и монотонным голосом перебила его Нэнси.

— Но я должен тебе объяснить...

— Я хочу, чтобы она немедленно уехала!

— Утром она переедет в гостиницу. А сейчас успокойся и послушай меня...

— Я не хочу ничего слушать. Я уже все видела.

— Да послушай ты! Твоя мать...

— У меня нет матери! — наконец-то Нэнси прорвало, и она закричала, захлебываясь и глотая слова: — У меня нет матери! Есть старая злобная шлюха, которая увела у меня одного мужика, а теперь уводит второго — и ты только не жди, что я буду на это спокойно смотреть! Если она останется — ухожу я! Выбирай!

— Хватит нести чепуху! Никто никого не уводит! — Ник схватил ее за плечо и слегка встряхнул. — Успокойся!

Она вывернулась и вскочила.

— Что я, не видела, что ли? Вы... вдвоем, на постели... Что я — дура?!

— Да ничего ты не видела! — рявкнул он, но тут же попытался взять себя в руки: — Она вошла за две минуты до тебя. Это совсем...

— Это «совсем не то, что я думаю», да? Почему мужчины всегда врут одно и то же?

— Да неужели ты не понимаешь, что там ничего не было — и быть не могло?! — Больше сил сдерживаться не было. — Ты что, забыла, что я ничего не могу, что я калека, черт возьми?!

— И я полагаю, сейчас о-очень об этом жалеешь, да?! Еще бы, такая женщина! Не то что я! Но я твоя жена — и, как бы мало ты ни мог, это все

принадлежит мне! Мне!!!

Они застыли, с яростью глядя друг на друга, потом Нэнси, словно этот последний всплеск истощил ее, опустилась на кровать и тихо, жалобно попросила:

— Пусть она уедет, Ник... ну пожалуйста...

Но Ник остановиться был уже не в силах — время для объяснений и примирений закончилось.

— Знаешь, что, дорогая... в конце концов, это мой дом, и я сам решаю, кому здесь оставаться, а кому нет! И я не собираюсь выставить человека среди ночи и выглядеть полным идиотом только потому, что тебе взбрело что-то в голову!

Лицо Нэнси застыло, став похожим на маску. Ответила она не сразу — и так тихо, что он едва расслышал первые слова:

— Понятно... Это твой дом. Я-то все пыталась привыкнуть, что он наш — а он твой... и всегда только твоим был. И я тебе тут тысячу раз не нужна...

— Хватит чепуху нести! — попытался вмешаться Ник, не желая сейчас слушать еще и эти глупости, но Нэнси словно и не заметила. Лишь голос ее постепенно окреп и зазвенел близкими слезами:

— ...Ты думаешь, я не поняла, что в тот день, когда ты предложил мне выйти за тебя, ты пожалел о своем предложении, еще не успев договорить? И ждал, что я откажусь... а я вот... согласилась!

— Если ты так хорошо все понимала — чего ж согласилась?! Денег захотела?!

Он бросал ей в лицо жестокие и обидные фразы, а где-то глубоко внутри лихорадочно металась странная мысль: «Этого нет... На самом деле этого нет, это всего лишь сон! Сейчас, нужно только заставить себя проснуться — и все будет так, как полагается, — тихая спальня и рядом — Нэнси... Этого — нет!..»

Но это было. И чужая, не похожая на его Нэнси женщина с застывшим лицом, которая, не сказав больше ни слова, встала и направилась к шкафу — тоже была.

Ник молча наблюдал, как она проследовала в ванную, как появилась оттуда, уже в черных брюках и свитере, — как, достав из-под кровати большой чемодан, раскрыла его и начала складывать туда одежду из шкафа, стеклянные флакончики причудливой формы, ту самую коробку с бумагами, шкатулку, туфли...

Все вещи Нэнси явно в чемодан бы не влезли, и Ник видел, как она, подойдя к шкафу, брала что-то, смотрела, словно в сомнении, — и

возвращала обратно на полку.

Когда чемодан заполнился доверху, она снова обернулась к Нику:

— Я уйду. И вернусь, когда ее не будет в доме.

— Не валяй дурака! — Он уже почти успокоился и подыскивал подходящие слова, чтобы прекратить этот бессмысленный фарс. — Ну куда ты пойдешь среди ночи?!

— Неужели тебя это хоть в малейшей степени волнует?! Ведь она остается. Или, может, ты все-таки передумал — и готов убрать ее отсюда?

— Ты не понимаешь! Ничего же...

— Я не собираюсь ничего понимать! Если она остается — я уйду!

Этот холодный презрительный тон и упорное нежелание выслушать его объяснения снова завели Ника с полоборота:

— Знаешь что?! Мне надоели твои дурацкие детские угрозы! Хочешь уходить — уходи! И можешь вообще не возвращаться!

— Вот как? — Нэнси медленно разогнулась от не застегнутого чемодана.

— Да, вот так!

В комнате наступило молчание. Ник видел, как дрожит ее нижняя губа — словно у изо всех сил пытающегося не расплакаться ребенка.

Потом Нэнси пожала плечами, подошла к тумбочке и взяла ночник — тот самый, с лиловыми аметистами. Подержала его в руках, положила в чемодан, поверх всего — и решительно захлопнула крышку.

Присела на кровать, набрала номер — разговор был очень коротким:

— Привет... Разбудила?... Ты одна?... Можно я сейчас приеду?... Я тебе потом все объясню... Да.

Еще один звонок — вызвала такси.

Обернулась — и впервые Ник прочел на ее лице что-то похожее на растерянность: словно только теперь до Нэнси дошла вся непоправимость того, что она сейчас делала. Сказала с запинкой:

— Я буду... у Робби. Ты все-таки позвони мне... если она... если ее...

— И не подумай! — перебил Ник.

— Вот телефон. — Словно не слыша его, Нэнси пошарила глазами, заметила какой-то валяющийся на полке листок — нацарапала на нем карандашом несколько цифр и пристроила на тумбочке. Взяла чемодан, явно тяжелый для нее, и поставила на пол. И прежде чем Ник понял, что она намерена сделать, шагнула к нему. Нагнулась и застыла в неловкой позе — в последний момент он успел отдернуться, чтобы избежать поцелуя в щеку.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза — потом Нэнси

медленно выпрямилась и кивнула, словно сказала без слов: «Хорошо. Пусть так». Подхватила чемодан и вышла.

Глава 21

— Ушла... — сказал, появившись через пару минут, Бен. В голосе его прозвучало нечто похожее на вопрос.

— Ушла, — вздохнул Ник.

— Что теперь? Обрати спать?

— Нет... пошли, поможешь мне одеться. Представляешь, она даже не захотела ничего слушать! — не выдержав, сердито добавил он.

Бен молча пожал плечами.

Через четверть часа Ник решительно постучал в дверь гостевой спальни.

Сказать, что он был сейчас зол, — значило ничего не сказать! Они все словно сговорились довести его до белого каления — и Нэнси, которая взбрыкнула и не пожелала ничего слушать, и Бен, который, вместо того чтобы морально поддержать его, «самоустранился» на кухню, но больше всего — эта женщина. Какого черта она приперлась к нему, ну какого черта?! Ведь из-за нее, собственно, все и началось.

— Кто там?.. — не сразу отозвался сонный голос. Она что — еще и спит?!

— Откройте, миссис Тревер!

— Алисия, Ник, ну пожалуйста, — со смешком поправил через дверь все тот же сонный голос. — И приходите утром — я уже сплю.

— Открывайте, черт возьми! — уже не сдерживаясь, грохнул Ник кулаком в дверь. — Ну?!

Он готов был без всяких церемоний открыть дверь своим пультом, но замок щелкнул, и Алисия, все в той же розовой пижамке, появилась на пороге. Каждая черточка ее лица выражала возмущение.

— Ник, ну в самом деле, — начала она, — я уже сплю! Неужели нельзя...

— Миссис Тревер, я хочу, чтобы вы немедленно оделись и покинули мой дом! — перебил Ник железным тоном, нарочно назвав ее так, как ей не нравилось.

Собственные слова показались ему похожими на реплику из какого-то фильма про великосветскую жизнь, что обозлило его еще больше.

— Что случилось, Ник?! И мы с вами договорились...

Нику показалось, что сейчас ему погрозят наманикюренным пальчиком и снова напомнят: «Алисия, дорогой, Алисия!» Больше сдерживаться сил не было.

— Хватит этой болтовни! Немедленно собирай шмотки и выметайся! Сама виновата! Не хрен было являться ко мне в спальню! — заорал он что есть мочи, с облегчением подумав: «Наконец-то можно!..»

К такому обращению миссис Тревер явно не привыкла. Руки ее взметнулись к груди, рот приоткрылся.

— Ник, что с вами?! — Она выглядела воплощением оскорбленной невинности. — Если моя глупышечка навоображала...

— Заткнись! Убирайся! Чтобы через пять минут духу твоего здесь не было! — подтвердил ее догадку Ник и, не желая больше ничего слушать, вылетел из комнаты.

Бен с мрачным видом сидел за кухонным столом. На столе перед ним стояла бутылка кулинарного бренди. Судя по всему, он предпочел пить эту гадость, лишь бы не идти мимо «театра военных действий» — комнаты Алисии — в гостиную, где находился бар с чем-то более приличным.

Увидев въезжающего на кухню Ника, он вопросительно взглянул на него, но не сказал ни слова.

— Дай сюда! — Ник схватил бутылку, пошарил глазами в поисках стакана и решительно сделал глоток прямо из горлышка.

Он не ожидал, что эта штука окажется такой крепкой — в горло будто плеснули кипятком.

— Я ей... — Он замотал головой, отдышался и повторил уже нормальным голосом: — Я ей велел убираться. Так что тебе придется ее чемодан... до такси отнести.

Бен возражать не стал. Развернувшись, Ник снова направился в комнату Алисии — проверить, не валяется ли та, чего доброго, в истерике.

Но, как выяснилось, она была уже одета и стояла, склонившись над распахнутым чемоданом. При виде Ника Алисия испуганно выпрямилась.

— Я сейчас закажу вам номер в отеле... за мой счет, — решив проявить хоть какую-то любезность, сказал он. — Вы предпочитаете какой-то определенный — или?..

— Обычно в Нью-Йорке я останавливаюсь в «Сент-Реджисе»... — мгновенно ожила Алисия.

— Хорошо, значит, «Сент-Реджис». — Тут Ник вспомнил и о деле: — Завтра я жду вас в двенадцать — обсудим все финансовые вопросы. — (Хотя нет, лучше, когда Нэнси на работе). — Нет — в два. В два часа дня.

Она послушно кивнула. Да, похоже, он здорово ее напугал! Завтра еще, чего доброго, не придет.

Ну и черт с ней в таком случае! Не придет так не придет, все равно никуда не денется — он просто сделает то же самое через адвоката. Извиняться перед ней Ник не собирался. И долго прощаться тоже.

Буркнув: «До свидания», он предпочел не услышать очередное: «Ник, но...» и поехал заказывать отель.

Пока в коридоре раздавались шаги и хлопанье дверей, Ник, по примеру Бена, отсиживался на кухне. На этот раз он добавил в кулинарное бренди побольше льда и взболтал — вышло вполне приемлемо.

И прислушивался — невольно, не в силах ничего с собой сделать. А вдруг Нэнси опомнится и вернется — ведь может же быть так?! Только пусть она приедет не сейчас, сейчас не надо — лучше минут через пять, когда Алисия уже точно уедет...

Он обнимет ее, и не будет сердиться, и не даст распаковывать чемодан — все завтра, на сегодня им уже хватит...

Бен вошел, плюхнулся на табуретку и подтянул к себе бутылку.

— Убралась?

— Да.

Ник чуть не спросил: «А Нэнси не приехала?!» — хотя и так было ясно.

— Есть будешь? — после короткой паузы поинтересовался Бен. — Я могу подогреть, что с ужина осталось.

— Давай.

Есть и в самом деле хотелось. А может, за это время и Нэнси появится?

Бен выставил на стол остатки салата, сунул в микроволновку пару картофелин, достал из холодильника мясной хлеб и начал делать нечто вроде гамбургера.

Ник молча следил за ним. Зрелище было привычное — они и раньше, еще до появления Нэнси, порой засиживались на кухне, устраивая себе вот такие импровизированные ужины.

Внезапно подумал — а каково человеку из года в год жить вот так, подлаживаясь под чужой ритм, прибегать по первому зову и ежедневно терпеливо выполнять одни и те же действия, и не слишком приятные? И что будет, если Бен в один прекрасный день развернется и уйдет? Что тогда?

— Ты извини... за то, что я тебе сегодня про тюрьму... ляпнул, — неожиданно для самого себя сказал Ник. — И вообще — извини...

Показалось почему-то, что если он сейчас покается, и извинится, и скажет, что больше не будет, то и Нэнси быстрее вернется.

— Да ладно, — не оборачиваясь, ответил Бей. Вздохнул и добавил: — Эта сука на жену мою похожа... покойную. Поэтому я так и взъелся...

— А я и не знал, что ты был женат...

На этот раз Бен обернулся и смерил его недоверчивым взглядом.

— Не знал?!

— Нет...

Они поели, и выпили, и посидели молча. Ник понимал, что ждать бесполезно, что надо ложиться спать, но по-прежнему невольно прислушивался — не раздастся ли стук в дверь.

Хотя Нэнси наверняка уже спит — там, у Робби. Наплакалась и спит. А утром выспится и приедет...

Наутро Нэнси не приехала. И днем тоже.

Ник смотрел в окно, провожая взглядом каждую проезжающую машину и прислушиваясь к каждому шороху.

Лишь когда часы пробили два, он понял, что ждать бесполезно.

Наверное, она поздно встала, поехала от Робби прямо в студию — и придет теперь уже только вечером, после работы. Зато Алисия, вопреки опасениям, явилась — и даже почти без опоздания. Судя по всему, хамское поведение Ника произвело на нее неизгладимое впечатление и заставило уважать его.

Она смотрела на Ника преданными собачьими глазами, не перебивала и на все его предложения кивала, словно загипнотизированная; безропотно подписала нужные документы и дала координаты своего адвоката — на этом визит завершился.

И потянулись часы ожидания...

Ник смотрел в окно и видел одно и то же — залитую дождем пустую улицу. А перед глазами стояло другое — растерянное лицо Нэнси в тот момент, когда он отстранился от ее прощального поцелуя.

Что на него нашло тогда? Если бы это произошло сейчас, он схватил бы ее, прижал к себе, и держал бы, и целовал, и повторял одно и то же: «Не смей, не смей уходить! Ну что ты надумала?! Это я-то не хотел на тебе жениться?! Котенок, ничего ты не поняла!»

И не отпустил бы...

И не пришлось бы теперь сидеть и ждать.

Ник то и дело поглядывал на часы, представляя себе, что сейчас делает Нэнси.

Надела пальто, выходит на улицу... Сейчас начнет ловить такси...

У нее хватит соображения не тащиться в подземку?!

Наверное, уже поймала такси — час пик прошел и их сейчас много. Едет. Едет домой...

Осталось совсем немного — каких-нибудь полчаса!

Когда в конце улицы мелькнули фары, он напрягся — вот, наконец-то! Но машина проехала мимо — да это оказалось и не такси...

Неужели она все-таки поехала подземкой?! Или, может, решила заехать к Робби забрать чемодан — и они сидят, болтают и пьют кофе?!

Ну где же, где же она?!

Только когда часы пробили полночь, Ник понял, что ждать больше смысла нет — никто уже не придет. И лишь теперь до конца осознал, что Нэнси ушла...

— А где она вообще — ты знаешь? — на следующее утро спросил Бен.

— У Робби. Телефон оставила.

— Так чего же ты?

— Я не буду звонить! Я ни в чем не виноват — и не собираюсь звонить и просить прощения! Не стану — и все! Захочет — сама вернется! — Ник

изо всех сил ударил кулаком по подлокотнику и скривился от боли.

Он сам понимал, что выглядит сейчас как последний психопат, — но зачем Бен спрашивает, когда рука и так все время тянется к телефону и нет никаких сил терпеть и ждать; зачем спрашивает, когда все равно ничего не поймет?! Ведь для того, чтобы понять, нужно знать все об их отношениях, все — с самого начала!

Бен молча вышел.

Прошел день. За ним другой. Нэнси по-прежнему не давала о себе знать.

В доме царило похоронное настроение. Бен больше не задавал никаких вопросов, да и вообще — отмалчивался.

Миссис Фоллет тоже ни о чем не спрашивала — очевидно, Бен успел «просветить» ее. Молчала и старалась не встречаться с Ником глазами — то ли осуждала, то ли жалела...

Сам Ник отсиживался в кабинете. Работать он не мог — просто физически не мог. Не мог думать, не мог сосредоточиться, не мог смотреть в экран...

Он понимал, что рано или поздно не выдержит и позвонит, — но очень хотелось, чтобы Нэнси вернулась сама. Чтобы она выбрала его, чтобы наконец убедиться, что он хоть что-то для нее значит.

А пока он вспоминал... как она бежала к нему по дорожке, такая смешная и мокрая, а потом стояла у камина, в халате и в огромных шлепанцах. И как они целовались в бассейне — ее сияющие глаза и руки, обвившиеся вокруг его шеи. И как он встречал ее с работы, расстегивал шубку — а Нэнси смеялась и неуклюже помогала ему замерзшими пальцами...

Он хранил эти мелкие эпизоды в памяти, до мельчайших подробностей, и перебирал их, как скупец — золотые монеты.

Если бы у него сейчас была фотография Нэнси, он, наверное, как бы это глупо ни выглядело, поставил бы ее в кабинете и смотрел. Но фотографии не было — ему никогда не приходило в голову, что она может понадобиться. Ведь рядом была сама Нэнси — просыпалась на плече, жмурила сонные глаза, улыбалась... а вечером приходила с работы — замерзшая и веселая. И болтала о чем попало, и смотрела на него доверчивыми глазами, словно спрашивая: «Ну что — тебе интересно?» А теперь ее больше нет...

Позвонил Ник на шестой день, вечером. И наткнулся на автоответчик с идиотским текстом: «Сейчас, сейчас, только вытрусь — я вся мокрая! Еще минуточку!.. Ха-ха-ха! Вы думаете, что со мной разговариваете, — а это

автоответчик! А меня, Робби, дома нет — так что, если надо, оставьте сообщение! Только интересное! Би-ип!»

Он оставил сообщение — ответа не было. То же самое повторилось и на следующий день утром... и днем... и вечером... Ник набирал номер каждые полчаса, но слышал одно и то же: «Сейчас, сейчас, только вытрусь...»

Ну где же она, куда делась? Может, они с Робби поехали куда-то?! Почему, ну почему он не догадался купить ей новый сотовый — взамен утерянного тогда, на стоянке?! Сама Нэнси, ясное дело, распустила — но он-то мог сообразить! И сейчас бы не было проблем!

Лишь за полночь вместо осточертевшего уже автоответчика в трубке раздался голос:

— Але?

— Робби, это Ник. Ник Райан. Извини, что так поздно, — позови... — Он уставился на трубку, из которой доносились короткие гудки, и снова набрал номер.

— Это Ник...

Короткие гудки раздались сразу же. Ник опять набрал номер и в ответ на очередное «Але!» быстро сказал:

— Робби, пожалуйста, не вешай трубку! Позови Нэнси, мне нужно с ней поговорить, она у тебя, я знаю!

На этот раз Робби ответила:

— Даже если бы она тут была — я не стала бы ее звать! — презрительно выпалила Робби. — Иди, развлекайся со своей старухой! И не звони мне больше! — После чего она опять бросила трубку.

Выяснить по телефонной книге, где живет Робби, не заняло и пяти минут. Бен тем временем вывел из гаража микроавтобус и опустил пандус.

Они неслись через ночной город, по сторонам мелькали огни — а Ник лихорадочно проговаривал про себя те слова, которые скажет Нэнси, когда они встретятся. И начнет так: «Милая... Котенок...» (Хорошо бы Бен не крутился рядом — при нем неудобно...) Но все эти уже десятки раз продуманные фразы казались ему сейчас плоскими и бессмысленными.

А если ничего не говорить, просто взять ее за руку, потянуть к себе... Тогда, может, и придумается что-нибудь правильное и подходящее?..

Дом Робби — мрачная каменная громада, построенная лет сто назад, — заставил Ника в очередной раз внутренне взвыть от мерзкого унижительного чувства собственной беспомощности: ко входу вела лестница. Каких-нибудь десять ступенек, но для него они были

непреодолимым препятствием.

— Пойди... попроси ее спуститься... — вынужден был сказать он.

Бен долго стоял у домофона и что-то говорил — очевидно, его не хотели пускать, — но наконец исчез за дверью. И потекли минуты ожидания...

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он появился из подъезда — один. «Не хочет разговаривать?!» — подумал Ник, но сердце уже оборвалось.

Бен подошел к машине и сказал коротко и глухо:

— Нэнси уехала. Вчера днем.

— Куда?!

— Робби говорит — в Лос-Анджелес...

В голосе его прозвучало удивление, но Ник понял сразу: Лос-Анджелес... Калифорния. Значит, она выбрала...

— Поехали домой, — немного помолчав, хрипло, с трудом выговорил он.

— погоди! Может, можно еще выяснить что-то — давай я поднимусь, спрошу...

— Не надо...

— Эта... Робби говорит, что Нэнси до последнего ждала, что ты позвонишь. Не спала почти, из дома не выходила — все время у телефона сидела.

— Я не хочу о ней больше говорить. И имени ее слышать больше не хочу!

Бен недоумевающе уставился на него.

— У нее мужик там, в Калифорнии! — Ник почти кричал, лихорадочно выплескивая из себя слова: — Здоровый, нормальный мужик — не обрубок, вроде меня! Она к нему с самого начала, давно еще, хотела уехать! Я потому на ней и женился, что не мог отпустить, влюбился, понимаешь, идиот, придурок! Влюбился! Думал хоть как-то удержать — хоть деньгами, хоть чем! Хоть чем... — Горло перехватило, он закрыл глаза и выдохнул: — А она... все равно... уехала!

Обратно они ехали молча. Говорить было не о чем. Единственное, что сейчас хотелось Нику, это как можно быстрее остаться одному.

Стоило Бену освободить из зажимов его кресло и опустить пандус, как он устремился в гостиную.

В камине до сих пор тлел разведенный с вечера огонь. Ник подбросил пару поленьев и замер, уставившись на разгорающееся пламя.

Услышал шаги Бена, поднял голову.

— Ты иди спать, не жди. Я... так посижу.

Против обыкновения, Бен не стал говорить ни про катетер, ни «ноги затекут» — потоптался и ушел.

Сначала Ник сидел молча, глядя на огонь. Потом почувствовал, что по лицу текут слезы, и не стал их сдерживать. Всхлипы становились все чаще и громче; кулаки его беспорядочно заколотили по мраморной облицовке камина, по креслу, по собственным ничего не чувствующим коленям — но от боли, пронизывающей разбитые пальцы, легче не становилось.

Приступ прошел так же внезапно, как и начался, оставив после себя саднящие пальцы и звон в ушах. Голова казалась неприятно легкой, полувисохшие слезы противно стягивали лицо.

Он поехал, умылся — было ощущение, что весь он, снаружи и изнутри, покрыт колким холодным инеем. Развернулся и направился в кабинет.

Распухшие пальцы сначала слушались плохо и промахивались мимо клавиш, но постепенно подчинились. Церемониться с ними было некогда — за ночь предстояло многое успеть.

Бен пришел около шести. Молча заглянул в кабинет — но Ник услышал и обернулся.

— У тебя с паспортом все в порядке?

— Нет...

— Займись этим. Я обо всем уже договорился — через две недели мы вылетаем в Швейцарию...

Часть вторая

Глава 1

— Ой, девчонки — я только что в коридоре на него наткнулась! Какой мужик обалденный! Вы себе не представляете! А глаза такие...

Рина запнулась, не в силах подобрать слово, которое бы в полной мере выразило ее впечатление.

— Бирюзовые, — невольно, почти про себя, сказала Нэнси. И вспомнила эти самые глаза, смотревшие на нее совсем близко, в упор. Горло перехватило знакомой судорогой, словно чья-то сильная рука сжала его, не давая продохнуть. — Бирюзовые...

— Ой, ты тоже его видела, да?! — обрадовалась Рина. — А когда же ты успела — он ведь только приехал?!

— Успела... — Нэнси вздохнула и, встряхнув головой, заставила себя

собраться. — Ладно, девочки, давайте работать!

О том, что небольшая телестанция в Денвере, где она работала, перешла в собственность «Райбери Индастриз» — то есть в собственность ее бывшего мужа, — Нэнси узнала в позапрошлом году. Особого удивления у нее это не вызвало — легкую усмешку: «Вот и сюда добрался...»

Удивление, даже шок, она испытала годом раньше, в то утро, когда впервые увидела фотографию Ника в газете. Без всякой коляски — он крепко стоял на своих ногах. В коротенькой заметке говорилось, что отныне фирма «Деллерт монитор» стала частью компании «Райбери Индастриз» (тогда Нэнси впервые услышала это название), а подпись под фотографией гласила: «Николас Райан — владелец "Райбери"».

Выходит, он сделал операцию... ту самую операцию, которой так боялся. Теперь он может ходить... и все остальное, наверное, тоже...

В тот день Нэнси не пошла на работу — позвонила и сказала, что больна. А на самом деле полдня сидела, глядя на маленькую газетную фотографию, и плакала. И вспоминала о коротком счастливом времени, когда она жила в «доме будущего» и мужчина с бирюзовыми глазами — тот самый, который теперь с неприступным видом смотрел с фотографии, — каждый день встречал ее с работы.

С тех пор имя Ника регулярно появлялось на страницах газет. Приобрел текстильное предприятие... сеть кафе... контрольный пакет концессии по разработке полезных ископаемых в Бразилии... три телеканала на Западном побережье. Вошел в совет директоров... модернизирует... получил правительственный заказ... участвует в благотворительном мероприятии...

Когда в позапрошлом году пробежал слух, подтвержденный потом на общем собрании работников, — что их телестанция тоже стала частью «Райбери Индастриз», Нэнси посмеялась про себя: «Наверняка он и не догадывается, что именно здесь работает его бывшая жена. Иначе, может быть, по старой дружбе хоть зарплату бы повысил... А может, наоборот, уволил бы...»

Зарплату ей и правда вскоре повысили — впрочем, не только ей, а всем, кто работал на ток-шоу. И в прошлом году дали еще небольшую прибавку.

Фотографии Ника тоже продолжали мелькать в газетах и новостях — иногда с женщинами... самыми разными. Как ни странно, с Алисией в публичных местах он ни разу не появлялся, хотя Нэнси знала, что они продолжают встречаться.

Она не думала, что Ник соберется когда-нибудь посетить столь

незначительное свое приобретение, как заштатная телестанция, — и вот, смотри-ка ты, приехал! И даже успел вызвать у Рины полный восторг — она до сих пор не могла успокоиться и повторяла всем, кто еще не слышал, как наскочила на него, вылетев из туалета, и какие у него «обалденные» глаза.

Не прошло и двух часов, как стало ясно, что мистер Райан не намерен отделаться формальным коротким визитом. Сначала в студию забежал Аик Маршалл — начальник студийного отдела. Сказал в пространство: «Ага, тут все о'кей» — и выскочил за дверь. Через несколько минут Нэнси услышала:

— ...А в этой студии сейчас ведется подготовка к ежедневному ток-шоу «В гостях у Блейза». — И на галерее, с трех сторон окружавшей студию, появилась группа людей.

Ника она увидела сразу. Он стоял совсем близко, ярдах в десяти, вполоборота к ней и слушал, что говорит ему директор телецентра Лоренс Бреннер: «...чрезвычайно высокий рейтинг... прямой эфир...».

Она знала, что не надо смотреть на него вот так, в упор, что он может повернуть случайно голову и заметить ее, — и все-таки смотрела...

Он выглядел массивным и значительным, и совсем не похожим на того человека, с которым у Нэнси было связано так много воспоминаний. Может быть, из-за коротко подстриженных волос — раньше он носил их длиннее. А может, дело было в самоуверенном и жестком выражении лица...

Рядом стояла «свита»: четверо мужчин и две женщины. Одна — немолодая, худощавая — держала в руке что-то похожее на большой калькулятор, а вторая... эта куда меньше походила на секретаршу. Скорее — на одну из тех девушек, с которыми его иногда фотографировали. Брюнетка с высоко зачесанными вверх волосами, в модном льдисто-голубом костюме с меховой отделкой.

Нэнси невольно вспомнила подаренную Ником когда-то норковую шубку — до сих пор это была ее самая нарядная одежда на холодную погоду.

— Ну хорошо, пошли дальше, — сказал Ник, и все двинулись с места, пропуская его вперед. Через минуту на галерее уже никого не было.

Должность Нэнси называлась громко — «ассистент продюсера». На самом деле это означало, что она отвечала за организацию шоу и за работу персонала. Ей приходилось думать обо всем: всех ли обзвонили гостей и кто что сказал; как расставлены стулья; как украшена студия(к каждому

шоу — новый дизайн, и его надо было сделать за один день!) — и даже о том, чтобы одежда гостей гармонировала с одеждой этого чертова ублюдка Блейза Монро! А то он недавно закатил скандал, когда в последний момент узнал, что какая-то гостя студии явилась на шоу в ярко-зеленом платье, рядом с которым его собственный малиновый пиджак резал глаза.

Для завтрашнего же шоу, поскольку тема его была: «От первого свидания до серебряной свадьбы», Блейз потребовал, чтобы вся студия была уставлена, увешана и усыпана розами, причем непременно чайными. Интересно, удастся их достать?..

Нэнси пыталась думать о дурацких розах Блейза, о том, что нужно купить на ужин, о погоде — о чем попало, лишь бы не вспоминать сегодняшний визит «большого босса». Она и не ожидала, что это так на нее подействует... Горло до сих пор перехватывало, и она боялась заплакать или раскричаться, сорвавшись по какому-нибудь пустяку на кого попало — просто так... просто так, потому что он не узнал и не заметил ее.

А голос у него совсем не изменился...

Минут за сорок до начала шоу Нэнси еще раз оглядела студию и вышла в коридор, решив, что ей сейчас не помешает чашка кофе покрепче с чем-нибудь сладким. Голова привычно побаливала, как часто в последнее время случалось по вечерам.

Когда она увидела внезапно вывернувшегося из-за угла Ника, первым ее желанием было вернуться в студию и подождать, пока он пройдет. Потом поняла, что это будет выглядеть совсем уж нелепо и трусливо, повернулась и направилась в сторону кафетерия.

— Нэнси! — раздалось сзади. В голосе звучали не вопрос, не удивление — спокойный и уверенный приказ, которому невозможно было не подчиниться...

Нэнси досчитала до пяти, обернулась и сказала — легко, словно они виделись только вчера:

— Привет!

— Привет...

Она не думала, что он такой высокий — приходилось смотреть на него снизу вверх. Впрочем... она же никогда раньше не видела его стоящим. На висках у него появилась седина. И глаза другие — цвет прежний, но внутри, в глубине что-то изменилось. Спокойный, загорелый, уверенный в себе... чужой человек.

Это ощущение — он чужой! — кольнуло болью. Непонятно почему — ведь все уже давно пережито!

— Ну, как ты? — спросил он.

— Неплохо... Живу, работаю...

И то и другое стоило Нэнси в свое время некоторых усилий... впрочем, все уже в прошлом... И вообще — не живу, а жила... неплохо... Жила — а теперь, когда Ник знает, где она, еще неизвестно, что дальше будет... Ах да, положено тоже проявить вежливость:

— А ты как?

— Тоже ничего... — В его тоне прозвучало что-то вроде насмешки. Естественно, она-то должна быть в курсе — в газетах его имя то и дело мелькает.

Ну что ж... она действительно в курсе.

— Я слышала, ты собираешься жениться?

Кажется, на этот раз ей удалось его удивить — во всяком случае, брошенный на нее взгляд иначе, чем удивленным, назвать было трудно.

— Вообще-то нет... Я ведь уже женат...

— Ты женат?!

Значит... они уже... Сердце сжалось, хотя не должно было, не имело права так сжиматься.

— Да... — Глаза его по-прежнему были удивленными, но на губах появилась легкая усмешка: — На тебе...

Такого Нэнси не ожидала и осторожно переспросила:

— А разве ты... не оформил развод?..

— Нет. — Ник снова усмехнулся. — Наверное, ты бы об этом первая узнала. На документах обычно нужны две подписи.

— Извини. — Она пожала плечами. — Я еще никогда не разводилась...

Увидела в конце коридора девушку в голубом костюме и сказала — быстро, чтобы успеть до ее прихода:

— Ты приехал разводиться? Давай, я подпишу все, что надо.

— Нет... — Ник не успел больше ничего сказать — подошедшая девушка, не удостоив Нэнси и взглядом, похозяйски ухватила его за локоть и капризно-кокетливо протянула:

— Ники, ну сколько можно... Я уже устала стоять!

Он даже не обернулся — только нетерпеливо дернул плечом, стряхивая ее руку.

— Пойди посиди в машине — я скоро спущусь!

Девушка слегка надула губки — интонация и впрямь была весьма резкой.

— Но, Ники-и...

— Ступай вниз!

Больше она не пыталась спорить — очевидно, не захотела «терять лицо» при посторонних, — развернулась и пошла к лифту. Даже в резком

постукивании ее каблучков чувствовалось негодование.

— Мне нужно с тобой поговорить. Дай мне свой телефон, — сказал Ник. Он явно не сомневался, что Нэнси и не подумает ему отказать, — не дожидаясь ответа, достал сотовый и приготовился набирать номер. — Ну?!

Она продиктовала номер, Ник набрал его и кивнул, захлопнув крышку.

— Я позвоню вечером.

Глава 2

«Он не позвонит... Ни к чему ждать — он не позвонит...» — повторяла себе Нэнси снова и снова. И каждый раз отзвуком боли вспоминался бесконечно молчавший телефон.

Зачем?.. Все давно пережито...

Как прошло шоу, она помнила смутно. Наверное, если бы произошло что-то необычное, то запомнилось бы, а так — обычная рутина. Глупая морда Блейза, дурацкие вопросы и не менее дурацкие ответы — все так же, как вчера... и как будет завтра.

После работы Нэнси зашла в кондитерскую и купила ореховых трубочек, прогулялась, посмотрела витрины — и лишь потом поехала домой. Бросила покупки на стол и как была, не переодеваясь, отправилась по свежему снежку погулять с Даррой.

Она до бесконечности кидала палочку, немного пробежалась по дорожке, поболтала с Максом (точнее, с его хозяином Алеком — обычная привычка собачников помнить не хозяев, а собак) — и все это время старалась не думать, что не торопится домой именно потому, что не хочет снова оказаться наедине с молчащим телефоном.

— Сейчас мы поужинаем — и будем смотреть кино!

Дарра выразила полное согласие. Трубочки она наверняка учуяла еще с порога и догадывалась, что сегодня ее ужин не ограничится обычными гранулами, сдобренными вчерашним консервированным супом, — поэтому пушистый хвост с белой кисточкой весело мотался из стороны в сторону.

Нэнси старалась не думать ни о чем постороннем, но все же невольно бросила взгляд на телефон — сообщений на автоответчике не было. Он не позвонит...

Да и зачем нужен этот звонок? Наверняка он просто хочет сказать что-нибудь про адвоката, к которому нужно зайти и подписать документы на развод. Надо будет — дозвонится. Или пришлет документы по почте.

Она накинула на телефон плед, чтобы лишний раз не наткаться на

него взглядом. Консервированный томатный суп и сэндвич с копченой курицей — прекрасный ужин... а потом еще трубочки и кофе. И фильм — что-нибудь посмешнее...

Было уже почти одиннадцать, когда снизу раздался нетерпеливый стук и Дарра, сорвавшись с места, понеслась к двери.

Нэнси остановила фильм и медленно встала. Закрывает глаза и несколько секунд постояла, пытаясь успокоиться и собраться, почти наверняка зная, кто это.

Она не ошиблась. Стоило открыть дверь, и Ник ввалился в холл — без куртки, с непокрытой головой, на которой блестели снежинки.

— Что ты не открываешь?! Холодно же!

Дарра радостно наскочила на него лапами — гость, гость! — но Нэнси рявкнула, дернув ее за шкуру:

— Фу! Место! — и указала на лестницу.

Глаза собаки стали испуганными и несчастными — хозяйка обычно не разговаривала с ней так грубо.

— Чего ты? Она мне не мешает! — вступился Ник.

Ему, видите ли, не мешает! Нет, Дарра, с ее щенячьим дружелюбием, никак не «вписывалась» в предстоящий разговор.

— Иди наверх! — махнула Нэнси рукой.

Проследила, как собака медленно и обиженно, то и дело озираясь, поплелась по лестнице, и обернулась.

— Здравствуй.

— Привет!

Она подавила инстинктивное желание смахнуть у него с волос капельки от растаявшего снега и кивнула в сторону гостиной:

— Проходи. Кофе будешь? — Надо же хоть чем-то занять руки... да и вежливость проявить.

— Не откажусь!

Слава богу, что он не пошел следом на кухню — наверняка заметил бы в раковине не мытую с ужина посуду.

Да в конце концов, какое имеет значение эта посуда, какое имеет значение, что он скажет или подумает! Скорее всего, они видятся последний раз в жизни...

— Это твой дом? — спросил Ник, стоило ей с подносом появиться в дверях. Он бродил по комнате и разглядывал развешанные на стенах картины. Не Матисс, конечно, — просто веселенькие пейзажики в рамках «под бронзу», но ей нравилось. А он наверняка сейчас думает: «Что за дешевка».

— Мой...

Точнее, не совсем ее — банка. Ссуда взята на десять лет. Если сейчас продавать, то даже те деньги, которые уже выплачены, вернуть не удастся — цены упали. Но возможно, придется...

— Я хочу сказать... — Нэнси поставила на стол кофе и вазочку с трубочками. Эх, надо было отложить одну для Дарры! — Я рада, что у тебя все в порядке... с ногами.

— Я сделал операцию.

— Я так и поняла...

Он смотрел на эту женщину — нервную, напряженную, тщетно пытающуюся скрыть это и выглядеть спокойной и светской — и все никак не мог понять: осталось ли в ней хоть что-нибудь от той, прежней Нэнси.

Внешне она почти не изменилась — только волосы вместо растрепанной шапочки были уложены в аккуратную прическу. И в то же время изменилась полностью...

Молоденькая, искренняя, переполненная радостью жизни и готовая щедро поделиться этой радостью со всем миром девушка превратилась в женщину, выглядевшую старше своих лет. Лицо ее оставалось по-прежнему молодым, но изменился взгляд, сделался настороженным и замкнутым. А главное — в этой женщине не было и следа той веселой легкой энергии, которая для Ника всегда казалась неотъемлемой частью Нэнси.

Но может быть, в глубине все-таки что-то еще осталось? Если бы она улыбнулась, это, наверное, можно было бы понять. Если бы она улыбнулась... Ник не знал, как начать разговор, чтобы хоть немного расшевелить ее.

— Может, покажешь мне свой дом?

— Зачем? — поинтересовалась Нэнси, даже не сделав попытки встать — лишь взглянув холодно, словно он попросил о чем-то неприличном. — Он куда менее интересен, чем был твой.

— Я там до сих пор часто бываю. Иногда даже живу по нескольку дней — когда мне хочется от всего отдохнуть. А вообще у меня теперь пентхаус в том же здании, где я работаю. Знаешь — здание «Райбери»?

— Да, я видела фотографию...

— А Бен так по-прежнему в доме и живет. Он теперь работает в больнице.

— Вот как...

Наступило молчание. Оно давило и словно спрашивало Ника: «Зачем ты здесь? Зачем — после стольких лет?»

И правда — зачем было приходиться к этой рано постаревшей женщине,

которая смотрит на него холодными глазами и еле цедит по словечку? У нее давно своя жизнь, как и у него, и, наверное, лучше было бы сейчас завершить этот «визит вежливости», встать и уйти.

Наверное, так... Все так, кроме одного — занозой засевшей в мозгу короткой фразы Данвуда: «Она так обрадовалась...» Фразы, которая уже несколько месяцев вспоминалась снова и снова.

Если бы удалось хоть как-то разбить это неестественное хрупкое спокойствие... И Ник спросил «в лоб» — то, что не принято спрашивать во время светских визитов:

— Ты до сих пор меня ненавидишь?

Этот вопрос явно застал Нэнси врасплох, она резко вскинула голову и переспросила:

— Что? — В глазах ее, до того холодных и отчужденных, промелькнула растерянность. — Почему ты это спрашиваешь?

— Потому что хочу знать.

— Я тебя никогда не ненавидела, с чего ты взял... — Нэнси чуть пожала плечами. — Ты не сделал мне ничего плохого — я просто уехала из Нью-Йорка на несколько месяцев позже, чем собиралась. И это были хорошие месяцы... — Губы ее дрогнули, на них появилась странная улыбка — кривая и в то же время светлая, словно искаженное отражение улыбки той, прежней, веселой и наивной девушки. — Ну что об этом сейчас говорить — все так давно уже кончилось... — Она вздохнула и снова стала холодно-вежливой и деловой. — У тебя есть ко мне какое-то дело? Ты хочешь, чтобы я подписала документы о разводе? Пожалуйста, я уже сказала, я сделаю все, что надо.

— Нет... — медленно начал он, — скорее наоборот. Я пришел поговорить с тобой совсем о другом... Ты помнишь Стефи — ну эту брюнетку... сегодня?

Нэнси прекрасно все помнила, в том числе и капризное «Ники-и!» — но не понимала, какое это имеет отношение к ней. Тем не менее она кивнула.

— Так вот, в последнее время она... претендует на слишком большую долю моего внимания... Ладно, буду говорить открытым текстом. — Ник сердито мотнул головой — знакомый, запомнившийся с тех давних времен жест. — Я хочу как можно быстрее с нею развязаться. В то же время она не из тех девочек, которым можно подарить на прощание бриллиантовое колечко и послать подальше — ее семья связана со мной деловыми отношениями...

Зачем Ник рассказывает ей все это?!

— ...Понимаешь, она знает, что я женат — и что живу с женой врозь.

Но если вдруг выяснится, что мы с женой... снова вместе, — то претензий ни у кого никаких быть не может. Поэтому если ты пару месяцев, так сказать... пофункционируешь в роли моей жены — я думаю, этого вполне хватит, чтобы Стефи от меня отвязалась и нашла себе кого-то другого.

Каждое его слово, беспощадное в своей деловитости, врезалось Нэнси в душу, как острая ледышка, заставляя все внутри сжиматься. Значит, вот зачем она ему понадобилась... как средство, чтобы избавиться от надоевшей любовницы.

— Может, тебе лучше уйти сразу? — спросила она, едва сдерживаясь. Ее трясло от бешенства, хотелось заплакать, закричать, кинуть в него чем-нибудь тяжелым... выплеснуть ему в лицо этот кофе, который он все равно не пил...

— Сто тысяч, — негромко сказал Ник, не делая попытки сдвинуться с места, — наоборот, скрестил ноги и откинулся на спинку стула. Бровь его была иронически приподнята, словно он ожидал именно такой реакции и забавлялся ею.

— Что?!

— Единовременно, не облагаемых налогом — ведь пока ты моя жена, деньги, которые я тебе перевожу, налогами не облагаются, — спокойно пояснил он.

— Да как ты смеешь вообще?!

— Двести тысяч.

— Ты что, не понимаешь, что я не смогу потом даже на работу вернуться, это будет...

— Триста тысяч. За два месяца. Плюс всякие там вещи, подарки, которые ты сможешь потом себе оставить. — Голос его звучал насмешливо, чуть ли не презрительно: — Подумай, это твой последний шанс. Ты ведь так хотела поехать учиться! Сколько тебе сейчас — двадцать восемь? Еще не поздно... Но через несколько лет уже будет поздно — согласишься, одно дело молодой неопытный режиссер в тридцать два года, и совсем другое — в тридцать шесть! Или ты так и намерена оставаться всю жизнь «девочкой подай-принеси» на какой-нибудь заштатной студии?

Он был прав... Самое обидное, что, если отбросить эмоции, он был действительно прав.

Но это значит, что вся ее жизнь, которую она так старательно, по кирпичику строила три с лишним года, — вся эта жизнь летит к черту... Едва ли жена «большого босса» сможет продолжать работать... выражение жестокое, но точное — «девочкой подай-принеси» в одной из его фирм. Да

пожалуй, и оставаться в городе, где все будут знать, что она жена Николаса Райана, и где ее легко сможет найти Алисия...

А значит, придется продать этот дом. Дом, который она с любовью обустроивала, подкрашивала, вешала яркие веселые занавески и покупала для него на распродажах дешевую, но имеющую свою «душу» мебель.

Будет другой, конечно, — но этого уже не будет...

— Нет.

— Четыреста тысяч.

Интересно, до какой суммы он готов пойти?

— Нет, Ник. У меня собака и...

— Пятьсот тысяч. Полмиллиона.

— Нет, Ник, это бесполезно, даже если ты предложишь мне... все, что угодно. Она — единственное близкое мне существо, и я ее не брошу.

— Я, в общем-то, не имею ничего против твоей собаки. Пожалуйста, бери ее с собой. Еще что-нибудь?

Похоже, он решил, что дело сделано. Что он может купить ее...

Да, когда она выходила за него замуж, этот человек казался ей совсем другим. Что ж — обманывать себя никому не запрещено...

— Ну, так мы договорились? — нетерпеливо шевельнулся Ник, видя, что она молчит. — Четыреста тысяч?

— Пятьсот — ты забыл, что мы дошли до этой цифры. И у меня есть ряд условий.

— Хорошо, пятьсот, — сказал он так легко, словно речь шла о пятидесяти центах. — Какие условия?

— Я согласна пробыть два месяца в роли твоей жены — но я не хочу оказаться в роли обманутой жены. Поэтому если у тебя кто-то будет, то... как ты когда-то выразился, «постарайся соблюдать декорум». То есть чтобы я не могла узнать об этом от знакомых, из газет — или застать тебя с какой-нибудь... секретаршей или горничной.

Ник фыркнул так неожиданно, что Нэнси замолчала на полуслове. Поймав ее удивленный взгляд, он рассмеялся, замотал головой — и лишь через несколько секунд сумел остановиться.

— Извини. — Снова рассмеялся. — Я просто представил себе это — себя с моей секретаршей... Ты ее видела сегодня на галерее?

Очевидно, имелась в виду та немолодая женщина с калькулятором.

— Видела.

— Это какой-то... придаток к компьютеру, а не человек. Я даже ее иногда побаиваюсь — когда она пьет кофе, мне кажется, что это для отвода глаз, а на самом деле она по ночам от розетки подзаряжается. Так что об

этом не беспокойся.

— Я не беспокоюсь. Я просто хочу, чтобы в контракт был включен этот пункт. И в случае нарушения его — контракт немедленно расторгается с выплатой мне неустойки.

Такого Ник явно не ожидал. Он перестал смеяться и медленно переспросил:

— Ты что — хочешь письменный контракт?!

— Да, разумеется. Ты же сам мне говорил, что в денежных делах должен быть порядок, и ругал за безалаберность. Как видишь, твои советы пошли впрок.

Похоже, его это крепко задело. На лице больше не осталось и следа улыбки, глаза сощурились.

— Ладно, пусть будет контракт. — Он достал блокнот. — Значит, пятьсот тысяч... и срок — два месяца. И полная супружеская верность — не так ли?

— Да.

— Я могу потребовать выполнения того же условия с твоей стороны?

— Да.

— У тебя есть кто-нибудь?

— Хочешь, я заварю еще кофе — твой совсем остыл?

— Не надо мне кофе! — Кажется, до Ника дошло, что отвечать она не собирается, — и весьма это не понравилось. — Какие у тебя там еще условия?!

— Одно — но очень существенное. Если в период действия контракта мне придется по какой бы то ни было причине контактировать с Алисией Хэнсфорд, сделка считается расторгнутой по твоей вине.

В глазах Ника промелькнуло удивление, даже что-то похожее на смущение, и она выкрикнула прямо ему в лицо:

— И не вкручивай мне, что ты с ней никак не связан — о ваших отношениях знает весь Хьюстон!

В ту секунду, когда Нэнси произнесла это, Ник понял, что ждать от нее хоть малой толики дружеских чувств с самого начала было бессмысленно.

— Ну и что же ты знаешь? — спросил он.

Наверняка Нэнси сейчас сама не замечала, что глаза ее сощурились, а рот растянулся, как у разъяренной кошки, что она не говорит, а выплевывает слова:

— Все! И какой ты страстный и пылкий, и какой хороший любовник... и, ах, какой ты щедрый. И что вы вот-вот поженитесь — осталось решить только мелкие проблемы. Это очевидно, со мной развестись, да? Это я —

«мелкая проблема»?!

Такого Ник не ожидал даже от Алисии... Весь период их недолгой связи он старался не появляться с ней на людях — но, как теперь выясняется, тщетно... ее стараниями.

— Уверю тебя, — медленно начал он, — я никогда и в мыслях не держал жениться на твоей матери!

— У меня нет больше матери! Есть... Алисия Хэнсфорд, — это имя прозвучало как ругательство, — и ты спал с ней, не отрицай!

— Тебя это так задело? — с усмешкой спросил он. Усмешка относилась не к вопросу, а к промелькнувшей вдруг мысли: похоже, что, как бы холодна она сейчас с ним ни была, Нэнси все еще ревнует его.

— Да какое мне?!.. — вспыхнула она. Остановилась на полуслове и медленно кивнула. — Да. Да, меня это тогда очень задело... когда я узнала. И видеться с ней я не хочу, так что изволь держать ее от меня подальше.

— Я не собираюсь ее сюда приглашать.

— Если ты сообщишь ей, что я здесь, она обязательно припрется.

— Я не собираюсь ей ничего сообщать. Если бы я хотел, я бы сказал ей, где ты, еще пару лет назад!

— Ты что — знал, где я?!

Похоже, этого она не ожидала...

— Да, конечно... По крайней мере, года два уже знаю.

На самом деле почти три — он начал выяснять это сразу после того, как встал на ноги...

Сердце Нэнси колотилось, на глаза наворачивались злые слезы — даже непонятно почему, ведь все давно забыто и похоронено...

Значит, он знал. Он знал... И появился только теперь, когда ему что-то от нее потребовалось. Ладно, хорошо хоть Алисии не сказал...

— У тебя есть еще какие-то требования? — спросил Ник.

Очевидно, он уже торопился... Что ж, и в самом деле — мелкая проблема решена, зачем тратить на нее еще время?!

— Да. В случае если контракт разрывается по твоей вине... или по твоему желанию — я хочу получить неустойку в размере всей суммы.

— Хорошо. А если по твоей — то ты не получаешь ничего.

— Идет. И еще — я хочу, чтобы деньги были переданы лично мне и не ушли на покрытие долгов каких-либо... третьих лиц. — (Неизвестно, у кого и сколько за это время наодалживала Алисия...)

Ник пожал плечами и мотнул головой, словно это само собой разумелось.

— Все? — Несколько секунд Нэнси молча смотрела на него, не зная,

что еще сказать. Наконец он решительно кивнул: — Будет готов контракт — посмотришь, и, если еще что-нибудь к тому времени надумаешь, впишем. Я тебя завтра найду.

С этими словами он встал и сделал шаг к двери. Нэнси уже заторопилась за ним, когда он неожиданно вернулся и взял из вазочки ореховую трубочку. Откусил, улыбнулся — и вдруг до слез, до боли стал похож на того, прежнего Ника.

После его ухода она еще немного постояла, растерянно глядя на дверь, пока не почувствовала, как в руку сунулся холодный нос: Дарра пришла мириться... Это заставило Нэнси наконец сдвинуться с места.

— Пойдем, девочка... Прости меня...

Извиняться смысла не имело — Дарра не держала ни на кого обиды и сейчас просто радовалась, что на нее больше не сердятся. Но самой Нэнси неприятно было вспоминать, как она грубо ни с того ни с сего накричала на нее.

В полном согласии они вернулись в гостиную. Нэнси налила себе полуостывшего кофе и, отломив половину трубочки, протянула собаке. Дарра, косясь на хозяйку, отнесла угощение на коврик у дивана и с комфортом принялась мусолить его, откусывая по кусочку, чтобы продлить удовольствие.

По-хорошему, ее стоило бы согнать с коврика, чтобы не пылесосить его потом от крошек, но Нэнси было сейчас не до нее. Она машинально, не чувствуя вкуса, прилебывала кофе и пыталась собрать разбегающиеся мысли. Все, что произошло, казалось каким-то нереальным — словно она задремала ненадолго и сейчас, проснувшись, вспоминает недавний сон...

Руки у него остались прежними — большие, с длинными чуткими пальцами, поросшими с тыльной стороны черными волосками. Только на пальцах теперь не было царапин от камней из мастерской. И еще — они были чужими. Они стали чужими — в тот миг, когда дотронулись до Алисии... Это были руки человека, который не позвонил... Из глаз Нэнси потекли слезы, которых уже можно было не сдерживать — просто вытирать кухонной прихваточкой. Так она и ела трубочку — приправленную вкусом слез, а потом отдала остатки собаке, подошедшей ее утешать.

Глава 3

— ...Я же говорил — мне нужны чайные розы! Настоящие чайные розы,

а не это... убожество! По-моему, любая идиотка способна это усвоить!..

Блейз распалялся все больше и больше. Лицо его побагровело, он злобно пнул ногой связку искусственных роз точно такого же оттенка, как у натуральных, стоявших рядом в ведре.

Нэнси стояла молча — спорить с ним было бесполезно, легче просто переждать — и только морщилась, когда до ее лица долетали брызги слюны.

— Мне плевать на твои трудности, хоть специальным самолетом из Майами надо было выписать! Не хочешь работать — так и скажи!..

Ей казалось, что это очень хорошее решение — там, где сидят гости, поставить живые розы. А на полу, на опорах «спотов» и в корзинках по углам, где взгляд камеры едва скользнет, можно разместить и искусственные — никто ничего не заметит. Тем более что сделаны они неплохо — даже вблизи едва отличишь от настоящих. Настоящих чайных роз больше все равно не было — она обзвонила восемь магазинов, а найти удалось едва ли шесть дюжин.

— ...Тут я хозяин — и что я говорю, то и положено делать! А если какая-то дура будет корчить из себя начальницу, так ведь мне стоит только слово Лоренсу сказать — и ты отсюда вылетишь!..

«Да заткнись ты уже, наконец!» — успела подумать Нэнси, и тут услышала громкий, заглушивший даже вопли Блейза, голос Ника:

— Кто это такой?!

— Блейз Монро, ведущий этого ток-шоу, — быстро ответил Бреннер — пожалуй, единственный, кто сразу понял, что сейчас здесь может произойти. — У него отличные рейтинги, и шоу пользуется огромной популярностью...

— И часто он позволяет себе подобные хамские выходки? — перебил его Ник.

Теперь все лица были обращены к ним, на галерею.

— Он... — начал Бреннер.

— Неважно. Увольте его.

— Как?!

Ник счел нужным понять этот вопрос буквально:

— Немедленно. За аморальное поведение...

— Но через четыре часа должно начаться шоу!

— Замените его.

Отмахнувшись от пытающегося еще что-то сказать Бреннера, он спустился с галереи и направился к Нэнси. Кроме него, в студии никто не шевелился — судя по ошарашенным лицам окружающих, все до сих пор

пребывали в состоянии шока.

— Привет! — подойдя вплотную, сказал он. — Документ уже готов. Пойдем посмотришь.

— Ну и чего ты этим добился? — негромко спросила она, не двигаясь с места. — Одним махом оставил без работы двенадцать человек? На этого идиота наплевать, его давно пора было проучить — но они-то чем виноваты?!

— Пойдем! — Ник положил ей руку на плечо. — Поговорим там.

Нэнси вздохнула, но не сказала больше ни слова и послушно пошла к лестнице.

— Да, да, конечно! — закивал Бреннер, стоило Нику осведомиться, есть ли где-нибудь тут на полчаса свободный кабинет.

Зашли они в кабинет вчетвером — Нэнси, Ник, его секретарша с ноутбуком и еще один «человек свиты». Впрочем, этих двоих Ник тут же выставил, сказав:

— Джеральд, попросите, чтобы там, в студии, пока не расходились. Мисс Эмбер, дайте, пожалуйста, тот контракт и побудьте в приемной — я позову.

Нэнси показалось, что все происшедшее привело его в отличное настроение. Во всяком случае, на губах у него играла еле заметная довольная усмешка.

Плюхнувшись по-хозяйски за стол Айка, он кивнул ей на кресло и протянул пластиковую папочку.

— Вот контракт. Читай.

Нэнси быстро пробежала глазами документ. Все в общем соответствовало тому, о чем они вчера говорили, — пятьсот тысяч, два месяца, даже про Алисию вписал!

— Тут нет ничего про собаку... и про развод.

— Про какой еще развод? — Усмешка с четко очерченных жестких губ сразу исчезла.

— Я не хочу, чтобы ты снова мог вытащить меня... как кролика из цилиндра, когда тебе понадобится избавиться от очередной надоевшей любовницы. Так что... — Нэнси пожала плечами.

— Ты что — срочно собираешься замуж?

Он мог говорить с каким угодно злобным сарказмом — ей было все равно.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы вы с Алисией снова могли вмешаться в мою жизнь. Мне и так придется после окончания контракта бросить все и уехать.

— Не понимаю почему, — раздраженно бросил Ник. Нэнси показалось, что ему не слишком понравилось, когда она объединила их с Алисией в одной фразе. — Это «вмешательство», как ты его изволила назвать, для тебя весьма прибыльно.

Нэнси промолчала — объяснять, что теперь, когда она знает, что он знает... и так даже, не хотелось.

— Ладно, я не против развода. Через два месяца, если ты все еще на этом будешь настаивать, сходим к адвокату и обо всем договоримся. Но мне бы не хотелось включать пункт о разводе в контракт — одно к другому отношения не имеет.

— Хорошо. Остается Дарра...

— Какая Дарра?

— Собака.

— Я уже сказал, что можешь брать собаку с собой! Тебе надо отдельный пункт? Хорошо! — Ник резко дернул к себе контракт и вписал от руки, проговаривая вслух: — ...не возражает против присутствия в доме собаки по кличке... как там ее? — Дарра...

— И выполнения мною обязанностей по уходу за ней, — подсказала Нэнси.

— Каких еще обязанностей?!

— С собакой надо гулять, кормить, расчесывать, водить к ветеринару, если, не дай бог, заболеет... — принялась она объяснять, видя, как Ник постепенно закипает. Ну и пусть, в конце концов!

Дописав, он сунул руку в карман — в дверях тут же, как по волшебству, появилась секретарша, — протянул ей лист и приказал:

— Добавьте и распечатайте заново! И попросите, чтобы принесли кофе и... еще чего-нибудь.

— В кафетерии внизу сегодня есть вишневый пирог, — сказала Нэнси — и осеклась, вспомнив давнее дождливое утро. И по глазам, из которых вдруг исчезло раздражение, поняла, что и Ник вспомнил...

— Да, вот вишневый пирог подойдет, — кивнул он, дождался, пока секретарша выйдет, и спросил — уже без раздражения, по-свойски: — Ну, так что у тебя там стряслось? Чего этот придурок на тебя орал?

Нэнси коротко, в трех словах, объяснила причину конфликта.

— Господи, чепуха какая! Не всели равно, какие розы?! — фыркнул Ник. — И часто он так?

Она молча пожала плечами — к чему объяснять, что для Блейза эти крики на кого попало — обычное явление.

— Ты хочешь, чтобы я его оставил?

— А ты можешь передумать?

— Да вообще-то нежелательно. Я редко меняю свои решения и не хочу создавать прецедента. Но если ты... — Он усмехнулся и сделал короткий жест рукой.

Неважно, что Ник имел в виду: «настаиваешь» или «попросишь хорошенько», — Нэнси не собиралась делать ни того ни другого. Попыталась только объяснить:

— Дело не в нем... дело в остальных. Получается, из-за меня их теперь уволят. А у нас через три недели одна девочка замуж выходит, всех уже на свадьбу пригласила — представляешь, ей сейчас такой «подарок»?! И Макс, исполнительный продюсер, — ему уже пятьдесят три и трудно будет работу найти. А мужик он неплохой... не сволочной. Когда Дарра болела, он меня на неделю отпустил — мне девочки говорили, что потом Блейз на него жутко наорал за это. И сердце у него больное...

Она говорила все тише и тише — и замолчала, увидев, что Ник смотрит не на нее, а куда-то мимо. Подумала — какое ему дело и до свадьбы Лизы, и до Макса с его больным сердцем? Все это — проблемы «не его уровня»...

— Ладно, я разберусь, — очнувшись от своих мыслей, сказал он как раз в тот момент, когда без стука открылась дверь и вошла секретарша. Молча протянула ему пару листков бумаги.

Ник пробежал их глазами и перебросил Нэнси.

— Вот. И познакомься — это мисс Эмбер, моя секретарша. Вам теперь придется часто общаться.

Нэнси обернулась, изобразила вежливую улыбку и кивнула, не зная, что еще сказать. Коротко деловито кивнув в ответ, мисс Эмбер снова устремила взгляд на своего босса.

— Мисс Эмбер, это Нэнси — моя жена...

Секретарша, казалось, даже не удивилась — ну да, она же печатала контракт, так что знает...

Ник продолжал говорить, коротко, четко и лаконично, словно диктовал телеграмму:

— ...Передайте в отдел по связям с общественностью — пусть подготовят заявление для прессы. Нэнси Тревер. Поженились четыре года назад, двадцать девятого декабря. Что она дочь Алисии Хэнсфорд — не пытаться скрыть, но самим не писать. Дальше обтекаемо, что-нибудь вроде: «разошлись по семейным обстоятельствам...». Что там с кофе? Где Бреннер?

— Сейчас. Я спрошу у Джеральда, — с этими словами мисс Эмбер вышла.

Тут же в дверях появилась Лаки, секретарша Айка, с подносом. Смотри-ка, даже взбитые сливки нашли, расстарались для начальства!

Выставляя на стол содержимое подноса, Лаки еле шевелилась, очевидно рассчитывая услышать хоть обрывок разговора и таким образом

понять суть происходящего. Но заговорил Ник только после того, как она покинула кабинет:

— Ты тоже на людях постарайся придерживаться этой версии — «разошлись по семейным обстоятельствам». Не надо лишних подробностей.

— Ты так беспокоишься о ее репутации? — вырвалось у Нэнси.

— Нет. Просто не хочу, чтобы мои личные дела обсуждали в прессе. И так будут.

— Значит, то, что не относится к твоим личным делам, я могу рассказывать — например, историю с Эриком?

— Да, если тебе этого хочется.

Когда что-то тонко пискнуло, Нэнси не сразу поняла, что это ожил телефон у него в кармане. Разговор длился четверть минуты: «Да... Спасибо», — и, сунув аппарат обратно, Ник сообщил:

— Бреннер до сих пор торчит в студии. Кажется, хочет попытаться меня уговорить не увольнять этого твоего... идиота.

В студию они вернулись вместе — рука Ника уже не просто лежала у Нэнси на плече, а по-хозяйски обнимала ее.

Бедняги Айка, временно оставшегося без кабинета, видно не было, зато Бреннер по-прежнему стоял на галерее — в компании Блейза. Они о чем-то тихо разговаривали и, заметив Ника, оба повернули головы.

Потом Блейз шагнул вперед. Физиономия у него была приторно-обаятельная — такое выражение лица предназначалось для общения с «гостями студии» в прямом эфире.

— Мисс Тревер... очевидно, произошло небольшое недоразумение. Я... не имел понятия о характере ваших с мистером Райаном отношений...

Нэнси уже готова была ответить ему что-нибудь резкое, но Ник опередил ее, холодно свысока поинтересовавшись:

— А теперь?

— Что?

— Теперь — имеете понятие о наших отношениях?

— Э-э... да!

Блейз замямлил нечто невнятное, но Ник, не слушая его, уже вел Нэнси дальше, к Бреннеру. Тот стоял, с настороженным видом наблюдая за происходящим, словно прикидывая, имеет ли смысл попытаться как-то смягчить разбушевавшегося заезжего босса.

Ник заговорил первым:

— Мистер Бреннер, я уверен, что вы уже справились с этой внезапно

возникшей проблемой, — таким образом он явно давал директору студии понять, что решение едва ли будет изменено. — Кстати, моя жена, — (показалось ей — или Ник нарочно слегка повысил голос?), — весьма обеспокоена судьбой прочего персонала ток-шоу и не хотела бы, чтобы кто-нибудь из ее коллег пострадал из-за сегодняшнего инцидента.

— Да, конечно... — начал Бреннер, и тут до него дошло. — Ваша э-э... жена?!

Если кто-то в студии этого еще и не понял, то теперь расслышали все.

— Да. Я понимаю, что вас это удивляет. Заявление для прессы вы получите сегодня, — кивнул Ник.

Блейз Монро был забыт. В Бреннере пробудился журналистский инстинкт, заоравший во всю мочь: «Сенсация!!!»

— Заявление — в первую очередь нам?! — воскликнул он. — И я позову оператора — хотя бы несколько кадров, пустим в новостях?!

— Ты не против, дорогая? — обернулся Ник. Вид у него был довольный, как у кота, нализавшегося сметаны. Судя по всему, ситуация его забавляла.

— Я пойду причешусь, — сказала Нэнси и вывернулась из-под его руки. Ну что он, в самом деле, цирк из всего этого делает! Теперь весь Денвер ее в лицо знать будет! Но... согласилась — терпи! Хорошо, что она сегодня на всякий случай надела парадный бутылочно-зеленый костюм!

Она вспомнила, что сумка ее, вместе с пальто, до сих пор лежит в студийной подсобке, и только тут поняла, что не знает, как смотреть в глаза уставившимся на нее людям — тем самым, с которыми она работала уже больше двух лет...

В туалете было тихо, только шумела где-то далеко, в трубах, вода. Нэнси прислонилась лбом к холодному зеркалу, пытаясь собраться и успокоиться. Сейчас нужно выйти — и забыть, что она не спала полночи и выглядит жутко, что она зачуханная дура и неудачница, забыть, как орал на нее Блейз, забыть обо всем — только улыбаться и делать счастливое лицо. Сердце билось часто-часто, хотелось свернуться в маленький клубочек, сесть на пол, спрятать лицо в колени — и ни на кого не смотреть, никуда не идти, ничего не делать...

Дверь скрипнула, и Нэнси открыла глаза.

Когда она, стараясь не глядеть по сторонам, торопливо пробежала через студию, никто не двинулся с места — но сейчас, когда Бреннер не видит... Самой смелой оказалась, как всегда, Рина: глаза широко раскрыты, на мордочке — жгучее любопытство:

— Это правда?!.. Ты действительно его жена?!

— Я действительно его жена...

— Так ты потому и знала, какие у него глаза?

Нэнси молча пожала плечами, доставая косметичку.

Дверь приоткрылась, и, раз Рина до сих пор не вылетела, Лиза сочла, что и ей можно принять участие в беседе. Эти подружки обычно всюду ходили вместе.

Лучше сказать сразу, чтобы не переживала перед свадьбой...

— Лиза, ты тихонько шепни там всем, что я очень просила Ника, чтобы из-за этой истории с Блейзом никто из наших без работы не остался. Он уже говорил с Бреннером, и я ему еще напомню...

— А ты правда его жена?!

— Правда...

— А ко мне на свадьбу ты теперь придешь?..

— Постараюсь, — улыбнулась Нэнси.

— А он?!

— А вы сегодня поженились? — снова встряла Рина. Дверь снова приоткрылась — на сей раз это была Мерибет, ответственная за работу с гостями. Похоже, скоро тут окажется весь женский персонал студии...

— Нет, девочки, мы поженились четыре года назад, в Нью-Йорке.

— А чего же ты тут жила и никому ни слова не говорила? Вы что, поссорились?

Вспомнив просьбу Ника, Нэнси кивнула, после чего сунула Лизе раскрытую косметичку:

— Сделай мне, пожалуйста, лицо, нас сейчас для новостей будут снимать.

— А ты давно знала, что он приедет?

Нэнси попыталась помотать головой, но Лиза тут же прихватила ее за подбородок и зашипела: «Не дергайся!», так что пришлось сделать плечами некое подобие отрицательного жеста.

— А почему вы поссорились — у него что, была другая женщина?! — Последние два слова Рина сказала страшным шепотом.

Это можно было не скрывать — он просил не говорить только об Алисии. А так... все видели его фотографии то с одной, то с другой, то с третьей девицей — да и Стефи никак уж не походила на секретаршу. Сейчас небось и о ней кто-нибудь спросит! — А эта девушка в голубом блейзере от Версаче — она кто?

Так и есть — и, конечно же, Рина... Кто еще с одного взгляда способен определить происхождение блейзера?!

Ответить на все эти вопросы Нэнси не пришлось. Деловито-любезный голос от двери оповестил:

— Миссис Райан, мистер Райан просил вас, если можно, поторопиться. Там уже пришел оператор.

— Да, спасибо, мисс Эмбер, — обернулась Нэнси. — Еще минутку.

Секретарша остановилась у раковины и принялась неторопливо мыть руки. Нэнси показалось, что даже ее спина выражает неодобрение: как можно из-за какой-то женской чепухи заставлять ждать мистера Райана?!

В присутствии чужого человека девочки попритихли. Лиза быстренько закончила с прической и удовлетворенно отступила.

— Вот и все.

Глава 4

Нэнси думала, что они поедут в длинном-предлинном лимузине, как в фильмах из жизни миллионеров (и гангстеров). Но когда они вышли с телестудии, их ждали два обыкновенных «мерседеса» — правда, с тонированными стеклами и с перегородкой внутри, отделяющей пассажиров от водителя.

В один сели они с Ником, в другой — «свита».

— Я завезу тебя домой, чтобы ты могла собрать все, что тебе нужно. Во сколько прислать машину? — спросил Ник.

Он сидел не вплотную, даже чуть поодаль, и Нэнси не смотрела на него — но все время чувствовала его присутствие.

— Сегодня?

— Да, конечно. Тебе что, долго собираться? Одежды много не бери — купишь все, что нужно.

Ну да, разумеется, он же не хочет, чтобы она скомпрометировала его, оказавшись недостаточно модной и нарядной. Что ж — для хорошего спектакля нужен и хороший реквизит...

— В восемь тебя устроит? Или, может, я сама приеду, когда буду готова? Где ты живешь?

— Нет, не надо, я пришлю за тобой Джеральда в восемь. В «Хайатт Редженси» — но это только на пару дней, потом мы переедем на виллу.

Наверное, он ждал, что она спросит: «Какую виллу?», но Нэнси промолчала...

У каждой собаки должна быть подстилка. Все знают, что это место, куда собаку отсылают, когда она себя плохо ведет!

Вот и у Дарры (хотя спала она, как правило, на диване или на кровати) подстилка тоже имелась — гигиеничная, «по науке»: матрасик в легко стирающемся сине-голубом чехле. Ее надо было взять. И две миски, и складную подставку под них, и запас сухого корма, и щетку, и расческу, и аптечку, обязательно аптечку! Теннисный мячик, «пищащую» игрушку и... вроде все.

Получилась солидная сумка.

— Вот видишь — все из-за тебя! — сказала Нэнси.

Дарра радостно завиляла хвостом.

С настроением самой Нэнси дело обстояло значительно хуже. Не говоря уже о том, что никак не удавалось сосредоточиться и начать собирать собственные вещи.

Да и что брать? Две новые блузки... Да, обязательно. Шубку? Она уже не новая — хотя смотрится неплохо. Джинсы и куртку? Нет, вроде неудобно — хотя в чем еще гулять с собакой? Интересно, там поблизости есть где бегать по утрам? Сколько раз бывала в центре — и никогда не обращала на это внимания!

И сквозь все это пробивалась странная неуверенность: вот она соберется, будет ждать — а никто за ней не приедет...

Машина подъехала ровно в восемь.

Когда раздался стук в дверь, ее на миг охватило ощущение дежа вю. Все это уже было: и торопливые сборы, и стук в дверь, и присланная за ней машина... Все это уже было — четыре года назад, и теперь повторялось...

Но человек, вошедший с улицы, не был Беном. И он не пошел на кухню заваривать кофе, а остановился в прихожей и почтительно спросил:

— Миссис Райан, вы уже готовы?

— Да, Джеральд, проходите пожалуйста! — (неудобно называть малознакомого человека по имени, но ей его по-другому не представили).
— Выпьете кофе?

— Нет, благодарю вас. Надо торопиться — мистер Райан ждет!

Вот и все... еще один кусок жизни кончился, и что будет дальше — неизвестно... Ладно, об этом надо будет думать потом, через два месяца, когда она получит деньги.

И вдруг снова остро вспомнилось, как четыре года назад она ехала к Нику, Бен тогда вел машину и что-то болтал о вестернах, а ей было немного не по себе, внутри все дрожало от предвкушения, и хотелось, чтобы скорее, скорее было еще что-то.

Да... кто-то, кажется, сказал, что история повторяется дважды — один

раз в виде трагедии, Другой — в виде фарса.

Действительно, повторяется — словно отраженная в кривом зеркале. И машина другая, и водитель другой, и сама Нэнси — уже не та наивная и беззаботная девочка, которая с радостью ехала «в новую жизнь».

А она — куда едет сейчас она?! «В контракт»?..

Вот так бы ехать и ехать... и никуда не приезжать.

Но приехали они быстро, правда, тут же столкнулись с проблемой. Швейцар у входа преградил Нэнси дорогу, заявив:

— Прошу прощения, мэм, в отель нельзя заходить с собаками.

Она удивленно взглянула на Джеральда. Похоже, он тоже ничего подобного не ожидал и слегка растерялся, но тут же пробормотал:

— Простите, миссис Райан, очевидно, это какое-то недоразумение, сейчас я все улажу, — и исчез за стеклянной дверью.

Ждать пришлось недолго — буквально через минуту он появился в сопровождении высокого человека в черном костюме, выражением лица почему-то напомнившего Нэнси Блейза Монро в его «экранной» версии.

— Миссис Райан, я рад вас приветствовать в нашем отеле, — еще издали начал тот. — Проходите, пожалуйста, и простите за... неловкость нашего работника. — (Недовольный взгляд в сторону швейцара.). — Сейчас мы все уладим.

Сделав приглашающий жест, пропустил ее вперед, догнал и пошел сбоку, продолжая говорить:

— Я уверен, что вам у нас понравится... А с собакой мы сейчас что-нибудь придумаем...

При этих словах Нэнси застыла как вкопанная и обернулась к шедшему с другой стороны Джеральду.

— В чем дело? Меня что, не хотят сюда пускать?

— Нет, что вы, миссис Райан! Мы сейчас все уладим — буквально через пару минут! — не дал ему ответить тип в черном. — Пройдемте, пожалуйста, в мой кабинет — нам там будет удобнее...

— Что именно нам там будет удобнее? — холодно поинтересовалась, не двигаясь с места, Нэнси.

Мужчина в черном нервно оглянулся. Народу в вестибюле было немного, но кое-какие головы уже повернулись, привлеченные то ли спором, то ли самим присутствием в вестибюле собаки.

— Видите ли, к сожалению, в отеле существуют определенные правила, согласно которым содержание в номере домашних животных категорически запрещено. Я мог бы...

— Может быть, стоит все-таки дать возможность миссис Райан

подняться наверх — а потом мы этот вопрос разрешим в рабочем порядке? — перебил его Джеральд.

— Да, конечно, разумеется — она может подняться! — воскликнул тип в черном. — Но собаку придется оставить. Я могу предоставить пока что одно из служебных помещений и связаться с пансионом... у нас уже бывали подобные случаи...

— Джеральд, позвоните, пожалуйста, Нику и обрисуйте ему ситуацию! — Нэнси было уже все ясно, слушать дальше смысла не имело.

Она не знала, имеет ли она право отдавать Джеральду подобные распоряжения, но другого выхода не было: спрашивать у него номер телефона собственного мужа, тем более прилюдно, значило выставить себя полной идиоткой. Про себя она решила, что в крайнем случае можно сесть в такси и уехать домой — а они пусть разбираются без нее. Но очевидно, какие-то права она имела, потому что в руках Джеральда, как по волшебству, мгновенно появился телефон. Говорил он быстро и тихо, почти неслышно, и через минуту передал аппарат Нэнси:

— Пожалуйста, миссис Райан.

— Ник? — спросила она.

— Я сейчас спущусь, — раздалось из трубки, и послышались короткие гудки.

Ник и правда появился очень скоро — откуда, Нэнси так и не поняла. Она заметила его только в середине вестибюля, и обрадовалась прежде, чем сумела вспомнить, что радоваться особо нечему. В голове мелькнуло внезапно и некстати: «Какой он...» Красивый? Значительный? Уверенный в себе? Все эти слова подходили и не подходили, не в силах до конца передать ее ощущение.

Шел Ник небыстро, слегка прихрамывая. С одного взгляда можно было определить, что зол он как черт — только что пар из ушей не валит.

Первое, что он сделал, подойдя, — это уже привычным жестом положил Нэнси руку на плечо, и лишь затем обратился к типу в черном:

— Что за проблема, мистер...

— Ленц, — подсказал тот. — Заместитель главного управляющего.

— Итак, я слушаю вас, мистер Ленц.

— Простите, мистер Райан, но дело в том, что правила отеля запрещают содержание в нем домашних животных. Я хотел предложить миссис Райан несколько фешенебельных пансионов, в которые...

— Достаточно, мистер Ленц, я уже все понял, — холодно кивнул Ник. — Предложение неприемлемо — это наша собака и отправлять ее куда-либо я не намерен. Тем не менее я прошу прощения за этот инцидент —

вина целиком лежит на мне, я должен был, прежде чем пригласить жену присоединиться ко мне, поинтересоваться правилами отеля. Но думаю, проблема разрешима.

— Разумеется, мистер Райан. Я очень рад...

— Через час мы съедем. Вы позволите моей жене на это время вместе с собакой подняться наверх, а не ждать в вестибюле?

— Да, но...

— Благодарю вас, мистер Ленц.

Глава 5

Ник шел рядом, тяжело ступая, и Нэнси показалось, что он не просто держит ее за плечо, а слегка опирается на него.

Когда за ними захлопнулись створки лифта, Джеральд попытался спросить:

— Мистер Райан...

— Потом! — чуть поморщившись, мотнул головой Ник.

Так, в молчании, они доехали до одиннадцатого этажа и вышли из лифта. Только оказавшись там, где их не мог слышать лифтер, Джеральд снова осмелился задать свой вопрос:

— Мне заказывать другой отель?

— Подождите с этим. Думаю, что не потребуется. Это был заместитель главного управляющего.

— А-а, — словно ему что-то стало ясно, кивнул Джеральд. — Я буду у себя?

— Да. Подходите через полчаса. И попросите мисс Эмбер тоже подняться — с расписанием на завтра.

Ник пропустил Нэнси в номер и захлопнул дверь, отгородившись от оставшегося в коридоре помощника.

— Все. Проходи, располагайся.

— Ты думаешь, они все-таки разрешат собаку? — обернулась Нэнси.

— Да, почти наверняка. Им не хочется ссориться со мной, но надо как-то сохранить лицо. Так что сейчас заместитель доложит главному управляющему, тот позвонит, и мы с ним как-нибудь договоримся... в общем, не беспокойся.

— Спасибо...

Ник пожал плечами, удивившись, что она благодарит за такую мелочь, и протянул руки:

— Давай я за тобой поухаживаю.

Она повернулась спиной, но, вместо того чтобы «принять» шубку, Ник неожиданно, приобняв ее сзади, легонько погладил по плечу.

— Все та же?..

Нэнси растерянно вскинула голову — о чем он?!

— Шубка, говорю — все та же? Которую я тебе тогда купил?.. — переспросил Ник.

— Да. — Она ловко вывернулась из рукавов, шагнула вперед и нагнулась, освобождая Дарру.

Щеки горели, и не хотелось оборачиваться — на какой-то краткий миг подумалось, что Ник спросил совсем о другом: «Ты — все та же?»

Она — не та же... И он не тот — нет больше человека, к которому она бежала, возвращаясь с работы, который со смехом тянул ее к себе и расстегивал эту самую шубку. И было весело и радостно, и сердце замирало, и казалось тогда, что впереди ее не ждет ничего, кроме счастья...

Но вспоминать все это бессмысленно и ни к чему — и они оба другие, и отношения между ними теперь оговорены и записаны в контракте. История повторяется в виде фарса...

Чемоданы уже стояли в спальне. Нэнси переделалась «по-домашнему» — в узкие черные брючки и бледно-зеленый пуловер с открытым воротом. То, в чем она на самом деле обычно ходила дома, она даже не взяла с собой — незачем выглядеть в их глазах шутком гороховым в ярком спортивном костюме с желтым утенком на животе! А это — она посмотрела на себя в зеркало — элегантно, прилично... сойдет...

Присела на кровать, подумала: «Как актриса перед выходом...»

Да, он изменился... Уверенный в себе, чужой, непонятный и непредсказуемый человек.

Человек, который недавно сказал: «Это наша собака...»

Судя по всему, «наша собака» не имела ничего против подобного утверждения.

Ник сидел в кресле, откинувшись назад и не обращая ни малейшего внимания на Дарру, которая устроилась на диване напротив и умильно поглядывала на него. Естественно, мужчина! Она вообще была равнодушна к мужчинам и часто на прогулке, заметив кого-то, по ее, собачьему, мнению, особо привлекательного, начинала издали вилять ему хвостом.

Впрочем, в данном случае дело было еще и в том, что с дивана хорошо просматривалась стоявшая на стеклянном столике перед Ником большая плоская ваза, полная конфет в ярких обертках.

Нэнси подхватила вазу и переставила на телевизор, от греха подальше, после чего сделала страшные глаза и махнула рукой (А ну марш с дивана! Ты что это?! В гостях нельзя!)

Собака соскочила на пол и приняла воспитанный вид.

Казалось, Ник не обратил на эту короткую пантомиму внимания — все так же сидел, хмуро сдвинув брови.

— У тебя нога болит? — решила спросить Нэнси.

Он поморщился.

— Да. Судорогой сводит.

— Я могу как-то помочь?

Несколько секунд он явно колебался, после чего кивнул.

— Сходи ко мне в спальню и принеси... там стоит такая штука для ног. Она уже с водой, — усмехнулся, — ты меня, собственно, из нее и вытряхнула, когда снизу позвонила.

— Извини.

— Да ладно...

«Штука» — ванночка для ног с электрическим подогревом и автоматическим массажем стопы — стояла у кровати. Нэнси подхватила ее и понесла, стараясь не расплескать. Подумала на ходу, что «прежний» Ник, если бы она спросила, не болит ли у него что-нибудь, наверняка бы разозлился, сделал вид, что не слышит, и сменил тему — и уж точно не попросил бы ее помочь...

«Этот» Ник, все так же морщась — очевидно, болело здорово, — расшнуровывал ботинки.

— Поставь здесь, — махнул он себе под ноги и подхватил трубку внезапно зазвонившего телефона. — Райан... Да, добрый вечер...

Нэнси поставила ванночку и хотела ему помочь стащить ботинок, но Ник сунул ей в руки провод с вилкой и выразительно ткнул пальцем в сторону, где чуть ли не у самого плинтуса виднелась розетка.

— ...Да, разумеется, я понимаю... Нет, ну что вы — правила есть правила... Что ж... это очень любезно с вашей стороны... Благодарю вас... Да, я думаю, это не проблема... Да, конечно... Благодарю вас.

Он бросил трубку, снял носки и со вздохом облегчения погрузил ноги в бурлившую пузырьками воду.

— Все. Звонил главный управляющий — с собакой дело улажено. Просил только водить ее не через главный вестибюль. Спроси у лифтера, он тебе покажет боковой выход.

Вид у него теперь был ленивый, расслабленный и довольный, на губах играла улыбка, как у Чеширского кота.

— Помогло? — осмелилась спросить Нэнси, кивнув на ванночку.

— Да, эта штука быстро помогает. Еще попозже массаж — и с утра буду как новенький.

— Часто у тебя так ноги прихватывает?

— Довольно часто. Особенно по вечерам. Ничего, постепенно пройдет — еще года полтора назад я вообще с палкой ходил.

— А в газетах об этом ни слова не было.

— Я не хотел, чтобы они особенно распространялись о том... каким я был. А чего ты конфеты убрала?

— От собаки подальше, — объяснила Нэнси, на ее взгляд, очевидное.

— Да пусть ест сколько хочет!

Она хотела сказать, что Дарра, если зазеваешься, может сожрать конфету прямо с оберткой, и вообще сладкое собакам вредно, — но вздрогнула и обернулась, услышав странный звук, похожий на птичью трель.

— Это в дверь звонят. Наверное, уже Джеральд. Открой, пожалуйста.

Но за дверью оказался не Джеральд, а посыльный отеля, который с легким поклоном, улыбаясь, протянул ей; букет:

— С наилучшими пожеланиями миссис Райан от мистера Донахью! — и, не дожидаясь чаевых, еще раз поклонился и скрылся в ожидавшем его лифте.

Букет состоял из белоснежных орхидей, усыпанных пурпурными пятнышками: на прикрепленной к нему карточке было написано то же, что сказал посыльный.

— Ты не знаешь, Донахью — это кто такой? — поинтересовалась Нэнси, возвращаясь в гостиную и на ходу рассматривая карточку — на другой стороне ее была «объемная» картинка с горами и водопадом.

— Главный управляющий. Что, цветы прислал?

— Да.

— Правильно. Хочешь конфетку?

Оторвавшись от карточки, Нэнси обнаружила, что последние слова предназначались не ей.

Та, к кому обращался Ник, уже сидела перед ним — грудь колесом, ушки топориком, хвост метет пол — и, выгнув от волнения язык, наблюдала, как он высвобождает из обертки шоколадку и разламывает ее пополам.

— Извини, дорогая, тебе только половинка — мне самому тоже хочется. Вот! — Он сунул в рот полконфеты, а вторую половину протянул собаке.

— Чего ты так смотришь? Ей что — нельзя шоколад?

— Можно, только очень немного.

— Ладно. Можешь мне кофе сделать?

Она сварила кофе — оказывается, в апартаментах была своя кухня с кофеваркой и микроволновкой.

Услышала звонок в дверь и впустила Джеральда и мисс Эмбер. Те поздоровались и уселись перед Ником. От кофе оба отказались — Нэнси даже показалось, что она уловила чей-то удивленный взгляд. Очевидно, в обязанности «жены босса» не входило угощать кофе его секретаршу.

Поставила цветы в вазу на каминной полке — получилось красиво. Распаковала вещи Дарры, поставила подставку с мисками на кухне, налила воды. Собака быстро примчалась, жадно похлопала и, разбрызгивая капли, понеслась обратно.

Мелочи... Быт... Составляющие той жизни, которой Нэнси предстояло жить ближайшие два месяца.

Впрочем, как выяснилось, не совсем той.

— Нэнси, ты сможешь завтра съездить с Джеральдом посмотреть виллы? — спросил Ник, когда она проходила мимо.

— Вообще да... — неуверенно сказала Нэнси, не совсем понимая, о чем идет речь.

— В девять вас устроит? — поинтересовался сам Джеральд.

— Лучше попозже. Мне надо еще с собакой погулять.

— В десять?

— Да. Это нормально.

Выяснилось, что конфеты перекочевали обратно на столик перед Ником, а Дарра сидит у его ног и преданно таращится на него. Судя по валявшимся на столе фантикам — отнюдь не бесплодно. Через несколько минут в открытую дверь спальни постучала мисс Эмбер — и тут же вошла с папкой в руках.

— Миссис Райан, вот ваше расписание на ближайшие четыре дня. Если будут изменения — я сообщу. — Она положила на тумбочку несколько листов бумаги, сколотых скрепкой, окинула коротким взглядом раскрытые чемоданы и вышла. На лице женщины невозможно было прочесть ни ее собственного отношения к «миссис Райан на час», ни интереса к разложенным на кровати нарядам.

Нэнси с некоторой опаской подошла к оставленным бумагам. Она и не предполагала, что обязана будет жить по какому-то расписанию.

Сверху лежало пресловутое «заявление для прессы». Все примерно так, как сказал Ник: «поженились... расстались по личным мотивам... решили

снова попытаться...». О ней самой не было почти ничего — ни о семье, ни о работе, просто «Нэнси Тревер». Ну и правильно... кто она, в конце концов, такая?..

Расписание состояло из трех пунктов. Завтра — осмотр вилл. Послезавтра в 13:00 — деловой ленч в «Браун Паласе» с мистером Ферленом (см. прилагаемый материал). Через два дня — благотворительный бал-аукцион в Чикаго, вылет в 6:00 утра.

«Прилагаемый материал» содержал данные о мистере Ферлене, с которым предстояло завтракать. Вдовец пятидесяти пяти лет, жена умерла полгода назад; на завтраке, очевидно, будет с дочерью Кэтрин, двадцати четырех лет, которая после смерти матери выполняет функции хозяйки дома. Придерживается умеренно-консервативных взглядов. Круг увлечений — горнолыжный спорт, лошади (в том числе скаковые).

— Ну что, разобралась? — Ник появился в дверях так неожиданно, что Нэнси вздрогнула. Он был по-прежнему босиком, без пиджака и галстука.

— Да... тут только не написано, когда мы вернемся и Чикаго.

— После бала, ночью.

— Нужно, чтобы кто-нибудь собаку вывел — она не может целый день не гулять.

— Ну, скажешь Джеральду, — беспечно пожал он плечами, прошел в спальню, уселся на кровать и огляделся. — Кстати, ты особо не распаковывайся, мы послезавтра, наверное, уже переедем.

— А я... — нерешительно начала Нэнси, — я могу вообще что-то Джеральду говорить?

— Ты о чем? — удивился Ник.

— Ну, сегодня я даже не знала, можно ли его попросить позвонить тебе... когда этот тип меня не пускал, у меня не было твоего телефона.

— Телефон я тебе сейчас дам. А Джеральд ведает у меня всеми, так сказать, бытовыми вопросами — и, естественно, должен выполнять твои указания. Если что-то будет не так — он просто скажет.

— А он знает про контракт? — невольно вырвалось у нее.

— Нет. Никто не знает, кроме нас с тобой и мисс Эмбер. И... желательно, чтобы ты тоже никому об этом не говорила.

Нэнси не представляла, как вообще можно было бы кому-то сказать: «Вы знаете, мой муж меня нанял на два месяца...» Вдруг вспомнила про шоколадки и, сорвавшись с места, выскочила из комнаты.

В гостиной, слава богу, все выглядело благопристойно. Дарра, устав и пресытившись, спала на диване и на оставшиеся конфеты не покушалась. Тем не менее Нэнси убрала блюдо наверх и вернулась в спальню.

— Ник, пожалуйста, не давай собаке так много шоколада, — начала она с порога — и тут обнаружила, что он, бесцеремонно открыв ее шкатулку с украшениями, изучает содержимое.

— Я ей всего штук шесть дал... или семь... О! А это я сделал! — Он с улыбкой достал подвеску с аметистом и покачал на пальце.

— Для собаки это много.

— Ну, она так смотрела...

— Не надо, — повторила она. — У нее желудок может расстроиться. И что тебе нужно в моей шкатулке?

— Ничего... просто так смотрю. Ты же знаешь, я люблю камни. Кстати, кольцо у тебя сохранилось?

— Что?

— Ну, обручальное кольцо?

— Нет.

— Выбросила? — спросил Ник так легко, словно речь шла о грошовой бижутерии.

— Нет. Продала.

— И много дали? — усмехнулся он.

— Полторы тысячи.

— Продешевила.

— Сама знаю. Деньги очень нужны были. Дарра под машину попала. Ногу сломала, бедро, операцию пришлось делать, а потом я еще девочку нанимала, сидеть с ней... — Нэнси поймала себя на том, что чуть ли не оправдывается — хотя какое ему дело?!

— Ладно, завтра принесут образцы — выберешь новое, — небрежно отмахнулся он и добавил, словно объясняя: — Ты — моя жена.

«На два месяца», — подумала она и спросила, чтобы сменить тему разговора:

— У тебя ноги уже не болят?

— Нет. От этой штуки быстро проходит. Мне еще массаж сейчас предстоит, ты подождешь с ужином?

— Ладно, я пока с собакой схожу. Только переоденусь.

Все так обыденно, словно они уже много лет вместе, словно не только вчера Ник неожиданно снова ворвался в ее жизнь...

Увидев, что он не понял намека и не собирается двигаться с места, Нэнси выбрала в шкафу джинсы со свитером и кроссовки (может, миссис Райан такое носить и не положено, но гулять с собакой в сапожках на каблуках — это тоже не сахар!) и направилась в сторону ванной. Когда она проходила мимо Ника, он внезапно ухватил ее за предплечье и притянул к

себе.

Взглянул снизу вверх, тихонько рассмеялся:

— Не волнуйся так. Пока все идет хорошо, — и, прежде чем Нэнси успела отдернуть руку или сказать что-то, отпустил.

Глава 6

Этого района Нэнси не знала и шла куда глаза глядят. Шла, мысленно продолжая разговор, — и сама толком не зная, с кем говорит. С Ником — но с каким? С тем, прежним — нервным и сердитым, чутким и добрым, — который когда-то заставил ее еще раз ненадолго поверить, что в жизни все будет хорошо? Или с чужим приезжим миллионером, который хотел побыстрее решить «мелкую проблему» и в ответ на все возражения, на все попытки что-то объяснить методично и полупрезрительно набавлял цену: «Сто тысяч... двести тысяч...» А может быть, с придуманным, никогда не существовавшим человеком, готовым выслушать ее — выслушать и попытаться понять?..

«Все та же?.. Нет, уже не та, Ник. Совсем не та. И ты про меня ничего не знаешь...»

По лицу текли слезы, Нэнси смахивала их, вытирала перчаткой нос — и рассказывала о том, как приехала в Денвер, как устроилась работать на телестудию, как спустя год купила дом — тот самый, с которым теперь придется расстаться. Как постоянно не хватало денег, как она болела, простужалась, как взяла Дарру, совсем тогда еще маленькую, — и почти сразу снова заболела, и ходила с ней гулять, больная, и боялась, что по дороге упадет. Рассказывала все то, чего не рассказывала никому — потому что это никогда никого не интересовало...

— И ты знаешь, что самое страшное, Ник? — сказала она громко, вслух, последнее, что хотелось сказать. — Я больше ни о чем не мечтаю. Только — чтобы меня все оставили в покое...

Обратная дорога заняла куда больше времени. Для начала Нэнси, думая, что срежет путь, свернула в тупик, а потом, когда вышла на проспект, порывы ледяного встречного ветра с редкой снежной «крупкой» не давали ей идти быстро.

Она семенила, наклонив голову, прикрывая одной рукой нос, а другой — грудь, и изредка бормоча трусившей рядом Дарре: «Ничего, девочка, ничего — скоро мы уже придем!»

К тому времени, как они добрались до места, Нэнси казалось, что в ее

теле не осталось ни единой частички, которая бы не ныла от холода. Она почти вбежала в дверь и замерла, наслаждаясь потоком теплого воздуха, который поддувал откуда-то снизу и охватывал ее с ног до головы. Как мало надо человеку для счастья...

— Миссис Райан, с вами все в порядке?

Нэнси открыла глаза и уставилась на появившегося непонятно откуда швейцара — еще секунду назад в коридоре никого не было.

— Да... — попыталась выговорить она — губы все еще слушались плохо. — Просто замерзла очень.

— Да, похолодало сегодня к ночи изрядно, — вежливо подтвердил швейцар, словно для него было обычным делом видеть столь непрезентабельно выглядевших высокопоставленных клиенток. — Вам помочь дойти до лифта? Мистер Райан звонил уже вниз, беспокоился.

Ник, похоже, и впрямь беспокоился изрядно. Стоило Нэнси выйти из лифта, как он вылетел в коридор — босиком и без рубашки.

— Господи, ну куда ты пропала?! Я уж не знал, что и думать!..

Схватил за плечо — словно чтобы убедиться, что она живая.

Почему-то подумалось: «А это уже было...»

— Извини, я заблудилась...

— Пойдем скорей, ты замерзла, наверное. На улице, говорят, жутко холодно.

— Холодно... — машинально согласилась Нэнси.

Она и забыла, какой он здоровенный и мускулистый, — а теперь увидела и вспомнила... И вспомнила, какие мягкие волосы у него на груди...

— Я думал, ты вот-вот придешь, заказал ужин, а тебя все нет и нет.

...И какими твердыми становятся плоские коричневые соски, стоит легонько прикоснуться к ним...

Черт возьми! Вывернувшись из-под его руки, Нэнси устремилась к открытой двери номера. Показалось вдруг, что он может прочесть ее мысли...

Пальцы с холода слушались плохо. Она нетерпеливо дернула затянувшуюся завязку капюшона и снова почувствовала плечом теплое прикосновение.

— Давай куртку! Тебе помочь?

— С собаки ошейник сними, — стряхнула она с запястья петлю поводка и мысленно добавила: «И убери руки... и... и оденься, черт тебя подери!»

— Я не заказал ей ничего из еды. Надо было?

Проклятая завязка наконец поддалась.

— Нет, у нее своя еда есть. Там суп какой-нибудь будет?

— Да, луковый, по-французски.

— Ну вот, я ей пару ложек для вкуса налью — и хватит.

— Можно уже звонить, чтобы везли?

— Да, я только переоденусь.

Всего четверть часа назад Нэнси мечтала попасть в тепло, но теперь ей казалось, что в спальне невыносимо жарко. При мысли о том, что сейчас ей придется сидеть за столом напротив Ника, совсем близко к нему, горело не только лицо, но и все тело, что-то сжималось в животе и сердце колотилось.

Стоя под прохладным душем, Нэнси остервенело, до боли, терла жесткой губкой покрасневшую кожу, повторяя самой себе: «У нас контракт... контракт... больше ничего...», потом сделала воду еще холоднее.

Это помогло... почти. К тому времени, как Нэнси вышла из душа, она чувствовала себя значительно спокойнее — лишь ощущение, что в номере жарко и душно, никак не проходило.

Зеленый пуловер она решила не надевать, представив, как будет париться в нем. Выбрала в шкафу светлое шелковое платье, которое держалось на воротнике-«ошейнике», полностью закрытое спереди, зато оставлявшее открытыми руки, плечи и спину. Надевать под него лифчик не полагалось.

Пожалуй, оно было слишком нарядным для обычного ужина — ну да ничего, зато в нем не жарко. По крайней мере, в таком виде она не будет чувствовать себя бедной родственницей. Теперь поправить прическу... немного косметики — и можно идти.

И, лишь выйдя из спальни и увидев Ника, Нэнси осознала тщательно скрываемую от самой себя правду — что и прихорашивалась, и надела свое самое лучшее платье она для него...

Эта мысль, непонятно почему, взбесила ее — какого черта, у них что тут — свидание?! Тем более что он-то даже не подумал прилично одеться — майку натянул, и все. А теперь сидел, развалившись на диване, и развлекался — кидал Дарре какие-то хрустящие кусочки, которые она с энтузиазмом ловила.

Неправильно истолковав выражение лица Нэнси, Ник безмятежно улыбнулся и объяснил:

— А это не шоколад. Это сухарики для супа, — смерив ее таким откровенно мужским оценивающим взглядом, что к щекам снова прилила кровь.

«Что заслужила — то и получила!» — сердито подумала она, а вслух сказала — получилось тоже сердито:

— Я ее сейчас запру. Чтобы не мешала есть.

— Да чего ты, она не мешает!

— Она будет все время клянчить со стола и не даст спокойно поесть.

Это было черной клеветой на собаку, которая вела себя обычно вполне воспитанно, и Нэнси испытала некоторые угрызения совести, когда Дарра, повинувшись короткой команде «Место!», безропотно (правда, с обиженным видом опустив голову) поплелась в спальню.

Ник уже сидел за столом. Стоило Нэнси подойти, встал, отодвинул ей стул и пояснил:

— Я официанта отпустил. И так целый день с людьми — хоть вечером расслабиться хочется.

На мгновение он оказался совсем близко — так близко, что она почувствовала легкий запах его лосьона. Другого, не того, что раньше...

Стол был весь заставлен; рядом, на сервировочном столике, виднелись еще какие-то блюда, накрытые блестящими крышками.

— Я в последнее время много ем, — откликнулся Ник на ее невысказанные мысли, — с тех пор как на ноги встал. И главное, не толстею совершенно, — провел рукой по плоскому животу, — все как в топке сгорает. Работаю много.

— Ты по-прежнему плаваешь?

— Иногда... когда время есть. Стараюсь каждый день, но не всегда выходит. А ты бегаешь?

— Иногда... Когда время есть, — усмехнулась она.

Не спрашивая, он наполнил ее бокал светло-золотистой, сразу пошедшей мелкими пузырьками ароматной жидкостью. «Дом Периньон», машинально отметила Нэнси, подумав, что кое-какие «аристократические» привычки юности у нее еще остались. Например, умение с одного взгляда определить марку шампанского...

Она думала, что Ник скажет что-нибудь «к случаю», но он только легонько позвенел своим бокалом о ее и поднес к губам. Нэнси тоже приподняла бокал, вдохнула аромат, и, отхлебывая холодную кислотоватую жидкость, вдруг вспомнила — так отчетливо, будто это только что прозвучало наяву: «Ну... за нас?»

И голубой камешек, похожий на звездочку, и белое платье, и светящуюся огнями елку, и запах его волос...

— Тебе положить что-нибудь?

— Да, пожалуйста...

Ел он действительно много. Впрочем, неудивительно — такое большое тело и питать нужно как следует. Сама Нэнси лениво ковыряла вилкой ломтик паштета. Спросила, просто чтобы не молчать:

— А что за виллы завтра я должна смотреть?

— Ну... виллы, — Ник оторвался от тарелки и пожал плечами, — чтобы жить. — Пошарил по столу глазами, заметил картофельный салат и добавил себе в тарелку. — Я всегда стараюсь, если еду куда-то дольше чем на пару недель, жить не в отеле, а снимать какую-нибудь виллу. Не люблю, когда много народу вокруг толчется.

— И что я там должна смотреть?

— Джеральд знает все мои требования. А ты просто посмотри, что тебе больше понравится. Тебе же там тоже жить.

Если бы они сейчас встретились с Робби, то обе бы, наверное, целый день болтали, не закрывая рта. Как же иначе — ведь за четыре года столько всего произошло!

А тут... Вся их беседа ограничивалась короткими репликами: «Тебе этого положить?» — «Да, спасибо, только немного». — «А этого?» — «Нет, спасибо». Лишь за десертом — апельсиновым шербетом со взбитыми сливками — Ник, словно невзначай, заметил:

— Завтра к обеду будет готова твоя машина.

— Какая машина?

— Твоя. «Вольво». Зеленая. Ты ведь, кажется, любишь зеленый цвет?

Нэнси молча кивнула. И не жалко ему денег! Хотя, конечно, — появление «миссис Райан» на ободранном «форде» десятилетней давности едва ли будет понято окружающими...

На душе было тоскливо и муторно. Она ожидала, что Ник хоть о чем-то спросит, хотя бы из вежливости поинтересуется, как она жила все эти годы. Но он ни о чем не спрашивал — похоже, это его вообще не интересовало. В конце концов Нэнси не выдержала и спросила сама:

— Как ты узнал, где я живу?

— Это было нетрудно. Твой номер карточки социального страхования не изменился. Сейчас все настолько компьютеризировано...

— И ты знал, что я работаю в твоей фирме?

Ник пожал плечами и усмехнулся, словно она спрашивала нечто само собой разумеющееся.

— До того, как купил студию, — или после? — Вырвалось у нее.

Ответа Нэнси не получила. Вместо этого Ник потянулся всем телом, закинув руки за голову, и поинтересовался:

— Кофе будешь?

— Да. Тебе сделать?

— Я сам сделаю, а ты пока позвони, чтобы телегу забрали, — кивнул он на сервировочный столик. — Ты попрежнему без сахара пьешь?

— Да.

Оказывается, он до сих пор помнит...

В качестве компенсации морального ущерба Дарре было предложено целое пиршество. Нэнси наложила ей полную миску остатков: и паштета, и жареной картошки, и салата, и супа — да еще полила сверху сливочным соусом от «куриных грудок по-шотландски».

Минуту понаблюдав, как Дарра уплетает «миллионерскую» еду, Нэнси вернулась в гостиную и обнаружила, что Ник уже поставил кофе на стеклянный столик у дивана, а сам стоит у бара, позванивая бутылками.

Присела на диван, отхлебнула кофе — и поняла, что выбрала не ту чашку. Жидкость, доставшаяся ей, по вкусу скорее напоминала сироп — то есть была именно такой, как обычно пил Ник. Нэнси мимолетно улыбнулась, представив вдруг себе, что сказала бы сейчас Робби: «Ой, он же теперь узнает все твои мысли! Ты что, не знаешь?! Примета есть такая!»

Интересно, где теперь Робби с ее приметамии? Спустя полгода после отъезда Нэнси попыталась ей позвонить, но по телефону ответил незнакомый мужской голос, который сказал, что ни о какой мисс Квентин он понятия не имеет. Так связь и оборвалась...

— Смотри, что я нашел! — обернувшись, помахал бутылкой Ник. — «Шамбор»! Помнишь?!

В дверь позвонили. Проходя мимо, он поставил бутылку на стол и пошел открывать.

Нэнси смотрела на него не отрываясь. Она понимала, что это не нужно, ни к чему — он чужой... давно уже чужой, даже хуже, чем чужой, — и ничего не могла с собой сделать.

Наверное, не стоило соглашаться пить этот дурацкий кофе — лучше было сразу после ужина покормить Дарру и уйти к себе в спальню. Наверное... Но теперь она сидела и с каким-то болезненным наслаждением впитывала, вспоминала, разглядывала и изучала знакомые и незнакомые черты. И походку чуть вразвалку, и то, как перекатываются под гладкой загорелой кожей мышцы, и уверенность в себе, сквозящую в каждом движении, в каждом повороте головы. Высокие скулы, темные, изогнутые, как крыло чайки, брови, жесткий, четко очерченный рот... И маленький — если не знать, где искать, то и не заметно — шрамик на подбородке; Ник когда-то объяснил: «В детстве веткой хлестнуло».

В голове билась совершенно ненужная и глупая мысль: «Вот сейчас он

отпустит официанта — и подойдет... И сядет рядом...»

Ник дождался, пока официант выкатит столик, запер дверь и снова направился к бару. Пошарив там, прихватил пару рюмок — подошел к дивану и усмехнулся, чуть приподняв бровь:

— Чего ты так на меня смотришь?

— Я... — смешалась Нэнси, — так... — запоздало попыталась взять себя в руки, встряхнулась, глубоко вздохнула и бестрепетно взглянула ему в глаза, надеясь, что выступивший румянец не слишком заметен, — просто задумалась.

— Рюмки те?

— Что?

— Я вечно рюмки путаю. Эти для ликера подойдут?

— Вообще-то это для водки. Но ничего, подойдут.

— Как ты их различаешь? — удивился Ник, плюхнулся на диван и вытянул ноги. — У меня не получается. Помню только, что для ликера — самые маленькие, а для шампанского — самые большие.

— Меня этому учили.

— Нет, не быть мне, видно, светским человеком...

Да, он изменился... Раньше его редко можно было видеть таким — расслабившимся и довольным. Разве что в мастерской, когда он делал что-то и одновременно рассказывал о своих любимых камнях...

— А ты вазу ту доделал? Помнишь, черную, с бабочками?..

— Ту? Да, доделал. Она у меня дома стоит. — Ник улыбнулся. — Хорошо получилась... А нового больше ничего не начинал. Некогда. Работаю чуть ли не по пятнадцать часов в сутки, езжу много... В общем, некогда...

Спохватившись, он налил ликер и улыбнулся еще шире — хулиганской, мальчишеской веселой улыбкой.

— А знаешь, чего здесь сейчас не хватает?

— Чего?

— Знаменитого торта миссис Фоллет — с безе, клубникой и сбитыми сливками, — помнишь?!

— Помню... — Нэнси тоже невольно улыбнулась. — Неужели тебе еще сладкого мало?!

Ник пожал плечами и отхлебнул свой «сиропный» кофе.

— Меня все время на сладкое тянет. Шоколадки эти... — кивнул на стоящее на телевизоре блюдо, — как для других сигареты.

Когда он так улыбался — улыбались не только губы. Вокруг глаз появлялись лучики морщинок, а сами глаза, искрившиеся живым

бирюзовым огнем, казались неправдоподобно яркими в обрамлении черных ресниц.

Нэнси пришла вдруг в голову нелепая мысль — что, если в комнате ненадолго наступит тишина, он может услышать стук ее сердца... Чтобы скрыть замешательство, она поднесла рюмку к губам и вдохнула полузабытый запах. Услышала:

— А ты знаешь, я ни разу с тех пор «Шамбор» не пил. Не приходилось как-то...

Пригубила и ответила:

— Я тоже...

Наступила та самая тишина, которой Нэнси так боялась. Подняв глаза, она увидела, что Ник больше не улыбается. Чуть сдвинув брови, он пристально смотрел на нее и, поймав ее взгляд, медленно сказал:

— В тот день ты пила «Шамбор», а я все думал — если тебя поцеловать, будут у тебя губы пахнуть малиной?

Так же медленно, не отрывая от Нэнси глаз, взял из ее руки рюмку и поставил на стол...

Его губы оказались сладкими — невыносимо сладкими, и язык, нетерпеливо раздвинувший ее губы, — тоже.

«Его кофе...» — подумала она, и это было ее последней связной мыслью.

Какой-то краткий миг Нэнси хотела оттолкнуть его, крикнуть: «Нет! Не надо, к чему это?!» — и оттолкнула бы, но собственное тело предало ее.

Теперь он целовал ее шею, покрывая ее сотнями коротких жадных поцелуев, похожих на укусы. Губы Нэнси были свободны, и она могла крикнуть: «Нет!», но вместо этого лишь простонала: «Ник...»

Его пальцы нащупали крохотную застежку, и платье, соскользнув, повисло на бедрах. Отступив на шаг, Ник одним рывком сорвал с себя майку и отбросил в сторону.

Мгновение они стояли друг против друга, не двигаясь. Потом он медленно протянул руку и дотронулся до ее груди, сразу занывшей, как от холода. Нэнси вдохнула — и забыла, что нужно дышать. Наслаждение, неистовое и головокружительное, охватило все ее истомившееся по ласке этих больших и умелых рук тело.

Она тихо застонала, и в тот же миг, словно именно этот стон заставил его потерять голову, Ник нагнулся, прильнув к ее груди лицом, потерял ее и начал целовать теми же жадными поцелуями-укусами, от которых уже горели ее шея и плечи.

Внезапно Ник выпрямился, тяжело дыша. Пристально и настойчиво глядя Нэнси в глаза, будто стремясь заморозить ее переливами бирюзового пламени, он нащупал ее руку и потянул вниз.

Когда ладонь Нэнси легла на показавшийся ей огромным член и чуть сжалась, Ник с шумом втянул воздух. Пробормотал что-то невнятное, вроде «Вот видишь...», и, не договорив, снова завладел ее ртом.

Теперь в каждом движении Ника чувствовалось нетерпение. Он сдвинул пальцы Нэнси выше, к застежке на брюках, и оставил там, как бы предоставив ей самой право решать, что будет дальше, но на самом деле

выбора уже не было. С трудом держась на ногах, она терлась лицом о его шею, целуя ее, вдыхая, пробуя и вспоминая вкус его кожи; руки неловкими торопливыми движениями на ощупь боролись с застежкой.

Платье ее вдруг расстегнулось, будто само собой, и стекло вниз по ногам, застыв на полу светлой лужицей, горящую кожу опухло прохладой. В следующую секунду, нетерпеливо отстранив ее руки, Ник мгновенно освободился от брюк и, прижав Нэнси к себе, рухнул вместе с ней на диван.

От удара у нее вырвался болезненный стон. Судорожно лоя открытым ртом воздух, она почувствовала, как пальцы Ника скользнули между ее бедер. Даже сквозь оставшиеся еще на ней кружевные трусики их прикосновение обожгло Нэнси, как ударом тока, и она выгнулась, подаваясь им навстречу. Глаза застилала слезы, ей казалось, что сейчас она не выдержит, взорвется, сойдет с ума от охвативших ее острых, сладострастных ощущений.

Ник яростно рванул тонкую ткань, и последняя разделявшая их преграда лопнула, не выдержав этого натиска. Но Нэнси было уже все равно. Ею владело только одно дикое, животное желание — чтобы то горячее, твердое и пульсирующее, что прижималось к ее животу, наконец оказалось внутри.

Словно подслушав ее бессвязные мысли, он перевернулся, подмял ее под себя, и одним сильным рывком вонзился в нее. Перед глазами Нэнси вспыхнули искры, ей показалось, что тот огненный шар, который жег ее внутри, взорвался от этого удара — и, пронзительно вскрикнув, она содрогнулась в захлестнувшей ее волне оргазма.

Не давая ей опомниться, Ник продолжал двигаться — напористо и ритмично. Грудь ее почти расплющивались под натиском мощного тяжелого тела. Нэнси не видела его лица, но слышала над ухом тяжелое дыхание, сквозь которое порой прорывались бессвязные слова: «Моя... ты... пожалуйста... ты... ты!..»; ощущала каждый дюйм его гладкой упругой плоти, раз за разом неутомимо наполнявшей ее, и с каждым толчком, с каждым движением чувствовала, как внутри снова нарастает напряжение.

Вдруг он напрягся и мелко задрожал, голова откинулась назад, и рот открылся в беззвучном крике. Нэнси почувствовала в самой глубине своего тела короткие жаркие толчки, похожие на вспышки пламени, — и, словно именно этого ей до сих пор не хватало, забила, пронзенная мучительно-острой судорогой наслаждения.

Где-то глубоко внутри еще пробегали вспышки запоздалой дрожи.

Перед глазами плыл туман. Нэнси прикрыла их, мгновенно провалилась

в сон — и почти сразу же проснулась от прохлады, охватившей все еще влажное, не прикрытое ничем тело.

Только теперь, все еще лежа с закрытыми глазами, она с беспощадной отчетливостью осознала, что именно только что произошло...

Глава 7

Легкое, опустошенное тело слегка ныло так блаженно, что не хотелось шевелиться. Он собирался с силами, чтобы сдвинуться чуть выше, уткнуться лицом в пышные, по-прежнему пахнущие свежескошенной травой волосы Нэнси и шепнуть туда, как в былые времена: «Котенок...»

— Черт тебя подери, Ник! Не мог быть поосторожнее?! Я же таблеток не принимаю!

Эти резкие слова прозвучали таким диссонансом его настроению, что Ник на миг опешил. Нэнси между тем вывернулась из-под его руки, встала, нагнулась, подбирая платье, — и, не оборачиваясь, не делая попыток взглянуть на него или сказать еще что-то, направилась в спальню.

Щелчок замка, и — тишина...

Вот тебе и «котенок»...

Ник помедлил с минуту, прислушиваясь. Потом глубоко вздохнул, тоже встал и подошел к двери. Крутнул ручку — как и следовало ожидать, заперто...

Прошел к себе, попытался открыть соединяющую их спальни боковую дверь — тут повезло больше — наверное, Нэнси про нее просто не вспомнила.

В ее спальне оказалось пусто — лишь собака, явно обрадовавшись его появлению, тут же начала наскокивать, виляя хвостом, — зато из ванной отчетливо доносился плеск и шум воды. Ник сделал несколько шагов и прислушался. Почудилось ему — или действительно из-за двери раздавались почти заглушённые шумом воды тихие всхлипывания?..

Он понимал, что совершил глупость, — не следовало этого делать, не следовало тащить Нэнси в постель в первый же день. И ведь не собирался — думал сначала немного «поприручать»: ну там за плечико, под локоток, цветочки, поцелуйчики... Наверное, так и следовало себя вести... наверное...

Но когда он поцеловал ее — совсем легонько, чуть ли не невинно (ну ладно, не невинно)... словом, нет смысла сейчас ругать себя за то, что получилось само собой...

И получилось...

Тогда, четыре года назад, Ник десятки, сотни раз представлял себе, как это могло бы быть. Гнал от себя эти мысли — к чему мечтать о несбыточном?! — и снова возвращался к ним. И хотел ее — хотел, как ни одну другую женщину в мире...

Может быть, именно это неосуществленное желание, вьевшееся в плоть и кровь, и не давало ему забыть Нэнси все эти годы?.. А теперь оно сбылось — и разочарованным Ник себя не чувствовал. Отнюдь.

Все оказалось именно так, как он когда-то мечтал, — гибкое упругое тело, чутко отзывающееся на малейшее прикосновение, искренность — и сумасшедшее, безудержное желание, владевшее ими обоими. И в ноздри бил запах травы, и хотелось кричать от восторга, и казалось, что ничего лучше этого в его жизни не было и не будет...

Словом, он не отказался бы хоть сейчас повторить все еще раз.

Проблема состояла лишь в том, что там, в ванной, Нэнси, судя по всему, теперь пыталась смыть с себя следы «грехопадения». И плакала...

Когтистая лапа, мелькнувшая в дюйме от его гениталий, заставила Ника подумать, что, пожалуй, лучше одеться — хотя бы частично. Шепотом цыкнув на распрыгавшуюся собаку, он отступил через свою спальню обратно в гостиную, натянул штаны и успел вернуться как раз вовремя — щелкнула задвижка, и Нэнси появилась на пороге.

Закрытый, туго подпоясанный халат охватывал ее, как доспехи. Мокрые волосы тщательно прилизаны волосок к волоску, покрасневшие заплаканные глаза, казалось, одни жили на бледном застывшем лице.

Увидев Ника, она замерла, чуть ли не отшатнулась, словно готова была снова броситься в ванную, но потом выпрямилась и вскинула подбородок. Глаза ее вспыхнули неприкрытой враждебностью.

— Что ты здесь делаешь?! — спросила она хрипло и, стоило ему шевельнуться, отчаянно выкрикнула: — Не подходи ко мне!

— Нэнси, что с тобой?!

— А ты что, не знаешь, что со мной? Не знаешь, да?!

— Успокойся, пожалуйста!

— ...Ты что, не знаешь, что со мной? — Лицо Нэнси исказилось, голос становился все громче: — Ты что, не знаешь, что я только что переспала с любовником собственной матери? Ты что, не понимаешь, что меня тошнит при мысли об этом поганом инцесте?!

— Успокойся, перестань!

Значит, дело именно в Алисии... Он-то собирался сказать, что они взрослые люди, более того — муж и жена, и все, что произошло, вполне

естественно, и оба этого хотели, и не стоит никого теперь винить и переживать...

А что говорить теперь? И при чем тут инцест — он же не ее отец, черт возьми!

— Тебе будет легче, если я скажу, что наши отношения с твоей... с Алисией закончились два года назад... И продолжались они всего пару недель от силы?! — сказал Ник. — И...

— Нет, мне не будет легче. Ты спал с ней — знал, что она мне всю жизнь искалечила, и все равно спал. И тебе было на меня наплевать, с самого начала наплевать?! Ты и операцию свою сделал ради нее — чтобы ее трахать, да? Ради меня не мог, а ради нее — пожалуйста! Ну конечно, кто я такая!..

Отвечать было бесполезно — едва ли Нэнси в таком состоянии способна была что-либо воспринимать. Поэтому Ник молча присел на кровать — тем более что ноги все-таки побаливали.

Но в этот момент она, завершая свой монолог, крикнула:

— Убирайся к черту!!! — и бросилась в ванную, хлопнув дверью так, что содрогнулись стены. Оттуда снова раздался шум воды.

Прошло несколько минут. Из-под кровати послышалось шепуршение; собака выползла на свет и тихонько подошла к Нику, повилывая хвостом. Всем своим видом она словно спрашивала: «Ты ведь на меня не сердишься, правда?»

— Хорошая собачка! — погладил по голове единственное сочувствующее ему существо Ник. Хвост замотался из стороны в сторону энергичнее. — И часто твоя хозяйка так?

Собака вздохнула и положила ему голову на колени — понимай как знаешь...

Вышла Нэнси не скоро. Едва скользнула по Нику взглядом и сказала ровным монотонным голосом:

— Ты еще здесь? Уйди, пожалуйста.

— Давай ложиться спать. Поздно уже.

Эти произнесенные спокойно и дружелюбно, даже с улыбкой, слова заставили ее все-таки взглянуть на него.

— Ты что... ты что — собираешься спать здесь?! Со мной?!

— Ты моя жена. По-моему, это вполне естественно, — пояснил Ник, слегка пожав плечами.

— Я тебе не жена! — В голосе Нэнси слышалась едва сдерживаемая ярость. — У нас контракт, ты нанял меня — и ничего больше!

— Во-первых, ты таки моя жена — наш брак никто не отменял. А во-

вторых, если уж так, то и по контракту ты должна выполнять обязанности моей жены.

— Я не думала, что контракт включает в себя еще и это! — Она с явным презрением кивнула в сторону кровати. — Не думала, что после таких красоток, как твои обычные... партнерши, ты польстишься на меня!

— Что ты можешь знать о моих, как ты выразилась, обычных партнершах?! — усмехнулся Ник.

Он поймал себя на странной мысли: если бы любая другая женщина посмела говорить с ним так, он бы уже кипел от злости. А тут... Нэнси ревновала — и сама не отдавала себе отчета, насколько это очевидно. И было забавно, хотелось подойти, обнять, погладить ее по возмущенно вскинутой голове, по заострившимся напряженным плечам, прижать к себе... (Можно себе представить, какая будет реакция!)

— То же, что и вся Америка, — съязвила его нежная женушка. — Ты же у нас... персона публичная, так что их фотографии регулярно появляются в газетах.

— В газетах многое врут.

— Но не все же?!

— Не все... — с безмятежной улыбкой подтвердил Ник. — Но это тут сейчас ни при чем. В контракте записана полная супружеская верность. Не думаешь же ты, что я собираюсь все два месяца поститься? Так что... давай лучше, начинай принимать свои таблетки — я терпеть не могу презервативов.

— А если я откажусь?! Ты что, силой будешь?! — Нэнси не договорила, очевидно от возмущения не сумев подобрать приличного выражения.

— Сегодня, по-моему, все было с обоюдного согласия.

— Да, надо отдать тебе должное — техника у тебя превосходная, — саркастически усмехнулась она (при этом, правда, слегка покраснев), — чувствуется большой опыт. — Ник молча пожал плечами, решив «не дразнить гусей». — И ты был прав, когда говорил, что все надо оговаривать заранее и внимательно читать деловые документы...

Уф-ф... Кажется, постепенно начинает сдаваться...

Больше всего Ник боялся, что в какой-то момент Нэнси взорвется, пошвыряет вещи в чемодан и уйдет, плюнув на контракт. Непонятно, что тогда делать... Но пока что у нее этого и в мыслях не было — похоже, обещанные деньги крепко ее зацепили.

— Не думаю, что терпеть мое общество так уж мучительно. Я не храплю и принимаю душ три раза в день, — осторожно пошутил он.

— Я не хочу с тобой спать, Ник. Понимаешь — не хочу.

Не в словах — в интонации Нэнси ему послышалась усталая обреченность. Это была уже капитуляция.

— Поверь, все совсем не так плохо, как ты думаешь. Вот увидишь... И вообще — считай, что это наша брачная ночь... с задержкой на четыре года...

Пошутить так Ника дернул именно черт — другого слова не подберешь. Да и ляпнул-то он это просто для того, чтобы заполнить затянувшуюся паузу, — и мгновенно почувствовал, что сделал глупость.

Нэнси взвилась, будто ее хлестнули плетью. Глаза вспыхнули неприкрытой яростью; усталости и обреченности не осталось и в помине.

— Не смей так говорить! — медленно произнесла она хриплым, похожим на рычание голосом — и вдруг сорвалась на крик: — Не смей говорить так! Не погань то небольшое в моей жизни, что я вспоминаю с радостью! У меня уже была брачная ночь! Была! И с человеком, которого я... который мне нравился, с которым мне было хорошо — а не с надутым поистаскавшимся куском дерьма с чековой книжкой вместо души!

— Это я — дерьмо с чековой книжкой?! — Вскинулся Ник — и мгновенно осадил себя, решив выслушать до конца.

— Да, ты! И если хочешь знать — помнишь, ты, когда явился ко мне домой, спросил меня, ненавижу ли я тебя до сих пор? Так вот — я проклинаю тот день, когда мы встретились! Если бы не ты, я бы уехала тогда, и, может быть, еще что-то в моей жизни бы получилось. А теперь у меня ничего нет — ни семьи, ни детей, ничего... Только Дарра и мой дом. Ты был там, видел. — Нэнси уже не кричала — всхлипывала, стирая рукавом халата текущие по лицу слезы. — Небось подумал — убожество, дешевка, да? Все эти картинки, мебель... Да, ты у нас, конечно, привык к другому... Но это мой дом, понимаешь, мой?! И я его люблю, и эти картинки я выбирала, и покупала, и вешала — с любовью! И мне вить хочется, когда я думаю, что придется уехать и все бросить... А ты еще улыбаешься тут и хочешь, чтобы я спала с тобой!

— Да при чем тут твой дом? — Не понял он.

— Неужели ты думаешь, что я смогу теперь там жить, зная, что эта... твоя сука может в любую минуту постучать в дверь?! «Ах, мамочка соскучилась по своей маленькой глупышечке!» Все уже отобрала — и жениха, и мужа, и деньги, — все! Но как же не посмотреть, нельзя ли еще как-нибудь мне жизнь искалечить?!

Ее слова прервались беспомощным всхлипом, и в комнате стало тихо — так тихо, что Нику показалось, будто от этой тишины звенит в ушах.

— Ты все сказала? — наконец негромко спросил Ник. — Давай ложиться. Завтра рано вставать.

«Она так обрадовалась...»

Уснуть никак не удавалось, словно организм начисто забыл, что это вообще такое — спать. Ник лежал, прислушиваясь к сонному дыханию рядом и ощущая бедром прикосновение теплого упругого тела.

Честно говоря, он до самого конца не был уверен, что Нэнси не начнет новый «раунд переговоров». Он давно уже лег, а она все бродила по спальне, вздыхала, искала что-то в шкафу и в чемодане, а потом ушла в ванную — казалось, это длится вечность.

Наконец вышла — в длинной, до пят, ночной рубашке (никаких тебе «интимных кружавчиков»), нырнула под одеяло и сразу повернулась к нему спиной, сжавшись в комок и примостившись на самом краешке. На его «спокойной ночи» ответила сухо, тоном, явно показывающим, что к разговорам она не склонна; сжалась и напряглась, когда Ник, словно невзначай, положил руку ей на плечо.

Он убрал руку и погасил свет. Через минуту почувствовал, что в ногах что-то зашевелилось: похоже, собака без всяких уговоров (в отличие от ее хозяйки) вознамерилась разделить с ним ложе. Ладно, пусть ее... места хватает — тем более собака такая забавная и ласковая... И неуловимо чем-то напоминает саму Нэнси — не теперешнюю, а прежнюю, которую он так хорошо помнил, — веселую, легкую и радостную, с дружелюбными светло-кариими глазами, с готовностью улыбаться по каждому пустяковому поводу...

Хотя... если верно то, что говорят: «собака похожа на своего хозяина», то и в теперешней Нэнси все это должно быть. Только спрятано где-то. От него — или от себя самой?

«Прежняя» Нэнси, «теперешняя» Нэнси — собственные определения заставили Ника, в который раз за последние месяцы, подумать: а знал ли он по-настоящему ту женщину, которая когда-то вышла за него замуж, прожила с ним три месяца — и так неожиданно ушла?

Глава 8

«Она так обрадовалась...»

Эта фраза доктора Данвуда тревожила его, как больной зуб, уже несколько месяцев...

На церемонию открытия нового корпуса больницы Св. Екатерины Ник в тот день пошел скрепя сердце — атмосфера больницы до сих пор вызывала у него чувство сродни клаустрофобии. Но «положение обязывает»: он был одним из спонсоров и именно ему в приписке к приглашению предлагали перерезать золоченую ленточку у входа.

После официальной части (приветственные речи, вспышки фотоаппаратов, рукопожатия, аплодисменты и, наконец, — выход Ника с ножницами!) на лужайке перед корпусом началась обычная светская тусовка. Все как водится: шампанское, легкая закуска, деловито снующие в толпе официанты и негромкий гул голосов.

Отбыв положенные полчаса, Ник уже собирался уходить — тут-то и поймал его Данвуд. Подошел сбоку и с обычным дружелюбно-щенячьим видом заявил:

— Здравствуйте, мистер Райан! Вы меня не помните?

С их последней встречи прошло больше трех лет: вернувшись из Швейцарии после операции, Ник узнал, что доктор Данвуд в больнице больше не работает — уехал на Западное побережье.

Началась обычная болтовня давно не видевшихся людей. Точнее, болтал в основном врач — и про медицинский центр в Сан-Франциско, где он теперь работал; и про то, как он рад видеть своего бывшего пациента на ногах и в добром здравии; и про внука, которому уже семь лет; и про жену, которая до сих пор скучает по Нью-Джерси. Ник тоже был искренне рад встрече. С каким-то ностальгическим удовольствием он слушал веселый говорок Данвуда и думал, что впервые разговаривает с ним вот так — лицом к лицу. Точнее, глядя на врача сверху вниз — оказывается, тот был ниже Ника чуть ли не на голову.

И тут Данвуд неожиданно спросил:

— А как поживает ваша очаровательная супруга? Она сегодня не с вами?

В первый момент Ник опешил, даже не сразу поняв, о ком идет речь. Какая еще супруга, откуда?! И вдруг вспомнил... Данвуд же был знаком с Нэнси, он осматривал ее после злосчастного происшествия на стоянке!

— Э... с ней все в порядке, — после почти незаметной паузы ответил Ник. — Она сейчас в отъезде.

Вот так... Фактически почти правда. А теперь лучше побыстрее свернуть разговор...

— Передайте ей от меня привет и наилучшие пожелания! — не унимался Данвуд. — Такая милая женщина! Она ко мне приходила тогда

консультироваться... Представляю, как она рада, что об этих проблемах можно уже не вспоминать!..

— О каких проблемах?! — недоуменно перебил его Ник.

Мысли его лихорадочно метались. Нэнси консультировалась с Данвудом? О чем, зачем, почему?! Неужели... неужели ее интересовала перспектива получения наследства?!

Наверное, Данвуд заметил что-то на его лице и смутился.

— Она просила вас об этом не говорить — но я думал, что теперь, когда вы здоровы... это уже неактуально...

— О чем она с вами консультировалась?

— Ну... о том, могут ли у вас быть дети... — Данвуду явно было неловко. — Я думал, она вам сказала... Простите, если я...

— Нет-нет, все в порядке — я просто не знал об этом! — Сумел улыбнуться Ник. — И что вы ей ответили?

— Ну, что ваша сперма в принципе жизнеспособна... разумеется, естественным путем зачатие невозможно, но с искусственным оплодотворением проблем быть не должно, — воспрянув духом, начал объяснять врач. — Я ей рассказал все в общих чертах и посоветовал проконсультироваться вместе с вами — обычно это делают оба будущих родителя — с одним из моих коллег, специалистом в подобных вопросах. Она так обрадовалась... сказала, что обязательно расскажет вам. Я потому и подумал, что вы в курсе...

— А когда это было?

— Четырнадцатого апреля, — мгновенно вспомнил Данвуд. — Это день рождения моей дочери, и мы с вашей супругой об этом немного поговорили. Помню, я еще жаловался ей, что никогда не знаю, что лучше выбрать в подарок для молодой женщины...

Четырнадцатое апреля... День приезда Алисии...

Ник плохо помнил, о чем дальше шел разговор — кажется, они довольно быстро распрощались. Помнил только ослепительное, бьющее в глаза солнце и внезапно вспыхнувшее желание оказаться за тысячу миль от этой лужайки с ее лопочущей толпой.

Он не любил вспоминать о Нэнси... и не любил, когда ему напоминали о ней. Впрочем, кому было напоминать? Обо всей этой истории с его бессмысленной влюбленностью (да, теперь можно назвать вещи своими именами: он был тогда влюблен... да что там влюблен — одержим ею), скоропалительной женитьбой и внезапным уходом Нэнси знали только Бен и миссис Фоллет.

Но миссис Фоллет давно жила в Бостоне — вела хозяйство в доме

дочери и воспитывала парочку внуков-близнецов. Два раза в год, на Рождество и на день рождения, Ник получал от нее поздравительные открытки, отвечал ей тем же (у мисс Эмбер были в компьютере все нужные даты — кого, когда и с чем поздравлять) — вот и все общение.

Бен же с того самого дня, когда они узнали об отъезде Нэнси, о ней больше не упоминал. Однако вспоминал наверняка — хотя бы в те минуты, когда смотрел старые вестерны с цокотом копыт и «подвывающими» выстрелами: он перетащил к себе ее видеокассеты.

А в остальном в комнате Нэнси все осталось без изменений. Ник и сам не знал, почему он до сих пор не распорядился убрать оттуда ненужное барахло — из сентиментальности, что ли? Но пока что все лежало на своих местах: и книги, и одежда в шкафу — и даже забытые (или не влезшие в тот единственный чемодан, который она взяла с собой) тапочки-«собачки»...

О том, что он формально женат, знали немногие. Ник предпочитал не распространяться об этом, хоть и не стремился скрыть.

Порой он спрашивал себя, почему до сих пор не оформил развод, — и сам же отвечал: «А зачем?» Это можно было сделать в любое время, пока же наличие жены, пусть и формальной, ограничивало претензии постоянно трущихся вокруг него девиц. «Извини, милочка, — я тебе с самого начала говорил, что женат...» — и все.

Именно с одной из таких девиц Ник и поругался вечером того дня, когда встретил Данвуда. Она обвинила его в том, что он «думает только о своей дурацкой работе» и совершенно ею не интересуется, по выходе из ресторана капризным тоном потребовала, чтобы он отвез ее домой (а не к нему в пентхаус, как предполагалось), — и была весьма удивлена, когда Ник выполнил требуемое.

Больше они никогда не виделись. На следующий день Ник послал ей обычный прощальный подарок — браслет с бриллиантами — со стандартным прощальным письмом: «Ты права... работа требует от меня всего моего внимания... я не хочу связывать тебе руки... надеюсь, ты будешь счастлива... желаю тебе...» и так даже — текст хранился у мисс Эмбер в компьютере.

А тогда, высадив девушку, он поехал к Бену.

Отношения у них сложились весьма своеобразные. Когда Ник переехал в пентхаус, Бен остался жить в его прежнем доме, но категорически отказался от зарплаты, которую предложил ему Ник за то, что тот будет присматривать за этим самым домом, заявив, что в милостыне не нуждается и еще способен заработать — и, действительно, снова пошел

работать в больницу.

Встречались они пару раз в месяц, когда Нику хотелось отдохнуть. Он приезжал, проводил в доме денек-другой — и снова возвращался в свой обычный круговорот. Об этом убежище знали всего несколько человек — да и те не тревожили его по пустякам.

Внезапному визиту хозяина Бен ничуть не удивился. Только усмехнулся:

— Вовремя пришел! Я как раз ужинать собирался... Рагу из кролика будешь?

Ник не стал отказываться — сварливая девица отбила у него в ресторане всякий аппетит.

Они в полном согласии прикончили большую миску рагу, заедая его толстыми ломтями криво нарезанного теплого домашнего хлеба (ну в каком ресторане можно отведать подобное великолепие?!), после чего Бен заявил:

— Знаю я, чего тебе не хватает сейчас! — и принес большую упаковку ванильного мороженого.

На крышке был изображен белый медведь с букетом цветов и нелепой улыбкой во всю морду. И вдруг вспомнилось, словно это было вчера: именно такое мороженое принесла Нэнси в тот день, когда впервые пришла к нему. И на картинке был точно такой же улыбающийся медведь, и подумал Ник тогда то же самое: «Ну при чем тут цветы?..»

И, будто в его голове кто-то дернул за невидимую ниточку, потянулись воспоминания — одно за другим...

Как она побежала к нему по дорожке — замерзшая и мокрая, и стояла потом у камина в длинном, до пят, халате, а Ник с трудом сдерживал смех — и сам не понимал, почему на душе так весело... И как сказала: «Ты ужасно умный!» и засмеялась — или нет, это было уже не тогда, позже!

— Ты чего? — поинтересовался Бен, видя, что Ник молча смотрит на упаковку. — Ты же ванильное любишь вроде?!

— Да, — очнулся Ник. Подумал: «Говорить — не говорить?», и все-таки сказал: — Просто такое же мороженое... Нэнси принесла, когда впервые ко мне в гости пришла. — Пожал плечами, словно извиняясь за слабость.

Если Бен и удивился, что Ник вдруг заговорил об этом сейчас, то ничем не показал удивления, только спросил, медленно и задумчиво — словно бы даже не спрашивая, а просто размышляя вслух:

— Интересно, где она сейчас?

— В Денвере. — Ник взглянул на сидевшего в углу дивана

игрушечного черно-белого пса, вздохнул и повторил: — Она — в Денвере. Работает на телестудии.

— Замужем?

Он молча покачал головой.

— А чего ты вдруг вспомнил? Она что, о себе знать как-то дала?

— Да нет. Сегодня Данвуда случайно встретил, и он ей приветы начал передавать — вот и... Ладно, давай мороженое есть.

Больше они о Нэнси не говорили, да и вообще почти ни о чем — так, о мелочах. Через некоторое время Бен, позевывая, сказал:

— Ну ты как хочешь — а я спать пошел...

А Ник остался — с черно-белой игрушкой, со стаканом бурбона — и с воспоминаниями, которые он впервые за эти годы не пытался прогнать. Потом оставил стакан, прошел в комнату Нэнси и лег на ее кровать, уставившись в темноту.

Он никогда раньше не лежал в ее постели — приходила всегда она... Приходила, и ложилась рядом, и прижималась к его безжизненному телу, ни разу не показав, что ей что-то не так или неприятно.

И целовала его, и обводила тонкими пальцами брови, разглаживая их, и говорила: «Ты красиивый...» И смеялась...

И ушла — внезапно, из этой самой комнаты, захватив с собой только один чемодан... «Она так обрадовалась...»

Так почему же она ушла — если хотела ребенка? Почему — если так обрадовалась, что он может ей его дать? Он бы понял, если бы Данвуд сказал, что нет, ребенка быть не может — такое известие действительно могло подтолкнуть женщину к уходу. Но все же было как раз наоборот! Так почему, черт возьми?!

Тогда он принял ее уход как должное, чуть ли не с облегчением, с какой-то подсознательной злорадной мыслью: «Ну вот, я же говорил — все правильно, не может нормальная здоровая женщина хотеть жить с калекой!»

А теперь, спустя три с лишним года, Ник словно со стороны смотрел на угрюмого, нетерпимого и вспыльчивого, отгородившегося от всего мира стеной жалости к самому себе и самоуничижения человека — ведь, чего греха таить, он был именно таким!

И спрашивал у себя самого: «Как вообще вышло, что они оказались вместе — такие разные и, казалось бы, совершенно не подходившие друг другу?»

Какой была та женщина, которая, когда Ник меньше всего этого ожидал, согласилась стать его женой?

Он помнил, как ловко лежала в ладони ее грудь и как напрягался сосок, стоило провести по нему пальцем. И ощущение нежной кожи под рукой, и как Нэнси любила, когда он целовал ее за ухом или ласкал языком эту маленькую теплую раковинку, и как от нее пахло свежескошенной травой — он помнил это все. И голос, высокий и звонкий, похожий на голос мальчишки-подростка, он тоже помнил...

Но какой она была? Что видела во сне, чего боялась, что читала по вечерам, о чем мечтала?.. Хотя, о чем мечтала, он знал — стать режиссером... А какой цвет любила? Кажется, зеленый...

И наконец — почему вышла за него замуж?! Почему?! Потому что он пообещал решить ее проблемы? Из-за денег? А потом ушла, прихватив с собой только один чемодан... Ушла в тот самый день, когда узнала, что у них может быть ребенок... Почему?

«Она так обрадовалась...»

Вспомнилась сказанная Нэнси фраза: «Мне всегда казалось, что если любишь — значит, хочешь родить от этого человека детей и прожить вместе с ним всю жизнь...» Но она никогда не говорила, что любит его, — а у женщин обычно подобные признания срываются с губ чуть ли не каждый день, сами собой...

Так что же произошло в тот день? Она ушла — потому что хотела уйти? Потому что тот парень, тот «друг» из Калифорнии, звал ее к себе и достаточно было ничтожного толчка, чтобы она нашла оправдание своему давно предрешенному поступку? Или в тот день еще ничего решено не было? И все решилось позже — тогда, когда она сидела и смотрела на так и не зазвонивший телефон?

И эта их высосанная из пальца ссора... Не столкнулись ли в тот вечер, с одной стороны, его вспыльчивость, упрямство и большое самолюбие, а с другой — копившаяся годами ненависть к разрушившей ее жизнь матери и болезненная, застилающая глаза ревность, заставившая Нэнси сразу, безоговорочно, поверить в худшее?

Так кто же был тогда виноват и кто прав? Не вышло ли так, что он сам, не удержав Нэнси и не позвонив ей потом, спровоцировал ее отъезд, а потом, без долгих раздумий, взвалил вину на нее?

Как бы он теперь повел себя в подобной ситуации? Так же?

Наутро Ник уехал и погрузился в свою обычную рутину, забыв о мучивших его вопросах. Почти забыв... Как значилось в «стандартном прощальном письме», работа и правда «требовала всего его внимания».

Но порой они снова всплывали в памяти — а вместе с ними и то

неприятное, тревожное чувство, которое зачастую возникало у него, когда какая-то проблема оставалась нерешенной.

Желание увидеться с Нэнси возникло не сразу и в первый момент показалось ему нелепым бредом. Но постепенно идея стала представляться все более привлекательной.

Встретиться — и убедиться, что он был прав. Или узнать, что был неправ. Что ж — пусть даже так... Тогда можно попытаться как-то загладить свою вину. И переступить наконец через всю эту историю, и жить дальше, уже не мучаясь вопросами.

Он приехал в Денвер всего на неделю, собрав «до кучи» все имевшиеся в этом регионе дела. Можно было, конечно, решить все и из Нью-Йорка, или кого-то послать, но Ник подумал, что это хорошая возможность наконец встретиться и поговорить с Нэнси. Может быть, даже поужинать вместе...

А потом они встретились — и все пошло не так, как было задумано.

Он и не предполагал, что эта женщина — холодная и чужая, надменная и отстранившаяся от него; женщина, в которой не осталось ничего от прежней Нэнси; женщина, которая хотела только одного — с приветливо-официальной улыбкой побыстрее развязаться с ним и идти дальше, — что она так подействует на него. Что кровь будет пульсировать в висках, сердце колотиться, и лишь усилием воли, сжав кулаки, он сможет продолжать спокойно говорить.

Вечером, явившись к ней, Ник сам толком не знал еще, что скажет, — отчужденность Нэнси и ее нежелание иметь с ним дело были настолько очевидны, что, казалось, их можно взять в руки и потрогать. Идея с контрактом стала чистейшей воды импровизацией — весьма кстати вспомнилась вдруг увязавшаяся за ним настырная дурешка Стефи.

Что ж — дело сделано, они снова вместе. Теперь оставалось только понять — что с этим делать дальше...

Глава 9

Она проснулась, и в первое мгновение, все еще витая на границе сна и яви, не поняла, откуда пришли разбудившие ее слова:

— Просыпайся, котенок! Вставать пора!

Потом открыла глаза — и вспомнила, где она и что с ней...

Ник лежал рядом — взлохмаченный, с пробивающейся щетиной, веселыми, совсем не сонными глазами — и такой неправдоподобно

красивый, что Нэнси захотелось дотронуться до него, чтобы убедиться, что он настоящий.

Впрочем, дотрагиваться не было нужды — он и так находился достаточно близко. Его руки обхватывали ее теплым кольцом, под щекой было мускулистое плечо, а ее рубашка задралась куда-то наверх, так что ноги их тоже переплелись самым тесным образом. Под зарывшейся в мягкие волосы на его груди ладонью часто билось сердце, и в том же ритме пульсировало нечто твердое и горячее, вплотную прижавшееся к ее бедру.

— Вставать пора! — повторил он, увидев, что она открыла глаза. — С добрым утром! — легонько поцеловал в щеку и потерся о нее губами.

Тело Нэнси, разнеженное со сна, отреагировало на этот поцелуй самым адекватным образом — пробежавшей по нему теплой волной. Уловив невольное вырвавшийся у Нэнси легкий вздох, Ник придвинулся еще ближе, губы его дотянулись до ее уха и захватили мочку, лаская и щекоча ее теплым дыханием.

— Котенок...

И в это мгновение тренированный слух Нэнси уловил звук — тихое, еле слышное поскуливание. Она мгновенно выскользнула из обхвативших ее рук. Лежавшая у выхода Дарра тоже вскочила как на пружинках и, повернувшись мордой к двери, застыла в позе ожидания.

Открыв дверь, Нэнси проследила глазами, как собака рысью понеслась на кухню. Постояла немного, пытаясь справиться с бешено бьющимся сердцем, и, только почувствовав себя более-менее спокойно, уверенно обернулась.

Ник лежал на боку, подперев голову рукой, и, встретив ее взгляд, вопросительно приподнял бровь.

— Ты чего? — усмехнулся он. — Подскачила так?

— Собака очень пить хотела. Я забыла дверь открыть.

Он кивнул и похлопал рукой по кровати.

— Сядь ко мне.

— Вставать пора.

— Сядь. На минутку. Пожалуйста.

На губах у него по-прежнему играла улыбка, но в тоне Нэнси почувствовала тот новый, появившийся за время их разлуки оттенок власти, которому нелегко было противиться.

Что ж — он тут хозяин...

Она подошла, присела на край кровати — и, стоило Нику шевельнуться, напряглась, понимая, что должно последовать теперь. Но вместо того, чтобы обнять, он взял ее за руку и, глядя в глаза, сказал, уже

без улыбки:

— Силой ничего не будет, Нэнси. — Поднес ее руку к губам, поцеловал ладонь. — Никогда и ничего, запомни.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом Ник медленно, словно давая Нэнси время вырваться или возразить, потянулся к ней. Но она не пыталась сопротивляться — сидела неподвижно и, когда его лицо оказалось так близко, что заслонило все вокруг, закрыла глаза.

Его губы были теплыми-теплыми, нежными и очень подвижными. Сначала они лишь слегка дотронулись до ее губ, согревая их легкими прикосновениями, и лишь затем, почувствовав слабый отклик, приникли сильнее.

Вся настороженность, обида и враждебность, терзавшие душу Нэнси, на этот короткий миг исчезли. Осталось лишь одно: желание, чтобы он целовал ее — целовал и не останавливался. Но в этот момент Ник отодвинулся и сказал чуть охрипшим голосом:

— Действительно, вставать пора. — Усмехнулся и добавил уже спокойно: — Я до последнего долежал, хотел дать тебе подольше поспать, а теперь вот... некогда.

Нэнси резко выпрямилась.

У нее было ощущение, что он видит ее насквозь, — и жар, охвативший ее тело, и предательски выступивший на лице румянец — видит и смеется над ней. Захотелось треснуть его чем попало — хоть подушкой, чтобы стереть с губ эту издевательскую усмешку, но она молча подошла к шкафу, вытащила «собачьи» джинсы и свитер и, не оборачиваясь, сказала:

— Я с собакой должна выскочить минут на десять. Потом уже буду завтракать. Если торопишься — не жди меня.

— Я попрошу, чтобы привезли через полчаса. — В зеркале она увидела, как Ник потянулся к телефону. — Собаке заказать что-нибудь?

— Фунт говяжьей вырезки, сырой, мелко нарезанной. — (Пусть хоть кто-то от всего этого получит удовольствие).

— А тебе... что-нибудь особенное?

— Грушу. Большую и сладкую. Желтую или красную, — уточнила Нэнси и, отыскав наконец запропастившиеся носки, направилась в ванную.

— Никогда не знал, что ты любишь груши, — слышалось вслед.

«А ты когда-нибудь спрашивал?!» — огрызнулась она про себя, как привыкла за последние годы, общаясь с начальством.

Ему хотелось смеяться — и чертыхаться. «Фактор дельта» — так назывался детектив, который Ник когда-то читал. Там утверждалось, что в

работе разведчика приходится учитывать так называемый «фактор дельта» — то есть некий элемент непредсказуемости, который неизбежно возникает, если в деле оказывается замешана женщина.

А теперь и у Ника появился свой собственный «фактор дельта», вносящий в его тщательно распланированную жизнь, где он мог контролировать каждую мелочь, эту самую непредсказуемость — а проще говоря, безалаберность и сумбур.

Сначала она смотрела на него так, словно готова была проглотить, и едва штаны с него не сдирала — а потом обвинила чуть ли не во всех смертных грехах.

А с утра — еще похлеще! Вместо того чтобы встать, как обычно, в шесть, Ник провалялся до полседьмого (уж очень Нэнси уютно прилипла к нему, обхватив руками и ногами), после чего позвонил мисс Эмбер, чтобы та слегка «подвинула» его утреннее расписание (вот он, «фактор дельта» — в действии!). Он уже предвкушал приятное утреннее развлечение, да и сама Нэнси явно была не против — и вдруг взвилась и вылетела из постели, лягнув его коленкой. (Парой дюймов выше — и о подобных развлечениях пришлось бы надо-олго забыть!) Собачка, видите ли, попить захотела!

И как вам нравится ее вчерашняя прогулка с собакой, когда он сходил с ума от тревоги, а Нэнси как ни в чем не бывало появилась через полтора часа. Заблудилась — скажите на милость!

А главное — вопреки всякой логике, ему это даже нравилось... Ну, не то чтобы нравилось — кому понравится, когда поддают в самое чувствительное место?! — но забавляло... И было весело и легко на душе, и губы сами раздвигались в улыбке при мысли о том, что вечером (возможно, после очередной баталии) она снова будет отвечать на его поцелуи и загораться от одного легкого прикосновения, и спать с ним в одной постели, напялив на себя дурацкую ночную рубашку (тоже мне пояс целомудрия нашла!)...

Нет, ну это уже слишком! «Выскочу на десять минут с собакой» — а сама опять исчезла на полчаса!

Погода на улице была просто отменная — ветер утих, светило яркое солнце и все было покрыто пушистым ковром выпавшего за ночь снега.

Лифтер на вопрос, нельзя ли где-нибудь здесь по-быстрому погулять с собакой, посоветовал свернуть за угол налево: «Пару минут пройти — и будет отличный садик, мэм!»

Садик действительно оказался отличный — с огораживающей решеткой и практически безлюдный. Нэнси ненадолго спустила собаку с

поводка попрыгать по свежему снегу, кинула ей пару снежков, и лишь потом, вспомнив про завтрак, заторопилась к отелю.

На этот раз Ник на площадку не выскочил — вместо этого, открыв дверь, сердито поинтересовался:

— Ты на часы вообще смотришь? Завтрак уже остыл!

Извиняться и объяснять, что она решила, раз погода такая хорошая, погулять сейчас подольше, но зато потом второй раз не выходить, Нэнси не хотелось. Поэтому, пробормотав скороговоркой:

— Я сейчас, начинай без меня! — она устремилась в спальню и через три минуты, облаченная в халат, уже сидела напротив Ника.

Семейная идиллия — муж, жена и собака! Только фоторепортеров и не хватает: «Мистер Райан в домашней обстановке» — какой бы кадр получился!

— Раз ты уже с собакой погуляла, я переиграл Джеральда с виллами на девять, — сообщил Ник, накладывая себе в тарелку яичницу, бекон и жареные помидоры. Чуть подумав, добавил туда же еще ложку картофельного салата. — К двум он тебя привезет обратно — я тоже приеду обедать. Сейчас придет мисс Эмбер, отдашь ей свои водительские права. Не забудь про завтрашний ленч. Для моих сотрудников ты «миссис Райан», никаких «Нэнси». Скажи, тебе не холодно в кроссовках по снегу ходить?

Она не сразу сообразила, что последняя фраза требует ответа:

— Зато не скользко. Я зимой только в них с Даррой хожу. Она, как увидит кошку, так припускает.

Он иронически выгнул бровь, но больше ничего не сказал и принялся за еду.

Нэнси тоже положила себе немного яичницы и несколько крошечных сосисочек размером с палец. Есть ей не хотелось, вставать, а тем более завтракать так рано она не привыкла и обычно болталась по дому часов до десяти, прежде чем добраться до холодильника.

— Я собаке мясо заказал. Но ей, по-моему, больше бекон нравится. — Ник помахал в воздухе ломтиком бекона и подкинув его вверх. — Вот, смотри!

Дарра сидела в положении «на изготовку», преданно вытаращившись на своего новоявленного кумира! И отнюдь не безвозмездно — вот и еще один ломтик, пролетев по воздуху, угодил ей прямо в пасть.

Нэнси подавила в себе желание немедленно заявить, что собаке вредно жирное, и отправить ее в спальню — это была бы не более чем мелочная ревность. Ну поладили они — и слава богу! Только заметила:

— Не позволяй ей морду об себя вытирать.

— В каком смысле?

— В прямом. Дарра у нас девочка чистоплотная: поест, а потом приходит морду об колени вытирать. А ест она все — и мясо, и бекон, и хлеб... вообще все, кроме лука и лимона. Вот смотри! — Она кинула собаке кусочек помидора из салата — тот тоже был перехвачен на лету и с чавканьем проглочен. — Я ей мясо потом дам — с остатками от завтрака.

— Боюсь, что останется не так уж много, — заметил Ник, накладывая себе сосиски. — Слушай, скажи, это действительно груши? А то какие-то они... странные...

Только теперь она обратила внимание на стоящую на сервировочном столике вазу, полную темно-бордовых, почти коричневых круглых плодов, и в самом деле больше похожих на какие-то сливы-переростки.

— Это «Кармен». Сорт такой. Очень вкусный, — объяснила Нэнси, выбрала самую крупную грушу и начала резать ее на аккуратные ломтики.

— Дай попробовать.

Она протянула ему дольку, но, вместо того чтобы просто взять ее, Ник подался вперед и губами ухватил сочащийся сладким соком ломтик. И то ли от легкого прикосновения его губ, то ли еще от чего, но сердце забилось чаще...

— Действительно вкусно... — с легким удивлением протянул он. — Я груши редко ем... Открой, пожалуйста! — Последнее касалось зачирикавшего звонка. — Это, наверное, мисс Эмбер.

Это и в самом деле оказалась мисс Эмбер, которая слегка отшатнулась от подпрыгнувшей навстречу Дарры, но тут же взяла себя в руки, невозмутимо поздоровалась с Нэнси и прошествовала в гостиную.

— Доброе утро, мисс Эмбер. Что у нас нового? — поприветствовал ее Ник.

Секретарша устроилась в кресле, разложив перед собой, на журнальном столике, ноутбук, и быстро заговорила. Речь ее изобиловала цифрами и незнакомыми именами; Нэнси вскоре перестала вникать в смысл произносимого и занялась второй грушей.

Закончив свой монолог, мисс Эмбер выжидательно (точь-в-точь Дарра!) уставилась на Ника — и тут Нэнси заметила на полу у ног секретарши нечто светлое, резко диссонирующее с темно-золотистым колером ковра.

В следующий миг в глазах потемнело от ужаса. Это были ее трусики...

С мучительной ясностью вспомнилось вдруг тяжелое, горячее, навалившееся на нее тело, треск рвущейся ткани — и тут же — ощущение острого, ни с чем не сравнимого наслаждения. словно это произошло

только что... Нэнси непроизвольно сжала колени.

Наверное, разорванные трусы вчера упали с дивана и так там и остались... Пока что от глаз мисс Эмбер их скрывала столешница из темного стекла, но стоит секретарше уронить что-то или просто захотеть взглянуть на собственные туфли... о боже, что делать?!

Ник как раз открыл рот, собираясь что-то сказать, когда Нэнси потянулась вперед, дотронулась до его руки и быстро, высоким голосом произнесла:

— Ник, милый, передай мне, пожалуйста, перец! — Ей было все равно, что говорить, — лишь бы как-то привлечь его внимание.

Только выпалив всю фразу, Нэнси поняла, что выглядит это, мягко говоря, по-идиотски — с учетом того, что ест она в данный момент не что-нибудь, а грушу.

Судя по всему, Ник был того же мнения — он удивленно, чтобы не сказать ошарашенно, взглянул на нее, и, заметив на ее лице выражение очевидной паники, сориентировался мгновенно:

— Мисс Эмбер, последнее письмо, которое я вчера вам надиктовал, — выведите мне, пожалуйста, примечание...

Секретарша, глядя в экран, забегала пальцами по клавишам ноутбука. Ник быстро наклонился к Нэнси и неслышно, одними губами спросил:

— Что?!

— Трусы!!! — так же неслышно ответила она и показала глазами на валявшийся под столиком белый комочек.

Ник покосился в ту сторону, на секунду замер, вглядываясь, — повернулся к Нэнси и слегка кивнул. Губы его сжались, как у человека, изо всех сил пытающегося сдержать улыбку, глаза весело прищурились.

Держа в руке чашку, он встал, подошел к дивану и уселся в непосредственной близости от журнального столика.

— Вот, мистер Райан! — повернула к нему ноутбук секретарша.

Он взглянул на экран и повернул ноутбук обратно.

— Я хочу перефразировать второй абзац так: «Считаю необходимым также подчеркнуть, что...»

Мисс Эмбер снова забегала пальцами по клавишам. Продолжая диктовать, Ник откинулся на спинку дивана, бросил взгляд вниз и, дотянувшись ногой до трусиков, ловко подтащил их к себе. Быстро нагнулся, сгреб и сунул в карман брюк.

— Ну вот, так, я думаю, будет лучше, — кивнул он закончившей печатать мисс Эмбер. Обернулся: — Нэнси, милая, передай мне, пожалуйста, вон те бисквиты. Я допью кофе здесь. — Едва заметно усмехнулся и подмигнул ей.

Ушел Ник минут через десять. Неожиданно сорвался с места, на ходу бросил:

— Принеси быстренько свои водительские права, мне уже некогда! — и исчез в спальне.

К тому времени, как Нэнси нашла документы на дне сумки, он уже стоял в холле, полностью одетый и готовый к выходу. На лице его ясно было написано: «Ну сколько можно копать?!»

Стоявшая рядом мисс Эмбер забрала у нее права, сказала:

— Миссис Райан, все ваши документы будут готовы к обеду.

— Постарайся к двум вернуться, — добавил Ник. — Впрочем, тебя привезет Джеральд. — (Очевидно, это подразумевало абсолютную точность прибытия.) — Ну... — Шагнул к ней, приобняв за плечи, быстро поцеловал в скулу — и пошел к выходу.

Нэнси еле успела перехватить устремившуюся за ним собаку, услышала:

— До свидания, миссис Райан! — и через секунду в номере остались только они с Даррой.

Глава 10

Вилл нужно было осмотреть четыре — все огромные и шикарные.

Впереди, на своей машине, показывая дорогу, ехала риэлторша, за ней — Нэнси с Джеральдом. Около каждой виллы они высаживались и проходили внутрь; риэлторша тонким щебечущим голоском расписывала достоинства предлагаемого жилья: «Наверху шесть спален... спортивный зал, оборудованный самыми современными тренажерами... гостевое крыло с отдельным входом...» — обращалась при этом в основном к Джеральду.

Одета она была куда лучше Нэнси и втайне недоумевала, отчего это миссис Райан позволяет себе ходить в прошлогодних сапогах и с маникюром, сделанным явно не в фешенебельном салоне. Ее мысли Нэнси уловила сразу — не обиделась, только подумала, что хорошо бы Ник побыстрее выдал обещанные «на экипировку» деньги: просить самой не хотелось, а придется и привести себя в порядок действительно не помешало бы.

Потом осмотр заканчивался, они расходились по машинам и ехали дальше.

После нескольких вежливых реплик по поводу погоды Джеральд замолчал, увидев, что Нэнси не нуждается в том, чтобы ее развлекали светской беседой. Рассеянно глядя в ветровое стекло, она думала о том, что произошло вчера... и сегодня.

Теперь она понимала, как трудно будет выдержать эти два месяца. Два месяца бок о бок с Ником...

«У нас контракт... только контракт...» — можно повторять себе это до хрипоты. А потом он целует ее — или обнимает, или просто прикасается, или смеется, — и внутри все обрывается.

Он ведет себя так, словно она действительно его жена. Действительно женщина, которая что-то для него значит, а не просто нанятая на два месяца... кто? Девочка по сопровождению?

Ласковый, внимательный, добрый — и так просто забыть об этом контракте, поверить, что все «взаправду» и что в жизни еще может быть что-то хорошее. Только каким будет потом отрезвление — потом, через два месяца... или даже раньше, если Нику вдруг надоест «живая игрушка» и он решит избавиться от нее до истечения срока контракта? Или если приедет Алисия...

Интересно, он сам отдаст чек — или через секретаршу?

Последняя вилла отпала сразу — в ней не оказалось мебели. Риэлторша, правда, утверждала, что мебель на складе и прибудет «хоть завтра» — но это могло на день-два отсрочить переезд, а Ник хотел как можно быстрее перебраться в свое жилье.

Вернувшись в машину, Джеральд спросил:

— Итак, миссис Райан, — каково ваше мнение?

— У первой бассейн, кажется, маловат. И ограда там слишком низкая... — нерешительно начала Нэнси. Низкая ограда беспокоила ее исключительно из-за Дарры: услышав лай собаки или увидев кошку, та могла перескочить через ограду и вылететь на шоссе — но Джеральд понял ее слова по-своему:

— Да, вы правы, папарацци иногда бывают весьма назойливы! М-м... в третьей вилле кабинет и спальня получают в разных концах дома — а мистер Райан любит, чтобы они были поближе, так что тоже отпадает. А как вам вторая?

— По-моему, вполне годится.

— Тогда давайте на ней и остановимся.

— А Ник... ему не надо показать? — удивилась Нэнси.

— Мистер Райан сказал, чтобы мы сами с этим разобрались. Экономка произвела на вас благоприятное впечатление?

— Да...

Ко второй вилле «прилагалась» постоянно проживавшая в ней экономка — такое условие выдвинули владельцы. Пожилая, но выглядевшая компетентной и деловитой, она действительно производила приятное впечатление.

— Значит, решено, — подытожил Джеральд. — Тогда после обеда я решу все технические вопросы, и завтра во второй половине дня можно будет переезжать.

— Джеральд, я хотела спросить, — внезапно вспомнила Нэнси, — вы сможете погулять послезавтра с собакой? А то мы с Ником в Чикаго на весь день улетаем...

Кажется, вопрос несколько удивил помощника.

— Да, конечно, никаких проблем! — заявил он.

— А вы умеете? — рискнула спросить она.

— А чего там уметь?!

Оставшаяся часть пути до отеля прошла в оживленной беседе: Нэнси подробно объясняла, как нужно гулять с Даррой, а именно: крепко держать поводок, не давать хватать ничего с земли, следить за кошками и голубями и, переходя дорогу, брать собаку на короткий поводок. Джеральд внимательно слушал и кивал, покорно повторяя:

— Да, миссис Райан... Понятно, миссис Райан...

Уже входя в вестибюль «Хайатта», Нэнси вспомнила еще одну важную подробность: если собака начнет прихрамывать, нужно проверить и почистить ей лапы от снежных катышков. Она хотела сказать и об этом —

но тут внезапно Джеральд, скороговоркой пробормотав: «Извините!», чуть ли не бегом устремился вперед.

Проследив за ним глазами, Нэнси увидела, что он стремительно направляется к небольшой группке людей, которые столпились около лифта, — и сразу поняла, что так встревожило его. Там, окруженная несколькими мужчинами, стояла та самая хорошенькая брюнетка Стефи, которая, собственно, и послужила причиной их с Ником контракта.

В расстегнутой модной курточке, с сумочкой под мышкой и платком, который она то и дело подносила к лицу, Стефи явно пыталась выглядеть светски-невозмутимой. Но высоко поднятые в полупрезрительной гримасе выщипанные «в ниточку» брови противоречили дрожащим губам и покрасневшим глазам, в которых читалось отчаяние.

Вокруг нее сгрудились лифтер, портье и еще двое мужчин, наперебой объяснявших ей что-то. При виде Джеральда брюнетка на мгновение обрадовалась, но первые же тихо сказанные помощником слова заставили ее рот искривиться в плаксивой гримасе.

— Неправда! — громко выкрикнула она. Из глаз ее брызнули слезы, и она снова повторила, уже тише: — Это все неправда...

Последние остатки светскости слетели с лица Стефи, и стало ясно, что это совсем молоденькая девчонка — несчастная и зареванная, с потекшей косметикой, которую она еще больше размазывает по лицу платком.

— Мисс Кроссфилд, — начал Джеральд, — вы сами должны понимать, что вся эта сцена...

— Ну дайте мне поговорить с ним! Только поговорить! — перебила его Стефи.

И в этот момент стоявшая чуть в стороне Нэнси шагнула вперед.

— Джеральд, принесите мне, пожалуйста, ключ от апартаментов.

— Но мистер Райан... — испуганно взглянул на нее помощник.

— Со своим мужем я разберусь сама, Джеральд! Принесите, пожалуйста, ключ!

Она знала, что говорит сейчас с той же интонацией, с которой приказывает «Место!» Дарре, и понимала, что помощник может обидеться на столь резкий окрик, — но делать было нечего. Здесь и сейчас она — миссис Райан, и будет вести себя так, как считает нужным.

— А вы, господа, — обвела она взглядом остальных мужчин, — можете возвращаться к своим непосредственным обязанностям. Здесь я справлюсь сама!

— Да, миссис Райан, конечно, — пробормотал один из них и уже сделал шаг назад, когда Стефи, до сих пор стоявшая словно в ступоре,

вдруг пробудилась.

— Но ведь вы та самая, с телестудии! — выкрикнула она. — Я помню! Это все неправда!

— Спасибо, Джеральд, — кивнула Нэнси, одной рукой принимая у помощника ключ, а другой чувствительно прихватив Стефи за локоть. — Пойдемте, милочка. Поговорим в номере.

— Что вы от меня хотите? — Та вначале дернулась, но потом покорно направилась к лифту.

— Ничего. Чтобы вы умылись и привели себя в порядок. — Втолкнув Стефи в лифт, Нэнси развернула ее носом к зеркалу.

Брюнетка издала полупридушенный писк и машинально потянулась к сумочке, но потом обернулась.

— Это неправда! Вы не можете быть миссис Райан! Я же видела вас там, на телестудии!..

Лифтер стоял носом к стене и скромно делал вид, что изучает панель с кнопками, а вовсе не прислушивается к продолжающимся откровениям брюнетки:

— Он никогда не говорил мне, что любит меня! Никогда! Но я думала, это потому, что он такой... серьезный. Да, я знала, что он женат, и он мне сейчас сказал, что жена к нему вернулась... Но это неправда! Он вас не любит, он не может вас любить! Я же красивее!

— Я знаю... — устало подтвердила Нэнси.

«"Фактор дельта!" — подумал с усмешкой Ник, когда, вынув из кармана внезапно зазвонивший телефон, увидел там высветившийся номер Джеральда. — Конечно же "фактор дельта!"»

Но по мере того, как помощник взволнованным голосом докладывал о случившемся, Ник все больше понимал, что тут не до смеха...

Он же ясно сказал Стефи, что между ними все кончено! Так какого черта она приперлась?! Поговорить ей, видите ли, захотелось! О чем еще говорить?! О чем вообще с ней можно говорить?!

Ну ладно, она абсолютная дебилка, но Нэнси-то, Нэнси!..

Жена, которая приглашает в дом закатившую скандал отставную любовницу, чтобы та — Джеральд ясно слышал — «умылась и привела себя в порядок!».

Какого черта?! Неужели нельзя было обойтись без подобной инициативы?!

И ведь так хорошо все складывалось! Он ехал домой, предвкушая церемонию «дарения новой машины» — как он спустится с Нэнси в гараж,

и покажет ей эту машину, и вручит ключи... А теперь все удовольствие испорчено — можно себе представить, что ей успела наговорить Стефи и в каком Нэнси будет теперь настроении!

К тому моменту, как Ник подъехал к отелю, его собственное настроение было хуже некуда. Когда дожидавшийся в вестибюле Джеральд доложил, что «на всякий случай взял у администратора запасной ключ, но в номер не заходил, только послушал — там все тихо», — то и последняя робкая надежда: а вдруг Стефи, приведя себя в порядок, убралась восвояси?! — растаяла, не оставив после себя ничего, кроме злости.

Именно в этом состоянии с трудом сдерживаемого бешенства Ник, неприязненно косясь на лифтера — наверняка тот много чего успел услышать! — поднялся на свой этаж, глубоко вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и вошел в номер. Обе женщины сидели за журнальным столиком. Стоявшие перед ними бокалы с соком доказывали, что беседа протекает вполне мирно.

Увидев его, Стефи подскочила и с воплем: «Никии-и!!!» (сколько раз он просил не называть его так?!), увязая каблуками в ковре, бросилась к нему. Ник успел перехватить ее за плечи, не дал повиснуть у него на шее и рывкнул, выплескивая наконец наружу всю накопившуюся злость:

— Какого черта ты приперлась сюда?!

Через ее плечо он видел Нэнси, на лице которой ясно читалась холодная презрительная неприязнь. И это в ситуации, в которую он попал, в общем-то, по ее вине!

— Ники, я увидела вчера вас в новостях, — затараторила Стефи, — и сразу ее узнала, она же с телестудии, и подумала, что ты это сделал назло, из-за той блузки, про которую ты сказал, что она вульгарная, а я все равно тебе назло ее надела, а ты, наверное, тоже решил мне сделать назло, и нашел первую попавшуюся девку, и сказал, что это твоя жена...

Это невразумительная скороговорка вызвала у Ника омерзительное ноющее чувство сродни зубной боли. Встряхнув Стефи так, что она лягнула зубами и испуганно замолчала на полуслове, он прорычал ей прямо в лицо:

— Что за ахинею ты несешь?! Про какую еще дурацкую блузку?! Какого черта ты сюда приперлась, я спрашиваю?! Я же тебе ясно сказал — между нами все кончено!!!

— Красную! Красную блузку, ту, что я позавчера надела, когда ты не хотел меня с собой брать, а я в аэропорт приехала... Я ее уже выбросила, чтобы ты не сердился!

— Да какое мне дело до твоей блузки, чтоб ее черти съели?! Ты что, не

поняла, что я тебе сказал? Я женат, женат, понимаешь?! У меня есть жена, она ко мне вернулась, и я хочу с ней жить, я ее люблю, черт бы тебя побрал! И тебе тут делать нечего!

— Но, Ники-и... — начала она тоненьким плаксивым голоском.

— Хватит!

И тут произошло то, чего он меньше всего мог ожидать. Нэнси, до того молча сидевшая в кресле, внезапно вскочила, будто ее подбросило катапультной, и, вклинившись между ним и Стефи, заслонила собой брюнетку. Голова ее была сердито вскинута, глаза метали искры.

— Сам хватит, слышишь?! — во весь голос крикнула она. — Хватит на нее орать! На Алисию свою ори, если тебе так хочется, — а на нее не смей! Ты что, не видишь, что она плачет?!

Ник замер и изумленно уставился на нее. Воцарившаяся вдруг в комнате тишина показалась ему какой-то неправдоподобной — словно он внезапно оглох и звуки больше просто не доходят до него.

И в этой странной тишине Стефи негромко испуганно спросила:

— Ники, так она что — и правда твоя жена?! Ты обманул меня! Обманул! Я думала, ты меня нарочно разыгрываешь, — а ты всерьез! Ты действительно женат на ней! А я-то, а я-то! Да я тебя видеть после этого не хочу! И знать тоже! — с этими словами она схватила лежащую на столе сумочку и бросилась к выходу, выкрикнув напоследок: — Подлец! Не звони мне больше! — И хлопнула дверью.

Глава 11

Нэнси сделала несколько шагов к креслу и бессильно рухнула в него, закрыв лицо руками.

Она понимала, что вела себя по-идиотски, бросившись вдруг ни с того ни с сего защищать Стефи. Но в тот момент, на какую-то долю секунды, она увидела в этой стоявшей перед ним молоденькой дурочке себя и вспомнила, словно это было вчера, как уходила из его дома и ждала, что он позовет, попросит вернуться, — но так и не дождалась.

Наверное, следовало сейчас как-то извиниться перед Ником, но Нэнси просто не могла — ее буквально трясло от приступов дикого, неудержимого хохота. На глазах выступили слезы, внутри уже все болело — но остановиться, а тем более сказать что-либо она была не в силах. Стоило ей вспомнить про красную блузку, как все попытки взять себя в руки и успокоиться шли насмарку.

— Ты чего? — услышала она над головой. Ник неуверенно потряс ее за плечо. — Ты плачешь?!

Нэнси замотала головой. Ей стало еще смешнее, и она попыталась сказать — а вместо этого всхлипнула:

— Но, Ники-и-и!.. — содрогнулась в новом приступе хохота и с трудом продолжила: — О господи, Ник, — ну как ты мог связаться с такой дурой?! «Красная блузка»!..

— Да ну ее! Ты что, смеешься?

Нэнси почувствовала, как он вытаскивает ее из кресла — легко, словно она вообще ничего не весит, — и подняла залитое слезами лицо.

— Ну ты чего?! — Ник явно не знал, как вести себя с женщиной, которая истерически хохочет в столь неподходящий момент. Наконец, найдя универсальное решение, со словами: — Иди-ка сюда! — он прижал Нэнси к груди.

От него почему-то слегка пахло табаком (он же вроде не курит?), и было очень уютно стоять так, ни о чем не думая. Постепенно тело Нэнси перестало вздрагивать от новых приступов смеха, но она не торопилась высвободиться.

Ник потерял лицом об ее волосы — Нэнси почувствовала теплое дыхание и подняла голову. Ей показалось, что вид у него несколько смущенный.

— Да ну ее, — повторил он. — Я с самого начала чувствовал, что с ней проблем не оберешься.

— Ну так и не связывался бы... — буркнула Нэнси.

— Да... вышло так. Я у ее родственников гостил, ну, и, словом... — и, будто оправдываясь, добавил: — Ты не считай ее такой уж молоденькой и невинной — она два раза замужем успела уже побывать...

— Правда? — безразлично переспросила Нэнси, отодвигаясь. Тот короткий момент близости, когда она стояла, забыв обо всем, кроме тепла и радости его прикосновения, закончился.

— А собака куда делась? — спросил Ник.

— Она в спальне заперта. Эта... Стефи боялась.

Нэнси подошла к двери и выпустила Дарру. Та вылетела и обрадованно бросилась к Нику, подпрыгнула, пытаясь лизнуть.

— Если не хочешь, чтобы она прыгала, скажи ей резко: «Фу!» — она отстанет, — посоветовала Нэнси. — Обед заказывать?

— Да она мне не мешает. Подожди заказывать. Пойдем, я тебе кое-что показать хочу. — Он привычно положил руку ей на плечо и повернул ко входной двери.

В тот момент, когда Ник сказал лифтеру: «На стоянку!», она поняла, что речь идет о машине, о которой он говорил за ужином, — о машине, приличествующей «миссис Райан», — и не ошиблась.

Машина была и правда великолепна: новехонькое «вольво» красивого темно-зеленого цвета.

— Вот, — подвел он Нэнси поближе. — Это тебе! — Достал из кармана брелок, и машина послушно подмигнула фарами.

Да, это не ее старенький фордик...

— Я знаю, что ты зеленый цвет любишь — специально выбирал, — начал объяснять Ник. — Сиденья кожаные, с шариками внутри, чтобы спина не уставала, кондиционер...

И без этого перечисления было понятно, что машина шикарная — такая шикарная, что к ней и притронуться боязно.

— ...скорость набирает мгновенно — ты и не заметишь...

Вот Алисии бы такая подошла в самый раз. Интересно — ей Ник дарил что-нибудь подобное? Или только драгоценности?

— Да, неплохой реквизит... для спектакля. — Нэнси сама не знала, что заставило ее сказать это, и пожалела о вырвавшихся словах, еще не успев договорить их.

Но было уже поздно. Лицо Ника мгновенно отвердело, от улыбки не осталось и следа. Он покачал головой.

— Не реквизит. Подарок. Тебе.

Сунул ей в руки брелок с ключами и, развернувшись, быстро направился к лифту.

Нэнси догнала его в тот момент, когда подъехала кабина. Молча, не глядя на нее, Ник шагнул внутрь и сделал лифтеру короткий жест «вверх!».

Она осторожно дотронулась до его руки.

— Извини... я не...

— Да ладно... — поморщился он, по-прежнему не глядя в ее сторону. Войдя в номер, бросил через плечо: — Закажи, пожалуйста, побыстрее обед. Мне через час обратно на работу, — и ушел к себе в спальню.

Нэнси осталась стоять посреди гостиной. Во рту было горько и противно, горло сжималось, хотелось побежать куда-то, стукнуть кулаком по стене — пусть будет больно, лишь бы избавиться от непонятного чувства обиды. На кого — на саму себя? Ну зачем было это говорить?! Просто так, назло?

И сейчас невозможно сделать вид, что все нормально — и что не было сужившихся, словно от боли, глаз Ника, и его обезоруживающего ответа: «Подарок. Тебе...», и усталого в лифте «да ладно...».

Она опустилась в кресло, машинально погладила подсунувшуюся собаку, но тут же вскочила, вспомнив про обед. Позвонила, сделала заказ, попросила привезти все как можно скорее. Глубоко вздохнула — и пошла мириться.

Ник сидел на кровати, спиной к двери; сброшенная рубашка небрежно валялась на покрывале. Наверняка он слышал, что открылась дверь, но не шевельнулся.

Нэнси подошла поближе и остановилась за его спиной.

— Ник, ну извини... правда, извини... я не хотела...

Ответа не последовало.

Тогда она влезла на кровать и придвинулась к нему вплотную. Положила ладонь на плечо.

— Ник...

Все так же не оборачиваясь, Ник усмехнулся — она угадала это по короткому резкому выдоху — и потянул ее к себе.

Нэнси неловко заерзала, пытаясь высвободить неудобно прижатый локоть, — Ник притиснул ее сильнее, обхватил обеими руками и буркнул:

— Не дергайся! Ну что ты все... как ежик... — взял ее руку, положил себе на шею, вздохнул и улыбнулся.

Она потянулась к нему и легонько поцеловала в щеку — как когда-то, давным-давно.

— Спасибо...

— Пожалуйста... Значит, машина тебе все-таки понравилась?

На самом деле Нэнси думала в тот момент не о машине, а о том, что он больше не сердится, — но решила ничего не объяснять, просто кивнула.

— Ну и ладно... Ты что, меня к этой дурочке приревновала?

Она не знала, что ответить. Да? Нет?

Конечно... неприятно. Неприятно было видеть, как Стефи обнимала его, словно имела на это право; неприятно было представлять их вместе. Неприятно... Но той единственной женщиной, при мысли о которой все у нее в душе сжималось от боли и обиды и от ревности, оставалась ее мать, Алисия Хэнсфорд. И даже сейчас, лежа у Ника на коленях, Нэнси не могла забыть о ней, не могла, хотя бы мельком, не подумать: «А ее он так же устраивал на коленях, и смотрел в глаза, и улыбался?! Так же?!»

И по сравнению с Алисией все остальные женщины, которых Нэнси видела на фотографиях, о которых читала и знала, — в том числе и эта хорошенькая девочка, модная и самоуверенная, заявившая: «Он не может тебя любить — я красивее!» — не значили ничего... почти ничего.

За обедом Ник почти не разговаривал — задал пару вопросов про

виллы, но скорее из вежливости. Нэнси была уверена, что Джеральд ему обо всем уже доложил.

Телефон пискнул, когда Ник уже добрался до десерта. Разговор был коротким:

— Слушаю... Ну, поднимайтесь. Да, и прихватите у мисс Эмбер то, что она подготовила. — И он щелкнул крышкой.

— Тебе редко звонят, — заметила Нэнси.

— Да, этот номер знают человек десять, не больше. — Ник на секунду замялся. — Слушай, ты можешь побыть немного в спальне? Возьми туда кофе и все, что тебе нужно... ко мне тут должны прийти.

Нэнси взяла чашку, позвала Дарру и послушно направилась в спальню, про себя удивившись: «Что это еще за секреты?!»

Удивляться пришлось недолго. Она только вытащила из чемодана припасенный детектив и расположилась с ним на кровати, как открылась дверь и Ник появился в комнате.

— Так... это потом, — бросил он на кровать какую-то папку. — А это сейчас, — подошел вплотную и остановился перед Нэнси, держа в руках небольшой чемоданчик. — Я еще кольцо хочу тебе... взамен того. — Усмехнулся: — Тоже будешь говорить, что это «реквизит»?

— Нет... Больше не буду.

— Ну, тогда давай смотреть! — Он плюхнулся рядом с ней, раскрыл чемоданчик и указал на него широким жестом: — Выбирай!

Так много колец сразу — и чтобы каждое можно было посмотреть и подержать в руках! — Нэнси еще никогда не видела. Она протянула руку, внезапно застеснялась и неуверенно дотронулась до кольца, выглядевшего довольно скромно на фоне прочих, похожего на то, какое Ник купил ей четыре года назад.

— Может, это?... Такое же, как было... — И тут же пожалела, что так быстро выбрала. Сейчас он унесет остальные, и не будет возможности полюбоваться ими вблизи, потрогать и примерить!

— Посмотри получше — может, тебе другое что-то больше нравится? Тут есть неплохие камни...

— Я не знаю... ты в этом лучше разбираешься...

На самом деле Нэнси уже знала, какое кольцо ей хотелось бы больше всего. Она сразу его заметила: выпуклое, расширяющееся к центру, с тремя полосками наискосок из камней размером чуть меньше спичечной головки. Две крайние полоски были из обычных бриллиантов, а средняя, пошире, — из ярко сверкавших темных, почти черных камешков.

Но говорить об этом Нику ей казалось как-то неудобно. Может, ему

такое и не понравится?..

— Ну, тогда будем вместе выбирать! Давай руку! — Он выбрал из ячеек несколько колец и принялся нанизывать ей на пальцы. Нэнси надеялась, что он возьмет и то, с черной полоской, но Ник явно предпочитал камни покрупнее. — Вот! — Теперь каждый ее палец был украшен бриллиантом. — Ну, как тебе?

— Не знаю...

— Да, мне тоже как-то... не очень. Посмотри еще вот это — вроде ничего.

Нэнси сняла остальные кольца и надела его — удлиненный камень и ажурная оправа из белого золота, — на руке оно действительно смотрелось красиво. Еще бы маникюр...

— Ну что — нравится?

— Да... красивое...

— Значит, его и берем! — Ник стал распихивать оставшиеся кольца по гнездам. Улыбнулся: — За дверью сидит агент из ювелирного магазина, ты бы видела, как он не хотел мне этот чемоданчик отдавать — на морде было написано! Думает небось, что я тут, в спальне, ему все крупные камни повыковыриваю и на фальшивки поменяю!..

Нэнси бросила прощальный взгляд на кольцо с черной полоской и, утешая себя, подумала, что то, которое Ник ей выбрал, тоже красивое... не хуже.

И в этот момент он перестал улыбаться, чуть сдвинув брови, дотронулся до кольца с полоской и спросил:

— Это?!

— Да! — вырвалось у нее. — А как ты?..

— Угадал... — На лице его снова появилась улыбка — немного удивленная, словно он и сам толком не знал ответа на этот вопрос. Вытащил кольцо из гнездышка, протянул ей: — Примерь! — И, когда она хотела снять уже выбранное, мотнул головой. — Нет, на другую руку.

Она надела кольцо на палец, чуть пошевелила рукой — кольцо засверкало. Положила рядом обе руки — сравнить.

— Черные бриллианты... да, вкус у тебя всегда был хороший, — заметил Ник. Пожал плечами. — Ну что ж — возьмем оба. То, с «маркизой», тоже тебе идет.

— С какой маркизой? — машинально поинтересовалась Нэнси, уставившись на него — он что, действительно собирается купить оба кольца?!

— Огранка так называется — «маркиза». Вот эта, — ткнул Ник пальцем

в кольцо с удлиненным камнем, ухмыльнулся и предложил: — А теперь мне можно сказать «спасибо». Меня можно даже поцеловать... при желании.

— Спасибо, — послушно сказала Нэнси, улыбнулась — уж очень он выразительно зажмурился, вытянув шею, — и поцеловала его в щеку.

— То-то же, — все с той же усмешкой кивнул Ник. — Ладно, давай я остальные побрякушки верну — а то беднягу там удар хватит!

За те несколько минут, что он отсутствовал, Нэнси успела померить кольца на разные пальцы, полюбоваться, как они сверкают при свете лампы, и дала обнюхать их любопытно подсунувшейся Дарре.

Она хотела еще посмотреть, как они будут выглядеть, если надеть на цепочку и повесить на шею, но тут вернулся Ник. Уселся на кровать, подтянул к себе папку и начал выкладывать содержимое на тумбочку.

— Теперь давай по-быстрому, я уже тороплюсь. Это твои права... документы на машину и страховка — положи в бардачок, не забудь!.. Чековая книжка и кредитная карточка — не стесняйся, трать, покупай все, что нужно...

Всем своим самодовольным видом он напомнил Нэнси пашу, осыпающего своими милостями одалиску. Последним, что Ник достал, была серебристая плоская штучка размером меньше пудреницы.

— А это тебе телефон. «Звездочка-один» — я; «звездочка-два» — мисс Эмбер; «звездочка-три» — Джеральд. Все, мне пора. — Он встал. — Приеду в полдевятого. Постарайся тоже быть вовремя!

Глава 12

«Быть вовремя» получилось не очень.

Нэнси рассчитывала управиться до восьми и приехать в отель даже раньше Ника — но задержалась из-за салона красоты «Эллен Деверо».

Этот салон — один из самых шикарных в Денвере — Рина и Лиза упоминали не иначе как с восторженным придыханием: «О-о, там самая эксклюзивная косметика — такую в магазине не купишь! О-о, там лучшие визажисты работают — просто волшебники!..» К сожалению, цены там тоже были «О-о!..».

В ее нынешнем положении Нэнси даже неприлично было бы идти в какое-то другое, менее фешенебельное место.

Увы, для начала ей по телефону вежливо, но непреклонно сообщили, что они работают только по предварительной записи и «раньше будущей

недели у нас, к сожалению, нет ни малейшей возможности обслужить вас, миссис...».

— Райан, — дружелюбно подсказала Нэнси, — миссис Николас Райан. Я звоню сейчас из «Хайатт Редженси». — В трубке слышались приглушенные звуки, словно там кто-то быстро переговаривался, прикрыв рукой микрофон. Ага, тоже небось вчера местные новости смотрели! — Еще пятнадцать минут я пробуду в номере. Если у вас все-таки появится возможность меня обслужить, перезвоните мне, пожалуйста.

Звонок раздался минут через пять — имя Ника, как она и предполагала, подействовало, словно «Сезам, откройся». На этот раз ей было предложено подъехать или прямо сейчас, или в полседьмого. Нэнси выбрала полседьмого, прикинув, что сделать прическу, маникюр и маску займет часа полтора. Ну ладно, пусть даже два, опоздает она чуть-чуть — так и не страшно!

Пока же, вспомнив пижонское «не стесняйся, трать!», она решила «пуститьсья во все тяжкие»...

Для начала она заехала в приют для бездомных собак, где когда-то взяла Дарру, и, втайне ужасаясь: «Господи, что я делаю?!», выписала чек на пять тысяч долларов. В конце концов, миссис Райан жертвовать меньше просто стыдно! А собак жалко...

Затем наступила очередь универсама, где хранился список подарков на свадьбу Лизы[2]. Там Нэнси выбрала самое дорогое, что было в списке: домашний кинотеатр с огромным плазменным экраном. И с некоторым злорадством она написала на карточке: «От мистера и миссис Райан».

И только после этого она добралась до Черри Крик, оставила машину на подземной стоянке и отправилась бродить по магазинам. Даже если не считать покупки, это само по себе было удовольствием: выбирать модную одежду, купаясь в совершенно особой, запомнившейся ей с юности атмосфере фешенебельных бутиков — в легком запахе дорогих духов, и кофе, и свежести, и тканей...

Она переходила от витрины к витрине, разглядывала, заходила внутрь, примеряла, советовалась с услужливыми продавщицами — и снова разглядывала.

Купила, правда, Нэнси сравнительно немного: два комплекта французского белья (надо же как-то компенсировать порванные Ником трусики!), синий костюм от Сен-Лорана с узкой юбкой и приталенным жакетом, белую блузку с ручной вышивкой и туфли — черные с серебряной отделкой, на тонком каблуке. Ведь именно туфли, а не, боже упаси, сапоги носит, даже зимой, богатая светская женщина, которой нужно

пройти по улице всего несколько шагов: от салона шикарного автомобиля — до предупредительно распахнутой швейцаром двери чего-нибудь не менее шикарного.

Что же касается платья для бала в Чикаго, то покупка его была делом слишком серьезным, чтобы заниматься этим наспех. Одно платье Нэнси все же примерила — но решила купить завтра, если не найдет ничего более привлекательного. Сегодня на дальнейшие поиски времени не оставалось — еле-еле в «Эллен Деверо» успеть.

И вот там-то она и застряла! Минимальный, по мнению занимавшегося ею визажиста, комплекс мероприятий занял куда больше двух часов. При этом визажист еще причитал, что по-настоящему нужно было бы «поработать» с Нэнси целый день — а еще лучше два-три дня: сделать горячую грязевую ванну, какую-то сложную магнитную процедуру для омолаживания кожи, массаж ног, шеи, рук, лица и всего тела с параллельным умягчением его различными снадобьями и прочее и прочее...

Пока же, за недостатком времени, ей только наложили две последовательные маски, подправили форму бровей, покрасили волосы, придав им легкий золотистый оттенок и высветлив отдельные прядки, и сделали прическу, маникюр и педикюр.

Так что, когда Нэнси освободилась, было уже начало десятого...

— Интересно, почему я так и думал, что ты опоздаешь? — буркнул Ник, впуская ее. — Даже ужин не стал заказывать...

Он был опять в майке, босиком и с мокрыми ногами.

— Я в салоне красоты задержалась, — объяснила Нэнси, бросила сумки и нагнулась поздороваться с Даррой. Обняла, похлопала по бокам. — Сейчас мы с тобой гулять пойдем, сейчас!

— Я, между прочим, тебя тоже ждал, — заметил Ник, дождавшись, пока она выпрямится. — Покажись!

Она покрутила головой, демонстрируя новую прическу.

— По-моему, мало что изменилось, — прокомментировал он. Потрогал волосы. — Или раньше ты не такой рыжей была?

— Не такой.

Вчерашний приступ галантности, когда он помог ей снять шубку, увя, канул в Лету. На этот раз он просто дождался, пока Нэнси разделется, после чего проследовал за ней в гостиную и с удовлетворенным вздохом плюхнулся в кресло, снова погрузив ноги в ванночку. Спросил:

— Сейчас опять на два часа исчезнешь?

— Нет, я быстро погуляю — полчаса, не больше. Только переоденусь.

Первым, что она увидела, войдя в спальню, была бумажная сумка, стоявшая на кровати. Рядом лежала обувная коробка.

В легком недоумении Нэнси открыла коробку и обнаружила в ней высокие ботинки — коричневые, на толстой рифленой подошве.

— Это тебе ботинки, — раздался сзади голос Ника. — Я не могу видеть, как ты в своих кроссовках с синим носом по снегу ходишь, простужаешься. Там еще куртка на меху. — Нэнси обернулась, и он жалобно добавил: — Вот, я хороший — а меня даже никто не поцеловал... И собаку погладили, а меня — нет!

— Тебя тоже положено погладить? — улыбнулась она и, когда Ник кивнул, шагнула к нему, погладила по плечу и поцеловала его в щеку. — Вот... Хочешь, могу еще коктейль тебе вкусный смешать, когда вернусь.

— Хочу...

— Тогда закажи клюквенный сок, — сказала она, снова подходя к кровати. Вытащила куртку, встряхнула, растянула на руках.

— Размер твой, не беспокойся, — заметил Ник. — Я все твои размеры помню.

Куртка была до бедер, светло-коричневая, с карманами, манжетами и меховой подстежкой. Нэнси сразу оценила ее преимущества — в такой действительно будет тепло. И руки можно в карманы спрятать.

Ник между тем прошел и уселся на кровать, вытянув ноги и подсунув под спину подушку. Дарра незамедлительно вспрыгнула на покрывало и устроилась рядом, всем своим видом показывая, что это и ее кровать тоже.

— Опять ноги болят? — сочувственно спросила Нэнси.

— Ничего, завтра Джеральд полностью мне кабинет на вилле оборудует — компьютеры и все остальное. Тогда я в основном там работать буду. И плавать начну опять...

— Да, там бассейн большой. И цветы всякие, лианы вокруг растут — как в тропиках. — Она переоделась, натянула новые ботинки — оказались действительно впору. — Ну, я пойду? — сказала Нэнси, посмотрела напоследок в зеркало и понравилась себе самой. — Гулять! — Последнее было адресовано Дарре.

За ужином все было как и вчера: они сидели за столом, друг против друга, слышался лишь легкий звон посуды и короткие реплики: «Тебе положить?..», «Передай, пожалуйста...»

Как вчера — и не как вчера. Казалось, весь мир сузился до размеров этой комнаты, где были только они двое. Ник почти не ощущал, что ест, не

«додумывал» еще что-то по работе и не перебирал в памяти завтрашние дела. Сейчас все это не имело значения — просто не существовало.

А важно было другое: склоненная голова Нэнси, ее глаза, смотревшие не на него, в тарелку, — и ее порозовевшие щеки. И мочки ушей, даже не розовые — пунцовые.

Ник не понимал, почему она так нервничает — ведь не в первый же раз! Хотелось сказать ей что-то успокаивающее, легкое, доброе — и страшно было каким-нибудь неловким словом сделать так, что она снова ошетинится, как ежик, а среди ночи отвернется или уйдет плакать в ванную.

Наконец, когда Нэнси не глядя потянулась к бокалу и чуть не опрокинула его, Ник тихонько позвал:

— Котенок... — Дотянулся до ее руки и легонько сжал, поглаживая большим пальцем. — Приходи сегодня ты ко мне. Пожалуйста... — Между бровей стала четче знакомая тревожная морщинка, и он повторил, как можно мягче и ласковее: — Пожалуйста...

Нэнси кивнула. Не сразу, едва заметно, но это был кивок. И, почувствовав, как легко вдруг стало дышать, Ник улыбнулся и добавил:

— Только... не бери собаку — я ее стесняюсь...

(Ничего он не стеснялся — просто боялся, что эта животина в самый неподходящий момент снова захочет пить!..)

Глава 13

Это была одна из тех ночей, которая запоминается на всю жизнь. Нику казалось, что он запомнит все, до мельчайшей подробности: каждое движение, слово, ощущение. Но запомнилось четко лишь одно: как он в какой-то момент оторвался от Нэнси, пошел в ванную и вернулся оттуда с мокрым полотенцем. А она лежала и смеялась; пискнула, когда холодное полотенце коснулось ее живота, — и снова рассмеялась, и зубы блеснули в свете маленькой прикроватной лампочки...

Он не помнил, когда заснул, — короткие периоды забытья сменялись пробуждением, и было непонятно, во сне или наяву все кружит и кружит голову запах травы... Но когда проснулся, взглянув на часы, понял: произошло то, чего не случалось с ним уже много лет: он чудовищно, просто катастрофически проспал!

Чтобы успеть на назначенное с утра совещание, внезапно отменять или сдвигать которое было бы безалаберностью, которой Ник никогда бы не

потерпел от своих работников — а значит, не мог позволить и себе, требовалось выйти минут через пятнадцать. Ни о каком завтраке речи уже не шло. «Фактор дельта»!

Его личный «фактор дельта» мирно посапывал рядом, прижавшись к нему спиной. Ник слегка встряхнул ее за плечо и услышал в ответ недовольный стон. Сонные глаза медленно открылись.

— Пожалуйста, свари мне кофе, я ужасно опаздываю! — выпалил он на одном дыхании и унесся в ванную.

Холодный душ... горячий... снова холодный — эта процедура, как обычно, быстро стряхнула с него остатки сна. Зубы почистить... побриться... Было непонятно, услышала Нэнси его просьбу или закрыла глаза и спряталась обратно под одеяло.

Лишь выйдя из ванной, Ник увидел, что его призыв не остался безответным. В постели Нэнси не было. Нажав кнопку телефона, он сообщил мисс Эмбер, что через десять минут ждет всех внизу, и начал торопливо одеваться.

Нэнси сидела в гостиной, завернувшись в халат и забравшись с ногами в кресло, — сонная, с полузакрытыми глазами. Зажав в руках грушу и ножик, она явно собиралась с силами, необходимыми для расчленения одного плода. На столе стояла чашка кофе и блюдо с шоколадками.

— Спасибо. — Он подошел и, не садясь, отхлебнул.

— Грушу будешь? — пробормотала она.

— Давай. Собери, пожалуйста, мои вещи — или вызови горничную, чтобы все упаковала. Я сюда уже не вернусь, вечером сразу на виллу поеду.

— Угу...

— Не забудь про сегодняшний ленч — ровно в час, во французском баре «Браун Паласа».

— Угу... На... — протянула Нэнси разрезанную на ломтики грушу.

— Ты сейчас обратно спать пойдешь?

— Угу.

— Не проспай, не опоздай! — Ник допил кофе и забросил в рот пару сочных ломтиков. — Ну, я пошел. — Погладил растрепанную рыжеватую прическу, поцеловал потянувшееся навстречу сонное зажмуренное лицо и вылетел за дверь.

Как ни странно, на ленч Нэнси почти не опоздала — минут на пять, не больше. Своим появлением вызвала скрытое недовольство мисс Ферлен (до появления Нэнси та усиленно делала Нику глазки), извинилась за опоз-

дание и охотно включилась в светскую беседу.

На подобных ленчах о делах говорить не полагалось — это было лишь предварительное знакомство с потенциальным партнером. Следующим этапом мог стать деловой и уже «без женщин» разговор в офисе... а мог и не стать.

Ферлен был выходцем из старой местной семьи, когда-то сделавшей себе капитал на золотодобыче. Ему принадлежало несколько золотоносных шахт — увы, истощившихся и заброшенных еще до Великой депрессии. Тем не менее он утверждал, что, используя современные методы золотодобычи, можно снова сделать эти шахты рентабельными.

Кроме того, по его словам, шахты изобиловали полудрагоценными камнями, на которые в девятнадцатом веке мало кто обращал внимание, зато сейчас они пользовались большим спросом. Это уже на начальном этапе могло послужить дополнительным источником прибыли.

Ник в принципе готов был войти в дело, однако до принятия окончательного решения считал необходимым провести полное обследование шахт силами своих собственных экспертов.

Но обо всем этом речи за столом не было. Соблюдая правила игры, они беседовали о всякой чепухе: о погоде, о предстоящем музыкальном фестивале, о спорте, о лошадях. Ферлен упомянул, что его гордость — скаковой жеребец Медовая Оладья — происходит от известного чемпиона Сердолика. Нэнси тут же сообщила, что имела честь быть «лично знакома» с Сердоликом — он принадлежал родителям ее одноклассницы. Это вызвало со стороны Ферлена восхищение и массу расспросов. Выяснилось, что Сердолик (ах, как интересно!) обожал бутерброды с сардинами!

С самого начала Ник понял, что у него не жена, а клад! Хорошенькая, подтянутая, нарядная, она мило улыбалась, поддерживала светскую беседу, тем самым давая ему возможность, вставляя единичные реплики, думать о своих делах, — да еще и французский язык знала! У него самого было стойкое предубеждение к фешенебельным французским ресторанам: меню в них изобиловало непонятными названиями, похожими на перечень древних аристократических родов. Поэтому он обычно сразу говорил своей спутнице: «Дорогая, закажи на свой вкус!» или выбирал наобум — и, увы, не всегда оставался доволен результатом.

Нэнси же на его: «Закажи и мне, пожалуйста!» заговорила по-французски с пулеметной скоростью, официант только успевал записывать. Слышались красивые, но совершенно непонятные слова: «Волован тулузьен... адмирал... сюпрем... арменонвиль... саварен...»

К удивлению Ника, все сказанное понял не только официант, но и мисс

Ферлен, которая с кислым видом заметила:

— Вы совершенно не беспокоитесь о калориях...

— Ник так много работает... — кротко ответила Нэнси. Это вызвало «бунт на корабле». Ферлен внезапно заявил, ни к кому в частности не обращаясь:

— Я вообще-то тоже много работаю... — подозвал официанта и заказал ему некое «Дюглери». — Но, папа, холестерин в твоём возрасте... — попыталась возразить дочь, но была остановлена тяжёлым взглядом и полушутливой репликой, обращённой к Нику:

— Дочка совсем замучила меня этим здоровым питанием! То нельзя, это нельзя! Вот ваша жена знает, как кормить настоящего мужчину!

Сказанное подтвердилось через минуту, когда на стол начали выставлять закуски. Ферлен с явной завистью поглядывал на доставшуюся Нику смесь курятины с сыром, майонезом и грибами — перед ним самим стояло нечто салатно-зелёное.

Обычно Ник терпеть не мог подобных протокольных мероприятий, но сейчас ему нравилось все: и вкусная еда, и приятная, негромкая музыка — и даже Ферлен со своей кислomorдой дочкой.

К середине ленча он решил, что со стариком вполне можно иметь дело — если, разумеется, эксперты дадут положительное заключение. Тем более камни... что поделать, они всегда были его тайной слабостью.

Словно подслушав его мысли, Ферлен вынул из кармана небольшую коробочку и протянул через стол.

— Мистер Райан, по случаю нашего, так сказать, личного знакомства — и очень приятного знакомства, — добавил он, покосившись на Нэнси, — позвольте мне вручить вам небольшой сувенир... образец, так сказать, того самого, о чём я уже упоминал. Это взято в одной из шахт, почти у самого входа.

По весу коробочки Ник сразу понял, что внутри нечто интересное, — и не ошибся. На куске белой ваты лежал великолепный, карат на пятьсот, а то и больше, кристалл родохрозита! Чуть ли не четыре дюйма длиной, без трещинок, полупрозрачный, похожий цветом на раздавленную малину — он был бережно отколот и аккуратно отполирован на месте скола.

Не то чтобы Ник не мог купить ничего подобного — мог, конечно, — но чувство, владевшее им сейчас, было сродни ощущению рыболова, вытаскившего здорового лосося. Он вынул кристалл, взвесил на ладони, посмотрел сквозь него, погладил пальцем...

Его восхищение было столь очевидным, что Ферлен расплылся в улыбке и сказал:

— Рад, что вам понравилось.

Остаток ленча прошел без особых происшествий. Ник знал, что красивым словом «арменонвиль» называется обычная телячья отбивная. Нэнси попыталась втянуть в разговор сидевшую с кислым видом мисс Ферлен и преуспела, заговорив о собаках. Оказывается, у самой мисс Ферлен была болонка, про которую она, оживившись, начала рассказывать всякие забавные истории...

Распрощались они почти по-дружески, с обычными, но в данном случае вполне искренними репликами вроде: «Были рады познакомиться...»

— Ты сейчас снова работать? — спросила Нэнси, выйдя за тяжелую старинную дверь «Браун Паласа».

— Да. Тебя подвезти куда-нибудь?

«Мерседес» уже подъехал и стоял рядом, пофыркивая двигателем.

— Нет, я хочу тут еще пройтись по магазинам.

— Посиди со мной в машине, — предложил Ник.

А что тут такого, если человеку еще немного хочется побыть с женой?! Ну не на улице же им стоять?!

Нэнси с легким удивлением взглянула на него, но послушно скользнула в машину. Ник сел следом и перед тем, как поднять перегородку, приказал водителю:

— Остановитесь где-нибудь поблизости. — Обернулся к Нэнси и спросил: — А что ты хочешь купить?

— Платье. Вечернее, на завтра, для бала. Мало времени осталось...

— Если не успеешь, у тебя еще завтра полдня есть, в Чикаго. Там начало только в восемь.

— Я не люблю в последний момент все делать, — нахмурившись, мотнула она головой и неожиданно попросила: — Покажи еще камушек, который он тебе подарил, — мне хочется посмотреть вблизи.

Ник достал, открыл коробочку, пояснил:

— Это родохрозит. Такие большие и чистые кристаллы редко попадают. У коллекционеров они очень ценятся.

— А ты тоже коллекционируешь?

— Не то чтобы специально, но... в общем, да.

Она пододвинулась ближе, погладила пальцем камень, осторожно перевернула его, не вынимая из ватного гнездышка.

— Красивый...

Ее склоненная голова была совсем близко. Ник вдохнул запах волос и потянулся к ней, поцеловал в висок.

— Нэнс...

Так ее обычно называл Бен, а он — никогда, но сейчас вдруг захотелось. И захотелось спросить, неважно у кого — у нее или у себя самого: «Что же тогда произошло? Почему? Куда делись наши четыре года? Ведь стоило встретиться, и все снова стало так, как должно было быть, — так почему?!»

Глава 14

Больше всего на свете Нэнси не любила рано вставать. Поэтому вспыхнувший над головой яркий свет и слова Ника:

— Котенок, вставать пора! Уже почти полшестого! — были восприняты ею в первый момент как нелепая шутка (еще только полшестого!!!), — и лишь потом она вспомнила про Чикаго.

Ник стоял перед ней в одних трусах, но вполне проснувшийся, и даже, судя по мокрым волосам, уже успел умыться. Увидев, что она открыла глаза, заявил:

— Вставай, доспишь в самолете. Сейчас попьем кофе — завтракать тоже будем в самолете. Подумай — ты ничего не забыла? Платье, туфли, что там еще?

Нэнси медленно, как улитка, начала выползать из-под одеяла. Чемодан со всем необходимым она упаковала еще с вечера, так что об этом можно было не беспокоиться.

Платье ей все-таки удалось купить — именно такое, как хотелось. Шелковое, темно-голубое, хорошо подчеркивающее главные достоинства ее фигуры — тонкую талию и длинные ноги. С глубоким вырезом сзади, прикрытым тончайшим шифоновым шарфом. Шарф серебристый, полупрозрачный, с чуть заметными розоватыми и голубоватыми разводами, пристегивается на плечах двумя брошками — цветками с острыми лепестками. А к платью — заколки в волосы, такие же, как брошки, и серебристая вечерняя сумочка...

Теплая вода стряхнула остатки сна, и в столовую Нэнси вышла не то чтобы бодрая — но, по крайней мере, проснувшаяся. В доме уже никто не спал. За столом сидели и Эмбер, и Джеральд, и сам Ник, который что-то ему объяснял.

Нэнси поздоровалась, прошла к своему месту за столом и села. Перед ней, точно по волшебству, тут же полилась чашка с кофе и стакан апельсинового сока — миссис Берк, экономка, тоже была на ногах.

Первый же глоток сока — ледяного, кислого и жутко противного — окончательно встряхнул Нэнси, и она пригашалась к разговору. Ник давал последние указания по поводу оборудования кабинета. Обернулся, спросил:

— Ты готова?

— Да. — Она одним глотком допила кофе и пошла за сумкой.

Еще раз проверила содержимое: косметичка... кошелек... носовой платок... — вроде все. Надела купленное только вчера кашемировое пальто цвета слоновой кости (непрактично — зато шикарно!), посмотрела на себя в зеркало — и улыбнулась. Самой себе, просто так...

— Ну, ты уже? — Ник появился без стука из соседней комнаты. Спросил начальственным тоном: — Подумай еще раз — ты ничего не

забыла?

— Нет, — мотнула головой Нэнси. Что он ее — совсем за беспамятную считает?!

— Кольцо?

— В сумочке. На него перчатка не лезет. — (Наконец-то она купила себе теплые перчатки взамен потерянных прошлой весной!)

— Тогда пошли. Тебе это пальто идет, — заметил он, уже поворачиваясь к двери.

Нэнси задержалась еще на секунду: выключить ночник, тот самый, из аметиста, который Ник подарил ей когда-то. Она вчера специально заезжала домой, чтобы привезти его.

Выключила — и погладила «на удачу» лиловый кристалл...

Этот подарок значил для нее очень много. Он был с ней в самые трудные времена, когда она только приехала в Денвер. О своем доме Нэнси тогда и не мечтала — снимала комнату, мансарду с отдельным входом. Приходила домой замерзшая и усталая, плюхалась на кровать — и сразу включала ночник, и казалось, будто кто-то ее ждал, и встретил, и радуется... Нэнси знала за собой этот недостаток — привязываться к вещам, относиться к ним как к живым и считать, что они ее «любят» или «не любят». И правда — смешно, наверное, было бы видеть со стороны, как она уговаривает включиться забарахлившую духовку (но ведь включилась же!) и не может выбросить старую, треснутую и саженную чашку с забавным утенком.

Но ночник она все-таки привезла, поставила, включила — и в чужой, непривычной спальне сразу стало уютно...

До аэропорта они добрались быстро. В машине было тепло, и от монотонного шума мотора Нэнси снова начала дремать — но тут машина остановилась, и голос Ника возвестил:

— Приехали!

Она стала неохотно выбираться наружу, сморщилась, когда порыв ледяного ветра обжег лицо, выпрямилась — и остолбенела...

Перед ними стоял самолетик длиной едва ли больше автобуса. Серебристый, блестящий, с логотипом «Райбери» на хвосте — в первый момент он показался Нэнси чуть ли не игрушечным. Она растерянно обернулась — неужели они полетят на нем до самого Чикаго, он же такой маленький?!

Но Ник, похоже, не видел в этом ничего особенного — подхватил ее

под руку и повел к открывшейся навстречу двери, на ходу объясняя:

— Это «Фалькон». Я его в прошлом году купил. До того у меня «Лир» был, но этот побольше и поудобнее. Привет, Моды, — это было сказано высунувшейся навстречу стюардессе в форменной шапочке.

— Здравствуйте, мистер Райан. Здравствуйте, миссис Райан, осторожно, тут скользкая ступенька. — Стюардесса протянула руку и помогла Нэнси зайти внутрь. — Проходите направо, пожалуйста.

— Все уже здесь? — спросил Ник, заходя следом.

— Да, мистер Райан.

Внутри «Фалькон» выглядел не таким уж маленьким и совершенно непохожим на самолет. Салон скорее напоминал каюту фешенебельной яхты: ковер под ногами, стены, обшитые деревянными панелями, перемежающимися полосами светло-бежевой тисненой кожи, и сравнительно большие, не как у самолета, круглые окна-иллюминаторы. Только вот потолок был низковат.

Около стола, накрытого белой скатертью, стояли два больших кожаных кресла с подлокотниками и подголовниками, а у стены — такой же диванчик.

— Раздевайся, садись, пристегивайся — сейчас полетим, — слегка подтолкнул ее в спину Ник. — Ну как, нравится? Сейчас взлетим, и я тебе весь самолет покажу!

Нэнси сняла пальто, искала глазами, куда повесить, — он тут же отобрал его и бросил на диван.

— У окна садись! Будешь смотреть, как взлетаем!

Выглядел Ник страшно довольным, веселым и возбужденным, как мальчишка, хвастающийся новым велосипедом. Сказал, словно догадавшись, о чем она думает:

— Знаешь, я люблю летать! С детства — еще когда мы с мамой в горы ездили... Ну чего ты — садись!

Кресло оказалось таким мягким, что Нэнси чуть не утонула в нем. Ник плюхнулся рядом.

— Все, сейчас поедem! — И, словно подчиняясь его словам, самолет сдвинулся с места.

Нэнси вытянула торчащие по бокам ремни, пристегнулась и выглянула наружу. Земля мелькала совсем близко — казалось, вот-вот ноги чиркнут прямо по ней. Огоньки вдоль полосы пробежали перед глазами все быстрее, пока вдруг не остались где-то внизу, стремительно уменьшаясь.

Она обернулась. Ник смотрел на нее, весело улыбаясь, — и от этой его улыбки, от всего, что окружало ее, в душе начало рождаться ощущение

праздника — то самое, которое возникало у нее когда-то, давным-давно, когда она приходила в его «дом будущего».

— Теперь пошли! — нетерпеливо потянул он ее за руку, вставая.

Так же, держа за руку, провел в другой салон, бросил стюардессе:

— Моды, что у нас с завтраком?!

И, не дожидаясь ответа, пошел дальше. По пути скороговоркой представил ее сидевшему рядом с мисс Эмбер незнакомому плотному мужчине:

— Здравствуйте, Диксон, познакомьтесь, это моя жена! — Тот начал неловко привставать, Нэнси кивнула, но Ник уже нетерпеливо тянул ее к открытой двери пилотской кабины.

Пропустил внутрь, зашел следом, сказал:

— Здравствуйте, Стивенс! Привел вот жену — посмотреть. Привет, Паркер!

Двое мужчин, сидевших перед приборной панелью, оглянулись.

— Здравствуйте, миссис Райан, — сказал тот, что сидел справа. — Садитесь сюда, а я пока кофе попью, — и, с трудом разминувшись с Ником, вышел из кабины.

Нэнси осторожно села на его место. Перед ней была панель со светящимися лампочками и шкалами каких-то приборов и большое окно, за которым темнота...

Ник устроился в свободном кресле сзади, положил руку ей на плечо и гордо подытожил над самым ухом:

— Вот!

Ей внезапно стало смешно. В нем все еще оставалось что-то от того, прежнего Ника, который щелкал пультом — и вспыхивал свет, из стены появлялся бар, ходили туда-сюда занавески, начинала играть музыка; а он сидел с небрежным видом, но сам косился на нее — произвело ли впечатление?!

— Сейчас ничего особо любопытного нет, — обратился к ней пилот, сидевший слева. — Над облаками летим. Вот когда на посадку заходить будем, над Чикаго, — там интереснее.

— Вообще-то правильно. Стивенс, сообщите мне, когда снижаться начнем, — мы придем посмотреть. Пошли завтракать!

Все так же, за руку, она проследовала за ним обратно в салон. Пальто на диване уже не было, зато на столе лежали крахмальные салфетки, стояли приборы, сахарница и вазочка с живыми фрезиями — словом, все было готово к завтраку.

Стоило им усесться, как из коридорчика появилась Моды с

сервировочным столиком и начала сноровисто выставлять на стол завтрак в обычном для Ника стиле: большую тарелку с омлетом, и сосиски, и жареный бекон, и — разумеется! — его любимый картофельный салат, и канапе, и паштет на гренках, и еще один салат, и кофейник...

От вида всей этой еды у Нэнси засосало под ложечкой. Это часто случалось, когда ей приходилось рано вставать: внезапно, до боли и тошноты, хотелось есть — а потом так же резко отпускало.

Наконец, с трудом разместив на забитом едой столе две плошечки с консервированными персиками, стюардесса удалилась, пожелав напоследок приятного аппетита. Ник к этому времени уже всюю наполнил свою тарелку.

— Тебе омлета положить? — спросил он, очевидно охваченный очередным приступом галантности.

— Да, — кивнула Нэнси, — и сосиски. Две.

Не выдержала, сунула в рот первое попавшееся под руку канапе.

Насытилась Нэнси довольно быстро — когда ее охватывал такой приступ голода, то всегда сначала казалось, что она сможет умять целую курицу, но на деле достаточно было куска пирога, чтобы почувствовать себя сытой. Она подтянула к себе плошку с персиками и, откинувшись в кресле, начала лениво смаковать их, краем глаза поглядывая на Ника.

Очистив тарелку, он начал накладывать следующую порцию. Оглянулся, поинтересовался:

— Ты омлет еще будешь?

Нэнси отрицательно махнула головой, и тогда Ник забрал себе остатки омлета. Утолив первый приступ голода, он стал есть медленнее. Заметив, что она уже доела персики, пододвинул к ней вторую плошку.

— Возьми еще мои. Я уже сыт.

«Даже странно! — съехидничала про себя Нэнси. — Съел всего лишь втрое больше, чем любой нормальный человек, — и уже сыт!»

— Ты в Чикаго бывала?

— Нет.

— У тебя там будет несколько часов свободного времени — хочешь, я организую, чтобы тебе город показали?

— Ну, давай...

На самом деле она предпочла бы погулять сама — но отказываться было как-то неудобно.

Покончив с завтраком, Ник удовлетворенно откинулся в кресле, посидел несколько секунд — и решительно схватился за телефон.

— Мисс Эмбер?.. Что у нас там нового?.. Нэнси после обеда хочет

посмотреть город... Да, пару часов... Да...

Нэнси смотрела в окно, за которым постепенно светлело. Огоньки самолета вспышками освещали похожие на кучи снега облака внизу. Казалось, они совсем близко, а самолет движется медленно-медленно, так что можно выскочить прямо в этот снег — мягкий, наверное...

— Эй, ты чего?! — Теплая рука легла ей на шею, и Нэнси, вздрогнув, обернулась. — Засыпаешь, что ли?

— Нет, так... задумалась...

— Пошли дальше самолет смотреть? — кивнул Ник на дверь в хвостовой части салона, и почему-то усмехнулся.

— А я думала, там туалет, — удивилась Нэнси.

Его усмешка стала еще шире.

— Ну, не совсем...

«Там» и в самом деле оказался не туалет.

Чуть ли не половину небольшого, отделанного, как все здесь, деревом и бежевой кожей помещения занимала постель — самая настоящая постель, с подушками и одеялом, с лампой над изголовьем и тумбочкой рядом.

— Туалет и душевая там, — махнул Ник рукой еще на одну дверь. — А здесь, — сделал он приглашающий жест, — я же тебе обещал, что ты в самолете поспать сможешь!

Но на уме у него был совсем не сон — Нэнси поняла сразу. Остатков трезвой иронии ей еще хватило на то, чтобы подумать: «А это у него вроде как десерт...»

Протиснувшись мимо нее, Ник сел на кровать. Притянул Нэнси поближе к себе, обхватил за бедра и, смеясь, взглянул снизу вверх искрящимися теплом и весельем глазами.

Когда он смотрел на нее так, она ничего не могла с собой поделать — хотелось окунуться в это бирюзовое пламя, греться им, впитывать его в себя и не вспоминать о том, что в эти моменты казалось несущественным и ненужным.

Она обняла его голову, запустив пальцы в смоляные, пронизанные серебряными нитями волосы. Сказала — думала про себя, а получилось вслух:

— У тебя стало много седых волос...

Беспечно пожав плечами и продолжая смеяться, Ник прижал ее к себе еще теснее и игриво спросил:

— А ты когда-нибудь занималась этим на скорости пятьсот миль в час?!

Глава 15

«Мерседесы», встретившие их в Чикаго, были близнецами тех, что остались в Денвере. Казалось, они так и следовали за самолетом по земле.

Нэнси чувствовала себя несколько одуревшей. Все происходило слишком быстро и много. Утренний подъем, машина, самолет, завтрак — и Ник... Все время Ник, везде и всюду Ник... Энергичный, веселый, деловой, нетерпеливый — и нежный... господи, каким же он нежным мог быть... так недавно...

Разбудил ее, всего минут двадцать назад, громкий голос из динамика над головой:

— Мистер Райан, вы просили сообщить, когда будем заходить на посадку.

— Спасибо, Стивенс! — отозвался Ник. Обернулся к Нэнси, ткнулся лицом в ее шею — и резко оторвался от нее, откинув одеяло. — Давай вставать. Посадку пропустим. Интересно же!

А теперь он сидел рядом в машине и деловито давал ей указания:

— Сейчас я пересяду в другую машину и поеду в офис, а тебя отвезут в «Ренессанс». Попроси, чтобы привели в порядок мой смокинг, он в одном из чемоданов, и закажи на полшестого массажиста. Скажи, что для меня, — они там знают.

Нэнси лениво кивала. Все ясно — она теперь часть его «штата», наравне с Джеральдом и мисс Эмбер, — и должна выполнять определенные функции. Интересно, а кто занимался этим раньше? Наверное, Джеральд — едва ли девицы вроде Стефи способны к столь сложным действиям!

Но ехидничать «про себя» не очень получалось — вспоминалось, как совсем недавно он смеялся, и брызгал на нее водой, и целовал ее — мокрый и веселый. И хотелось — глупо, по-детски, вот именно сейчас — взять его за руку, но Нэнси не успела этого сделать.

— Так, ну вроде все! — сказал Ник и нажал кнопку на вделанной в перегородку панели управления. — Я пересаживаюсь. — И когда машина начала притормаживать, напомнил: — Не забудь переставить часы — здесь сейчас одиннадцать пятьдесят три. До встречи! — Коротко чмокнул Нэнси в щеку и вышел.

Не прошло и полминуты, как на сиденье вместо него влез молодой

человек, поздоровался, бросил в переговорное устройство: «Ренессанс», и машина тронулась. Едва ли старше Нэнси, он выглядел таким деловитым, аккуратным и приглаженным, что его можно было бы показывать на какой-нибудь выставке с этикеткой: «Яйпи. Рекламный образец».

— Как долетели, миссис Райан? — обратился он к ней. — Меня зовут Финн, сегодня я буду вашим гидом...

Он сыпал цифрами, датами, именами — Нэнси слушала вполуха, ей было интереснее просто смотреть вокруг.

То, что сверху, из самолета, выглядело как поставленные на торец разнокалиберные бигуди, спичечные коробки и детали детского конструктора, оказалось, как и следовало ожидать, небоскребами. С первого взгляда город немного напоминал Манхэттен, но более просторный и «зеленый».

До отеля они добрались быстро. Финн проводил Нэнси до номера, сказал, что заедет за ней ровно в час и повезет на экскурсию.

Оставшись одна, Нэнси медленно прошлась по комнате. Скинула на ходу туфли, подошла к холодильнику, нашла там банку сидра и уселась на диван. Потом вспомнила, перевела часы и потянулась к телефону: прежде всего необходимо выполнить возложенные на нее «обязанности жены»!..

В «Ренессанс» она вернулась в начале шестого, предварительно побывав с Финном и на башне Сизэрс, и еще около какой-то башни, случайно уцелевшей после знаменитого пожара 1871 года, и в парке, и на набережной...

На самом деле уже часа за два до конца экскурсии Нэнси хотелось только одного: как можно быстрее добраться до отеля и начать готовиться к балу.

Как давно она не была на балу! Не на вечеринке на работе по случаю Рождества, не на свадьбе или дне рождения подружки — а на настоящем балу, где все мужчины в смокингах, а женщины — в вечерних платьях и драгоценностях, где играет оркестр и над головой сверкает хрустальная люстра...

Свой первый бал Нэнси помнила до сих пор — это был прием по случаю ее восемнадцатилетия. Помнила все: белое платье, и жемчужные серьги, подаренные ей отцом и впервые надетые в тот день, и белоснежные орхидеи в волосах и в вырезе платья — прохладное щекочущее ощущение на груди, — и даже музыку, под которую она танцевала, — вальс из «Летучей мыши». А танцевала она... нет, не с отцом — отец тогда уже не мог ходить, — с мистером Деннисом, их соседом, тем самым, который

разрешал ей кататься на его лошадях. Забавно — такие мелочи помнятся!

А последний... Последним балом, на котором ей довелось побывать, была ее собственная помолвка...

Странно, но эта мысль проскользнула как-то безразлично — без боли, даже без неприятного ощущения внутри. Сейчас куда важнее было другое: очень хотелось на этом, первом после долгого перерыва балу выглядеть как можно лучше.

И вообще — скорей бы уж Ник пришел!

Когда в дверь постучали, она обрадовалась и бросилась открывать. Но это принесли отглаженный смокинг.

Ник пришел еще минут через десять — без стука, просто открыл дверь своим ключом.

Он не ожидал, что Нэнси бросится к нему, как когда-то, давным-давно. Успел только протянуть руку — и она уже была рядом — живая, настоящая, теплая и упругая, с пушистой макушкой, в которую так славно оказалось уткнуться лицом.

— Привет! — шепнул он в эту самую макушку.

Нэнси кивнула. Потом вдруг слегка напряглась, словно собираясь отстраниться — он не пустил, отбросил в сторону пакет и обхватил ее второй рукой. Обнял и повел, стараясь не слишком опираться на нее — перетруженные ноги привычно ныли.

Спросил на ходу:

— Ты массажиста заказала?

Сегодня вечером ему хотелось быть в форме, хотелось непременно потанцевать с ней — они ведь никогда раньше не танцевали вместе...

Массажист появился буквально вслед за Ником — тот даже не успел разуться. Нэнси ушла в спальню и последовательно и методично — так, как усвоила с юности, когда казалось, что в жизни нет ничего важнее этого, — принялась за «бальные» мероприятия.

Полежала, расслабившись, в горячей ванне, намазав лицо купленной в «Эллен Деверо» маской, от которой лицо должно было стать «юным и сияющим». После этого, тихо подвывая от остроты ощущений, облилась холодным душем — для лучшей циркуляции крови, чтобы выглядеть бодрой и энергичной; высушила волосы феном и слегка пригладила их массажной щеткой — слава богу, ее прическа не требовала особых ухищрений — и, наконец, приступила к самому главному: белье — макияж — туфли — платье — аксессуары.

Почему нужно было накладывать косметику до того, как наденешь платье, Нэнси никогда не задумывалась. Так полагалось — так ее учили.

Белье — тончайшее, легкое, невесомо скользнувшее по коже. Косметика... туфли — и, наконец, самое главное — платье! На этом пока можно было остановиться.

До выхода оставалось еще по меньшей мере минут двадцать, но ей хотелось немного походить «при параде» и убедиться, что ничего нигде не тянет, не жмет и не колет. Она на всю жизнь запомнила вечеринку, начисто непорченную из-за того, что в абсолютно новый пояс для чулок каким-то непостижимым образом попал малюсенький кусочек колючей лески.

Но на этот раз, стоило натянуть платье, как стало ясно, что никаких проблем не будет. Еще на примерке Нэнси почувствовала, что сидит оно просто идеально, как вторая кожа, — и сейчас, покрутившись перед зеркалом, подняв руки и изогнувшись, чтобы рассмотреть себя сзади и сбоку, убедилась, что была права.

Она осторожно выглянула в гостиную. Массажист уже ушел. Ник, в одних трусах, развалился в кресле, вытянув ноги. Услышав, как открылась дверь, он обернулся и смерил Нэнси взглядом, в котором явно читалось одобрение.

— Уже оделась?

— Еще шарф и заколки...

Она подошла ближе.

— Посиди со мной. Киршвассера хочешь? — Поймав за руку, он легонько потянул ее к себе и кивнул на стоявший рядом на столике запотевший стакан с чем-то темным.

Нэнси качнула головой и села к нему на колени.

— Тебе нужно что-то вот сюда... — кончики его пальцев ласково пробежали по ее шее, очертив между ключицами контуры воображаемого ожерелья, — и вот сюда... — потербели мочку уха.

— У меня в волосах будут заколки, и на плечах, и кольцо...

— Все равно здесь, — Ник погладил ее по шее, — чего-то не хватает. Ладно... купим. — Взял со стола стакан и сделал глоток. Льдинки при этом так соблазнительно звякнули, что ей тоже захотелось попробовать. — Хочешь? — словно почувствовав, снова предложил он.

Сладковатый напиток показался ледяным, но уже в следующий миг внутри стало тепло, даже горячо.

— Хорошо-о, — протянул Ник, забрав обратно стакан выпив до дна. — Правда, хорошо?

— Хорошо... — подтвердила Нэнси.

— Сейчас я уже соберусь и поедem. Оттуда — прямо аэропорт, так что чемодан приготовь.

— Там начало в восемь?

— Да, официальная часть начнется в восемь, но надо прийти пораньше. Меня отдел связей с общественностью просил перед прессой пару минут покрутиться. — Он вздохнул, осторожно спустил Нэнси с коленей и встал. — Тебя тоже могут о чем-нибудь спросить... будь к этому готова.

«Хорошо хоть не сказал „не наговори глупостей!“» — подумала Нэнси.

Но, как выяснилось, доверять ей в таком ответственном деле, как двухминутное общение с прессой, Ник не обирался. Дополнительные инструкции посыпались, едва он вышел из душа:

— Заявление для прессы ты помнишь... про это могут задать какой-нибудь вопрос. Если не знаешь, что отвечать, отделявайся общими фразами.

Нэнси еле слушала — ей было не до того, она упорно боролась с шарфом, добиваясь, чтобы он лег ровными красивыми складками. Пока что получалось криво, возможно из-за нудного бубнежа под руку.

— Спросят про Чикаго — похвали...

В зеркале было видно, как он периодически мелькает за дверью, с каждым разом все более одетый.

— ...Бал в «Хилтоне» будет, отсюда езды полчаса, не меньше, так что через десять минут нам уже надо выйти...

— А что за бал? По какому поводу? — спросила Нэнси, вздохнув, — шарф наконец-то лег как надо, осталось его лишь брошкой закрепить...

— Благотворительный аукцион фонда Ратледжа, — отозвался Ник. — Один местный меценат в свое время оставил неплохую коллекцию предметов старины, произведений искусства и всякой всячины, чтобы основать этот фонд — для поддержки молодых художников и скульпторов. С тех пор правление фонда каждый год проводит аукционы. Это уже стало традицией. Я в прошлом году купил там нефритовую чашу. Старинную, китайскую... Ну, ты готова?

— Да, — обернулась Нэнси.

Ник был уже полностью одет — и настолько импозантен, что это вызвало у нее легкое раздражение. Ну зачем нормальному человеку выглядеть так... совершенно?!

— Сейчас, — с этими словами он развернулся и вышел из спальни.

Она подошла к кровати, на мгновение задумалась — не забыла ли чего-нибудь?! — и, вспомнив, поспешно переложил в бальную сумочку носовой платок. Тут Ник снова показался в дверях.

— Лови!

Очевидно, жест задумывался как эффектный, но, когда прямо ей в лицо

полетело нечто огромное, Нэнси инстинктивно вскинула руки, подумав: «Он что, свихнулся?!»

Она ошарашенно уставилась на оказавшуюся в ее объятиях грудку светлого меха и только тут сообразила, что держит в руках накидку из серебристой лисы.

— Ну как?! — поинтересовался, подходя, Ник, явно довольный произведенным эффектом.

Накидка была шикарная: мягкий невесомый мех голубоватого оттенка, белоснежная шелковая подкладка и застежка с бриллиантовой «пылью».

— Спасибо... — сказала Нэнси, слишком удивленная, чтобы придумать что-то пооригинальнее. Дотронулась до его щеки, повторила, уже увереннее: — Спасибо.

— Хочешь примерить? — не дожидаясь ответа, Ник потянул у нее накидку.

Нэнси повернулась спиной — он набросил на нее мех и, продолжая обнимать за плечи, подвел к зеркалу.

— Смотри, какая ты у меня красивая!

Сцена, отразившаяся в зеркале, вдруг показалась ей какой-то ненастоящей — словно с обложки любовного романа: высокий красавец в смокинге обнимает элегантную женщину в вечернем платье и мехах... Только вот у женщины этой почему-то было ее лицо...

Глава 16

Атмосферу праздника Нэнси почувствовала еще у входа, стоило ей выйти из машины и ступить на проложенную к распахнутым стеклянным дверям ковровую дорожку. Впереди все сверкало и переливалось разноцветными огнями, где-то вдалеке играла музыка.

Настоящий праздник начинался в холле, отделанном как покои средневекового замка: с бархатными драпировками, подсвечниками, в которых ярко горели электрические свечи, и слугами в камзолах и напудренных париках.

Один из таких слуг подскочил к Нэнси и «принял» у нее накидку. На миг ей стало даже жалко — она еще не насладились вдоволь обладанием такой красивой вещью! Но Ник, подхватив под руку, уже вел ее дальше — в огромный зал, полный народу. Мужчины в смокингах, похожие на пингвинов с белыми грудками, и женщины в вечерних платьях ходили, разговаривали, останавливались, собирались группками — и снова

расходились.

Над головой, словно фейерверк, сияли сотни крохотных разноцветных лампочек; в толпе сновали, предлагая гостям вино, официанты с подносами — тоже одетые «по-средневековому».

С Ником кто-то поздоровался. Он, не останавливаясь, ответил, Нэнси тоже сочла нужным любезно кивнуть и лишь через пару секунд спросила:

— А кто это был?

— Спроси что-нибудь полегче! Я тут почти никого не знаю, — усмехнулся он, ответил еще на чье-то приветствие и остановился у колонны. — Вина хочешь?

Нэнси покачала головой, но, когда он взял с проплывавшего мимо подноса бокал и отхлебнул, внезапно почувствовала, как сухо во рту, и пожалела, что отказалась.

— Сейчас пойдем с прессой пообщаемся, чтобы самое неприятное с себя спихнуть, а потом можно посмотреть те лоты, которые сегодня будут разыгрывать, — кивнул Ник на арку, по сторонам которой стояли «стражи» с алебардами. — Вон там выставка.

— А где пресса?

— Дальше небольшой зальчик есть, веревкой отгороженный, — там они и толкуются... как обезьяны в клетке, — ухмыльнулся он. — Выходить сюда им запрещено.

— Я нормально выгляжу?! — вдруг испугавшись непонятно чего, быстро спросила Нэнси.

— Все в порядке. Тебе очень идут эти звездочки. — Он с улыбкой коснулся заколки в ее волосах.

— Это не звездочки — это цветочки такие... с острыми лепестками, — объяснила она.

— Все равно идут... а вот хмуриться тебе не идет. — С заколки его палец переместился ей на лоб и осторожно погладил между бровей. — Ну, пошли?

Едва они подошли к золоченому витому шнуру, отгораживающему «загон для прессы», как с той стороны к Нику бросились сразу несколько человек. «Действительно — как обезьяны, которым орешки кинули», — подумала Нэнси. Журналист, оказавшийся впереди, задал вопрос относительно предполагаемого приобретения Ником контрольного пакета акций какой-то фирмы, название которой Нэнси слышала впервые в жизни, остальные остановились рядом, прислушиваясь и дожидаясь своей очереди.

Она тоже хотела послушать, что он ответит, — но тут один из

репортеров добрался и до нее:

— Миссис Райан, у меня вопрос к вам. В двух словах — что вы чувствуете, являясь женой такого человека, как ваш муж?

Вопрос показался Нэнси дурацким. В следующий момент в голове возник абсолютно правдивый, но совершенно неподходящий для прессы ответ: как будто ее подхватило вихрем и несет неведомо куда.

Но вслух она ответила скромно и обтекаемо:

— Наверное, как жена любого человека, который много и тяжело работает, приходит домой поздно и почти не имеет свободного времени.

— Именно его работа и послужила причиной вашего конфликта? Ведь не секрет, что какое-то время вы жили раздельно.

Ник предупреждал, что об этом могут спросить... Она уловила его предостерегающий взгляд и нашла в себе силы вежливо улыбнуться.

— Нет, причина была другая. В семейной жизни у людей бывают самые разные проблемы... — ее улыбка стала чуть шире, — но сейчас я пришла на бал, и мне не хотелось бы вспоминать ни о чем неприятном. Мы снова вместе, и это главное.

Репортер уже открыл рот, чтобы задать новый вопрос, но в этот момент Ник шагнул к ним и, по-хозяйски положив руку Нэнси на плечо, не дал ему продолжить:

— Прошу прощения, на сегодня все. Мы хотим успеть еще посмотреть поближе лоты...

— Ты хорошо держалась перед камерой. И отвечала хорошо, — похвалил он, когда они отошли на изрядное расстояние от золоченого шнура. — Я, признаться, немного боялся — как ты это выдержишь с непривычки. Страшно было?

— Нет...

Нэнси хотела напомнить ему, что уже лет восемь, если не больше, работает на телевидении и, хотя «главной героиней» шоу не бывала, в кадре мелькать ей доводилось, — но тут Ник бросил взгляд на что-то за ее плечом и насторожился.

— Знаешь что, — неожиданно сказал он. — Мне тут надо кое с кем поговорить минутку — иди на выставку, я тебя там найду.

Она послушно пошла по направлению к арке со «стражниками», но на входе не выдержала и обернулась. Он стоял у колонны и разговаривал с каким-то мужчиной — седым, невысоким и коренастым.

Подумала: «Не с женщиной...», вспомнила вопрос репортера о причине конфликта... И внезапно, на какую-то долю секунды, эта самая «причина»

словно наяву возникла перед ее глазами — стройная, элегантная и неотразимая, с золотыми волосами и серебристым смехом.

«Не надо об этом думать! — приказала Нэнси самой себе. — Мы на балу, ее здесь нет... Ее здесь нет... Нет...» Вещей на выставке было немного: несколько картин; небольшая мраморная скульптура, изображающая обнаженных юношу и девушку; еще две скульптуры — бронзовые «охотничьи сцены»; лампа от Тиффани; китайская ваза и ваза «Лалик» из перламутрового стекла. Кроме того, вдоль одной из стен зала тянулась застекленная витрина с женскими украшениями и мелкими безделушками.

Сначала Нэнси подошла посмотреть поближе на красивый старинный натюрморт с цветами. Подумала, что в ее гостиной он смотрелся бы неплохо, случайно бросила взгляд на этикетку: «Голландский натюрморт семнадцатого века. Начальная цена — 200 000. Разрешается набавлять не менее 5000» — и тихонько хихикнула: весь ее дом стоил куда меньше.

Перешла к соседней картине, с корабликом, решив принципиально не смотреть на этикетки. К натюрморту тут же подошли две женщины, оживленно беседующие между собой, и Нэнси услышала обрывок их разговора: «...Ну ты же знаешь — сначала она буквально бегала за ним — а потом глупо тянула со свадьбой!.. — Да, я тоже слышала, он под конец просто не знал, как от нее избавиться!..» Говорили они почти не понижая голоса. О ком идет речь, Нэнси не знала, но все равно стало неприятно. Наверное, что-то подобное сплетничали и про нее с Эриком...

Она решительно направилась в противоположный угол зала, по дороге остановилась на минутку полюбоваться на лампу — и, дойдя до витрины, стала разглядывать выставленные там безделушки.

Последовательно осмотрев старинную табакерку с выложенным сапфирами вензелем и эмалевой картинкой внутри, большую брошь с темно-лиловыми аметистами и золотые карманные часы, которым, судя по виду, было лет пятьсот, Нэнси подумала, что «минутка» Ника что-то чересчур затянулась. Сделала маленький шагок, чтобы перейти к следующему лоту, — и тут, случайно бросив взгляд в сторону, увидела в самом конце витрины нечто совершенно потрясающее.

На черной бархатной подставке стояла шкатулка. Небольшая, всего дюймов восемь в длину, сделанная из слегка пожелтевшей от времени слоновой кости, она со всех сторон была покрыта резьбой. На каждой грани изображалась сценка из жизни джунглей: волки, охотящиеся на оленя; павлин, распускающий хвост перед самками; пара слонов, а на крышке — тигр, гордо выпрямившийся с поднятой головой и не

замечающий, что с дерева маленькая обезьянка уже готовится запустить в него орехом.

Нэнси взглянула на этикетку. «Ларец, Индия, начало девятнадцатого века. Слоновая кость, сапфиры, рубины, хризобериллы. Начальная цена — 8000». Попыталась понять, где же там сапфиры и рубины, и только теперь разглядела, что глаза у тигра красные, а в хвосте павлина сверкают синие и зеленые искорки. И в цветочном орнаменте, обрамлявшем картинку...

— Что, нравится?

Она выпрямилась. Ник стоял рядом, довольный, с искрящимися весельем глазами и с бокалом в руке.

— Интересно, что там сзади нарисовано? — спросила Нэнси вместо ответа.

— Давай купим и посмотрим! — рассмеялся он.

— Да ну, я серьезно!

— Я тоже серьезно. Возьми вот, я тебе шампанское принес! — сунул ей бокал. — А как тебе вон то ожерелье? — Сделал пару шагов в сторону и кивнул на лежащее в витрине украшение.

Нэнси подошла и взглянула.

Что и говорить, ожерелье было великолепным. Крупные темные каплевидные камни, окруженные бриллиантами, переливались всеми цветами радуги.

— Это опалы. Черные, из Австралии, — пояснил Ник, не дожидаясь вопросов.

— Красиво... — согласилась Нэнси.

Глотнула из фужера не очень холодного, кисленького и полувыдохшегося шампанского — в самый раз, чтобы утолить жажду, — вздрогнула, услышав громкий звук, похожий на звон гонга.

— Начинают уже... — сказал Ник. — Пойдем?

За каждым столом в банкетном зале сидело по шесть человек. Четвертая сторона стола, обращенная к подиуму, оставалась свободной, чтобы сидящие лучше могли видеть аукциониста.

Им с Ником в соседи достались: мистер и миссис Хенли (пара лет сорока), миссис Хенли-старшая, чья седина была вызывающе покрашена в светло-лиловый цвет, а три ряда великолепного жемчуга на шее отвлекали внимание от избытка косметики на лице, и мистер Ламберт — невысокий, часто улыбающийся человечек с большой лысиной, судя по всему, близкий друг миссис Хенли-старшей.

После обычных приветствий и представлений: «Здравствуйте, как поживаете... Очень рады знакомству... Вы впервые в наших краях?..» — все

расселись на места. На подиуме появился пожилой импозантный мужчина с великолепной седой шевелюрой — его встретили аплодисментами и приветственными возгласами.

— Это Брайан Ратледж — директор-распорядитель фонда. Внук того самого... — шепотом объяснил Ник.

Кивками и улыбками ответив на приветствия, Ратледж пощелкал по микрофону и, дождавшись тишины, начал вступительную речь.

Нэнси не слишком прислушивалась — ей было интереснее просто незаметно смотреть по сторонам.

— ...У вас осталось меньше часа, чтобы решить, за какой лот вы будете бороться! — закончил Ратледж. — Красочные каталоги на столах помогут вам в этом! А сейчас: приятного аппетита!

Его проводили аплодисментами — и официанты начали разносить первые блюда.

Во время обеда Хенли попробовал втянуть Ника в светскую беседу. Тот отделялся вежливыми короткими репликами, не заинтересовался ни гольфом, ни бейсболом, а на вопрос, собираются ли они с Нэнси принимать участие в торгах, ответил: «Возможно. Пара вещиц нам там приглянулась», не уточняя, о каких именно предметах идет речь. На этом разговор увял.

За десертом миссис Хенли-старшая решила внести в общение свою лепту: спросила у Нэнси, бывала ли та в Чикаго, после чего пустилась в подробный рассказ об истории бала-аукциона Ратледжа. Оказывается, она впервые посетила это мероприятие еще при президенте Эйзенхауэре, с тех пор не пропустив ни одного. И жемчуга — вот эти самые! — покойный муж купил ей именно здесь в 1958-м... нет, в 59-м году!

Монолог, разбавляемый дополнениями мистера Ламберта — тоже здешнего «старожила», — продолжался до тех пор, пока на столах не появился кофе, а на подиуме — молодой человек в белом смокинге.

Раздавшиеся аплодисменты были куда громче, чем те, которыми встретили Ратледжа.

— Это Барри Пауэлл, наш аукционист, — прокомментировала сбоку старшая миссис Хенли. — Раньше аукционы вел Трейс Мерридю — вот это, я скажу вам, мастер был!

— Ну что вы, мама! — впервые подала голос миссис Хенли-младшая. — Барри значительно лучше! Мерридю под конец плохо видел и все путал! Вы представляете, — повернулась она к Нэнси, — он как-то перепутал порядок лотов и, показывая на картину с двумя болонками, заявил: «Перед вами портрет очаровательной юной девушки»!

— Леди и джентльмены! — начал аукционист. — Наступил момент,

которого все так ждали! Мы начинаем сегодняшней аукцион!!!

Он взмахнул руками, и невидимый оркестр грянул туш. Снова раздались аплодисменты. Из-за кулис появился слуга в камзоле и парике, подняв над головой, показал всем присутствующим первый предмет торгов — картину с корабликом — и положил ее на стол аукциониста.

— Итак, перед вами первый лот. Прекрасная картина...

Картина с корабликом ушла за триста двадцать тысяч долларов, понравившийся Нэнси натюрморт — за четыреста сорок.

Аукционист мгновенно реагировал на выкрикиваемые из разных концов зала цены, при этом успевал еще расписывать в красочных выражениях достоинства каждого лота, шутить и подбадривать торгующихся. Нэнси было интересно наблюдать за этим. Несколько раз она даже заключала с самой собой пари, кто из наиболее рьяно сражающихся за очередной лот победит, — но угадала всего дважды.

Миссис Хенли-старшая периодически отпускала короткие язвительные реплики, касающиеся того или иного из присутствующих в зале, казалось, она здесь знает всех. «Монти Тернер, конечно, пожмотничает и дальше ста пятидесяти не пойдет. А вот Франклин, тот до последнего будет биться — если жена на двадцать лет моложе, мужчина носом землю роет, чтобы победителем выглядеть!»

Ник по-прежнему сидел молча. Откинувшись на спинку стула и держа в руке рюмку коньяка, он смотрел в сторону подиума, но думал о чем-то своем. На столе аукциониста появлялись все новые и новые вещи. После картин пришел черед скульптур, затем ваз — следующей в каталоге шла та самая индийская шкатулка.

Лакей внес ее и показал публике.

— Перед вами — великолепнейший образец искусства индийских мастеров! — объявил аукционист. — Эту шкатулку сделали почти двести лет назад — и посмотрите, ее сохранность просто идеальная! Стартовая цена — двенадцать тысяч долларов! Кто заплатит двенадцать тысяч?!

— Двенадцать тысяч! — донеслось сбоку. — Двенадцать с половиной! — откуда-то сзади...

— Ну что? — очнулся от своих размышлений Ник и обернулся. — Давай торговаться?!

Нэнси удивленно уставилась на него. Его «купим — посмотрим» тогда показалось ей шуткой — но, похоже, он вовсе не шутил!

— Вы собираетесь купить эту шкатулку, мистер Райан? — встряла неугомонная миссис Хенли-старшая.

— Совершенно верно, — кивнул Ник.

— ...Пятнадцать тысяч мистер Олсен за восемнадцатым столиком... Пятнадцать тысяч — кто больше?! — надрывался аукционист. — Кто даст шестнадцать? Мистер Мэрфи за восьмым?! Шестнадцать тысяч!..

— А я думала, ты пошутил... — ответила наконец Нэнси.

Ник усмехнулся и махнул рукой аукционисту.

— Семнадцать тысяч — мистер Райан за четвертым столиком! — радостно воскликнул тот.

— Я вообще-то человек очень серьезный... — Усмешка на лице Ника была едва заметна, но глаза весело блестели, и выглядел он отнюдь не как серьезный человек, а как мальчишка, замысливший какую-то проказу.

— ...Восемнадцать тысяч мистер Мэрфи за восьмым! Восемнадцать!..

— Двадцать, — обернулся к подиуму Ник. — И я могу посмотреть шкатулку поближе?

Лакей в парике, держа поднос, на котором стоял «образец искусства индийских мастеров», проследовал к их столику.

Ник взял шкатулку, повертел в руках. Сказал Нэнси:

— Сзади — буйволы, — и развернул так, чтобы и ей было видно заднюю стенку; там действительно было изображено стадо буйволов.

Поставил шкатулку на поднос и кивком отпустил слугу.

— Мистер Райан предложил двадцать тысяч! — напомнил аукционист. — Кто больше? Кто даст двадцать одну? Двадцать тысяч — раз... Двадцать тысяч — два... Двадцать тысяч — три! Продано мистеру Райану за четвертым столиком!

Ник с любезной миной принял от семейства Хенли положенную порцию поздравлений и рукопожатий, выписал подбежавшему помощнику аукциониста чек и удовлетворенно откинулся в кресле. Спросил негромко:

— Ты чего молчишь?

— Поздравляю... — улыбнулась Нэнси.

— Вот еще ожерелье сейчас купим!

Она видела, с каким нетерпением он ждет от нее наивного вопроса: «Как, неужели и ожерелье?! Ах-ах-ах!», но из принципа, чтобы не задавался, приняла невозмутимый вид и решила: «А вот ни за что не спрошу!»

Вместо нее спросила миссис Хенли-младшая:

— Как, еще ожерелье? Которое же?!

Ник бросил на Нэнси возмущенный взгляд (не замеченный никем, кроме нее), сердито засопел и ответил:

— С опалами. Из коллекции какого-то там графа.

Нэнси стало смешно — он вел себя действительно как мальчишка.

Царившая вокруг атмосфера праздника мало-помалу проникла в ее кровь, и сейчас ей хотелось рассмеяться, взъерошить ему волосы, сказать (так уж и быть!): «Ты ужа-асно умный!!!» — а потом выпить еще шампанского, и пойти танцевать, и поцеловаться с ним где-нибудь в укромном уголке...

— А я выбрала брошку с аметистами, но до сих пор не уверена, захочет ли Бейнард мне ее купить, — доверительно сообщила младшая миссис Хенли, покосившись на мужа.

— В мое время аметисты дарили только тем, у кого были проблемы с алкоголем, — тут же заявила ее свекровь и была явно разочарована, когда Ник, вместо того чтобы поддержать разговор, подозвал официанта и попросил еще рюмку коньяка.

Ожерелье он заполучил довольно быстро, снова по тому же методу: дождался, «пока все конкуренты, кроме последнего, отпадут, сразу сильно набавил цену — и через минуту аукционист, стукнув молотком, провозгласил:— Продано мистеру Райану за тридцать пять тысяч долларов!

— Поздравляю, милочка! — первой воскликнула миссис Хенли-старшая.

Нэнси улыбалась, кивала в ответ на поздравления — едва ли кто-нибудь мог заподозрить, что ей стало вдруг не по себе... Тридцать пять тысяч! Только теперь она осознала сумму, до того казавшуюся какой-то абстрактной — это же ровно столько, сколько она зарабатывает за год...

Ник обернулся к ней, держа в руке украшение.

— Ну-ка, давай!

Она подалась к нему и зачем-то зажмурилась. Почувствовала, как ожерелье легло на шею, как теплые пальцы застегнули сзади замочек, поправили его и остались там, будто дожидаясь, пока она откроет глаза.

Сначала Нэнси взглянула вниз, на ожерелье, подумала: «Жаль, нет зеркала!» — и перевела взгляд на Ника, который смотрел на нее в упор с веселым ожиданием. На миг растерялась, зная, что нужно что-то сказать, поблагодарить, но все нужные слова разом вылетели из головы.

Словно прочитав ее мысли, он быстро погладил ее по щеке, сказал тихо:

— Все хорошо! — и, уже громче: — Я так и думал, что тебе пойдет!

— По такому поводу надо выпить шампанского за прекрасных дам! — Громко предложил мистер Ламберт, почти заглушив голос аукциониста, который описывал очередной лот.

Миссис Хенли тоже получила то, о чем мечтала. То ли стремясь не отстать от Ника, то ли под влиянием выпитого шампанского ее муж принял

участие в торгах и вскоре триумфально вручил ей бархатную коробочку, в которой лежала вожделенная аметистовая брошь.

Свекровь тут же сунулась посмотреть, примерила брошь на свое платье — и лишь потом, нехотя, вернула владелице.

Это был предпоследний лот.

Еще через пять минут, после короткой заключительной речи Ратледжа («...Хочу выразить благодарность... надеюсь, в будущем году...»), публика начала вставать с мест.

Наступила заключительная, и самая любимая многими гостями, часть бала. Время, когда можно было пообщаться, пофлиртовать, обменяться мнениями о прошедшем аукционе и сплетнями о присутствующих (или отсутствующих) знакомых, потанцевать, прогуляться в приятной компании по нарядно украшенным залам и, вернувшись, освежиться мороженым и бокалом вина или, наоборот, согреться чашечкой кофе с ликером.

Из распахнутых настежь двустворчатых дверей, ведущих в бальный зал, донеслась музыка.

— Пошли танцевать?! — Ник встал и нетерпеливо потянул Нэнси за руку. — Ну, как тебе здесь?

— Я... — сравнение пришло ей в голову неожиданно, — я себя чувствую как Золушка на балу!

Сказала — и рассмеялась, вдруг представив себе, как удивились бы охранники, увидев на стоянке вместо новенького зеленого «вольво» огромную тыкву.

Это была его Нэнси! Его, та самая, которую Ник помнил все эти годы! Та самая, которую он искал, — знал, чувствовал, что она должна быть где-то рядом, и нашел наконец, и не хотел больше отпускать.

Она смеялась, и незаметно поглаживала его по шее, зарываясь пальцами в волосы, и смотрела на него снизу вверх веселыми глазами... В этом зале были женщины красивее ее, но не было ни одной — желаннее.

Нога заныла почти сразу же. Ник знал, что вскоре его ждет неизбежная расплата — судорога, от которой захочется взвыть, — но это сейчас не имело значения. Важно было лишь одно — держать, прижимать к себе, чувствовать под руками движущееся в одном ритме с ним упругое легкое тело.

В какой-то момент, подняв глаза, Нэнси воскликнула, удивленно и весело, будто увидела нечто очень забавное:

— Смотри-ка, даже люстра есть!..

Он не понял, в чем дело, но все равно рассмеялся. Еще один танец... и еще... Ник почувствовал, что нога вот-вот подведет, но признаваться в этом

не хотелось.

Предложил:

— Пойдем, может, мороженого поедим?

— Давай, — согласилась она — и вдруг фыркнула, словно не в силах сдержать смех.

— Ты чего?

— Ничего... просто так...

Еще немножко — и можно уходить. Через час они уже будут в самолете. «На ней останется только ожерелье — больше ничего...» — Придерживая Нэнси за локоть и лавируя в толпе, Ник все еще смаковал эту идею...

Нэнси остановилась так внезапно, что он чуть не налетел на нее. Бросив взгляд через ее плечо, он увидел, что за их столиком сидит какая-то женщина с высокой седой прической, оживленно беседуя с миссис Хенли-старшей. «Да быть того не может!» — услышал Ник, подумал, что сейчас придется потревожить ее, — и в этот момент женщина обернулась.

На старом морщинистом лице выразилось сначала удивление, затем радость. Ярко накрашенные губы растянулись в улыбке, она вскочила и громко воскликнула:

— Нэнси, милочка! Господи, вот уж кого я не ожидала здесь увидеть!

Глава 17

— Здравствуйте, миссис Бретиган, — сказала Нэнси сухо и невыразительно.

Стоя чуть сзади, Ник не видел ее лица, но почувствовал, что она вся напряглась.

— Ну что ты, Нэнси, когда это ты меня так называла?!

— Здравствуйте, тетя Памела, — покорно поправилась Нэнси, шагнула вперед и поцеловала морщинистую щеку.

Старуха перевела взгляд на него.

— Здравствуйте, мистер Райан! Мы с вами незнакомы, но я про вас так много слышала от нашей дорогой Алисии!..

Нику показалось, что это имя прозвучало оглушительно громко; он мысленно чертыхнулся и бросил взгляд на Нэнси. Высокий возбужденный голос «тети Памелы» продолжал ввинчиваться в уши:

— ...Как это мило с вашей стороны — вывести в свет свою будущую падчерицу! Господи, какие глупости — так долго прятаться от людей! Все уже давно забыли эту неприятную историю с помолвкой! А я как раз пыталась объяснить Луизе, что вы не можете здесь быть с женой — Алисия бы меня непременно пригласила...

— Миссис Бретиган, тут какое-то недоразумение! — перебил ее Ник. — Я не понимаю, о чем вы говорите! Мы с Нэнси женаты уже четыре года!

— Но как же, ведь Алисия мне сама сказала... — очевидно, по инерции попыталась возразить старуха.

— Миссис Бретиган! — Он еле сдерживался, чтобы не рявкнуть в голос: «Заткнись, дура!», но их разговор и без того слышало достаточно много внимательных ушей. — Нэнси — моя жена!

С короткой вспышкой злости подумал: «Ну не стой ты, как неживая! Скажи же, подтверди!»

«Тетя Памела», очевидно, лишь теперь сообразила, что ляпнула что-то не то, — она захлопнула рот и потрясение усталилась на него. Сказала после секундной паузы, уже значительно тише:

— Но ведь... Алисия же...

— Измышления моей... тещи не имеют ничего общего действительностью. — Ник тоже понизил голос. — И я не думаю, что вам стоит их повторять.

Глаза старухи заметались по сторонам, словно в поисках выхода: получалось, что вместо того, чтобы показать вою осведомленность, она поставила себя в крайне неловкое положение. Ей явно захотелось оказаться за пару миль отсюда — в этом Ник был с ней полностью солидарен.

— Я... Наверное, я что-то не так поняла, — с запинкой выговорила она. Бросила взгляд за плечо Ника, изобразила губами радостную улыбку, словно увидела там кого-то знакомого, пробормотала: — Извините, мне надо... Очень приятно было познакомиться. Нэнси, милочка, еще увидимся, — и растворилась в толпе.

Он взглянул на Нэнси. С застывшим, безжизненным лицом она неподвижно стояла вполборота к нему. Ничего не выражавшие глаза смотрели в никуда; если бы не едва заметное дыхание, ее можно было бы принять за манекен.

Ник и сам понимал, что получилось неудобно. Черт бы побрал болтливую суку Алисию — неужели она не могла держать язык за зубами... или хотя бы не врать! И черт бы побрал эту так некстати вылезшую раскрашенную старуху!

Больше всего ему хотелось сейчас схватить Нэнси в охапку, увести куда-нибудь подальше отсюда, туда, где они смогут остаться вдвоем, — и попытаться как-то утешить, успокоить, объяснить... Но поспешный уход выглядел бы как признание вины — а надо было сделать вид, что ничего не произошло.

Поэтому, прикоснувшись к ее плечу, он тихо сказал:

— Пойдем сядем!

Нэнси молча шагнула к столику и опустилась на стул.

Ник внутренне содрогнулся, увидев, с каким любопытством уставились на нее четыре пары глаз. Он не сомневался, что семейство Хенли слышало весь разговор — да еще неизвестно, что успела наговорить им «тетя Памела».

Стараясь выглядеть абсолютно естественно и невозмутимо, он подозвал официанта и попросил мороженое. Спросил у Нэнси:

— Ты мороженое будешь?

— Нет, спасибо...

— Может быть, вино или сок?

— Да, сок.

— ...И яблочный сок, пожалуйста, — кивнул он терпеливо

дождавшемуся официанту.

Атаку начала миссис Хенли-старшая, заметив, словно бы «в пространство»:

— Пэмми Бретиган всегда все путала. Мы учились с ней в одной школе...

— А это правда, что вы дочь Алисии Хэнсфорд? — встряла ее невестка, обращаясь уже к Нэнси.

— Да, миссис Хенли, — с любезной улыбкой кивнула Нэнси.

— Алисия Хэнсфорд — подумать только! Я помню ее совсем девочкой! — воскликнула старшая миссис Хенли. — Никогда бы не поверила, что у нее уже такая взрослая дочь!

— Очаровательная женщина — просто очаровательная! — добавил ее кавалер. — Недавно как раз снова показывали этот сериал...

Ник смотрел — и не мог понять, только ли ему видно, что улыбку, словно намертво прилипшую к губам Нэнси, едва ли можно назвать естественной, как и лихорадочный румянец, двумя пятнами выступивший у нее на скулах. Хотя, наверное, никто другой ее так хорошо не знал...

«Как интересно, наверное, быть дочерью такой известной актрисы! А правда, что она пользуется французской диетой?.. И неужели?..»

Нэнси отвечала высоким вежливым голосом, казавшимся Нику нестерпимо монотонным, кивала, улыбалась — лишь глаза по-прежнему оставались пустыми, безжизненными и устремленными куда-то внутрь себя.

Что бы ни успела сообщить окружающим миссис Бретиган, никто, естественно, не упоминал «скользкой» темы и не осмелился задать хоть один вопрос ему. Несомненно, какие-то отзвуки этого инцидента могут попасть в бульварные газеты, но, по крайней мере, там не будет фигурировать фраза «своим внезапным уходом Ник Райан доказал, что...».

Доказал — что?! Что два с лишним года назад, когда он только-только встал на ноги и (чего греха таить?!) наверстывал упущенное после семи лет вынужденного воздержания, одной из тех, с кем он пару недель «наверстывал», была Алисия Хэнсфорд?! Ник бы теперь многое отдал, чтобы этого тогда не случилось.

И чтобы не было сейчас этой конвульсивно сжатой руки с белыми косточками, и напряженной позы, и неестественно-плавных движений, и застывших глаз, и бледного лица...

Ушли они минут через двадцать. К этому времени тема Алисии Хэнсфорд была исчерпана, и за столом продолжилась обычная светская

беседа — лишь Нэнси молчала, пристально глядя в недопитый бокал. Пару раз Ник заметил, как по лицу ее пробежала легкая судорога.

Стоило ему сказать: «Дорогая, нам пора!», как она встала, вежливо попрощалась и направилась к выходу все той же плавной походкой. Даже не вздрогнула, когда в вестибюле на плечи ее лег мех, проследовала к машине и, оказавшись внутри, снова застыла в неподвижности.

Ник осторожно попытался взять ее за руку, все еще плохо представляя, что сейчас скажет, — но холодная, жесткая рука с неожиданной силой судорожно вывернулась из его ладони.

— Нэнси...

Она продолжала смотреть прямо перед собой. Они молча доехали, молча поднялись в «Фалькон». Едва войдя в салон, Нэнси уселась на диван — попросить ее пересест в кресло и пристегнуться Ник не решился. Лишь когда самолет взлетел, он снова попытался заговорить:

— Послушай...

Она расстегнула ожерелье и положила его на стол.

— Забери это.

— Почему? — не понял Ник.

— Я сказала, забери это! Забери его, забери к чертовой матери, — вдруг иступленно выкрикнула Нэнси. — Забери, я видеть его не хочу! Это не мое, не мне куплено, не хочу, слышишь, не хочу! И это не хочу! — В лицо ему полетела скомканная меховая накидка. — И тебя не хочу — мне не нужны ее обноски!..

Ник махнул рукой вбежавшей на крик Моды — та мгновенно скрылась за дверью.

Нэнси ничего не заметила — она стояла нагнувшись, вцепившись в край стола и не сводя с него полубезумных, наполненных яростью глаз.

— ...Интересно, сколько человек на этом дурацком балу к концу вечера знали, что ты вставлял и матери и дочери, и гадали, которая из нас тебе больше понравилась! Хотя, конечно, — где уж мне тягаться с несравненной Алисией Хэнсфорд!

— Да брось ты, не переживай! Кто будет придавать значение словам глупой старухи?! Ну что делать, если так вышло... — Он попытался дотронуться до ее руки — рука отдернулась так, словно к ней прикоснулись каленым железом.

— «Так вышло» — это когда в подворотне трахнут силком! А ты спал с моей матерью — спал, потому что тебе так хотелось. И потому что ей так хотелось! Так ей и дари эти свои проклятые цацки! — Она схватила со стола ни в чем не повинное ожерелье и со злостью швырнула в угол.

Ник подавил в себе мгновенное желание подобрать его (опал — камень хрупкий, жалко, если сломается!) и сказал, уже резко:

— Я тебе говорю, у меня с ней все давно кончено!

— Да? А она об этом знает?!

— Ты тоже не монашкой тут жила!

— Я с твоим отцом не спала!

Еще несколько секунд они яростно сверлили друг друга глазами — и вдруг, словно внезапно лишившись сил, Нэнси опустилась на диван и закрыла лицо руками. В салоне наступила тишина, нарушаемая лишь монотонным свистом реактивных двигателей.

Нику было не по себе — против всякой логики, он чувствовал себя виноватым.

Конечно, Нэнси задолго до бала знала о его связи с Алисией, так что закатывать новую истерику по этому поводу было по меньшей мере глупо. А уж к появлению, словно чертика из табакерки, этой «тети Памелы» он точно не имел ни малейшего отношения!

Но неприятное свербящее чувство все не отпускало — и усиливалось, стоило ему взглянуть на неподвижную фигуру, сидевшую перед ним. Хотелось приласкать ее, утешить как-то... потом, может быть, увести поутешать в спальню...

— Как глупо все, как глупо...

Ник даже сразу не понял, что этот тихий скулящий звук — не плач, а слова.

Нэнси оторвала руки от лица и взглянула на него. В глазах ее больше не было ярости. Слез тоже не было — лишь растерянность и обида, будто он ее в чем-то обманул.

— ...Я так готовилась к этому балу... прическа эта, платье... все красивее хотела выглядеть... — Она безрадостно усмехнулась. — Вообразила, что могу быть тебе парой! Да уж конечно, такой красавец, как ты, — и дворняжка!

— Почему дворняжка? — не понял Ник.

— Она меня так назвала. Мне лет шестнадцать тогда было, но я до сих пор помню... я случайно услышала, как она отцу сказала: «Странно, что у двух таких красивых людей, как мы с тобой, — и вдруг такая... простенькая дворняжка получилась!» И засмеялась, и он засмеялся — понимаешь, засмеялся! — и только потом ответил: «Ну зачем ты так — Нэнси хорошая девочка...» Интересно — ты бы тоже смеялся?..

Он встал (стукнулся головой о потолок — забыл, что нужно пригибаться), подошел к ней, присел на корточки и положил руки ей на

плечи. Нэнси мгновенно напряглась, вся словно оцетинившись.

— Не надо, забудь ты эти... детские обиды. И не вспоминай больше о ней. Она для меня ничего не значит. А ты — моя жена.

— На два месяца! Точнее — теперь уже на пятьдесят восемь дней...

От этих слов руки, готовые обнять ее, притянуть к себе и утешить, опустились. Ник почувствовал себя глупо — чуть ли не на колени перед ней встал! — и уселся рядом, на диван.

— ...Вот ты меня тут попрекнул, что я «не монашкой жила»... — продолжила она. — Да, у меня были мужчины — я ведь тоже живой человек, мне хочется и тепла, и ласки! И встречалась, и общалась, и... все остальное тоже...

(Зачем, ну зачем она говорит о том, о чем он никогда не спрашивал?! Не спрашивал, не хотел и не хочет знать!)

— ...Только ни с одним из них я больше двух-трех недель не была. Как чувствовала, что начинаю к кому-то привыкать, привязываться, — так и расставалась с ним. Жалко было иной раз, так жалко! И человек-то ни в чем не был виноват... Но... представлю себе, что она появится, задом перед ним повертит — и он за ней побежит, как кобель за сучкой. И предаст меня — как Эрик, как ты...

— Я тебя не предавал! — перебил Ник. — Это ты меня бросила и уехала, а не я!

— Я тебя бросила?! Ты что, не понимаешь, что после того, как я застала вас вместе, я не могла оставаться с ней в одном доме?! Я же тебе тогда сказала — если ее не будет — я вернусь! А ты выбрал ее!

— Да если хочешь знать, ее не было в доме уже через час после твоего ухода! — расвирепел он, вскочил и снова врезался затылком в потолок.

Черт возьми, ну что же это такое делается?! Морщась и потирая голову, он сердито взглянул на Нэнси.

Она уставилась на него так, словно у него выросла внезапно еще одна пара ушей. В глазах застыл неприкрытый ужас, рот был слегка приоткрыт, а лицо стремительно, буквально на глазах, бледнело.

Да что с ней?! Ник даже забыл, что сердился.

— Так ты-ы... — начала она непохожим на ее обычный, низким, рыдающим голосом. Рука взметнулась ко рту в странном жесте, виденном им лишь однажды — когда она пришла и застала на его постели Алисию. — Ты это сам? Не из-за нее — а просто, са-ам?

— Ты что?! — Он протянул руку, хотел встряхнуть ее за плечо...

— Не трогай меня! — Отшатнулась Нэнси, лицо ее болезненно исказилось. — Не трогай меня, не трогай!

В маленьком салоне ее крик прозвучал оглушительно громко. Она вскочила и, прижимаясь к стене, словно одна мысль о том, чтобы случайно соприкоснуться с Ником, была для нее ужасна, метнулась к спальному отсеку. Ворвалась туда, захлопнула за собой дверь; через секунду слышался еще один хлопок двери — в душевую, — и все стихло.

Фу-ух! Ну и темперамент! Ник с шумом выдохнул воздух и медленно сел. Хорошо еще, что никто не прибежал проверять, не убивают ли они тут друг друга!

Да что он такого особенного сказал, что вызвало эту внезапную вспышку?! И что значит «ты не из-за нее, ты сам»?..

Он подождал немного, потом разулся и откинулся на спину дивана, шевеля пальцами ног и чувствуя, как боль в ступнях постепенно отступает. Попытался вспомнить, о чем они говорили, когда Нэнси вдруг завелась. Кажется, о том, что он выставил Алисию из дома почти сразу после ее ухода...

Ну и что?

«Ты не из-за нее, ты сам»...

Ах вот оно что: речь, наверное, идет о том, что он тогда не позвонил ей — и не позвонил вовсе не потому, что Алисия продолжала находиться в его доме. Теперь, по прошествии стольких лет, Ник и сам понимал, что позвонить надо было — возможно, она тогда бы и не уехала. И вообще, все пошло бы по-другому... Но что теперь говорить?!

Хотя, конечно, жаль...

Из спального отсека не доносилось ни шороха. Может, плохо стало? Или, наоборот, спать легла?

Не выдержав, Ник подошел к двери, осторожно приоткрыл ее.

Нэнси сидела на постели. Не плакала, хотя глаза были красными, и не шелохнулась, когда он подошел и погладил ее по растрепавшимся волосам.

— Ты... извини. Наверное, мне тогда действительно стоило позвонить, сказать, что...

— Это не имеет теперь никакого значения, Ник, — перебила она спокойным, ровным и полным горечи голосом. — Никакого... Не беспокойся, я буду выполнять все условия нашего договора. Не знаю, правда, зачем он тебе понадобился — уж наверное, не из-за этой дурочки, с которой ты способен справиться одним щелчком пальцев. Если бы тогда, когда ты предложил мне его, я знала все, что знаю сейчас, я бы просто не пустила тебя на порог. Но теперь у меня нет другого выхода — и я буду играть роль твоей жены, и делать все, что положено, и спать с тобой... если

тебе это нужно. Только не надо требовать от меня никаких чувств. У нас контракт. Он закончится — я уйду. И не надо мне ни твоих извинений, ни вот этих... ласк. — Неприязненно сдвинув брови, покосилась она на руку Ника, лежавшую у нее на плече.

Возможно, она ожидала каких-то возражений, но он молча повернулся и вышел.

Спорить, объяснять... зачем?! Ведь тогда, в отеле, Нэнси тоже кричала, плакала и обвиняла его во всех смертных грехах, вплоть до инцеста, — а наутро все было в порядке, без всяких слов и объяснений.

Завтра будет новый день... потом еще один, и этот досадный случай постепенно забудется. И когда-нибудь, в подходящий момент, он скажет ей... нет, он не станет оправдываться и говорить еще что-то про Алисию — он скажет совсем другое: что весь этот дурацкий, нелепый договор придуман им, чтобы они снова оказались вместе и смогли получше узнать друг друга — а потом решить, как жить дальше...

Глава 18

Теперь он знал, когда она становилась прежней Нэнси — во сне. Утром, когда за окном едва пробуждался рассвет, Ник просыпался, и она была рядом — теплая, своя, уткнувшаяся носом ему в плечо и смешно посапывающая. Темные тени ресниц прикрывали глаза, и лицо было спокойным и мирным.

Он смотрел на нее... долго — пока из-за какого-то донесшегося издали неясного звука, или просто так, ресницы не начинали трепетать в преддверии пробуждения.

Потом глаза открывались. В первый миг в них еще хранилось сонное тепло, но через несколько секунд оно таяло, не оставляя взамен ничего...

Ничего... Именно этим словом точнее всего можно было охарактеризовать их отношения — ничего...

Они жили в одном доме, ели за одним столом и спали в одной постели — но при этом у Ника часто возникало ощущение, что живут они в параллельных, не соприкасающихся между собой мирах.

Сразу после пробуждения Нэнси уходила в ванную. Он не пытался задержать ее или попросить полежать с ним еще немного, хотя знал, что она подчинилась бы этой просьбе. Некоторое время лежал, прислушиваясь к доносившимся из ванны звукам, — потом вставал и шел к себе.

Следующий раз они встречались за завтраком. Безупречные манеры,

пара-тройка вежливых, ничего не значащих реплик: «Передай, пожалуйста, соль... Нет, спасибо, я больше не хочу салата... Спасибо...» И лицо — не холодное, не отчужденное: ведь и холод и отчуждение — это тоже выражения. Никакое... Или как у человека, который думает о чем-то, недоступном другим, и почти не обращает внимания на окружающее.

Потом Ник шел к себе в кабинет. Что делала Нэнси? Он не спрашивал. Если, согласно расписанию, ежедневно вручаемому ей мисс Эмбер, где-то — на обеде, ужине или приеме — требовалось ее присутствие, Ник знал, что его жена, безупречно одетая, элегантная, светская и любезная, будет там вовремя.

Но чаще они ужинали дома... Те же ничего не значащие реплики: «Да... Спасибо... Передай, пожалуйста... Тебе положить?..», то же отрешенное, «никакое» лицо, начале он пытался разговорить ее, рассказывал что-то, не чувствуя отклика, шутил, не видя ответной улыбки, — потом постепенно перестал.

И — ночь... Его ночь, его время...

Ник входил через дверь, соединяющую их спальни, — нагой, как Адам. Знал, что застанет Нэнси в одной и той же, неизменной позе: на боку, спиной к нему; знал, что она даже не повернет голову, услышав его шаги.

Он шепотом цыкал на собаку, делал короткий повелительный жест и, дождавшись, пока та уйдет в его спальню, закрывал дверь. И ложился...

На Нэнси всегда была ночная рубашка — простая, полотняная, наглухо закрытая. Он не знал, зачем она надевает ее — похоже, это была своеобразная форма протеста, единственная, которую Нэнси себе позволяла.

Она не оборачивалась, когда он выключал ночник; не оборачивалась, когда прижимался к ней и начинал целовать шею, затылок, уши, легонько дуть, зарываться лицом в волосы; не оборачивалась, когда его руки пускались в путешествие по ее телу, дотрагиваясь, поглаживая и лаская. Не оборачивалась...

Только дыхание постепенно становилось прерывистым, да тело вздрагивало, слегка напрягалось — и вновь расслаблялось, отзываясь на эти прикосновения. Но она не оборачивалась.

Он поворачивал ее сам, стаскивая и отбрасывая в сторону рубашку. И прижимал к себе...

И чувствовал напрягшиеся твердыми шариками соски, и руки, обвивающиеся вокруг его шеи, и губы, которые искали его губы и отвечали на его поцелуи.

И — не торопился, потому что это было его время...

Все то, что он мог и умел, все, чему когда-то научился с другими женщинами, — все это Ник пытался сейчас дать ей, медленными ласками подводя ее к пику — и отступая; одним внезапным движением заставляя биться в судорогах наслаждения, стонать, кричать; доводя почти до беспамятства — и не давая передышки.

Иногда он чувствовал слезы на ее лице и стирал их губами.

Потом она засыпала — истомленная и безвольная. Уже не пыталась ни отстраниться, ни отвернуться; дыхание становилось все ровнее, медленнее; засыпала — чтобы вновь проснуться утром...

Он думал, что пройдет два-три... ну даже четыре-пять дней, инцидент на балу постепенно забудется, уйдет в прошлое, и Нэнси снова станет прежней. Но дни шли один за другим — и ничего не менялось.

Иногда Нику казалось, что если бы они остались жить в отеле — там, где произошло их стремительное сближение, там, где они были только вдвоем, — то лед снова мало-помалу бы растаял. А тут, на вилле... смешно, но получалось, что нигде, кроме спальни, они почти не оставались наедине.

Возможно, многие люди отнеслись бы к этому спокойно — ну, подумаешь, у столовой нет дверей, а только широкие арочные проемы, подумаешь, прошла там, в соседней комнате, экономка, или горничная зашла спросить, не пора ли подавать десерт, — ну и что?! Но Ник еще со времен своей инвалидности не терпел в доме посторонних, в том числе прислуги, и до сих пор не избавился от этой своеобразной фобии.

Поэтому здесь, на вилле, все приводило его в состояние тихого, еле сдерживаемого бешенства. И присутствие где-то в доме экономки, кухарки и горничных, и их назойливые попытки поухаживать за ним (он прекрасно может сам положить себе еду, спасибо, до свидания!), и то, что простое желание пойти на кухню и пошарить холодильнике вызывало недоуменные взгляды кого-нибудь, кто там вскоре неминуемо появлялся, и мгновенно исчезающие, стоило оставить на стуле, рубашки.

А главное — ощущение, что все зря, что день идет за днем — и ничего не меняется...

Днем Нэнси обычно не было дома. Куда она ходила? Ник не знал. На прямой вопрос следовал короткий неопределенный ответ: «По магазинам... Гуляла...»

Что-то она себе и вправду покупала, но для женщины фактически неограниченным кредитом она была весьма экономна (Ник пару раз, просто чтобы знать, посмотрел расходы по ее кредитной карточке).

Но к ужину она непременно была дома — лишь один раз передала через мисс Эмбер, что приглашена на свадьбу и придет поздно. Сама к

нему в кабинет не заходила никогда.

Иногда Ник спрашивал сам себя — почему он до сих пор не бросил эту дурацкую затею, не разорвал никому не нужный контракт — и не вернулся в Нью-Йорк. Из упрямства?! Или из привычки доводить все до конца, никогда не бросая начатое на полпути?..

Хуже всего было то, что в последнее время он порой с трудом мог сосредоточиться на работе: чем меньше он разговаривал с Нэнси — тем больше думал о ней. Мысли эти возникали помимо его воли — как вирус, проникший в сложную программу и не дающий ей работать с полной отдачей. Он представлял ее себе — в самых разных видах и в самое неподходящее время; разговаривал о ней с собакой, которая полюбила лежать в его кабинете и каждое его слово встречала внимательным взглядом и взмахами хвоста; вспоминал...

Глава 19

На следующий день после того самого бала, без всяких слов и объяснений, на комодике в ее спальне появилась индийская шкатулка. Внутри лежало ожерелье с опалами. Нэнси не стала ничего говорить. Зачем? Уходя, она просто оставит здесь все это...

Пока же обязанности миссис Райан требовали все новых туалетов и драгоценностей. Она покупала — не самое дорогое, но и не самое дешевое — такое, что было прилично надеть в ее положении. И никогда не надевала аметистовую подвеску и комплект с лазуритом: они были из другой жизни, были сделаны когда-то именно для нее, для Нэнси, а не куплены для «миссис Райан».

Деловой ужин... дружеский обед... открытие нового корпуса предприятия «Райбери Индастриз» в Силиконовой долине. Ей было тошно снова заходить в этот самолет, тошно сидеть в нем — но ее же никто не спрашивал...

Прием у мэра Денвера — Нэнси так и не поняла, по поводу чего. Как любезничал с ней Бреннер — тот самый Бреннер, который совсем недавно шествовал по коридорам телестудии, едва замечая ее! Впрочем, любезничал он не с ней, а с женщиной, сопровождавшей «большого босса», и не просто сопровождавшей — бери выше! — исполнявшей обязанности жены этого босса.

Сказал между делом, что на студии открылась новая вечерняя программа и почти весь штат ток-шоу, в котором работала Нэнси (при этом

заговорщически улыбнулся, мол, он-то понимает, это была всего лишь эксцентричная прихоть решившей развлечься миллионерши), переведен туда.

То же самое рассказала ей Лиза — Нэнси все-таки побывала у нее на свадьбе. Побывала, пообщалась с бывшими коллегами, выслушала все подробности про эту новую программу и познакомилась с ее «хозяйкой». Это была совсем молодая женщина по имени Фрэн, приехавшая из Бостона, которая до сих пор поверить не могла в свою удачу — внезапно получить программу! Хорошенькая, изящная и обаятельная, она разговаривала с Нэнси почтительно, как с высокопоставленной особой.

Да и все остальные, многих из которых Нэнси знала годами... Они были радушны, приветливы, Лиза благодарила за подарок — но Нэнси не оставляло ощущение, что относятся к ней уже не как прежде, что между нею и всеми этими людьми возникла невидимая стенка, которая и не позволяет больше им вести себя с ней непринужденно.

С того времени, когда Нэнси уехала из Хьюстона, она еще никогда не чувствовала такого беспросветного, всепоглощающего одиночества.

Конечно, она уже много лет жила одна — но на работе можно было и поболтать, и посплетничать, и пошутить; рассказать сон — и выслушать чужой; посудачить о моде и диетах — и дружно, всем миром, высказать заочное «фи!» придурку Блейзу. А вечером, дома, ее ждала Дарра — и радовалась ее приходу, и они вместе шли гулять, и вместе ужинали.

А теперь... Почти сразу после завтрака она уходила из дома — или в салон красоты (миссис Райан должна выглядеть безупречно!), или купить что-то к очередному мероприятию, или в кино, или просто... куда-нибудь.

Как-то днем она, сама не зная зачем, подъехала к своему дому. Зашла внутрь, не включая отопление и свет, поднялась наверх и легла на кровать. И пролежала так до самого вечера.

С тех пор Нэнси делала это часто. Не спала — просто лежала и смотрела в потолок. Время текло незаметно, порой она спохватывалась, когда уже темнело; вставала и ехала обратно на виллу.

Она не любила эту виллу. Непонятно почему — ведь, когда они с Джеральдом приехали сюда впервые, ей все понравилось: и большой огороженный участок, где можно было спокойно спускать собаку, не боясь, что из-за угла вывернет машина; и сама вилла — солнечная, ухоженная, с цветами в горшках и стильной мебелью; и приветливая пожилая экономка.

Теперь же, возвращаясь туда, Нэнси каждый раз собиралась с силами, как перед дверью зубного врача — вроде и нужно, и нечего бояться — а

все равно... как-то неприятно. Это был не ее дом; дом, который никогда не станет ее, — и хотелось как можно быстрее пройти к себе в спальню и закрыть дверь.

Да и экономка, которая с первого взгляда произвела столь благоприятное впечатление... Уже через пару дней Нэнси делала все, чтобы сталкиваться с ней как можно реже. Прежде всего, миссис Берк не любила собак — это стало понятно в день приезда, стоило увидеть ее поджатые губы и взгляд, брошенный на следы, которые Дарра оставила на входе в дом. Кроме того, она не любила молодых женщин — особенно таких, которые выскакивают замуж за богатых людей и портят им после этого жизнь...

То, что отношения между мистером и миссис Райан были несколько натянутые, экономка поняла быстро — поняла, нашла виновного и осудила. Разумеется, она никогда не позволила бы себе как-то проявить свое отношение к сложившейся ситуации — была вежлива, предупредительна и деловита, — но Нэнси чувствовала это осуждение в каждом слове и каждом взгляде и, если была возможность, предпочитала говорить о хозяйственных делах не с миссис Берк, а с Джеральдом. С ним было проще. С ним она даже иногда разговаривала на отвлеченные темы — о фильмах, о собаках, о погоде на завтра...

Натянутые отношения... Хорошее слово — действительно, словно струна, натянутая между двумя людьми и грозящая рано или поздно лопнуть и хлеснуть наотмашь, оставив болезненные шрамы.

Хотя — какие же натянутые? Она сама сказала: «Не требуй от меня никаких чувств» — и Ник принял «правила игры».

Днем они виделись мало — разве что за завтраком и ужином, да еще во время «протокольных» мероприятий, которых было по три-четыре в неделю.

После ужина Нэнси часто уходила в бассейн. Сидеть в комнате было невыносимо — казалось, стенки постепенно сближаются, надвигаются на нее и рано или поздно раздавят.

В бассейне было просторно, гулко и пусто. Нэнси недолго плавала, а потом ложилась загорать под искусственным «солнышком» с каким-нибудь старым, десятки раз читанным детективом. Ничего нового или более серьезного читать она в последнее время не могла — глаза скользили по строчкам, не воспринимая их смысла.

Впрочем, и этот детектив читать не получалось — если приходил Ник.

Он приходил не каждый день, но довольно часто. Приходил, приветствовал Нэнси взмахом руки, скидывал халат и лез в воду.

Двадцать пять ярдов туда, двадцать пять — обратно, короткая передышка. Цепляясь за поручень и высунув из воды голову, Ник вытирал мокрое лицо, делал пару глубоких вдохов, отталкивался от бортика — и вновь устремлялся вперед. И снова, и снова... Туда — обратно — передышка. Туда — обратно — передышка.

Нэнси понимала, что не надо смотреть на него, что лучше встать и уйти, но не уходила — смотрела и смотрела на мощное гибкое тело, без усталости разрезающее голубоватую воду.

И вспоминала их «медовый месяц» — как они тянулись друг к другу, и целовались до одури, и бассейн, в котором они плавали, то и дело сталкиваясь... И Ник тогда тем же самым жестом смахивал воду с лица.

Ведь было же это все! Было, было, было! Иногда ей мучительно хотелось заплакать, закричать, завывать — броситься к нему, прижаться, почувствовать, хоть ненадолго, его силу, его тепло и надежность. Прижаться, уткнуться и повторять одно и то же: «Ник, что с нами случилось, почему все так? Почему? Мне плохо — мне так плохо... Сделай хоть что-нибудь, чтобы мне не было так плохо, чтобы я не чувствовала, что схожу с ума, что лечу в какую-то преисподнюю... Мне плохо, Ник!»

В такие минуты, чтобы справиться с этим неудержимым, безумным желанием, Нэнси заставляла себя мысленно «увидеть» одну и ту же сцену — ту самую, которую она застала в будуаре матери в день помолвки. Только на этот раз у мужчины были не светлые, а темные волосы — черные, пронизанные серебристыми нитями... А потом он оборачивался, и в бирюзовых глазах не было ничего, кроме злости. Злости — и презрения: «Да кто ты вообще такая?!»

После этого плакать хотелось еще больше — но уже не хотелось прижаться к нему.

Он приходил каждую ночь. Каждую ночь Нэнси лежала, прислушиваясь к доносящимся из-за двери звукам и ждала — когда же эта дверь распахнется и Ник войдет. И ненавидела себя за то, что так этого ждет.

Но ничего не помогало — она могла злиться на себя, ненавидеть себя, притворяться перед самой собой, что ей все равно, — но, когда он входил в комнату, чувствовала это сразу. И сердце начинало колотиться, и внезапно пересыхало во рту — вот-вот, сейчас... А потом кровать слегка вздрагивала от его веса. Ник перегибался через нее, горячий и тяжелый, выключал ночник, и в комнате становилось темно. И в этой темноте он обнимал ее.

Становилось жарко — от его тела, от его дыхания, от его рук — и от той теплой истомной волны, которая поднималась изнутри и заполняла все ее существо. И мысли, облеченные в слова, те самые, которые мучили Нэнси, пока она лежала и ждала его, свертывались в маленький комочек и прятались где-то далеко-далеко. Оставались только два человека, и темнота и тишина...

Зачем он всегда выключал ночник? Ей не хотелось этой темноты, хотелось видеть его — и глаза, и лицо, и все... Она сердилась на себя за то, что ей этого так хочется, и забывала, что сердится, и «рассматривала» его пальцами и губами, точно слепая. Не раз хотела сказать ему — не выключай свет, зачем?! — и не говорила.

Он тоже молчал, лишь иногда постанывал и бормотал что-то, словно в бреду, повторял: «милая... милая...». И ласкал — жадно, безудержно, пока Нэнси не забывала, где она и кто она такая. Не было ни прошлого, ни будущего — только этот миг, и этот, единственный мужчина — его руки, его запах, его тело и дыхание, его губы...

Каждый вечер она зачеркивала клеточку в календаре и считала, сколько их еще осталось. Считала машинально, даже не задумываясь, что и зачем считает, — лишь порой вспоминала, что вот-вот, совсем скоро, нужно будет что-то снова решать, и продавать дом, и ехать неизвестно куда.

И еще — что этих ночей, когда она лежит и ждет, прислушиваясь к шагам за дверью, остается все меньше и меньше.

Тридцать шесть... тридцать четыре... тридцать...

Глава 20

Это был обычный вечер — обычный вечер обычного дня.

Она вошла в огромный, чуть ли не в пол-этажа холл, и сразу заметила Джеральда, который, стоя недалеко от входа в кухню, разговаривал о чем-то с миссис Берк. На ходу кивнула им, бросила скороговоркой:

— Добрый вечер, миссис Берк, добрый вечер, Джеральд! — и побежала вверх по лестнице.

В первый момент, войдя в спальню, она даже не поняла — что не так? Что изменилось, почему возникло ощущение, что комната стала вдруг чужой?! Кровать... трельяж... комодик... И тут до нее дошло: ночник!

На тумбочке не было аметистового ночника...

Быстро взглянула на трельяж — там тоже нет! И — первая мысль:

«Ник! Но зачем?..»

Она еще не успела сдвинуться с места, когда в дверь постучали, и, открыв, Нэнси увидела перед собой именно ту особу, с которой ей сейчас меньше всего хотелось общаться.

Начала экономка прямо с порога:

— Миссис Райан, вы так быстро ушли, что я не успела вам ничего сказать...

Нэнси все стало ясно сразу — дальнейшие слова еле пробивались к ней сквозь поднявшийся вдруг в ушах звон:

— ...Новая горничная хотела помыть... не знала, что он окажется таким тяжелым... выронила из рук... раскололся... она очень извиняется...

— А осколки... Склеить... Склеить нельзя?! — перебила Нэнси.

— Там было много осколков, их собрали и выбросили. — Миссис Берк посмотрела на нее с легким удивлением. — Держать в доме битое — плохая примета. Я уже переговорила с мистером Рамзи, он обещал, что завтра придут приемлемые образцы ночников, и вы сможете выбрать себе подходящий — не хуже того, что у вас был... — Она замолкла, увидев, что Нэнси судорожно, уже не контролируя себя, замотала головой.

— Неужели нельзя было сначала меня спросить?! Дождаться или... у меня же телефон есть!.. Или у Ника спросить!

— Неужели вы думаете, что я стала бы беспокоить мистера Райана из-за такого пустяка! — Из тона экономки явствовало, что ей предложили по меньшей мере осквернить святыню. — И я не понимаю, почему вы так расстраиваетесь. Я же говорю — мистер Рамзи...

Нэнси только теперь сообразила, что мистером Рамзи экономка именуется Джеральда, но ей было не до того.

— А мусор уже увезли?

— Миссис Райан, не станете же вы просить меня рыться в мусорном баке?! — возмутилась миссис Берк.

— Да ничего я не стану вас просить! Сама все сделаю! — Сейчас Нэнси было все равно, что о ней подумают и скажут. — Пустите!

Она протиснулась мимо стоявшей на пути экономки, успела сделать пару шагов по коридору — и остановилась, услышав сзади сказанное, как ей показалось, с тайным злорадством:

— Мусор в этом районе вывозят в четыре часа дня.

«В четыре... значит, уже увезли...» — промелькнуло в голове.

Нэнси обернулась. На лице миссис Берк нельзя было прочесть ничего, кроме вежливого непонимания.

— Не волнуйтесь, миссис Райан! — сказала экономка с сочувственной

улыбкой — наверное, так же она успокаивала бы избалованного капризного ребенка, закатившего истерику из-за сломанной игрушки. — Мистер Рамзи обо всем позаботится. И если хотите, я...

— Хватит! — выдохнула Нэнси.

— Но...

— Я сказала — хватит! — крикнула она уже во весь голос. — Отстаньте от меня!

Экономка застыла, приоткрыв рот, — она не предполагала, что миссис Райан, которая за весь месяц ни разу ни на кого не повысила голос, заорет вдруг, как базарная торговка. Кровь стучала у Нэнси в висках, и слова выплескивались в коротком приступе злобного наслаждения — наконец-то можно сказать это вслух:

— Убирайтесь к чертовой матери! В этом доме со мной не считаются, но хоть оставить меня в покое вы можете?! И не лезьте ко мне больше!

Проскочив мимо экономки обратно в спальню, она захлопнула за собой дверь, бросилась на постель и зарыдала в голос.

Стук в дверь раздался довольно скоро. Нэнси медленно сползла с кровати и пошла открывать, надеясь, что это не снова миссис Берк. Разговаривать с ней еще раз сил не было: перед глазами все плыло и голова казалась распухшей. Но за дверью стоял Джеральд.

Махнув рукой — заходи, мол, — она отошла вглубь комнаты и села на кровать.

— Миссис Райан, — нерешительно начал он, — миссис Берк там очень переживает...

— Я тоже. Дальше что? — охрипшим голосом спросила Нэнси. На глаза по-прежнему наворачивались слезы.

— Она хочет уходить... то есть уволиться...

Хотя Джеральд и не сказал напрямую, но он явно намекал на то, что было бы лучше, если бы отношения миссис Райан с миссис Берк как-то уладились...

Проблема состояла в том, что Нэнси улаживать эти отношения не собиралась — не собиралась ни извиняться за свои слова, ни даже говорить обтекаемое: «Мы с вами обе погорячились». Единственное, что ей сейчас хотелось, — это чтобы ее оставили в покое. Хочет уходить — пусть уходит!

— Конечно, ей следовало поставить вас в известность... — не получив ответа, продолжил Джеральд. — Я понимаю, вы сейчас расстроены... — На самом деле он наверняка не понимал, почему из-за какой-то не слишком дорогой вещицы разгорелся весь этот скандал. — Я уже обо всем

позаботился, к вечеру нам привезут несколько образцов, и вы сможете выбрать очень похожий...

— Не надо... — поморщившись, покачала головой Нэнси. — Не надо. Тот ночник... его мне Ник подарил, в тот день, когда... — едва унявшиеся слезы снова хлынули, — когда сделал мне предложение. Понимаете?! В тот самый день! Вы сможете мне вернуть этот день? Вы сможете вернуть мне тот день?! И... — Она хотела добавить: «И того Ника!», но опомнилась, поняв, что стоит всклокоченная, в измятом платье и с заплаканным лицом, и кричит на совершенно ни в чем не повинного Джеральда. Сказала тихо: — Не нужно мне ничего... спасибо...

После его ухода она переделалась в халат и снова легла на кровать.

Она понимала, что надо встать, умыться и пойти гулять с собакой, но сил не было, и слезы продолжали струиться по ее лицу. В голове крутились обрывки мыслей, воспоминаний — такие, от которых плакать хотелось еще больше. Подтянув колени к груди и сжавшись в комок, Нэнси всхлипывала и изредка съезжала по подушке с мокрого, холодного и противного места на сухое, которое тоже вскоре промокало.

На этот раз стука в дверь не было, но внезапно кровать слегка вздрогнула, раздалось громкое сопение, и в лицо ей сунулся холодный нос.

«Пришла все-таки!» — подумала она, обняла и притянула к себе теплое собачье тело. Дарра забила хвостом, распластываясь рядом и продолжая хлопотливо тыкаться носом в лицо — «утешать».

Только когда кровать вздрогнула еще раз, Нэнси поняла, что собака пришла не одна. Не стала открывать глаза, лишь горестно вздохнула, когда на голову ей легла рука.

— Не плачь так, не надо...

Нэнси повела плечом.

— Они разбили мой ночник... — пожаловалась она.

— Я знаю. Мне уже Джеральд сказал.

Ник сдвинул руку и начал поглаживать ее большим пальцем по щеке, стирая слезы, — и не было ни сил, ни желания отстраниться. Лежать бы вот так, с закрытыми глазами, и пусть гладит.

— И осколки выкинули...

— Я знаю. Жалко, там хорошие кристаллы были. Я бы их лучше на мобиль пустил.

— На какой? — спросила она машинально, «зацепившись» за непонятно откуда взявшееся слово.

— На красивый. На серебряных проволочках — кристаллики разноцветные висят, медленно вертятся, и снизу подсветка. Я давно хочу

такой сделать и у себя поставить.

— А у тебя тот, желтенький ночник еще цел?

— Да. Не огорчайся, Нэнс, все еще можно исправить...

— Не хочу я новый... Я включала этот и вспоминала, как мы с тобой жеоду пилили и какая я молодая тогда была и во все хорошее верила... — Слезы снова потекли, и Нэнси открыла глаза.

Ник сочувственно смотрел сверху. Он был без пиджака, но в остальном одет по-деловому: в галстук и крахмальной рубашке. Наверное, прямо из кабинета пришел.

— Ну не надо так, Нэнс! — повторил он. — На вот... может, это тебя немножко утешит. — Достал из кармана полиэтиленовый пакетик и положил на подушку рядом с ее рукой. — Только... не швыряй, пожалуйста, в угол, я не люблю, когда так с камнями обращаются...

Нэнси медленно зашевелилась, приподнимаясь, развернула пакетик и уставилась на то, что выпало на ладонь.

— ...Я давно хотел тебе отдать, но... в общем, возьми сейчас, — сказал Ник. — Это тот топаз, который я на нашей свадьбе тебе дал, помнишь? Там, сзади, дата выгравирована, на память... Я это сделал еще к тому дню рождения, когда ты... ну, в общем... Вот.

Это действительно был тот самый камешек! Правда, из чуть сколотого сбоку кристалла он превратился в огранный овал, но оставался все таким же «лучезарно-голубым». На обратной стороне серебряными чернилами была выписана дата: 29.12. Дата их свадьбы...

Он стал теперь центральной подвеской серебряного ожерелья — очень красивого и похожего на старинное, — но не это было главное, а сам камешек, всколыхнувший сразу массу воспоминаний: и о «доме будущего», и о Робби с ее вечными приметам и этой дурацкой считалкой, и о Нике... Не о теперешнем деловом и самоуверенном, привыкшем, что стоит ему щелкнуть пальцами — и все должно немедленно исполняться, — а о том, которого Нэнси встретила когда-то на кольце. О человеке, который положил ей в руку теплую голубую звездочку...

— Ну что? — спросил Ник.

— Спасибо... — Наверное, он ждал от нее именно того.

— Хочешь примерить?

— С халатом?!

— Ну и что? — Он снова погладил ее по голове, поерошил пальцами волосы.

Нэнси незаметно прижалась ноющим виском к его руке — прохладной и несущей облегчение. Вот если бы он еще ей на глаза эту руку положил...

Расстегнула пару пуговиц халата, распахнула его и надела ожерелье. Слезла с кровати, подошла к трюмо — действительно красиво.

Возможно, Ник ждал каких-то бурных изъятий благодарности и восторга, но у нее не было на это сил — глаза щипало, а голова, казалось, раздулась так, что вот-вот лопнет. Поэтому Нэнси просто вернулась к нему и повторила:

— Спасибо.

Он хозяйским жестом поправил ожерелье и не убрал руку, продолжая рассеянно поглаживать ее по шее.

— Я позвоню про ужин?

— Мне еще с собакой нужно сходить.

— Можно попросить Джеральда.

— Нет, я сама хочу. Пройдусь по холодильнику — голова, может, пройдет.

— А хочешь, я с тобой схожу? — неожиданно спросил Ник.

Нэнси меньше всего ожидала услышать подобное предложение.

— Мне, вообще-то, положено ходить каждый день по крайней мере мило — но я ленюсь, — пожав плечами, добавил он. — Давай хоть сегодня схожу.

— Ну, пойдём...

И подумала, что они с Ником никогда в жизни вместе не гуляли — не шли рядом по улице, просто так, куда глаза глядят...

Когда-то в детстве он читал сказку Андерсена — про русалочку, которая за возможность жить на суше и видеть своего возлюбленного заплатила такой болью в ногах, «словно ее резали тысячи ножей». Наверное, ее ощущения были сродни ощущениям самого Ника, появившимся примерно к середине прогулки.

Но Нэнси бы он этого в жизни не сказал, и старался ничем не показывать ей своего состояния. Тем более что врач действительно велел постепенно увеличивать нагрузку на ноги. Может быть, если бы он соблюдал предписанный режим, то и боли бы такой сейчас не было...

Когда они выходили из дома, Нэнси сказала вдруг:

— А я на миссис Берк накричала...

— Ну и плюнь на нее. Хочешь, я ее уволю? — предложил Ник. На самом деле экономка работала не на него, а на владельцев виллы, но попросить ее пожить до конца срока аренды где-нибудь в другом месте (разумеется, за его счет) он вполне мог — если это доставит Нэнси удовольствие.

— Не надо, — очень серьезно ответила она, качнула головой и слегка

поморщилась — он и раньше замечал, что она плохо переносит слезы и мучается после них головной болью.

Дальше они шли молча, но Ника не оставляло ощущение, что это не то отчужденное, непроницаемое вязкое молчание, к которому он уже привык за последние недели. Что-то изменилось, сдвинулось с мертвой точки — словно из-под ледяной корки внезапно, робко и слабо, пробился живой ручеек.

Прогулка не слишком помогла. К возвращению на виллу Нэнси выглядела чуть бодрее, но за ужином снова сидела молча, сдвинув брови и иногда вздыхая, и почти ничего не ела.

Ночью, когда Ник пришел к ней в спальню, над изголовьем горела лампа, а Нэнси лежала лицом к двери. Это было непривычно — настолько непривычно, что он застеснялся своей наготы, поспешил подойти и, вместо того чтобы лечь, сел рядом.

— Голова болит, — пожаловалась она извиняющимся тоном.

Глаза у нее действительно были совершенно больные.

— Тогда давай просто поспим.

Она медленно, не сводя с него глаз, кивнула. Ник вытянулся рядом с ней, осторожно привлек ее к себе и поцеловал в висок. Погасил свет и шепнул:

— Спи. Спи, котенок, и пусть тебе хороший сон приснится.

Так обычно говорила ему мать, когда в детстве приходила подоткнуть одеяло и поцеловать на ночь...

Глава 21

Уехал Ник неожиданно. Утром, за завтраком сказал вдруг:

— Я сегодня улетаю в Нью-Йорк. Думаю, на пару дней. Понадоблюсь — звони, у тебя телефон есть.

Поехать с ним он Нэнси на этот раз не предложил.

Отъезд его был неожиданностью не только для нее — так Нэнси поняла из некоторых реплик Джеральда, которого тоже «оставили дома».

Миссис Берк вела себя тише воды ниже травы и старалась не встречаться с Нэнси взглядом. Как выяснилось, Ник, узнав о происшествии с ночником, пригласил ее в свой кабинет. Вышла она оттуда очень расстроенная, и ни о каком уходе больше речи не вела. Все это Нэнси тоже узнала от Джеральда. В отсутствие Ника они завтракали и ужинали вместе — и именно Ник был основной темой их застольной беседы.

Хотя Джеральд имел степень магистра в области менеджмента, его вполне устраивала должность личного помощника мистера Райана, и он с удовольствием рассказывал и о том, как начинал работать с Ником, на первых порах панически боясь сделать что-то не то, и о местах, где им довелось побывать, и просто — запомнившиеся случаи.

А Нэнси слушала... Слушала и вспоминала — каждый жест, каждое слово, каждую черточку. И прихотливо изогнутые брови, и смех, и запах, и вкус кожи, и настойчивые губы, и глаза, переливающиеся бирюзовым пламенем. Вспоминала, и любовалась им, и восхищалась, и разговаривала, словно он стоял перед ней, и сердилась на него, и упрекала: ну почему он уехал и не взял ее с собой! Ведь им же осталось так мало быть вместе!

Хотя... если бы Ник действительно стоял перед ней, она бы всего этого ему не сказала...

Прошло два дня — он все не возвращался. И не звонил — по крайней мере, ей. Спрашивать у Джеральда, не звонил ли Ник ему, Нэнси не хотелось.

Она тоже не звонила. О чем было говорить? Да и зачем? Привыкать к тому, что можно нажать кнопку и услышать его голос? Скоро этого уже не будет...

Кроме того, нет-нет да и мелькала мысль: «А может, он там не один?» Иначе почему на этот раз он не взял ее с собой?..

Он приехал через три дня, ночью.

Проснулась Нэнси оттого, что Дарра соскочила с кровати и, цокая когтями, бросилась к двери. Откуда-то раздавались голоса, шум. Казалось, весь дом наполнился жизнью.

Нэнси поняла сразу. Сердце, не спросясь, запрыгало: «Ник, Ник вернулся!», она включила лампу над головой: скорее, побежать, увидеть, встретить! — и опустила на подушку, усилием воли осадив себя. Захочет — придет...

Но услышав шаги за стенкой, уже не выдержала — вскочила и кинулась к шкафу за халатом. И обернулась, когда позади распахнулась дверь.

Стоя на пороге, Ник одной рукой отбивался от бешено наскрывающей Дарры, в другой руке он держал какую-то коробку. В его волосах

поблескивали капельки воды от растаявших снежинок, и весь он выглядел как-то непривычно — веселый, взъерошенный и словно помолодевший, в джинсах и свитере.

Нэнси и сама готова была броситься к нему, как Дарра, но замерла, будто приросла к полу, пока он, сделав пару шагов к кровати, не кинул туда коробку и не протянул ей руку, — и только тогда сорвалась с места и влетела в его объятия.

Он сказал сверху:

— Какая ты теплая... — Отпихнул попытавшуюся влезть между ними собаку и прижал Нэнси к себе еще теснее. — И как от тебя пахнет хорошо. Опять на тебе эта дурацкая рубашка...

Но Нэнси было все равно, что он сейчас говорит. Привстав на цыпочки, она вжималась лицом в его шею, терлась об него, вдыхала его запах.

Все так же, не отпуская друг друга, они рухнули на кровать. Ник, придерживая ладонью голову Нэнси, поцеловал ее, пробормотал с нежностью:

— Нэнс... — и снова поцеловал. Глаза его были закрыты, от губ пахло кофе. На секунду он отодвинулся, сорвал с себя свитер — под свитером оказалась рубашка без галстука, с распахнутым воротом. Нэнси потянулась рукой в открывшийся треугольник загорелой кожи, расстегнула еще пару пуговиц, но тут Ник внезапно отстранился.

— Подожди... Подожди, подожди! Сначала посмотри, что я тебе привез!

Нэнси не поняла — зачем, при чем тут это сейчас?! — и растерянno уставилась на него.

— Посмотри... — снова попросил Ник. Не дожидаясь, пока она сдвинется с места, сам подтянул коробку поближе и открыл. — Вот!

В коробке лежало что-то, завернутое в полотенце. Нэнси попыталась вынуть и, едва прикоснувшись, по тяжести, по знакомой колючей твердости, догадалась, что это. Новый каменный ночник...

Она замерла, не зная, что сказать. Наверное, это тот, желтый, который когда-то стоял в его спальне... Ладно, пусть так — при виде его тоже будет вспоминаться что-то хорошее! Развернула полотенце, и готовые уже вырваться слова благодарности застряли в горле. В коробке лежал не желтый — там лежал сиреневый аметистовый ночник! Тот самый, который разбился, который выбросили, который...

Не веря своим глазам, Нэнси осторожно дотронулась до гладкого лилового кристалла.

— Это вторая половинка той жеоды, — услышала она и только теперь

поняла... И взглянула на Ника — не на глаза, на руки.

Длинные сильные пальцы стали шершавыми и кое-где посветлели от вьевшейся каменной пыли; на правой руке у основания указательного пальца виднелась царапина, заклеенная «жидким пластырем», — он всегда пользовался таким.

Нэнси дотянулась и взяла в ладони эту ободранную руку. Поднесла к лицу и прижалась щекой.

— Обцарапался весь...

— С непривычки. Я давно этим не занимался. — Ник осторожно высвободил руку. — Ну что... Давай включим?

— Давай...

Он соскользнул с кровати, вынул аметистовую друзу из коробки, поставил на тумбочку — и внезапно ночник засветился, засиял, заиграл знакомыми розовато-сиреневыми переливами.

Это было чудо! Словно что-то волшебное, чего не может быть, не бывает в жизни, — все-таки случилось! Нэнси едва заметила, как Ник выключил верхний свет, как сел рядом, обхватив ее за плечи, — словно замороженная, она смотрела и смотрела на розовые сполохи.

— Вот видишь — все еще можно исправить. Все, кроме смерти, — сказал Ник негромко.

Нэнси обернулась — глаза его были серьезными, словно он ожидал от нее какого-то ответа. Сказать: «Спасибо»? Но он и без того наверняка понимал, что она сейчас чувствует, поэтому Нэнси просто кивнула.

И вспомнилось внезапно, как давным-давно они вот так же сидели перед ночником и рука Ника так же лежала у нее на плече — тяжелая и теплая...

— Ну что — давай ложиться? — усмехнулся он, выпрямился и махнул Дарре на дверь своей спальни: — А тебе, голубушка, извини уж, как всегда, придется... туда.

Собака изъявила полное нежелание покидать его общество: заизвивалась и попыталась наскочить лапами.

— Извини... извини... — повторил Ник, похлопал ее по бокам — после чего, слегка подталкивая коленом, довел до спальни и закрыл за ней дверь. Вернулся и начал раздеваться.

Нэнси сидела, забыв о том, что ей тоже нужно что-то делать. Ей вдруг пришла в голову странная мысль: а ведь она никогда раньше не видела, как Ник раздевается! Никогда... Обычно он или приходил уже полностью раздетый, или ждал в постели. И захотелось хотя бы сейчас досмотреть все до конца. Досмотреть — и запомнить, как переливаются мышцы под

кожей, как он поворачивает голову, как усмехается чему-то...

— Что ты так смотришь? — с усмешкой спросил Ник.

— Красивый ты очень... — Против ее воли, это прозвучало почти печально.

— Какой уж есть.

На этот раз он не погасил свет. И вел себя необычно — с какой-то непонятной, чуть ли не пугающей нежностью.

Всегда напористый и страстный, так хорошо знающий, как пробудить в ней ответную страсть, в этот раз он гладил и гладил Нэнси по лицу, по шее — легонько, кончиками пальцев; пощипывал губами мочки ушей, проводил ими по векам, не давая открыть глаза.

От этих легких прикосновений все ее тело налилось томительной жаркой тяжестью. Нэнси знала, чувствовала, что и Ник хочет ее, — не почувствовать было трудно, его мужское естество прижималось к ее животу, возбуждая еще больше. Но пальцы его по-прежнему скользили по ее лицу неторопливо и нежно.

— Я никогда раньше не спрашивал — тебе хорошо со мной? — неожиданно спросил он.

И это было странно — он не разговаривал обычно в постели...

— Да, — выдохнула Нэнси. — Да, да...

Да, да! Лучше, чем с ним, ей не было никогда и ни с кем. Только с ним, с Ником, с единственным, она забывала обо всем, превращаясь в комок неистового, безудержного желания. Как и сейчас. Как и сейчас — в нереальном, наполненном переливами розового света, мире...

По телу Нэнси пробежали короткие судороги наслаждения, служившие лишь предвестниками чего-то большего. Вцепившись Нику в плечи, она извивалась, стонала, подавалась к нему, стремясь почувствовать его в себе еще глубже, еще полнее. Ей казалось, что в комнате не осталось воздуха, что легкие с каждым вдохом наполняются жидким огнем. Она распахнула глаза, будто это могло помочь ей дышать, и забилась в пронзившей ее судороге сокрушительного оргазма.

Перед широко раскрытыми невидящими глазами метались розовые пятна, похожие на вспышки фейерверка; где-то далеко, словно сквозь забытие, она ощутила, как Ник задрожал и извергся в нее, но и после этого продолжал двигаться, как разогнавшаяся машина. Правда, все медленнее... и медленнее — пока, наконец, не опустился на нее, навалившись всем весом и обжигая шею горячим тяжелым дыханием.

Охваченная сонным блаженным оцепенением, Нэнси не в силах была ни сказать что-то, ни повернуть голову и дотянуться губами до

оказавшихся совсем близко темных волос, ни даже шевельнуть кончиком пальца. Веки ее постепенно ослабели и сомкнулись.

И, засыпая, она все еще чувствовала Ника рядом как часть себя — часть, без которой жить невозможно.

Глава 22

Он устал. Он чертовски устал. А главное — все было бессмысленно и безнадежно. Что бы он ни делал, как бы ни старался, сегодня он не был ни на йоту ближе к Нэнси, чем тогда, когда встретил ее в коридоре телестудии.

И даже когда на мгновение мелькала надежда, что вот, наконец теперь все будет хорошо — снова и снова что-то вставало между ними.

Что-то... Не «что-то» — пора назвать вещи своими именами, всегда одно и то же: ее маниакальная ненависть к Алисии. К Алисии — и ко всему, что с ней связано, ко всему, к чему та прикоснулась, ко всему, что напоминало о ней. В том числе и к нему.

Зачем он еще продолжал эту бессмысленную игру? Ведь уже было ясно, что ничего не выйдет. Пройдет ли еще двадцать дней, которые им осталось быть вместе согласно контракту, или месяц, или больше — все равно с этим ничего не сделать. Так не лучше ли все бросить, и уехать обратно, в Нью-Йорк, и жить, как жил раньше, и в первый же вечер найти себе какую-нибудь дурочку вроде Стефи!

И не лететь сейчас ни в какую Калифорнию... Зачем это? К черту!

Наверное, он просто привык доводить все до конца — как в детстве, даже если фильм оказывался скучным и неудачным, все равно не уходил из кино. Что ж — похоже, этот фильм тоже оказался неудачным, и пора когда-нибудь повзрослеть.

«Как блуждающий манящий огонек на болоте, за которым человек идет, не разбирая дороги, и увязает все глубже и глубже». Почему-то в голову Нику пришла эта странная, вычитанная где-то фраза.

Он искоса взглянул на сидевшую напротив Нэнси. Ее лицо было строгим и печальным. Не отрываясь, она смотрела на клубившиеся за окном белые груды облаков, словно видела в этом монотонном зрелище что-то интересное.

Да, он глубоко увяз, снова и снова пытаюсь отыскать в этой чужой безразличной женщине ту прежнюю, переполненную веселой легкой энергией и радостью жизни, девушку.

Но похоже, все поиски были напрасны, хотя порой ему и мерещилось другое — как в ту единственную ночь, когда она сама пришла к нему. Или как всего два дня назад, когда он приехал ночью и привез ей этот дурацкий светильник, и Нэнси смотрела на него, как на чудо, и казалось, что теперь-то наконец все будет хорошо.

Тогда, наутро, он проснулся и увидел ее ожившие глаза, из которых не исчезло тепло. И послал к черту работу, и остался с ней, и она была солоноватой и вкусной, и сонной, и нежной...

Один день прошел нормально — словно в насмешку, чтобы показать ему, как это могло бы быть. Один день — потому что к вечеру все снова стало плохо. И именно из-за этой самой поездки в Калифорнию...

Часам к шести Ник решил позволить себе короткую передышку: забрал у мисс Эмбер подготовленное для его жены расписание на ближайшую неделю и пошел на первый этаж — по словам Джеральда, Нэнси сейчас сидела в «малом салоне» и смотрела телевизор.

И обрадовалась, увидев Ника.

— Я через час-полтора уже освобожусь. Пойдем вместе снова гулять с собакой?

— Пойдем...

Как-то само собой получилось, что Нэнси оказалась у него на коленях, и они сидели вместе, и говорили, и говорили... О чем? Ник даже и не помнил сейчас — о каких-то пустяках...

Уже собравшись уходить, он вспомнил и достал из кармана бумаги.

— Вот, расписание тебе от мисс Эмбер.

Звонкий напряженный голос Нэнси ударил ему в спину в дверях:

— Ник, ты что — хочешь досрочно прервать контракт?

В первый момент Ник не понял, о чем она говорит, обернулся — и ему стало не по себе при виде ее вытянувшегося лица.

— С чего ты взяла?!

— Тут написано «Церемония вручения "Оскара"». Ты что, не знаешь, что там обязательно будет Алисия?! — Это имя прозвучало громко и хлестко, как пощечина. — Мы с тобой о чем-то договаривались!

— В этом году ее не будет.

— Почему ты так думаешь?

— Она сейчас в Европе. Вернется недели через три, не раньше. — Он по инерции еще пытался что-то объяснить, хотя уже понял, что это бесполезно.

— Понятно. Как раз тогда, когда закончится контракт... — кивнула

Нэнси. На лице ее появилась улыбка — почти веселая, если бы не полубезумные, наполнившиеся болью глаза. — Как же я сразу не догадалась! Стал бы ты со мной дело иметь, если бы она была здесь! — Хриплый рыдающий смех резанул уши.

— Нэнси, хватит о ней! — Охватившее Ника ощущение безнадежности было настолько острым и мучительным, что он не смог сдержать крика. — Хватит, слышишь?! Я с тобой, потому что я хочу быть с тобой, потому что ты моя жена, и она тут совершенно ни при чем! Я тебе в сотый раз говорю — у меня с ней давно все кончено, и мне до нее дела никакого нет!

— То-то ты так хорошо осведомлен о ее делах!

Он не стал отвечать — просто выскочил за дверь.

Ни с какой собакой он, естественно, не пошел — впрочем, его и не пригласили. А за ужином увидел напротив прежнее застывшее лицо.

Ну да, он знал, где Алисия и что с ней! Не говоря уж о том, что он контролировал ее финансовые дела (ведь куда проще и предпочтительнее приставить к ней своего бухгалтера, который вовремя доложит о нежелательной ситуации, чем потом выслушивать: «Ники, милый, у меня ужа-асные проблемы!»). Так вот, помимо этого, и сама Алисия являлась к нему два-три раза в год с целью поклянчить денег. Заодно Ник получал полный отчет на самую интересующую ее (и абсолютно не интересующую его) тему: «Жизнь Алисии Хэнсфорд».

Визит этот обставлялся как целое действие. Сначала следовал звонок из Хьюстона: «Ники-и! Я завтра приеду, мне надо срочно тебя повидать. Так что если вокруг тебя там крутится какая-то молоденькая шлюшка, — взрыв веселого смеха давал понять, что последние слова — всего лишь шутка, — то убери ее скорей подальше — а то я очень-очень рассержусь!»

Имя «Ники», подходившее, по его мнению, для какой-то комнатной собачки типа пуделька («Ники-и, гадкий мальчик, ты опять измазал лапки?! Ники-и, а где же твой бантик?!»), всегда вызывало у Ника зубовой скрежет. К сожалению, многих женщин почему-то тянуло называть его этой идиотской кличкой.

А потом, на следующий день, появлялась и сама Алисия. Мисс Эмбер сообщала, что она уже в приемной. Ник, в зависимости от текущих дел, или говорил: «Впустить», или: «Пусть подождет» — но, рано или поздно, Алисия врывалась в кабинет — элегантная, стройная, золотоволосая, улыбающаяся так, словно шествовала сквозь толпу поклонников.

Говорить она начинала, едва усевшись в кресло. Обо всем подряд — о предлагаемых ей ролях, о погоде, о светских сплетнях и так далее. Ник

слушал вполуха и изредка кивал, перебирая и просматривая бумаги и думая о своих делах. Он знал, что до главного Алисия доберется лишь минут через пятнадцать, и это будет всегда одно и то же: она поиздержалась, а до ежеквартальной выплаты еще почти месяц!

Надо отдать ей должное — она никогда не зарывалась и не просила слишком много. И всегда говорила, что это «только на месяц», что она получит деньги и сразу, сразу отдаст — хотя оба они хорошо знали, что долг этот так никогда и не будет отдан.

Ник выписывал ей чек и, в зависимости от времени и настроения, принимал либо отклонял предложение пообедать или поужинать вместе. В ресторане. К себе он ее никогда не приглашал.

За обедом или ужином Алисия продолжала болтать, а он — думать о своих делах. Под конец она обычно говорила: «Я пробуду в Нью-Йорке пару дней, наверное, еще к тебе загляну!» — но на самом деле, получив свое, больше не появлялась.

Как-то раз из этой болтовни Ник узнал, что Алисия, вкуче с еще парой голливудских деятелей, намерена финансировать постановку фильма, где она же будет играть главную роль. Пришлось найти человека, который сумел дать понять ее потенциальным компаньонам, что ни «Райбери», ни лично мистер Райан не собираются принимать участия в финансировании, материальное же положение самой мисс Хэнсфорд не настолько устойчиво... словом, идея увяла на корню.

Во время последнего визита, всего два месяца назад, Алисия томно заявила, что собирается в Европу — полюбоваться на памятники архитектуры. На самом деле Ник прекрасно знал, что памятниками она будет любоваться из окна модной «омолаживающей» клиники неподалеку от Женевского озера — по сведениям бухгалтера, речь шла о целом комплексе косметических операций и прочих мероприятий...

Зачем он делал все это? Терпел визиты Алисии, давал ей деньги, интересовался ее делами?.. Из сентиментальности?

Пожалуй, что так — именно из сентиментальности. Но дело было не в Алисии. Все эти годы где-то глубоко внутри у него гнездилось странное мстительное чувство: когда-нибудь, встретившись с Нэнси, он сможет с полным правом бросить ей в лицо: «Хоть ты от меня и ушла, но я все равно сделал то, что обещал, — решил твои финансовые проблемы. Хоть ты от меня и ушла...»

Глупо... Он так до сих пор и не сказал ей этого.

В ту ночь, впервые за все время, он не пошел к Нэнси. Разделся, сел на кровать — и сидел, не в силах сдвинуться с места. На душе было тошно и

тоскливо, ничего не хотелось. Ничего...

Когда за спиной открылась дверь, Ник не поверил самому себе и резко обернулся — неужели... пришла?!

Она действительно стояла на пороге и, встретившись с ним взглядом, спросила:

— Ты собираешься приходить? А то я не знаю, спать или...

— Не приду. Спи, — буркнул он.

Она уже повернулась, чтобы уйти, и тут Ник не выдержал:

— Нэнси, ну скажи — что же, она всю жизнь так и будет между нами стоять?!

Нэнси застыла на месте. Не обернулась, не ответила — просто застыла в неподвижности, будто злая волшебница дохнула на нее холодом и заморозила на полушаге. Это длилось несколько секунд, потом, словно не было никакого вопроса, она плавно шагнула в свою спальню и закрыла за собой дверь.

Он все-таки пришел к ней среди ночи — не выдержал. Злясь на нее, и на себя, и на весь белый свет, сорвался с постели, вкатился в соседнюю спальню и плюхнулся на кровать. Обнял Нэнси, решительно, чуть ли не грубо, притянул к себе и, без всяких долгих ласк и поцелуев, овладел ею, не чувствуя в этот момент ничего, кроме злости. Злости и желания.

А проснувшись утром, подумал, что пора заканчивать со всем этим безнадежным предприятием и возвращаться домой.

Глава 23

— Премия присуждается Стивену Корму за фильм «Восточный ветер»!

Под бурные аплодисменты молодой светловолосый красавец легко взбежал, почти взлетел на эстраду и вскинул руки в коротком приветственном жесте, вызвав новый взрыв оваций. Это было вполне ожидаемо — Стивен Корм числился в «первой двадцатке» актеров Голливуда. В свои неполные тридцать лет он снялся в десятках фильмов, от «римейков» шекспировских пьес до крутых боевиков, и с некоторых пор его участие гарантировало фильму кассовый успех.

Золотоволосый и синеглазый, с невероятным обаянием и сексуальностью, он завоевал сердца миллионов зрителей (особенно зрительниц!). Впрочем, критики признавали, что своим успехом Стивен Корм обязан не только привлекательной внешности, но и несомненному

таланту и колоссальной работоспособности.

Так что в присуждении именно этому актеру приза Киноакадемии за лучшую мужскую роль для Ника не было ничего неожиданного.

Неожиданной для него оказалась реакция Нэнси: он не предполагал, что, услышав имя Стивена Корма, она начнет бешено аплодировать, чуть ли не подпрыгивая на месте от возбуждения. Вытянув шею, она вглядывалась в то, что происходило на сцене, и, стоило победителю снова вскинуть руки — на сей раз в одной из них была зажата золоченая фигурка, — вскочила и громким голосом крикнула:

— Стивен!!!

Ошеломленный Ник уставился на нее, не веря своим глазам. Вот уж от кого-кого, но от Нэнси — от Нэнси! — он меньше всего мог ожидать подобной выходки, достойной офанатевшей девочки-подростка.

Она привлекла не только его внимание — на нее обернулось чуть ли не ползала. Даже сам Стивен Корм, очевидно решив сделать своей столь истовой поклоннице приятное, снова вскинул руки и махнул фигуркой — на сей раз в ее сторону, после чего подойдя к микрофону, начал полагающуюся приветственную речь: «Я благодарен всем... высокая честь...» Нэнси продолжала взирать на него, как на икону, с волнением прислушиваясь к каждому слову.

Ника не слишком интересовало, что говорил актер, да и вообще вся эта шумная помпезная церемония. Не отрывая глаз, он смотрел на Нэнси. Раскрасневшаяся, с сияющей улыбкой, она, как никогда раньше, напомнила ему ту молоденькую, жизнерадостную и полную энергии девушку, на которой он когда-то женился, потому что был не в силах потерять ее, отпустить, дать ей уехать куда-то... И которую в конечном итоге он все-таки потерял...

На миг показалось, что это все чушь — вот же она, перед ним! Ник даже протянул руку, чтобы дотронуться, почувствовать живое тепло, — и опустил. Зачем? Ведь стоит Нэнси вспомнить об его существовании, и лицо ее снова станет спокойным, светским... отстраненным... никаким.

Прежней Нэнси больше нет — пора понять это и примириться с этим.

И довольно лезть из кожи, чтобы ей угодить, вспоминать, какой она была, и радоваться малейшей улыбке и вести себя... уж во всяком случае, не как подобает взрослому деловому человеку.

Прежней Нэнси больше нет — есть чужая, холодная и нежелающая иметь с ним ничего общего женщина, и расставание будет лучшим выходом для них обоих.

В зале еще звучали последние затухающие аплодисменты, но зрители

уже начали покидать свои места и под доносившуюся откуда-то сверху бравурную музыку потянулись к выходу.

— Я и не подозревал, что ты так бурно можешь реагировать, — сказал Ник, вставая. Это был завуалированный намек на неприличную выходку.

Нэнси молча пожала плечами.

— Ник! — Сквозь толпу к ним протиснулся невысокий пожилой человек с пышными седыми волосами и висячими усами. — Сейчас мы напрямиком на бал двинемся — мне надо успеть там еще кое с кем переговорить. А Мэгги уже поехала домой готовиться к приему...

Ник про себя чертыхнулся — он бы с удовольствием не тащился сегодня ни на какие светские мероприятия. Собственно, и на эту самую дурацкую церемонию «Оскара» тоже: все дела были закончены, и они с Нэнси могли вылететь в Денвер еще вчера вечером. Но поступить так значило бы обидеть Танкреда Вильямса, председателя совета директоров киностудии «Ареа групп». Да и выглядело бы это не по-деловому — Ник всегда считал, что менять намеченную программу без серьезных на то оснований могут только неорганизованные и безалаберные люди.

Кому какое дело, что в свое время, планируя поездку так, чтобы она совпала с «Оскаром», он надеялся сделать Нэнси приятный сюрприз и не предполагал тогда, к чему это приведет. Впрочем, теперь уже ясно, что не было бы церемонии — нашлось бы что-нибудь другое...

— Нэнси, дорогая, проходите вперед. Вон к той кулисе — там боковой выход, получится быстрее, чем через эту толпу пробираться, — кивнул в сторону сцены Вильямс.

Кровь от крови и плоть от плоти мира кино, он как кощунство воспринял бы мысль, что кому-то может быть неинтересна «самая длинная ночь Голливуда» — ночь после «Оскара», когда по всему городу проходят балы и приемы, от престижнейшего Губернаторского бала до многочисленных вечеринок в модных отелях и ресторанах.

Познакомился с ним Ник всего пять дней назад, хотя переговоры относительно вложения в «Ареа групп» весьма кругленькой суммы в обмен на акции и место в совете директоров тянулись уже пару месяцев. Когда зашла наконец речь о встрече для подписании соглашения, Танкред счел само собой разумеющимся, что мистер Райан с женой остановится не в отеле, а у него, и постарался сделать пребывание своих гостей в «Городе звезд» как можно более комфортным, насыщенным и запоминающимся.

Он предусмотрел все — не мог предусмотреть лишь одного: скверного настроения самого Ника, у которого мысль о том, что им с Нэнси предстоит идти на этот самый Губернаторский бал, а затем продолжить

«веселье» на приеме в доме самого Вильямса, не вызывала сейчас ничего, кроме глухого раздражения.

Интерьер холла, где они фланировали, был выдержан в золотистых и красно-коричневых тонах, с которыми прекрасно сочеталось и открытое темно-красное, со стразами по вырезу платье Нэнси, и золотистые прядки у нее в прическе.

«Интересно — неужели теперь и цвет волос принято подбирать под интерьер?! — подумал Ник. — Делать людям больше нечего!»

Вокруг то и дело мелькали лица, смутно знакомые ему по рекламным роликам и газетным фотографиям. Несомненно, Нэнси, с ее увлеченностью кино, знала об этих людях куда больше, но ни горящих любопытством глаз, ни прочих проявлений восторга с ее стороны он не заметил.

Наоборот — несмотря на то, что она выглядела изысканно-непринужденной и светской, у Ника сложилось впечатление, что ей немного не по себе. Легкая напряженность в повороте головы, морщинка между бровей... Казалось, она настороженно прислушивается к тому, что происходит у нее за спиной, и ждет, что вот-вот из-за какой-нибудь колонны раздастся: «Моя маленькая глупышечка!» Глупо... Сказано же ей, что Алисии здесь не будет! Переубедить Нэнси, если она что-то вбила себе в голову, невозможно — в этом он уже успел убедиться...

Вильямс, напротив, чувствовал себя как рыба в воде. Куда больше, чем Губернаторский бал, его сейчас волновал тот прием, который должен был состояться сегодня в его доме. Успех любой светской тусовки в эту ночь измерялся тем, сколько обладателей «Оскара» (или хотя бы номинантов) «отметятся» на ней, — и он старался, обойдя конкурентов, залучить их к себе.

Поэтому он то и дело кивал и махал рукой, заговаривал с людьми, рассыпал направо и налево комплименты и поздравления, говорил: «Мэгги будет так рада...», и, стоило человеку отойти, вполголоса пояснял: «Номинировался на лучший сценарий...» или «Ее муж в прошлом году получил приз за лучшую короткометражку».

Нику все это, честно говоря, было не слишком интересно. Вместо того чтобы глазеть на знаменитых деятелей киномира, он продолжал незаметно наблюдать за Нэнси. Постепенно она стала вести себя менее настороженно и с любопытством поглядывала по сторонам.

Только теперь он понимал, как много она на самом деле унаследовала от матери: и фигуры у них были практически неотличимы, и в узком лице с высокими скулами чудилось что-то общее, и в разрезе глаз... Но Алисия была сногшибательной красоткой, а... нет, зря она окрестила свою дочь

«дворняжкой» — в Нэнси хорошо чувствовалось именно то, что обычно называют «породой». Гордая, красивая посадка головы, негромкий музыкальный голос, сдержанные, плавные движения...

В отличие от Алисии, которая уже истратила целое состояние на подтяжки и другие средства, призванные «схватить за хвост» ускользающую молодость и красоту, Нэнси в этом никогда не будет нуждаться. То, чем она привлекает, останется с ней и в старости.

Ник одернул себя — едва ли он узнает, какой она будет в старости. И в этот момент он увидел, что в лице Нэнси что-то изменилось, оно словно осветилось изнутри. Взгляд ее был устремлен в сторону, и, даже не оборачиваясь, мгновенным мужским чутьем, Ник понял, кто там.

— А, вот кого хорошо бы еще пригласить, — подтвердил его догадку Вильямс, глядя в ту же сторону.

Нику пришлось все-таки обернуться.

Стивен Корм стоял футах в пятнадцати от них и разговаривал о чем-то с невысоким кругленьким человечком в очках. Потом решительно отмахнулся, словно подводя итог всей беседе, и направился в их сторону.

— Корм, рад вас видеть! — радостно воскликнул Вильямс. — Я еще не успел вас поздравить! Пойдемте, Ник, я вас познакомлю!

Он шагнул навстречу актеру. Нику ничего не оставалось делать, как двинуться следом. Ему показалось, что рука Нэнси на его локте слегка дрожит.

— Это Ник Райан, с Востока. Ну а нашего победителя, я думаю, представлять не надо!

Ник вскользь подумал, что он сам тоже является достаточно известной личностью, чтобы его не надо было представлять.

В глазах актера мелькнуло что-то вроде холодного любопытства. Рукопожатие его оказалось неожиданно жестким и сильным.

— Очень приятно, — произнес он отрывисто.

— ...И Нэнси, его жена...

— Рад познакомиться... — Слова, обращенные к Нэнси, прозвучали совершенно по-другому. Очевидно, от таких интонаций впечатлительные поклонницы впадали в экстаз.

Сияющая улыбка на лице Нэнси — красноречивое подтверждение тому, что и она не осталась равнодушной к чарам этого белокурого красавчика.

— Я тоже рада... мистер Корм.

— Стивен. Для вас — просто Стивен.

— Корм, надеюсь увидеть вас сегодня на моей вечеринке, —

воспользовавшись паузой, вклинился Вильямс.

— Да, — кивнул актер.

Было непонятно, то ли это означает: «Да, я приду», то ли «Да, надейтесь».

Показалось Нику или, сказав это, он снова быстро взглянул на Нэнси?! Еще раз кивнул, шагнул в сторону — и растворился в толпе.

Дальше все пошло как обычно — на таких балах Ник бывал десятки раз. Они отличались только цветом скатертей, количеством соседей за столом и содержанием произносимых в начале торжественных речей.

На этот раз скатерти были золотистыми в клетку, за каждым столом сидело по двенадцать человек — а вот речи затянулись надолго. Представитель губернатора, мэр Лос-Анджелеса, старейший из присутствующих актеров, сегодняшние победители — каждому нужно было что-то сказать! И это после церемонии, на которой все уже вроде бы вволю наговорились!

Когда микрофон взял Стивен Корм, Ник покосился на Нэнси, но та оставалась спокойной и невозмутимой. На губах ее играла легкая рассеянная улыбка, словно она думала о чем-то своем, и, лишь когда актер закончил свою речь словами: «...я благодарен людям, которые верили в меня в те далекие дни, когда не верил еще даже я сам!», она обернулась и взглянула на него.

Глава 24

— Я вас прямо к бунгалу подвезу, — предложил Вильямс у ворот своего поместья.

Сорвался с Губернаторского бала он одним из первых. Нервничал, звонил пару раз по сотовому, поглядывал на часы — и, как только подали кофе, спросил:

— Вы, наверное, хотите остаться еще потанцевать? Мне надо ехать к Мэгги, она там нервничает. Я сейчас вызову для вас другую машину.

На самом деле было ясно, что он не прочь, чтобы гости поехали с ним. А потанцевать можно и на его приеме — оркестр там будет не хуже, чем у губернатора!

— Я думаю, мы тоже можем уже двигаться, — решил Ник. — Нэнси, ты не против?

Нэнси, с трудом оторвав задумчивый взгляд от стоявшей напротив нее вазы с орхидеями, встрепенулась:

— А? Да, конечно, конечно...

Нику показалось странным выражение ее лица — как у человека, оторванного от грез и с трудом вернувшегося в реальность. На губах ее играла мягкая рассеянная улыбка, глаза светились теплом — это было совсем непохоже на ту элегантную светскую непринужденность, с которой она обычно вела себя на людях. И — первая мысль: Стивен Корм! Стоило этому актеришке появиться, и Нэнси сразу повела себя странно: свистела, кричала... И улыбалась ему потом в фойе... А теперь вот грезит наяву!

Но это же просто идиотизм! Она уже не девочка-школьница, чтобы влюбляться в актеров! Да нет... чепуха, померещилось, наверное!..

Поместье Вильямса, именуемое «Оленья роща», вело свою историю еще с тех времен, когда слово «Голливуд» обозначало глухое местечко недалеко от Лос-Анджелеса — и ничего больше.

Нику и Нэнси было предоставлено гостевое бунгало, одно из трех, расположенных по сторонам квадратного бассейна, отделанного черным мрамором. С четвертой стороны открывался вид на элегантный особняк девятнадцатого века — особняк, в котором жил сам хозяин.

Вильямс страшно гордился своим маленьким королевством. В первый же день он провез их с Нэнси по всему поместью в коляске, запряженной парой лошадей, показывая основные достопримечательности: теннисный корт, площадку для гольфа, конюшню, оранжерею и гараж на восемь машин — в том числе пару «классических» кадиллаков. Все это окружал огромный парк с дорожками, клумбами, рощицами, беседками, декоративными прудиками, арками вьющихся растений и скульптурами — и даже небольшим стадом собственных оленей (очевидно, чтобы оправдать название).

Нику поместье понравилось. В нем царила атмосфера спокойствия и стабильности. Стоило отойти на сотню футов от бунгало — и казалось, весь остальной мир просто исчезал. Хотелось лечь на хвою, закрыть глаза — а открыв их, увидеть над головой все то же небо и верхушки деревьев.

Даже подумалось — а не купить ли что-нибудь в этом роде? Чтобы там тоже был лесок, и сосны над головой, и тишина...

Но сейчас спокойствием здесь и не пахло. Еще у ворот к машине подскочил человек:

— Парковка налево по дороге, пожалуйста. А, это вы, мистер Вильямс! Издалека доносилась бодрая ритмичная музыка.

— Много уже подъехало, Терри?! — поинтересовался Вильямс.

— Нет, машин двенадцать всего.

— Большинство гостей только часа через полтора подъедет, — сказал Вильямс, делая шоферу знак двигаться дальше. — Нэнси, дорогая, у вас голова не болит? А то мне показалось, что у вас вид какой-то...

Нэнси, которая всю дорогу рассеянно смотрела в окно, улыбнулась и покачала головой.

— Нет, Танк, все в порядке. Устала немного...

— Какое «устала»?! Веселье еще только начинается! Подходите часа через полтора, а пока отдохните хорошенько и помните: я собираюсь сегодня затанцевать вас до упада! Ник, надеюсь, вы не против?!

Ник вынужден был пробормотать нечто утвердительное.

Они высадились и молча пошли по каменной дорожке, ведущей к бунгалю.

«Вот так. Последний вечер», — подумал Ник.

У него было странное настроение. Казалось, нужно срочно сделать что-то очень важное — и никак не удавалось вспомнить, что же именно. Но не проходило тревожное ощущение, будто время проходит, утекая, как песок между пальцев, и его уже почти не осталось.

Завтра он скажет ей, отдаст чек... Заплачет она? Или, наоборот, обрадуется?

Он поймал себя на том, что хочет что-то ей сказать — все равно что. И чтобы Нэнси ответила. И тоже ответить. Просто... для разговора...

Но первой, едва войдя в бунгало, заговорила Нэнси:

— Тебе ванночку для ног сделать?

— Не надо. Так полежу, сойдет. Ты в этом на вечеринку пойдешь? — кивнул Ник на лежащее на тахте голубовато-палевое платье.

— Да. — Нэнси перевесила платье на стул. — Ночью светлое красиво смотрится.

Не о том она говорит, не о том!

Он швырнул в кресло смокинг, на ходу развязывая галстук, направился в спальню — и уже в дверях не выдержал, обернулся.

— Ты... приходи. Я жду.

Разделся до трусов, обмыл ноги сильной струей теплой воды — это помогало снять напряжение с мышц. Прямо так, с мокрыми ногами, плюхнулся на кровать поверх покрывала, закинул руки за голову и закрыл глаза.

Придет не придет? Наверное, придет, раз попросил...

И вспомнилось вдруг, остро и отчетливо, как она приходила к нему в «тихий час». Веселая, с пушистыми волосами, в халатике и

тапочках-«собачках». Прибегала, со смехом прыгала на кровать и смотрела на него сверху радостными глазами. И на душе было легко, и горько, и светло, и руки сами тянулись — скорее, обнять ее, прижать к себе! — и Нэнси смеялась и попискивала, когда он неловко или слишком сильно прихватывал ее...

Что же с ними обоими стало, если простую улыбку на ее лице он воспринимает теперь как нечто подозрительное?!

Придет не придет?..

Наверное, она тоже измучена этой неестественной «двойной» жизнью. Обжигающая страсть, нежность и поцелуи — ночью, и холодная вежливая отстраненность — днем. И ведь и то и другое — искренне!

Да еще то, что самим своим присутствием, хочет он этого или нет, он напоминает ей об Алисии... Об Алисии, черт бы ее побрал! Об Алисии, которая своей болтливостью, своим нелепым враньем свела на нет все его попытки исправить то, что случилось четыре года назад.

Нэнси не появлялась. Было слышно, как она ходит в соседней комнате: сдвинулся стул, хлопнула дверца холодильника, что-то стукнуло... Наконец шаги раздались совсем близко, и Ник почувствовал, как рядом на кровать опустилось легкое тело. Даже не открывая глаз и не поворачивая головы, он знал, что Нэнси лежит сейчас спиной к нему. Как всегда — спиной...

Заметила ли она, как изменилось его отношение к ней за последние дни? Что он больше не пытается разговорить ее и, как и она, отделяется сухими односложными репликами? И не целует перед уходом... Наверное, заметила. Скорее всего, заметила, не могла не заметить — но ничем не показала, что для нее это имеет хоть какое-то значение.

А может, ей действительно безразлично?

Хотя и правда — какое это имеет значение? Завтра, в это самое время, все уже будет кончено. Еще одна ночь...

И вдруг мучительно захотелось схватить ее, обнять, развернуть к себе, взмолиться: «Нэнси, котенок, солнышко, ну не будь ты такой! Хотя бы в этот, последний вечер...»

Нет! Нет, он не будет начинать все сначала, не будет просить — это бесполезно! Ответом все равно станут лишь чужие пустые глаза. Той Нэнси, которая могла бы это услышать, его Нэнси больше нет...

Ник осторожно повернул голову и увидел на соседней подушке затылок с золотистыми прядками, похожими на перышки канарейки. Все остальное скрывалось под покрывалом.

Подумал: «Черта с два я стану ее обнимать!» И пришел в ярость от мысли, что заставляет себя не делать этого.

Повернулся, обнял — сильно, до боли, будто стремясь целиком вобрать, втиснуть ее в себя, — и уткнулся лицом в эти золотистые, щекочущие, сладко пахнувшие прядки.

— Нэнс... Нэнс, котенок мой... Пожалуйста, пожалуйста, Нэнс! — пробормотал он, сам не зная, о чем просит, — а руки уже начали свой привычный бег по так легко откликавшемуся на его прикосновения теплому телу...

Мегитабель Вильямс (именно такое аристократическое имя скрывалось под простецким «Мэгги») нервничала зря. Вечеринка удалась на славу!

На ярко освещенной лужайке перед домом был раскинут огромный бело-золотой шатер, в котором стояли столы с изысканными деликатесами. Официанты в таких же бело-золотых смокингах обносили не добравшихся до шатра гостей напитками и закусками.

Со всех сторон слышался смех и приветственные возгласы — гости продолжали подъезжать, группами и поодиночке. Оркестр наигрывал веселую мелодию из популярного мюзикла; то там, то тут мелькали вспышки фотоаппаратов: вслед за прибывшими знаменитостями неизбежно последовали и репортеры.

Словом, Мэгги было чем гордиться — недаром она пожертвовала Губернаторским балом, лишь бы как следует присмотреть за подготовкой к своему! Она остановилась на минуту, озирая свои владения, — и, увидев Ника с Нэнси, неторопливо идущих по дорожке из глубины парка, поспешила им навстречу.

— Вы уже пришли! — радостно сообщила она очевидное. — Нэнси, дорогая, какое у вас очаровательное ожерелье! Это аквамарины, да?

Сама Мегитабель Вильямс, в серебристо-сером платье и с бриллиантовой тиарой на голове, походила сейчас на королеву из какого-то детского фильма. Ей было уже далеко за пятьдесят, но выглядела она куда моложе, и седина, проступавшая в светлых волосах, не старила ее, а лишь придавала тщательно уложенным в замысловатую прическу локонам красивый серебристый оттенок.

— Это голубые топазы, — дотронулась до ожерелья, словно проверяя, на месте ли оно, Нэнси.

— Какая прелесть! А я думала, топазы бывают только желтые! Пойдемте, я вас познакомлю с гостями! Правда, еще не все приехали — у нас обычно собираются только к полуночи.

Любимым выражением Мэгги было «у нас...» — то есть в том единственном и неповторимом, отличном от всего земного шара месте,

которое заслуживало внимания: в Голливуде. «У нас» не носят в этом году шафраново-желтый цвет. «У нас» ездят отдыхать в Норвегию: Италия — это пошло и избито! «У нас» вечеринки длятся до самого утра.

— Знаете, с кем я вас сейчас познакомлю?! Со Стивеном Кормом! — Мэгги ликующе уставилась на Ника, словно ожидая, что он сейчас упадет в обморок от восторга.

Вместо этого Ник, чуть не заскрежетав зубами — и сюда этого... черт принес! — вежливо ответил:

— Спасибо. Танкред нас уже познакомил сегодня на Губернаторском балу.

Мэгги была явно разочарована: главная сенсация вечера не произвела должного эффекта, — но продолжила делиться радостью:

— Он уже час назад приехал, один, и вроде никуда больше ехать не собирается!

— А что, обычно он приезжает с кем-то? — поинтересовался Ник, покосившись на Нэнси.

Та стояла с легкой светской полуулыбкой на лице, рассеянно разглядывая шатер и держа в руке подхваченный где-то бокал с шампанским.

— Постоянной подружки у него нет — если вы это имеете в виду, — беззастенчиво объяснила Мэгги. — Но, сами понимаете, одиночество ему не грозит. — И совсем по-девичьи хихикнула: — Любая была бы не прочь...

— А он, случайно, не... не голубой?

Ник продолжал незаметно поглядывать на Нэнси. Показалось — или при этих словах губы ее чуть дрогнули?

— Нет, ну что вы! Определенно нет! Ходят слухи, что он несколько лет назад даже отказался сниматься у одного известного режиссера, — Мэгги понизила голос, — потому что тот с ходу предложил ему... ну, сами понимаете...

— Да, конечно, — кивнул Ник и обернулся к Нэнси. — Дай пивнуть!

— Что? — не сразу поняла она.

— Дай пивнуть глоток. В горле пересохло. Детская, дурацкая примета: выпью из твоего бокала — узнаю твои мысли...

— Ну куда запропастились эти официанты! — сердито оглянулась по сторонам Мэгги. — Пойдемте к пруду! Там коктейль-бар, и оттуда лучше будет видно фейерверк — он вот-вот начнется!

Дело было не только в фейерверке — судя по всему, ей хотелось поскорее выполнить основную обязанность хозяйки вечера: свести гостей с

другими гостями, с которыми, по ее мнению, им будет интересно.

Нэнси протянула ему бокал. На ходу Ник сделал глоток, покатал по рту приятно пощипывавшую язык кисленькую жидкость. Мыслей новых от этого, увы, не появилось.

До большого искусственного пруда с мраморным обрамлением и плавающими на поверхности листьями кувинок он добрался уже без Нэнси.

Подлетевший к ним на полпути Вильямс обхватил ее за плечи.

— Ник, я похищаю ненадолго вашу жену — должен же я затанцевать ее до смерти! — хохотнул он от собственной шутки. — Обещаю вернуть в целости и сохранности через четверть часа! Мэгги, ласточка, не ревнуй, я тебя тоже люблю! — Чмокнул жену в щеку и повел Нэнси в ту сторону, откуда доносилась музыка.

Мэгги сопровождала Ника до пруда, представила ему тощего типа с английским акцентом — случайно затесавшегося в компанию киношников директора конезавода из Англии — и отбыла с чувством выполненного долга.

Завязалась неторопливая беседа: конезаводчик, именуемый Дерек Скотт (и, в отличие от калифорнийцев, не поторопившийся сказать: «Зовите меня просто Дерек»), рассказал, что купил за семь миллионов фунтов призового жеребца и что жеребец этот должен окупить свою стоимость за три года — после чего пойдет уже чистая прибыль. Собственно, именно за жеребцом он и приехал в Калифорнию: столь дорогостоящую покупку лучше сопровождать самому. Ник заинтересовался некоторыми аспектами страховки, и Скотт охотно и подробно начал отвечать.

Ухватив с подноса проходившего мимо официанта коктейль, Ник лениво потягивал его и краем глаза наблюдал за кипящим вокруг весельем. Лучи прожекторов, метавшиеся над прудом, делали лица людей то красными, то лиловыми, то зелеными. Отовсюду слышались возбужденные голоса. На противоположной стороне пруда веселая компания затеяла игру в догонялки, кончившуюся тем, что немолодой и весьма полный человек в смокинге полетел в воду, но ничуть не огорчился, а стал манить к себе свою подружку, пока та, с визгом и хохотом, не прыгнула вслед за ним прямо в коротеньком, как рубашонка, блестящем платье.

Пример оказался заразительным: уже через минуту в пруду барахталась добрая дюжина гостей, а официант, склонившись над бортиком, подавал им прямо туда бокалы с шампанским.

— Взрослые люди — а ведут себя как дети! — сказал Скотт. —

Сколько приезжаю — столько удивляюсь! Мне это дикостью кажется. А вот жена моя отлично в эту компанию вписалась!

— Она с вами приехала? — чтобы поддержать беседу, поинтересовался Ник.

— Да, она где-то тут. Потанцевать пошла.

— Моя тоже.

Ник подумал, что прошло уже четверть часа, — и тут увидел на противоположной стороне пруда Вильямса, обнимавшего за талию какую-то смуглую брюнетку в белом платье. А Нэнси-то где?!

— Извините, сейчас... — бросил он Скотту, повернулся, махнул рукой и зычно рявкнул во весь голос, перекрывая визг и хохот: — Эй, Танк!

Вильямс махнул рукой в ответ и через минуту оказался рядом, потеряв по дороге свою спутницу.

— Вы уже познакомились! А я как раз думал...

— А где Нэнси? — перебил его Ник.

— Она еще потанцевать осталась. С Кормом, — небрежно отмахнулся Вильямс. — Сейчас фейерверк начнется! — Эта тема явно волновала его куда больше.

Но Нику было не до фейерверков. Он с трудом подавил в себе желание переспросить: «Как это с Кормом? Почему?!» — или сорваться с места и устремиться к танцплощадке.

Опомнился, поняв, как глупо будет выглядеть. Да и что тут особенного?! Ну потанцует... Все-таки не выдержал, спросил:

— Она ничего мне не передавала?

— Нет, Корм у меня почти сразу ее отбил.

Отбил?! Корм?! Зачем этому любимцу публики Нэнси?! Что, мало вокруг готовых к услугам голливудских красоток?! Нику стало еще больше не по себе...

Неподалеку вдруг что-то грохнуло, и небо над головой расцветилось тысячами огоньков, мгновенно превратившихся в колючие сверкающие звезды.

— У-ух ты-ы! — заорал кто-то из пруда.

— А здорово получилось, правда?! — похвалил сам себя Вильямс. — Сейчас еще зеленые и лиловые будут!

«Зеленые и лиловые» не заставили себя долго ждать, вызвав новый восторженный вопль публики. Ник счел момент подходящим, чтобы удалиться «по-английски», не прощаясь, и быстрым шагом пошел вдоль пруда.

Со всех сторон раздавались крики, свист и смех. Какая-то девчонка, совсем молоденькая, пробегая мимо Ника, налетела на него, ухватила за руку, чтобы не упасть, и восторженно выпалила:

— Во здорово, правда?!

Он невольно улыбнулся ее энтузиазму. Продолжая держать его за руку и вглядываясь ему в лицо, она спросила вдруг:

— А я вас где-то видела! Вы кто-то — или так?!

Сам Ник считал себя кем-то, но понимал, что эта девчушка интересуется другим: принадлежит или не принадлежит он к волшебному и неповторимому миру кино.

— Я — так... — Претерпел разочарованную гримаску, появившуюся на ее лице, и пошел дальше, но медленнее. Этот короткий эпизод заставил его немного успокоиться и прийти в себя. Ну пригласил Нэнси этот Стивен Корм, захотел снизойти к поклоннице — и ладно. Возможно, единственный раз в жизни ей довелось потанцевать с обладателем «Оскара»!

Да нет, надо подойти просто посмотреть...

Звезды над головой продолжали вспыхивать, то рассыпаясь золотым дождем, то освещая все вокруг призрачным зеленым заревом.

И в этом зареве, на лужайке, Ник вдруг увидел их. Нэнси и Стивена Корма. Они стояли рядом, почти вплотную, и смотрели вверх, на расцветающее яркими вспышками небо.

Голливудский красавчик после Губернаторского бала успел уже переодеться и теперь щеголял в черных брюках и черной рубашке с распахнутым воротом, в которой выглядел как романтический герой из любовного романа девятнадцатого века. А Нэнси улыбалась — улыбалась той самой теплой улыбкой, которую Ник уже видел сегодня на ее лице...

Она заметила его первой и быстро что-то сказала Корму — мгновенным движением тот убрал руку с ее талии. Почему-то это особенно взбесило Ника: она не против, чтобы этот тип ее обнимал, только не хочет, чтобы он это видел...

Больше Нэнси не улыбалась — стояла и смотрела, как он идет к ней, даже не пытаясь сделать хоть шаг навстречу.

— Вот, возвращаю вам вашу жену. Передаю, так сказать, с рук на руки, — сказал Корм легко и весело, но Нику за этой веселостью почудилась злая ирония. Или неприязнь.

— Спасибо, — кивнул он.

— Пока! — Актер обаятельно улыбнулся, развернулся и пошел в сторону пруда, откуда по-прежнему доносились визг и хохот.

Нэнси молчала.

Ник сам не знал, что сказать ей — собственно, и говорить-то было нечего. Любой упрек выглядел бы нелепым. Что она не вернулась вместе с Вильямсом, а осталась танцевать с Кормом? Что тот держал руку на ее талии? Ну и что? Тут все так себя ведут, и никто не видит в этом ничего особенного...

— Я хотел с тобой тоже потанцевать. А ты уже с площадки ушла, — наконец произнес он, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— А я думала, ты меня ждешь и захочешь пойти потом... перекусить, — повела Нэнси головой в направлении шатра.

Она что, считает, что он только о еде думать способен? Придется ее удивить!

— Я не хочу есть! Пойдем лучше потанцуем... если, конечно, ты не слишком устала.

Кажется, она действительно удивилась...

Они танцевали, довольно долго, потом, заглянув ненадолго в шатер, просто прогуливались по лужайке. Поболтали с Вильямсом, Нэнси выразила восхищение вечеринкой и фейерверком.

У пруда Ник не мог не заметить в очередной раз звезду сегодняшнего вечера и любимца публики Стивена Корма — его облепила целая толпа, и он подписывал какие-то проспектики, трепал девиц по щекам, смеясь, говорил что-то...

Нэнси лишь скользнула по актеру взглядом, чуть улыбнулась и пошла дальше. Наверное, ее подписанный проспектик уже в сумочке!

К себе они вернулись глубоко за полночь. Веселье на лужайке все еще продолжалось, даже до бунгало порой долетали отдаленные возгласы, но Ник счел, что на сегодня с него достаточно.

Вообще-то он хотел уйти раньше, но именно в тот момент Нэнси спросила:

— У тебя ноги болят? — Очевидно, он слишком сильно на нее оперся при неловком шаге.

— Ничего у меня не болит! — буркнул Ник, исключительно из чувства противоречия, сам понимая, что ведет себя глупо, и от этого злясь еще сильнее. — Я выпить хочу!

Взял в баре двойной скотч, заодно представил Нэнси Скотту, поболтал с ним несколько минут — и лишь потом снисходительно заявил:

— Ну, раз ты уже устала, пойдем, пожалуй...

Ноги действительно сводило так, что на глаза чуть ли не слезы наворачивались, и в голове было только одно: добраться до бунгало и сунуть их в теплую воду. И пожалуй, принять пару таблеток обезболивающего, которые он позволял себе лишь в исключительных случаях!

Нэнси наверняка заметила это — под конец он не мог не опираться на нее, хотя делал вид, что просто обнимает за плечи.

— Посиди. Я тебе ванночку принесу, — сказала она, едва войдя в бунгало.

У Ника не оставалось сил ни возразить ей, ни просто разуться — только сидеть, чувствуя, как правую ступню словно сжимает в тисках. Ну за что эта напасть, черт бы ее побрал?! А врач еще говорит, что все идет нормально и через несколько лет он про нее и думать забудет! Когда — в могиле, что ли?!

Он почувствовал, что Нэнси рядом, и открыл глаза. Ванночка стояла у его ног, а она, нахмурившись, смотрела на него.

— Принеси мне таблетки. В чемодане, зеленая коробочка, — попросил Ник.

— Сейчас. Сначала ноги.

С этими словами она опустилась на колени и начала расшнуровывать ему ботинки. Он хотел сказать: «Не надо, я сам!» — ну что она из него калеку делает?! — но представил, как нужно будет наклониться вперед и опереться на эти самые злосчастные ступни... и только вздохнул.

— Спасибо.

Снова закрыл глаза, почувствовал, как ногам стало свободно. Правую ступню, сведенную судорогой, Нэнси перед тем, как поставить в ванночку, зажала ненадолго между теплыми ладонями — и стало легче. Настолько легче, что он готов был в этот миг попросить: «Подержи так еще... пожалуйста», но промолчал.

— Сейчас я принесу тебе таблетки и сделаю ванну. Мне обычно помогает, когда ноги устают, — выпрямившись, сказала она.

Он хотел отказаться, подумал: «Что это — попытка "навести мосты"?»), но боль постепенно уходила, и ни возражать, ни спорить не было сил. Поэтому он просто взял ее руку, поцеловал, прижал к щеке.

— Спасибо...

В ванне, да еще после таблеток, Ника разморило окончательно. Он с трудом добрался до постели и рухнул в нее. Почувствовал, как Нэнси накидывает на него одеяло, хотел сказать: «Не надо, жарко!» — и отключился, не успев вымолвить ни слова.

Ник очнулся, не зная, сколько прошло времени и что так внезапно разбудило его. Лишь одно он понял сразу, не успев даже открыть глаза, — что Нэнси рядом нет...

Глава 25

Он вскинул голову и прислушался. Ни звука, ни шороха... но что-то же разбудило его?! Нэнси?..

Подумал: «Наверное, она к себе спать пошла», — и тут, в тускло-сером свете, пробивавшемся из окна, увидел вмятинку на соседней подушке...

Быстро пошарил рукой под одеялом — простыня была еще теплой. Значит, она спала здесь — а потом ушла... Куда? К себе в спальню? Почему?

Ник вскочил с постели и снова прислушался. Тишина...

Он сделал пару шагов к двери, но, еще не войдя в соседнюю комнату, уже каким-то непостижимым образом понял, что Нэнси нет и там. Нетронутое покрывало... открытый шкаф...

«Стивен Корм... — пронеслось в голове. — Стивен Корм!» Почему именно это имя сразу пришло в голову? Ну а куда она могла еще пойти?!

Наверное, они договорились, что стоит ему заснуть, и Нэнси...

Да нет, ну... она же обещала!

Ник и сам понимал, как глупо и по-детски это звучит. Руки тем временем выхватывали из шкафа первую попавшуюся одежду и

лихорадочно натягивали ее прямо на голое тело. Кое-как зашнуровав ботинки, он выскочил в холл, открыл дверь — и замер на пороге.

Вокруг простирался тускло-серый, лишенный красок и звуков мир.

Небо лишь начало светлеть. Уже в пяти ярдах едва ли можно было что-то различить, противоположный же край бассейна полностью терялся в тумане.

Ник спустился с крыльца и медленно пошел — сам не зная куда.

«Я не хочу оказаться в роли обманутой жены», — сказала Нэнси когда-то. А теперь он сам оказался в роли обманутого мужа...

Он дошел до бассейна и остановился у края, вглядываясь в затянутую дымкой темную воду.

...Порой, особенно в молодости, случалось, что он ухитрялся перепахнуться с чужой женой чуть ли не за спиной у ее мужа. И не задумывался о чувствах этого самого мужа — пусть проигравший плачет!..

Звук долетел неведомо откуда — еле слышный, почти призрачный. Смех? Стон?

Ник вскинул голову и замер, не дыша. Сердце неистово колотилось; гулкие ритмичные удары отдавались в голове, мешая прислушаться. Но звук раздался снова...

До сих пор в нем еще тлела робкая, почти безумная надежда, что причина отсутствия Нэнси другая: может, где-то залаяла собака... или близко к бунгалу подошли олени, она увидела их в окно и вышла посмотреть. Но теперь надежды не осталось — до ушей его донесся ясно различимый мужской смех.

А может, она таким образом решила «отплатить» ему за Алисию?!

Он пошел вдоль бассейна, ведомый скорее инстинктом, чем слухом. Звуки постепенно становились отчетливее — Ник еще не в силах был разобрать слова, но голос Нэнси узнал безошибочно. И второй голос — тоже...

Значит, то, как она перед сном хлопотала вокруг него, разула, наполнила ванну, — все это было притворством! Она просто заранее... замаливала грехи!

Ну что ж, он пройдет через это унижение, но увидит все своими глазами! Увидит — а потом скажет ей, что видел. И все равно отдаст деньги, которые ей причитаются, — бросит их ей в лицо.

Внутри все сжималось в тугой узел, так, что даже дышать было больно, но Ник упорно продвигался вперед.

Громада дома выросла впереди неожиданно — темным силуэтом в тумане. Гостевое бунгало — такое же, как их.

Он сделал еще несколько шагов...

Похоже, голоса доносились с террасы. Они что, прямо там устроились, на каменном полу? Глупо: ведь в лесу, на траве или на хвое, и то удобнее было бы!

Стараясь ступать бесшумно, Ник подошел вплотную к углу дома, присел на корточки, а потом сполз наземь, прислонившись спиной к стене. Теперь он мог различить каждое слово...

— Ты не поешь в фильмах...

— Не пою... Я и не говорю никому, что умею. Не хочу. Хотя это не хочу... на продажу. А ты их смотришь?

— Все.

— Туфта! И этот, «оскаровский», тоже туфта.

— Зачем ты так?

— Ну, я же могу оценить себя объективно. Они из меня фактуру сделали. Такой, понимаешь, мятущийся герой-одиночка со склонностью к истерике.

— Вот уж к чему ты меньше всего склонен — так это к истерике, — рассмеялась Нэнси.

— Я иногда думаю — плюнуть бы на все и уехать куда-нибудь, где меня никто не знает. На ранчо там или продавать какие-нибудь... подержанные автомобили!

— Брось, Стини! Ты бы через неделю без всего этого не выдержал... Уж я-то тебя знаю!

— Тоже верно. — В голосе Корма явственно послышался смех.

С первых же слов, которые Нику удалось различить, у него возникло ощущение неправильности, несообразности этого диалога. Так не разговаривают люди, которые познакомились всего несколько часов назад и встретились, чтобы по-быстрому трахнуться и разбежаться.

Стини?! И словно что-то щелкнуло, встал на место кусочек головоломки, делающий всю картину цельной.

Теперь он знал имя человека, которого Нэнси вспоминала с такой теплотой, который жил с ней, кормил ее картошкой с кетчупом, а потом перебрался в Голливуд и «пошел вверх», — того самого «друга» из Калифорнии, к которому она уехала...

— ...Но ты знаешь, иногда действительно все на свете надоедает. Хочется выйти, побродить по улице, в парке посидеть — и чтобы никто ко мне не лез, — продолжал жаловаться на нелегкую участь кинозвезды лауреат «Оскара». — Ни режиссеры-придурки, ни приятели, которые в

лицо улыбаются, а за спиной гадости говорят, ни все эти... постельные курочки, которым на самом деле все равно — кто я, какой я... Стивен Корм! Знаменитость! Никто из них даже имени моего настоящего не знает!

— Тебе этот псевдоним идет...

— Да... — тускло отозвался Корм. — В Нью-Йорке, когда я мечтал об этом, все виделось немножко по-другому.

— Знаешь, а я сегодня весь день вспоминала, как мы с тобой тогда жили. Самое лучшее время было. Мечтали... радовались... смеялись... Потом уже никогда так хорошо не было.

— Я до сих пор думаю иногда, что мне не нужно было уезжать. Одному, я имею в виду.

— Не надо, Стини. Я же не в упрек тебе... Все получилось так, как получилось... и я за тебя рада. Действительно рада.

Наступило молчание.

— Я так и не понял, зачем ты согласилась на этот идиотский контракт, — внезапно сказал Корм. — А главное, не понимаю, с какой стати он понадобился твоему этому... не знаю, как назвать, — мужу, не мужу.

— Ну... я же тебе говорила...

— Это он может тебе баки забивать. Я-то мужик, и в таких делах понимаю лучше, чем ты. С бабой расплеваться можно и без этих выкрутас — и не думаю, чтобы у него опыта в подобных делах не было. Нет. И ревнует он тебя по-черному. Ты не видела, как он смотрел сегодня, когда увидел нас вместе. Когда он... прихромал. Думал — придушит сейчас...

— Не надо, он же не виноват, что у него ноги болят, — попыталась возразить Нэнси.

— Не нравится мне это все, — не обратил внимания Корм. — Непонятно как-то и... в общем, не нравится. Завязывай ты с этим делом, Нэнси.

— Мне еще девятнадцать дней осталось...

— Тебе так нужны деньги? Ну хочешь, я тебе их дам, столько, сколько надо?! Что ты мотаешь головой?! Сколько он тебе посулил? Я сегодня, сейчас могу чек выписать — только уходи от него! Ты же сама на себя не похожа! У тебя глаза... как у побитой собаки. Опять хочешь попасть в психушку? Мало тебе одного раза?!

— Не бойся, Стини.

— Я боюсь! Я как раз очень даже боюсь!

— Не бойся, в этот раз я... буду беречься. Мне нельзя, у меня Дарра, — непонятно объяснила Нэнси — и, помолчав, вдруг добавила тоненьким жалобным голоском: — Он все-таки спал с Алисией — ты знаешь?

— Так ты из-за этого такая?

— Я все время представляю их вместе. Как он ее обнимает и... как они смеются... и... Я не могу...

— Не реви, не смей реветь, слышишь! Я же не умею утешать! — В голосе Корма прозвучала чуть ли не паника.

Но было уже поздно. Сквозь захлебывающиеся рыдания с трудом удавалось различить отдельные реплики:

— Он нанял меня... Понимаешь, нанял... Нанял, как шлюху, на то время, пока ее нет, пока она... в Европе. Она вернется через три недели... и... и все, чек в зубы и пошла вон... Понимаешь?!

— Ну что ты... Не надо! Ну перестань... — повторял Корм. — Ну не надо, ну услышать же могут. На вот тебе платок! Ну...

Всхлипывания становились все тише. Потом Нэнси, судя по звуку, высморкалась и хрипло сказала:

— Спасибо. — Шмыгнула носом. — Извини...

— Ничего.

Снова ненадолго стало тихо.

— Ну, и что ты теперь будешь делать? — спросил наконец Корм.

— Ничего. Получу деньги и уеду.

— Куда?

— Не знаю. Сама об этом все время думаю. В Денвере мне оставаться нельзя — там... все знают, что я его жена.

— Хочешь — приезжай ко мне.

— Зачем?

— Будешь жить у меня... Помогать мне готовить роли — у тебя это хорошо получалось. Захочешь — будешь спать со мной, не захочешь — не надо. Если тебе нужен... статус, я могу на тебе жениться... Чего ты смеешься — я буду неплохим мужем. Всех этих кинокуриц я уже в гробу видал! Ну что ты смеешься, правда?! — Актер явно обиделся.

— Ох! — Нэнси действительно рассмеялась, хриплым невеселым смехом. — Самое романтическое предложение, которое я когда-либо получала! Хорошо хоть про деньги не начал. Может, еще скажешь, для разнообразия, что любишь меня?

— Нет... не буду врать. — Корм говорил очень серьезно. — Наверное, я просто по натуре... не романтик. Но ты самый близкий мне человек — пожалуй, единственный близкий мне человек. И... я был бы рад.

— Спасибо, Стини. — Нэнси перестала смеяться. — Спасибо.

— Ну так что — согласна?

— Не знаю...

— Нэнси, да что с тобой?! — взорвался Корм. — Ты же мечтала стать режиссером, мы с тобой говорили об этом часами! А сейчас у тебя есть реальный шанс, а ты: «Не знаю... не знаю...» Что ты с собой сделала?! Ты же была чертовски талантлива — уж я-то знаю! Ведь та самая роль, на которой я поднялся, — мальчишка этот, жиголо, — она и получилась, потому что я делал так, как ты мне посоветовала! И я помню, как ты меня готовила для той кинопробы! Я все помню: и как ты первая сказала — поезжай! — и в аэропорту тогда... Любая другая женщина бы плакала, а ты смеялась и радовалась — за меня и вместе со мной.

— Я потом поплакала... дома.

— Нэнси, да что с тобой?..

— Знаешь, я все это время нет-нет да и думала: может, он просто не знает, где я, поэтому ни разу не позвонил, не написал. Хотела даже написать ему... А оказывается — все он знал. Просто — не хотел меня, с самого начала — не хотел!

— Только не начинай снова плакать, пожалуйста...

— Не буду... Я иногда думаю: а может, во мне просто есть какой-то дефект... и меня вообще нельзя любить?.. Видишь, даже Дарра... Я ее кормила, гуляла с ней в любую погоду, сидела с ней ночами, выхаживала, когда она ногу сломала... А теперь она ему хвостом виляет, а на меня даже не смотрит. Глупо, да?

— Глупо. И все, что ты говоришь, глупо. «Дефект»... «нельзя любить»! Ну не повезло тебе, мужик сволочью оказался — так плюнь на него, перешагни — и иди дальше! А ты на всем этом зациклилась... даже побоялась сказать ему, что мы с тобой знакомы!

— Я не побоялась. Просто не хочу, чтобы об этом узнала Алисия.

— Вот-вот! Ты губишь себе жизнь из-за старой бабы, которой давно уже нет до тебя никакого дела! Или ты что — думаешь, она и ко мне явится?!

— Я Нику тоже когда-то говорила, что он ее увидит — и попрется за ней, как телок на веревочке. Он смеялся, не верил... А теперь она на всех углах трубит, что они вот-вот поженятся, демонстрирует какой-то шикарный браслет с бриллиантами, который он ей подарил...

— Да опомнись ты! Ей же уже под пятьдесят, она вот-вот вообще в тираж выйдет!

— Она от силы на тридцать пять выглядит...

— Ну и что? Думаешь, тут таких мало?! Как бы они не штукатурились, от них все равно уже... мертвечиной несет! И если твой мудака таким идиотом оказался, что на старуху польстился...

— Не надо о нем так... Она... действительно... — Нэнси снова всхлипнула.

— Не надо о нем так?! А как я еще могу говорить о человеке, который уже черт-те сколько времени сидит и нас подслушивает?! Даже нос высунуть боится!

Глава 26

Продолжать прятаться было просто глупо. Ник попытался встать, но нога затекла от неудобной позы, и он медленно, с трудом, поднялся, цепляясь за столбик террасы.

И посмотрел на них.

Нэнси, наклонившись вперед и держась за перила, испуганно уставилась на него, на лице же Стивена Корма читалось такое откровенное презрение, словно он специально репетировал это выражение перед зеркалом. Рука его по-хозяйски расположилась на плече у Нэнси — это заставило Ника окончательно потерять голову.

— Убери от нее руки, слышишь, ты! — взревел он. — А ты — иди домой, поговорим потом! — перевел он взгляд на Нэнси.

— Никуда она не пойдет! — процедил сквозь зубы Корм и для верности прихватил ее за локоть. — И нечего тут орать!

Но Ник продолжал смотреть на Нэнси, пока она не сделала маленький шагок в сторону — так, что рука актера соскользнула с ее рукава. Еще шаг... еще... спустилась с крыльца и остановилась, не сводя с него глаз.

Вслед за ней спустился и Корм. Встал рядом — но хоть не тянул к ней больше рук.

— Иди домой! — повторил Ник.

Да, он многое хотел ей сказать — начиная с того, что именно она поставила его в эту идиотскую, нелепую, унижительную ситуацию, заставив подозревать ее черт знает в чем! И какое право она имела рассказывать постороннему человеку о контракте, об их отношениях, об Алисии и рассказывать искаженно, подло, лживо! Сейчас он ей выскажет все, что думает на эту тему, все, чего не мог сказать прежде, слушая это вранье!!!

Но прежде — пусть этот актеришка немедленно убираться к чертовой матери!

— А ты — проваливай отсюда! — Кулаки сами сжались.

— Еще чего не хватало! — вскинул голову Корм. — Тут не твое

поместье! Или ты что — и его купил уже?! Да, конечно, ты у нас богатенький, все купить можешь... И ее, да?! — кивнул он в сторону Нэнси.

Краем глаза Ник заметил, что последняя фраза Нэнси очень не понравилась — она резко взглянула на Корма и отступила от него на пару шагов, оказавшись рядом с бассейном.

— Она моя жена!

В тот момент, когда он услышал, как актер улещает Нэнси, суля ей исполнение всех ее мечтаний, — что-то перевернулось в его душе. Казалось бы, нужно только радоваться: его бывшая жена, с которой он именно сегодня собирается расстаться, будет не одна. И не с каким-нибудь неудачником, которому нужны только ее деньги: Корм известный актер, и к ней явно не ровно дышит (что бы он там ни говорил про «не романтика по натуре»).

Но здравый смысл тут был ни при чем. Его чахлые ростки даже не успели проклюнуться — все заглушила одна-единственная, простая и примитивная, заставшая глаза багровой пеленой ярости мысль: «Как он смеет?! Она — моя! Моя жена!»

— Сволочь! — Очевидно не найдя иных аргументов, Корм решил прибегнуть к прямым оскорблениям.

— Что?!

— То самое! Тебе мамочка никогда в детстве не говорила, — голос актера стал тоненьким и противным, — что подслушивать чужие разговоры — это ха-амство?!

— А пошел ты! — Жест Ника едва ли можно было повторить в приличном обществе.

— Так вот — раз уж ты подслушивал, — перестал ерничать Корм, — для тебя, наверное, не будет новостью, что я предложил Нэнси выйти за меня замуж?!

— Ты... — начал Ник и быстро взглянул на Нэнси, которая молча стояла на краю бассейна. Лицо ее кривилось в странной гримасе — казалось, она вот-вот то ли рассмеется, то ли разрыдается.

Встретившись с ним взглядом, она сделала неловкий шаг, пошатнулась... Ник бросился вперед в попытке подхватить ее, но Стивен Корм оказался быстрее — от мощного рывка за плечо Нэнси впечаталась всем телом в актера и забилась, пытаясь высвободиться из его объятий.

— Не тронь ее! — Ник дернул Нэнси к себе. Секунду они тянули ее, каждый в свою сторону, потом Ник попытался оттолкнуть Корма, тот лягнул в ответ — и оба опомнились, услышав взрыв дикого смеха.

— Неужели вы... — по лицу Нэнси текли слезы, рот растянулся в

безумной улыбке, — неужели вы оба не понимаете, как все это... смешно?!

Одним движением она высвободилась из их рук; растерянно, словно сама себе не веря, оглянулась на обоих — и снова расхохоталась. Замотала головой, будто пытаюсь еще что-то сказать, — и бросилась бежать по дорожке, огибающей бассейн.

— Стой, — заорал Корм. — Стой! — Рванулся за ней, но было уже поздно. Нэнси свернула в сторону, исчезла за кустами, раздался еще один взрыв рыдающего сумасшедшего хохота — и наступила тишина. — Сволочь! — обернулся к Нику актер. — Довел-таки, мать твою!

— Нечего хватать ее было! — Ник принял боксерскую стойку и, стоило актеру броситься вперед, нанес ему удар правой. «Авось попорчу морду!» — злорадно подумал он, на миг представив себе любимца публики с фингалом под глазом.

Как выяснилось, злорадствовать было рано. Проблема состояла в том, что Ник не слишком хорошо умел драться — Стивен же в этом явно неплохо разбирался. Удар пролетел мимо цели: актер ловко отклонился и в свою очередь, выбросив вперед ногу (танцовщик, мать его!), пнул Ника в самое святое для мужчины место.

Прикрыться Ник не успел. Ботинок прошел вскользь, но боль, жуткая и беспощадная, мгновенно пронзила его до кончиков пальцев. Он инстинктивно согнулся и от нового мощного удара, пришедшегося по голове, полетел в бассейн. Наверное, Ник ненадолго потерял сознание, потому что следующее, что он почувствовал, это как его дергают за волосы, пинают в ребра и истошный голос орет прямо в ухо:

— Держись! Да держись же, сволочь!

Лишь теперь он сообразил, что болтается в воде в объятиях Стивена Корма, который пытается привести его в чувство и заставить ухватиться за маячивший перед самым носом железный поручень.

— Ну держись же!

Ник послушно вцепился в поручень. Тут же последовало новое указание:

— Я сейчас вылезу — и потяну тебя. А ты сам тоже мешком не виси, мне одному не справиться!

Актер сноровисто вскарабкался наверх, и через секунду над краем бассейна показались его голова и руки. Ухватив Ника за плечи — точнее, за промокший насквозь свитер, — сказал:

— Давай, лезь!

К этому времени в голове у Ника уже прояснилось. Он попытался нащупать ногами ступеньки, не нашел, подтянулся на руках — и

обнаружил наконец опору для ног. Боль в паху немного утихла — наверное, холодная вода помогла.

— Лезь, лезь! — подбадривал Корм, продолжая тащить его вверх, пока Ник не перевалился животом через край бассейна. — Тяжеленный, сволочь! — Отпустил и сел, опираясь на руку и тяжело дыша.

— Каратист, твою мать! — не остался в долгу Ник, выползая наверх и распластываясь рядом с ним.

Пару минут они молчали, отдыхаясь. Наконец актер спросил:

— Ты что, вообще плавать не умеешь?

— Посмотрим, как ты поплывешь, когда тебе по яйцам врежут, — не поворачивая головы, огрызнулся Ник.

Его подташнивало, в желудке плескалась вода, а голова до сих пор гудела. Да и промокшая до нитки одежда заставила его по-новому оценить утреннюю «бодрящую» прохладу.

Но не это сейчас было главным. Теперь, когда от затуманившей разум ярости не осталось и следа, Ник чем дальше, тем отчетливее понимал, что если и есть кто-то, не считая самой Нэнси, кто может ответить на многие имевшиеся у него вопросы, — так это Стивен Корм.

Только как сделать, чтобы актер ответил на эти вопросы, а не развернулся и не ушел, смерив его напоследок еще одним презрительным взглядом?..

— Может, пошли... ик!.. в дом? — На Ника вдруг напала неудержимая икота. — ...Ик!.. обсохнем, — неуверенно предложил он.

Конечно, они только что подрались... но с другой стороны — вполне логично предложить своему спасителю обсохнуть и согреться...

— Сам встанешь? — поинтересовался Корм.

В бунгало Нэнси не было. Ник, на правах хозяина, предоставил Корму халат и предложил вызвать горничную, чтобы та просушила и отгладила промокшие и потерявшие всякий вид черные брюки и черную шелковую рубашу актера.

— Ага, — насмешливо отозвался тот. — Валяй, если хочешь завтра трехдюймовые заголовки в газетах... — Написал пальцем в воздухе, повторяя вслух: — «Ночь после "Оскара": Стивен Корм и Ник Райан — любовники или друзья?!» — а то и что-нибудь похлеще. Из меня эти папарацци пятый год гомика пытаются сделать — во где они у меня уже сидят, — чиркнул рукой по горлу и ушел в душевую.

К тому времени, как он вернулся, Ник успел переодеться, вытереть волосы и продумать, как лучше вести разговор, чтобы добиться желаемого.

Собственно, продумывать было особо нечего: с человеком, который ни в чем от него не зависел и не был особо заинтересован в его расположении, никакие хитрые подходы не помогли бы — оставалось только задать вопрос напрямую.

К счастью, Корм сам свернул в нужном направлении: слегка поколебавшись, спросил:

— А... Нэнси не пришла?

— Нет. Если через час не появится — пойду искать. Думаю, она где-то в лесу... «Плачет», — добавил про себя Ник. — Кофе?

— Да. Я позвоню, чтобы мне одежду привезли, — мой сотовый после купания сдох.

Разговаривал он довольно долго. Ник успел заварить кофе, найти в кухонном шкафчике коробку имбирного печенья и упаковку лимонных кексов, принести все это и еще шоколадки из собственных запасов — и, лишь когда он уселся в кресло, Корм отложил телефон.

— Через полчаса привезут.

Больше тянуть было нельзя — времени почти не оставалось, — и Ник спросил, прямо в лоб:

— Когда ты с Нэнси разговаривал, ты про психушку упомянул. «Опять туда захотела...» — и все такое. Она что — лежала в... клинике?

— Та-ак. — Актер отставил чашку. — Я думал, ты позже подошел. — В голосе его Ник снова почувствовал подутихшую было неприязнь.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Ник был уже уверен, что ответа не получит, как вдруг Корм кивнул:

— Да, Нэнси провела пять недель в клинике для нервнобольных. Здесь, в Голливуде...

— А...

— ...В подобных случаях это стандартная, рекомендуемая врачами процедура.

— В каких случаях?

— А ты что — не знаешь?

— Нет. Иначе бы не спрашивал.

— При неудачной попытке самоубийства, — отчеканил актер.

— Что?! — Ник не поверил своим ушам. Что он такое несет?! — Нэнси?!

— Да, Нэнси! По-моему, мы именно о ней до сих пор говорили — или ты уже совсем в своих бабах запутался?

Но Нику было сейчас не до язвительных реплик Корма и откровенной враждебности в его взгляде.

— Как это произошло?

Он понимал, что актер, скорее всего, говорит правду, но поверить до конца все еще не мог — так не вязались со всем обликом Нэнси эти страшные слова: «неудачная попытка самоубийства»...

— Она наглоталась снотворного. Таблеток двадцать, наверное, приняла. Потом говорила, что просто... заснуть пыталась, чтобы день быстрее прошел. Не знаю... Я нашел ее уже в отключке и вызвал врача. Своего, так что ни огласки, ни полиции не было. Но врач поставил условие: чтобы она провела некоторое время в клинике.

— Когда это произошло?

— Четыре года назад. Когда она приехала ко мне из Нью-Йорка, после того как ты ее на эту... старую швабру променял.

— Я ее ни на кого не менял! — вспыхнул Ник. — Она сама от меня ушла!

— Ага. После того как застала ее в твоей постели...

— Это она тебе сказала?

— Да. — Судя по тону актера, подвергать сомнению слова Нэнси он не собирался.

— А она тебе не сказала, каким я тогда был?! И что она слова мне не дала вымолвить: наорала, хлопнула дверью и была такова — этого она тебе тоже не сказала?! — Не сдержавшись, Ник грохнул кулаком по столу. — И что до сих пор меня слушать не желает — тоже не сказала?

Черт возьми, да сколько же это может продолжаться?! И почему он должен чувствовать себя виноватым, если не был ни в чем виноват?! И почему он действительно чувствует себя виноватым?!

— Так что, значит, все разговоры про тебя с Алисией — это все выдумка? — поинтересовался Корм.

— Да! — раздраженно бросил Ник. — То есть нет... в позапрошлом году я... черт бы побрал всех этих баб! Но и Нэнси тоже к тому времени... — он хотел сказать, что знает о ней все, в том числе и о мужчинах, с которыми она встречалась, — и передумал, — давно в Денвере жила!

— А тогда, четыре года назад?..

— А тогда, четыре года назад, Алисия приперлась ко мне в комнату — шампанского, понимаешь, захотелось ей на брудершафт выпить. И я не мог ее выставить — физически не мог... ну, ноги у меня не работали! Что же мне — на помощь звать было?! А через минуту вошла Нэнси и... и все. На этом моя семейная жизнь закончилась.

Он сам не понимал, почему распинается перед совершенно незнакомым человеком, — но мучительно хотелось хоть кому-то объяснить, каким

бредом с самого начала была вся эта история.

— Так почему же ты ей не позвонил?!

Ник не ожидал этого, заданного почти шепотом, вопроса.

— Когда?

— Тогда! Тогда, когда, как ты говоришь, она от тебя ушла! Когда она сидела и ждала твоего звонка!

— Потому что я не был ни в чем виноват! Я думал, что она поймет это и вернется, — а она взяла и уехала!

— Повоспитывать, значит, ее решил?

— Мне не за что было прощения просить!

Они уже не сидели — стояли по обе стороны стола, глядя друг другу в глаза. Корм говорил все так же тихо, но от ярости в его голосе, казалось, сам воздух вокруг них сейчас полыхнет пламенем.

— Не за что, говоришь? Она приехала — мне на нее смотреть страшно было! Серая, застывшая, плакала все время и на телефон смотрела, будто ждала, что он зазвонит вот-вот. Я ее пытался как-то разговорить, рассмешить — и видел, что она меня даже не слышит, а опять на этот чертов телефон уставилась. Говорила: «Я знаю, что он не позвонит... у него и номера-то твоего нет», и все равно... как наркоманка... Через неделю после ее приезда я вышел ночью в холл и увидел, что она там сидит. В темноте, в ночной рубашке — сидит и на телефон смотрит. Мне аж страшно стало. Я свет включил — только тут она словно очнулась. Заплакала и к себе в комнату убежала. Утром, перед уходом, я по всему дому телефоны попрятал, чтобы она их не видела. А вечером — нашел ее...

«Выходит, она не спала тогда с ним... — машинально удивился Ник — и тут же одернул себя: — Ну какое это имеет сейчас значение?!»

Раздавшийся в дверь стук он воспринял с облегчением.

— Это, наверное, уже твои вещи. — И лишь когда Корм пошел открывать, вспомнил, что это может быть и Нэнси.

Но это была не Нэнси. Через минуту актер вернулся с пухлой пластиковой сумкой, швырнул ее в кресло и снова уселся напротив.

— Ну что — вопросы еще есть? — усмехнулся он. «Шел бы ты уже...» — подумал Ник. Наверное, он мог бы сейчас спросить еще что-то о Нэнси и получить ответ — только зачем? Достаточно и того, что он успел услышать...

— Тогда я спрошу, раз уж у нас такой откровенный разговор пошел. Зачем тебе понадобился этот контракт?

— Потому что если бы я просто пришел к ней и сказал: давай попробуем начать все сначала, — она бы меня и слушать не стала.

Глава 27

Сначала она смеялась и никак не могла остановиться, пока не заболело все внутри. Потом заплакала — и тоже не могла, да и не хотела останавливаться. А потом просто лежала на хвое, бездумно глядя на проплывавшие над головой облака.

Никто из них так и не понял, насколько это было смешно и глупо! Две знаменитости, два, можно сказать, секс-символа Америки — и, словно ошалевшие кобели, сцепились из-за дворняжки! Алисии небось такое и не снилось...

Лишь когда солнце начало всерьез припекать, Нэнси поднялась и медленно пошла к видневшемуся вдалеке, за деревьями, бунгало.

Дверь оказалась не заперта. Сначала она даже подумала, что в доме никого нет, но в следующий момент Ник появился из спальни.

— Я уже хотел идти тебя искать, — сказал он холодно и безразлично.

— Я... — начала Нэнси, но он отмахнулся, перебив ее:

— Позвони горничной, чтобы собрала вещи. Или сама собери. Нам пора ехать, — развернулся и ушел обратно, захлопнув за собой дверь.

Больше он до самого самолета не сказал ей ни слова. И в самолете тоже — сидел и молча смотрел в окно.

После взлета она попыталась заговорить с ним — объяснить... извиниться за Стива и за все остальное. Дотронулась до его плеча — Ник отчужденно взглянул на ее руку и снова отвернулся к окну.

Раскрыть рот Нэнси так и не решилась. Через несколько минут Ник бросил в пространство:

— Я пошел спать, — отстегнул ремень и ушел в задний отсек.

На самом деле ей и самой жутко хотелось спать, и болела голова, как всегда после слез, и есть тоже хотелось — стыдно, конечно, думать о еде, когда кругом все так плохо, — но... хотелось.

Чуть подумав, Нэнси позвонила Модии и попросила принести чего-нибудь поесть. Стюардесса привезла обычный, обильно уставленный блюдами столик и была явно удивлена, что Ника нет в салоне. Даже покосилась пару раз на дверь спального отсека, словно ожидая, что он вот-вот выйдет, — но спросить ничего не решилась.

И слава богу, а то пришлось бы что-то придумывать... Не отвечать же правду: «Ник сердится, потому что он подрался из-за меня со Стивеном Кормом, а до того подслушал мой разговор с ним, и...»

Нэнси понимала что сейчас, пока есть время, нужно получше обдумать, что сказать Нику, когда он встанет... когда захочет с ней говорить. Ведь захочет же когда-нибудь! Но в оупевшей голове упорно крутились несущественные мелочи: что жалко оставлять половину омлета — ведь подогретый не такой вкусный; и жалко, что нет рядом Дарры — можно было бы хоть ей отдать; и хорошо, что Ник со Стивом всерьез не подрались... а интересно, как на самом деле дерутся мужчины? Она никогда не видела, только в кино...

С этими мыслями Нэнси и заснула, еле успев добраться до диванчика и свернуться там, укрывшись пледом.

Проснулась она от того, что ее потрясли за плечо. Услышала:

— Скоро подлетаем!

Открыла глаза, уставилась на Ника — и только через пару секунд вспомнила, что они в ссоре.

Увидев, что Нэнси очнулась, он кивнул, потянулся убрать с ее лица растрепавшиеся волосы и внезапно, словно обжегся, сердито отдернул руку. Отошел, сел, уставился в окно. Спросил не оборачиваясь:

— Кофе будешь — или сказать Моды, чтобы убирала?

На столе опять была выставлена еда.

— Буду, а ты?

— Я уже.

Всем своим видом он демонстрировал полное нежелание разговаривать с ней.

Спать Нэнси уже не хотелось, и в голове стало куда яснее. Она умылась и причесалась, одновременно обдумывая и «про себя» репетируя извинительную речь: «Ник, я не думала, что так получится... Мы со Стивеном давно знакомы, и мне хотелось с ним поговорить. Не сердись, что я тебе сразу не сказала...» Понятно, что звучит это на редкость глупо и неубедительно. Но что-то же сказать надо!

Наконец, решившись, она глубоко вдохнула и дотронулась до его руки.

— Ник, я...

Ник обернулся и смерил ее хмурым взглядом.

— Тебе обязательно говорить это сейчас? Мне нужно кое о чем подумать — не отвлекай меня.

Они долетели, и вышли из самолета (вокруг все было покрыто снегом, сверкавшим так, что стало больно глазам, — да, это не Калифорния!), и сели в прибывший «мерседес» — а Ник все молчал. Лишь, подъезжая к вилле, сказал:

— Когда отдохнешь, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет — нам надо

поговорить.

И только тут Нэнси впервые стало по-настоящему страшно...

Он едва успел вынуть из сейфа и наскоро просмотреть все подготовленные бумаги, как мисс Эмбер доложила по селектору:

— Пришла миссис Райан.

Нэнси вошла в кабинет, придерживая за ошейник рвущуюся вперед собаку. Еще рывок — и она осталась стоять, потирая руку, а рыжее мохнатое тело устремилось к нему.

— Извини, она сидела тут под дверью, — быстро сказала Нэнси. — Дарра, фу! Лежать!

Не обращая на нее внимания, собака полезла лапами на подлокотник. Ник вспомнил горестное: «Она ему хвостом виляет, а на меня даже не смотрит...»

— Фу! Ступай! — рявкнул он.

Собака отскочила, продолжая глядеть на него и махать хвостом. В глазах Нэнси тоже промелькнуло удивление, брови сдвинулись.

— Она только хотела поздороваться...

Дотянуться бы, разгладить пальцем эту складочку между бровями, сказать: «Ну что ты сердишься, дурашка?! Я же для тебя, чтобы ты не обижалась!..»

Но он сдержался. Разговор был уже продуман — десятки раз. Кивнул Нэнси на стул напротив и, когда она послушно села, спросил последнее, чего не знал, что так и не успел спросить за все это время:

— Я несколько месяцев назад случайно встретил Данвуда, и он мне сказал... Ты... правда хотела тогда ребенка?

Несколько секунд Нэнси молча смотрела на него, словно пытаясь сообразить — о чем это он?! Потом Ник увидел, как глаза ее постепенно наполняются слезами, но, когда она заговорила, голос звучал почти нормально — лишь слегка надтреснуто:

— Ты все время сердился. И непонятно на что... Иногда мы сидим, разговариваем, вроде все хорошо — и вдруг у тебя в глазах что-то такое мелькает... что спрятаться хочется. И главное, непонятно почему! Вслух ты ничего не говорил... но я же видела... Как будто я тебя уже тем, что я есть, раздражаю. И ты никогда мне ничего хорошего не говорил — ничего... Понимаешь, ладно ты ни разу не сказал мне, что любишь меня — ну... действительно не любил, что делать... но мог бы сказать хоть: «Ты мне нравишься, Нэнси», или там... «Я рад, что ты со мной», или «Ты нужна мне»...

Чтобы я не чувствовала так сильно, что навязалась тебе. Но я все думала, что, может...

Нэнси всхлипнула, и Ник испугался, что сейчас она заплачет, но она только вытерла слезы каким-то незнакомым упрямым жестом.

— А потом ты накричал на меня... что я за тебя из-за денег вышла. И я поняла, что ничего хорошего уже не получится...

— Но я же извинился тогда! — не выдержал он.

— Нет, Ник, — покачала она головой. — Ты просто сказал, что не должен был говорить этого вслух...

Ну какое это имеет значение, что именно он сказал, — главное, что он извинился, он же ясно помнит, что извинился, почти сразу! И они помирились и больше не вспоминали эту дурацкую историю!

— ...И я подумала, что если у нас будет ребенок, и, значит... ну... вроде как нормальная семья, может быть, ты перестанешь злиться. Ну... глупая была. Мне же тогда сколько было лет!

Она не сдержалась, снова всхлипнула, замотала головой — и вскинула ее сердито.

— Что сейчас говорить-то? Ты что, обязательно хочешь, чтобы я заплакала?

— Нет. — Ник и в самом деле меньше всего хотел ненужных слез. — Я хочу тебе сказать, что наш контракт окончен. Вот твои деньги. — Он достал и перебросил ей через стол заранее подписанный чек.

«У нас же еще девятнадцать дней!» В первую секунду слова Ника показались ей шуткой. Он же знает — впереди еще девятнадцать дней!

Но в следующий миг реальность обрушилась на Нэнси.

Из горла сразу исчез воздух, показалось — вокруг вода, холодная и не дающая вдохнуть или шевельнуться.

Она знала, что он может разорвать контракт в любой момент, но сжилась с этим — как люди обычно сживаются с мыслью о смерти. И даже то, что осталось девятнадцать дней, воспринимала как-то... теоретически. Просто как цифру.

И вот...

Нэнси покрепче вцепилась в гриву Дарры, словно ища в ней опору. Протянула руку, взяла чек. Машинально поискала глазами, куда его спрятать, но карманов не было — и, зажав его в руке, начала вставать. Нужно, наверное, что-то сказать — поблагодарить, попрощаться?..

— Подожди, сядь. Возможно, мы больше не увидимся. Я хочу тебе отдать все остальное тоже.

Что — остальное?..

Ник открыл лежавшую на столе папку и, перебирая и откладывая одну за другой находившиеся в ней бумаги, заговорил:

— Когда ты выходила за меня замуж, я обещал тебе решить все твои финансовые проблемы. Так вот — я хочу отчитаться. Прежде всего, дом, в котором живет твоя мать, принадлежит теперь тебе. Полностью. Она не имеет права ни заложить его, ни продать, ни изменить что-либо внутри без твоего письменного согласия. Или согласия твоего доверенного лица. В роли этого доверенного лица в настоящее время выступает один адвокат в Хьюстоне — тут есть его данные. Не знаю, интересно ли это тебе, но деньги, которые Алисия получила в качестве отступного, растратить она не может — они вложены таким образом, что ей доступны только проценты. Для того чтобы выкупить дом, я воспользовался теми деньгами, которые оставил тебе отец... точнее, частью их. Остальные же деньги на протяжении этих лет я вкладывал в дело, так что теперь у тебя на счете свыше двух миллионов долларов...

Нэнси пыталась понять, о чем он говорит. Два миллиона... Она — богата?

Слова еле долетали до ее сознания, то и дело превращаясь в бессмысленный шум, словно кто-то незаметно подкрался сзади и закрывал ей уши ладонями.

Сейчас Ник договорит — и ей больше нечего будет делать в этом кабинете. Надо будет встать, повернуться к нему спиной. И больше не видеть эти четко очерченные губы, и глаза — сгустки бирюзового пламени, и хмуро изогнутые брови, и маленький шрамик на подбородке...

— Ты меня слушаешь?! — Он вынул из папки и подтолкнул к Нэнси запечатанный парой скрепок пакетик. — Возьми, это тоже твое.

Только тут она опомнилась и вернулась в реальность. Взяла пакетик, попыталась рассмотреть, что внутри, — и замерла, даже сквозь несколько слоев отблескивающего полиэтилена узнав знакомую с детства вещь. Недоуменно взглянула на Ника...

— Это твой браслет, — пояснил он. — Я забрал его у Алисии. Купил ей взамен другой — тот самый, которым она теперь всем хвастается, — усмехнулся. — На нем бриллианты крупнее.

Он захлопнул папку, щелкнул застежкой и протянул Нэнси.

— Возьми, тут все документы.

«Вот и все», — пронеслось в голове. Вот и все...

Теперь нужно взять папку, встать, повернуться и сделать первый, самый трудный шаг. И еще один... и еще...

Она прошла уже больше полпути, когда услышала сзади:

— Нэнси, не уходи... Пожалуйста, не уходи. Я люблю тебя... ..Я люблю тебя. Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты была со мной. Ты нужна мне...
— Каждое следующее слово давалось легче предыдущего.

Нэнси застыла на месте, и Ник неловко начал вылезать из-за стола, продолжая говорить, словно именно эти слова были той нитью, которая удерживала ее, не давая сделать следующий шаг.

— Я люблю тебя. Не уходи, пожалуйста, не уходи. Контракта больше нет — но ты все равно не уходи. Я люблю тебя. Я приехал сюда, в этот дурацкий Денвер, из-за тебя, чтобы быть с тобой. Я знаю, что виноват, что не позвонил тогда, — только ты, пожалуйста, не уходи...

Он шел к ней и боялся, что сейчас она опомнится и снова шагнет к двери. Разделявшие их несколько ярдов казались бесконечными.

— ...Я придумал этот контракт, потому что не знал, как сделать, чтобы ты ко мне вернулась. Я люблю тебя... Я думал — мы окажемся вместе, и все станет хорошо... само собой. Все получилось не то и не так, сразу как-то пошло наперекосяк... только ты, пожалуйста, не уходи...

Добрался, дошел, положил руки на плечи и развернул к себе. И взглянул в залитое слезами несчастное лицо. И повторил — еще раз:

— Я люблю тебя...

Глава 28

— Неужели я никогда не говорил тебе, что ты мне нравишься?!

— Ни разу.

— Ты мне ужасно нравишься. Я помню, я тебя встретил в первый раз, на кольце тогда, — и все представлял потом, какая ты... без одежды. Ну чего ты смеешься?! Дай за ушком поцелую!

Они лежали на постели в ее спальне, спрятавшись там от всего мира.

Нэнси все еще плакала, когда Ник увел ее туда, на ходу бросив мисс Эмбер: «Сегодня меня нет!» Плюхнулся на кровать не раздеваясь, притянул ее к себе и прикрыл сверху краем покрывала.

Сначала она всхлипывала, мотала головой, подвывала, пыталась остановиться — но не выдерживала и снова заливала рубашку слезами, судорожно цепляясь за него обеими руками и обнимая за шею. Потом — притихла, но продолжала цепляться. Потом — подняла голову и начала жалобно, неуверенно улыбаться. А Ник все шептал и шептал ей на ухо какую-то чушь: про вагон носовых платков, которые он закажет, чтобы хватило хоть на пару недель; и про то, что она не котенок, а упрямый глупый ослик — и как он раньше этого не понял?! — и как он повезет ее к себе на остров — у него есть собственный островок в Багамском архипелаге, и там пляж, и цветы, и дом с верандой и черепичной крышей — и собаку тоже возьмем, а как же, обязательно; и что они там будут вместе делать — не с собакой, а с самой Нэнси, конечно...

А она кивала, и улыбалась, и всхлипывала еще иногда... И неожиданно спросила:

— А почему ты мне раньше всего этого не говорил?

Ник опешил, не зная, что ответить, и ляпнул первое, что пришло в голову:

— Стеснялся...

Это прозвучало глупо — он сам понял, насколько глупо, но увидел, что Нэнси поверила, сразу, не задумываясь, — и рассмеялась. А потом снова заплакала...

Ему не хотелось отпускать ее даже на секунду, даже для того, чтобы раздеть и раздеться самому. Да и... если говорить честно, Ник не был уверен, что после бессонной ночи и после всего, что произошло за последние сутки, окажется «на высоте».

Им владело колоссальное чувство облегчения, настолько сильное, что не оставалось места ни для чего другого. Хотелось только одного: вот прямо сейчас рухнуть лицом в подушку и заснуть, как после тяжелой изнурительной работы. Но вместо этого, неожиданно для себя, он начал рассказывать Нэнси о своем пентхаусе в Нью-Йорке:

— ...Тебе понравится! Ты знаешь, какие у меня там полы? Мозаичные, и с подогревом снизу. Я это сам придумал, и эскиз тоже сделал сам. По такому полу очень приятно босиком ходить. И камни у меня там стоят — красиво, с подсветкой... — Он отключился на полуслове, даже не поняв, что засыпает...

Очнулся Ник так же внезапно. Вздрогнул, открыл глаза и понял, что

нарушил усвоенное с детства категорическое правило: не спать в одежде. Нэнси лежала рядом и смотрела на него внимательными светло-кариыми глазами.

— Ты чего — не спишь? — спросил он.

Она помотала головой.

— Я долго спал?

— Час... чуть больше. Я не хотела будить, а мне с собакой надо идти.

Энергичные хлопки хвостом по покрывалу, которые раздались при этих словах, подсказали Нику, кто так хорошо и уютно грел ему ноги, привалившись к ним лохматым боком.

Ну нет! Никуда он ее не отпустит!

Перекатившись на спину, Ник нашел в кармане телефон и позвонил Джеральду. Попросил, чтобы тот, во-первых, погулял с собакой (Нэнси при этих словах попыталась что-то возразить — пришлось зажать ей рот свободной рукой); а во-вторых, чтобы распорядился погрузить на сервировочный столик и привезти в спальню все, предназначалось им на ужин.

Только после этого он отпустил Нэнси.

— Ты чего?! — Она уставилась на него круглыми удивленными глазами.

— Лично я намерен до утра из этой комнаты не выходить. А ты, как хорошая жена, должна меня вдохновлять, заботиться обо мне — и не оставлять ни на минуту!

Встал, выпихнул в коридор упирающуюся собаку, вернувшись, растянулся на кровати.

— Ну вот! Теперь можешь меня вдохновлять!

— А как?! — Нэнси устроилась рядом «ящеркой», опираясь на локти.

— Ну... ты можешь меня раздеть, и сама тоже снять с себя все лишнее, — начал перечислять Ник. — Можешь сказать мне что-нибудь... приятное — а то я тебе стол всего наговорил, а ты мне ничего. Так что давай, говори — а я буду лежать и млеть!

— Да ну, Ник! Ты же и сам все знаешь!

— Знаю. Давай, говори! — Закрыл глаза и приготовился млеть.

— Ты мне очень понравился, с самого начала. Посмотрел — такой сердитый-сердитый, а я подумала, что у тебя потрясающе красивые глаза, — начала Нэнси, стаскивая с него галстук. — А потом я всегда радовалась, когда встречала тебя на кольце. — Расстегнула пару пуговиц на рубашке. — Для меня это примета была: если тебя увижу — поговорю с тобой, то весь день хорошо пойдет...

— Кстати, пока не забыл, — вспомнил Ник и открыл глаза. — Я вовсе не пожалел тогда, что сделал тебе предложение. Я жутко злился — думал, что сейчас ты откажешься, и я буду выглядеть полным идиотом, и все вместе получится очень противно и унижительно.

— Ты что?! — сказала она серьезно и удивленно. — Я бы тебе никогда не отказала. Ты мне тогда очень нравился.

— А сейчас? — усмехнулся он.

— Что — сейчас?

— Сейчас — нравлюсь?..

Нэнси молча, все так же серьезно кивнула, чуть пожав плечами, словно извиняясь перед ним за это.

— Тогда давай, говори дальше! — И снова закрыл глаза.

— Я очень не хотела в тебя влюбляться, потому что ты красивый...

Если бы Ник услышал подобные слова из уст другой женщины, то постарался бы пропустить их мимо ушей, чтобы не злиться лишний раз на всякую сентиментальную чепуху, — а тут лежал и чувствовал, что с лица не сходит идиотская довольная улыбка.

Подумать только — она не хотела в него влюбляться!..

Глава 29

Он никак не мог взять в толк, что нужно сидящей напротив него женщине.

— ...Это просто какой-то ужас — мне стыдно людям в глаза смотреть! Ну как ты мог со мной так поступить? И газеты, и Пэмми! Я из дома боюсь выйти!..

На этот раз Алисия изменила своему обыкновению предупреждать о визите звонком. Ник предполагал, что она еще в Европе, и в первый момент удивился, услышав голос мисс Эмбер: «Мистер Райан, приехала мисс Хэнсфорд. Она сейчас поднимается вверх». В деловитом голосе секретарши ему почудились некие вопросительно-тревожные интонации.

Захотелось рывкнуть в селектор: «Гоните ее к черту!» Ну в самом деле — что ей здесь надо?! Тем более именно сейчас!

Они с Нэнси пять дней как вернулись из Денвера.

Она понемногу обживалась в его пентхаусе: расставила по всему дому вкусно пахнущие лимоном и мятой свечи в пузатых стеклянных подсвечниках, спрашивала, что он хочет на ужин, а уходя с собакой, оставлял записку: «Мы с Даррой гуляем!», а вместо подписи смешную

рожицу. И радовалась, когда он приходил с работы, и засыпала рядом с ним в огромной, сделанной на заказ под его рост, кровати, и сегодня утром, когда зазвонил будильник, обняла его за шею, сонно пробормотала: «Моя бы воля — издала бы закон: чтобы все будильники собрать и в море скинуть...» — но потом все-таки встала, попила с ним за компанию кофе и поцеловала его перед уходом. Ник подозревал, что стоило ему выйти за дверь, как она тут же вернулась под теплое одеяло «досыпать».

И как раз сегодня вечером он хотел повезти ее к Бену — похвастаться; а третьего дня сидел в кабинете — и вдруг ни с того ни с сего, подумал, что надо покупать новый дом, побольше: ведь у него теперь семья!

И вот сейчас эта стерва, явившаяся так некстати, может все испортить!

Началось все с попреков.

Ник уже приготовился к обычному нудному монологу, который можно спокойно пропустить мимо ушей и прикидывал, как бы побыстрее ее спровадить.

Нэнси сейчас дома не было — она поехала в университет, выяснять что-то насчет своей будущей учебы, собиралась еще пробежаться по магазинам и вернуться часам к пяти — и, если бы удалось сделать так, чтобы она вообще не узнала о визите матери, это был бы оптимальный вариант!

И тут резанувшее внезапно уши истерическое: «Я не ожидала от тебя такого предательства!» заставило Ника с удивлением прислушаться.

Сначала он не понимал, в чем дело, — в его адрес сыпались какие-то нелепые обвинения: «Ты меня опозорил!.. Мне стыдно смотреть людям в глаза! Ну как ты мог?! Мне не захотели продлить кредит!..» Да какое он имеет отношение к ее кредиту?!

И лишь через минуту до него дошло: речь идет все о том же инциденте на балу в Чикаго, когда он вынужден был объяснить «тете Памеле», что не имеет ни малейшего намерения жениться на Алисии и, более того, женат на Нэнси, причем уже не первый год!

Миссис Бретиган, естественно, позаботилась, чтобы сенсационную новость узнал весь хьюстонский бомонд, плюс к этому заметки в светской хронике, где упоминалась «миссис Райан», — короче, Алисия с ее враньем оказалась в крайне неприятном, чтобы не сказать больше, положении — и обвиняла в этом его, Ника!

«Ну за что мне такая напасть!» — тоскливо подумал он.

А главное, нельзя, именно сейчас нельзя высказать ей то, что он о ней думает, и выгнать взащей, вместе со всеми ее упреками и обвинениями! С нее станется в ответ удариться в слезы, закатить истерику и устроить сцену

на публику в вестибюле. И если при этом она нос к носу столкнется с возвращающейся домой Нэнси... очень бы этого не хотелось!

Ник вспомнил холодные чужие глаза, отрешенное лицо, нарочито плавные движения... Неужели все опять начнется сначала?! Господи, только не это!

— Чего ты от меня хочешь? — перебил он излияния Алисии.

Пожалуй, придется придержать ее здесь, пока Нэнси не вернется домой, а потом потихоньку выпроводить, заткнув очередным чеком. А через пару дней позвонить в Хьюстон и предупредить, чтобы больше у него в офисе не появлялась — иначе не получит ни цента.

Алисия запнулась на полуслове и потупилась. Ник терпеливо ждал, понимая, что все это: и опущенные долу глаза, и пауза — всего лишь игра с целью посильнее привлечь его внимание.

Но подтяжку ей сделали неплохо — больше тридцати пяти в жизни не дашь... Внезапно ему стало неприятно при мысли о том, что когда-то он лежал с этой женщиной в одной постели, целовал ее — вспомнилось кормовское «мертвечиной несет!».

— Ты можешь загладить свою вину только одним способом, — наконец произнесла она, лукаво улыбнувшись. — Я тут подумала и пришла к выводу, что не против выйти за тебя замуж!

— Ты что — с ума сошла?! — вырвалось у него.

Алисия рассмеялась, закинув назад голову.

— Ник, я так и знала, что вначале ты это скажешь! Я понимаю, у тебя вечно эта твоя нудная работа — я не собираюсь тебе мешать. И вообще, буду жить в основном в Хьюстоне. Не беспокойся, я не стану придавать значения твоим... интрижкам. Но мне нужно сейчас как-то поддержать мою репутацию!

— Ты что — забыла, что я женат?! И женат, между прочим, на твоей дочери!

— Но Ники, неужели ты не понимаешь — тут нет ничего такого, что нельзя было бы решить с помощью хорошего адвоката! Не мне тебя учить! — В голосе ее послышалось легкое раздражение.

Не-ет! Ну это уж слишком!

Почему он должен сидеть тут и слушать весь этот бред?!

— Ты... ты будешь кофе пить?

— Да, спасибо...

Кажется, ее это обрадовало — до сих пор он ни разу не предлагал ей кофе.

— Сейчас я распоряжусь, чтобы тебе принесли. У меня тут... срочное

дело — посиди, подожди. — Ник схватил со стола папку, быстро вышел и, захлопнув дверь кабинета, подавил в себе инстинктивное желание привалиться к ней спиной. Хряснул кулаком по косяку. Какого черта она себе воображает! Дура ненормальная!

Поймав вопросительный взгляд мисс Эмбер, он глубоко вздохнул и попытался успокоиться. Кроме них, слава богу, в помещении никого не было. Посетители обычно ждали в соседней приемной, под надзором двух секретарш, — комната же мисс Эмбер, служившая последним рубежом обороны на пути к его кабинету, для посторонних была недоступна.

— Мисс Эмбер, пусть мисс Хэнсфорд принесут кофе и... что там она еще хочет.

Он потянул к себе телефон — позвонить Нэнси на сотовый, узнать, где она, и добавил:

— И пожалуйста, не упоминайте при Нэнси о... ее визите.

Подумал, что этого можно было и не говорить: мисс Эмбер никогда не болтала лишнего.

— Я думаю, миссис Райан уже в курсе, — после секундного колебания ответила секретарша.

Ник медленно положил трубку.

— Почему вы так решили?

— Дело в том, что мисс Хэнсфорд перед тем, как подняться наверх, устроила у нас в вестибюле некое... шоу с раздачей автографов и фотографиями для прессы.

— Откуда взялась пресса? И куда смотрела охрана, черт побери?!

Час от часу не легче!

— Репортеров мисс Хэнсфорд, как я поняла, привела с собой. Все выглядело вполне безобидно: она сфотографировалась на фоне фонтана в вестибюле, подписала несколько открыток и календариков...

— Ясно, а Нэнси... Нэнси тут при чем? — перебил Ник.

— За пару минут до того, как мисс Хэнсфорд вошла в приемную, я слышала, как поднимается ваш лифт, — кивнула секретарша на стену слева от себя. — Я обычно слышу, когда он поднимается.

Его личный лифт! Лифт, имеющий всего четыре кнопки: «Вестибюль», «Конференц-зал», «Кабинет» и «Апартаменты»... Да, никто, кроме Нэнси, им воспользоваться не мог.

Значит, она видела, как Алисия кривляется в вестибюле, как раздает автографы, — и после этого поднялась наверх. И...

— Мисс Эмбер, а больше лифт... не спускался? — быстро спросил Ник.

— Нет.

— Хорошо. Я скоро вернусь, — с этими словами он вышел в коридор, нащупывая в кармане мастер-ключ, открывающий любую дверь в этом здании — в том числе и дверь конференц-зала. Вернуться в кабинет, где сидела Алисия, он бы сейчас ни за что не согласился.

— Не бойся, девочка... Не бойся, моя маленькая... Никто тебя у меня не отнимет... Никто, слышишь?! Мы с тобой уедем — уедем туда, где нас никто не найдет... Сейчас я соберу вещи, и мы уедем — далеко-далеко!

Нэнси металась по комнате и бормотала это Дарре, которая бегала следом, заглядывая ей в глаза.

Нужно взять с собой папку — ту самую... и шкатулку из слоновой кости. В крайнем случае ее можно будет продать — за нее много дадут. Хотя нет, о чем речь — она же теперь богатая! Где папка? Куда он положил папку?! И шубку надо взять... обязательно... и ночник!

С того момента, как она увидела входящую в вестибюль Алисию, у нее осталось лишь одно желание: убежать, спрятаться, сделаться маленькой и незаметной, чтобы ее никто и никогда не смог найти. Их с Даррой....

— Не бойся, девочка... не бойся...

От этих слов Нэнси самой становилось легче: она не одна, ей есть кого защищать!

Ее немного подташнивало, и казалось, что в комнате невыносимо холодно и душно. Голова не работала, а нужно было сейчас сосредоточиться и собрать самое необходимое — всего один чемодан, больше не унести.

Как тогда, четыре года назад... Как тогда...

И выбранный чемодан — единственный, на котором не было инициалов «N. R.», — оказался тем самым, старым, чемоданом: с ним она ушла тогда от Ника. От этой мысли захотелось вдруг засмеяться.

История повторяется в виде фарса...

Она потащила чемодан в комнату — ту, которую за эти дни уже привыкла считать «своей», где на стенке висел в застекленной рамке их с Даррой карандашный портрет, сделанный год назад уличным художником, а у тахты — просто так, для красоты — стоял ее ночник. Не в спальне, а здесь.

Потому что в спальне был другой ночник, золотистый, памятный ей еще по прежним временам. Он переливался янтарным светом, и в этом свете глаза Ника казались совсем зелеными.

Движения Нэнси становились все медленнее...

Вместо того чтобы раскрыть чемодан и начать складывать туда вещи, она опустила его на пол, села на тахту и обхватила себя руками. Потом обняла втиснувшуюся на колени собаку.

— Не бойся, девочка...

На улице смеркалось, и, наверное, надо было зажечь свет, но она сидела, прижимая к себе Дарру, и не двигалась с места.

Ник сказал тогда: «Не уходи, пожалуйста, не уходи.». И еще: «Я люблю тебя...»

А позавчера принес огромный букет кремовых роз... Она удивилась — а он рассмеялся: «Я тут подумал, что никогда раньше не дарил тебе цветов, — пусть это будет за все прошлые разы!»

У них была общая спальня — огромная, с окном во всю стену и темно-красной резной деревянной панелью над изголовьем. И на тумбочке стоял светящийся янтарем ночник, и ночью, просыпаясь, Нэнси чувствовала на бедре тяжелую теплую руку...

Он придет часам к семи — сначала Дарра насторожит уши, сорвется с места и бросится к лифту, а потом и она сама услышит шорох раскрывающихся дверей.

И поэтому сейчас нужно сидеть и ждать. И вспоминать все самое хорошее, и сопротивляться мучительному, грызущему изнутри желанию спрятаться, уйти, уехать — скорее, пока не стало слишком поздно.

Наверное, Алисия уже поднялась к Нику. И сидит теперь у него.

Зачем она приехала?!

Нужно подождать. Он скоро придет.

Сегодня вечером они собирались поехать к Бену...

На спине у Ника, на пояснице, есть родинка — коричневая, небольшая и выпуклая, ее можно нащупать даже сквозь майку. А спина огромная, загорелая, с длинными упругими мышцами, к которым так приятно прижиматься щекой, гладить их, обводить пальцем... И он обычно смеется и говорит: «Что ты там шебуршишься и щекочешься? Иди сюда!» — и перетаскивает ее вперед.

Ник...

В тот момент, когда Дарра сорвалась с места и метнулась к двери, по затылку Нэнси снова пробежал неприятный холодок. А вдруг он придет не один? Вдруг — с ней?!

Она представила себе стук каблучков, фальшиво-радостное: «Где ты, моя глупышечка? Выходи, ну чего ты прячешься?!.»

Но шаги были — его. И встревоженное: «Нэнси?» — тоже его.

Прошло несколько секунд, и Дарра, страшно довольная — привела! — влетела в комнату, а следом появился и Ник. Остановился — темный большой силуэт на фоне освещенного дверного проема, — оперся ладонью о косяк и негромко настороженно спросил:

— Ты чего сидишь тут... в темноте?

Нэнси знала, что он на самом деле прекрасно понимает, почему она сидит тут в темноте. Ник многое про нее понимал — давно, с самого начала.

Он включил свет, шагнул вперед, пристально глядя ей в глаза, — и сказал, на этот раз по-честному:

— А я думал, ты уже вещи собираешь!

— Я и собирала... а потом перестала.

Собственный голос показался Нэнси хриплым и неестественным.

Ник шагнул еще ближе, оказавшись почти вплотную. Она обхватила его за талию, зацепившись пальцем за ремень, и уткнулась лбом в живот.

— Ну и правильно сделала... что перестала.

Живот у него был теплый, и рука, которая мигом оказалась у нее на затылке, тоже. И от этого тепла холодный колючий комок, застрявший внутри, начал стремительно таять.

— Ты уже совсем пришел? — подняв голову, спросила она.

— Нет. Побуду немножко с тобой — и пойду. У меня работы много.

Он опустил на тахту и, опираясь на локоть, потянув Нэнси к себе. Пристроил ее голову у себя на плече.

— Сегодня мы, наверное, у Бена заночуем, так что собаку возьмем с собой. Завтра суббота, и можно будет дольше поспать.

«Подольше... Для него небось "подольше" — это до семи», — подумала Нэнси и невольно улыбнулась.

И удивилась — что может улыбаться, словно ничего не произошло, словно не она совсем недавно в какой оцепенении стояла в углу вестибюля и смотрела, как Алисия позирует перед фотокамерой, как, сияя, раздает автографы...

— Ну что, согрелась? — Ник притянул ее еще ближе, накрыл полкой пиджака и прижал сверху. В получившейся норке было тепло, пахло им, а под щекой, совсем близко негромко и ровно постукивало его сердце.

И Нэнси не захотелось больше ничего спрашивать, выяснять, зачем приезжала Алисия, что говорила, когда уедет, — все показалось неважным, не из этого, «их», мира. Мира, где есть целая охапка кремовых роз, и янтарный свет ночника, и дом под черепичной крышей, куда они скоро поедут, и еще что-то хорошее, что будет завтра. А главное, есть тепло и

смех, и это сердце, бьющееся рядом.

[1] «Востоком» жители южных штатов США часто называют города, расположенные на побережье страны, в том числе Нью-Йорк и Вашингтон
(примеч. авт.)

[2] В США подарки на свадьбу часто дарят следующим образом: жених и невеста заранее приходят в какой-нибудь универмаг и выбирают вещи, которые они хотели бы получить в качестве подарков. Список этих вещей хранится в универмаге. После этого их друзья и знакомые могут заехать туда в удобное для себя время и оплатить тот или иной предмет.